ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

№ 5 ▪ 2023 ▪ Том 13

Главный редактор

Д.Х. ВАЛЕЕВ

(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Зам. главного редактора

М.В. ФЕТЮХИН

(Адвокатская палата Республики Татарстан, Россия)

Ответственный секретарь

М.Р. ЗАГИДУЛЛИН

(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Редакционный совет

С.Ф. АФАНАСЬЕВ (Саратовская государственная юридическая академия, Россия); Е.А. БОРИСОВА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); Е.В. ВЕРШИНИНА (Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия); Н.А. ГРОМОШИНА (Московский государственный юридический университет, Россия); О.В. ИСАЕНКОВА (Саратовская государственная юридическая академия, Россия); П.В. КРАШЕНИННИКОВ (Государственная Дума РФ, Россия); Е.В. КУДРЯВЦЕВА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); Д.Я. МАЛЕШИН (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); Л.А. НОВОСЕЛОВА (Суд по интеллектуальным правам, Россия); Е.И. НОСЫРЕВА (Воронежский государственный университет, Россия); Ю.А. ПОПОВА (Кубанский государственный университет, Россия); И.В. РЕШЕТНИКОВА (Председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, Россия); Т.В. САХНОВА (Сибирский федеральный университет, Россия); Ю.В. ТАЙ (Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия); Я. ТУРЛУКОВСКИ (Варшавский университет, Польша); В.М. ШЕРСТЮК (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); В.В. ЯРКОВ (Уральский государственный юридический университет, Россия)

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ема»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 649 18 06; www.civpro.org

Журнал «Вестник гражданского процесса» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук.

Редакционная коллегия

Н.С. БОЧАРОВА (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); В.Г. ГОЛУБЦОВ (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия); Д.Н. ГОРШУНОВ (Второй кассационный суд общей юрисдикции, Россия); В.Ю. ГУСЯКОВ (Севастопольский государственный университет, Россия); С.Л. ДЕГТЯРЕВ (Уральский государственный юридический университет, Россия); М.О. ДЬЯКОНОВА (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Россия); С.К. ЗАГАЙНОВА (Уральский государственный юридический университет, Россия); О.В. ЗАЙЦЕВ (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия); А.Н. КУЗБАГАРОВ (Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Россия); Е.Г. СТРЕЛЬЦОВА (Московский государственный юридический университет, Россия); А.Р. СУЛТАНОВ («Пепеляев Групп», Россия); Л.А. ТЕРЕХОВА (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия); Д.А. ТУМАНОВ (Московский государственный юридический университет, Россия); Р.В. ШАКИРЬЯНОВ (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия); М.З. ШВАРЦ (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); А.В. ЮДИН (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия)

Помощник главного редактора Н.Н. Маколкин
Выпускающий редактор О.В. Виноградова
Редактор английских текстов Н.И. Самойлова (Университет Эдинбурга, Шотландия); переводчик К.Р. Хабипова
Дизайн и верстка: ИП Резниченко А.С.
Интернет-поддержка: ИП Труфанов Е.А.
Отдел подписки: mvgp@mvgp.org

Журнал «Вестник гражданского процесса» выходит три раза в полугодие. «Вестник гражданского процесса» зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Рег. № ФС77-47144 от 03 ноября 2011 г.
ISSN 2226-0781 (Print) ISSN 2686-942X (Online)

Журнал «Вестник гражданского процесса» индексируется в Российском индексе национального цитирования (Россия), Ulrich's periodicals directory (Нью-Джерси, США), а также в RSCI Web of Science (Нью-Йорк, США).

Перепечатка материалов из журнала «Вестник гражданского процесса» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, не обязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

HERALD OF CIVIL PROCEDURE

No 5 ▪ 2023 ▪ Volume 13

Editor-in-Chief
VALEEV, D.Kh.
(Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
FETYUKHIN, M.V.
(Bar Association of the Republic of Tatarstan, Russia)

Executive Secretary
ZAGIDULLIN, M.R.
(Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

Editorial Council

AFANASIEV, S.F. (Saratov State Law Academy, Russia); BORISOVA, E.A. (Lomonosov Moscow State University, Russia); GROMOSHINA, N.A. (Kutafin Moscow State Law University, Russia); ISAENKOVA, O.V. (Saratov State Law Academy, Russia); KRASHENINNIKOV, P.V. (State Duma of the Russian Federation, Russia); KUDRYAVTSEVA, E.V. (Lomonosov Moscow State University, Russia); MALESHIN, D.Ya. (Saint Petersburg State University, Russia); NOVOSELOVA, L.A. (Intellectual Property Rights Court, Russia); NOSYREVA, E.I. (Voronezh State University, Russia); POPOVA, Yu.A. (Kuban State University, Russia); RESHETNIKOVA, I.V. (Retired Chairman of the Arbitration Court of the Urals District, Russia); SAKHNOVA, T.V. (Siberian Federal University, Russia); SHERSTYUK, V.M. (Lomonosov Moscow State University, Russia); TAI Yu.V. (Moscow State Institute of International Relations (University), Russia); TURLUKOVSKI Ya. (University of Warsaw, Poland); VERSHININA, E.V. (Moscow State Institute of International Relations (University), Russia); YARKOV, V.V. (Ural State Law University, Russia)

Editorial Board

BOCHAROVA, N.S. (Lomonosov Moscow State University, Russia); DEGTYAREV, S.L. (Ural State Law University, Russia); DIAKONOVA, M.O. (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Russia); GOLUBTZOV, V.G. (Perm State National Research University, Russia); GORSHUNOV, D.N. (Second Cassation Court of General Jurisdiction, Russia); GUSYAKOV, V.Yu. (Sevastopol State University, Russia); KUZBAGAROV, A.N. (Northwestern Branch of Russian State University of Justice, Russia); PAVLUSHINA, A.A. (Samara State Economic University, Russia); SCHWARTZ, M.Z. (Saint Petersburg State University, Russia); SHAKIRYANOV, R.V. (Kazan (Volga region) Federal University, Russia); STRELTSOVA, E.G. (Kutafin Moscow State Law University, Russia); SULTANOV, A.R. (Pepeliaev Group, Russia); TEREKHOVA, L.A. (Omsk State University by F.M. Dostoevsky, Russia); TUMANOV, D.A. (Moscow State Law University, Russia); YUDIN, A.V. (Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Russia); ZAGAINOVA, S.K. (Ural State Law University, Russia); ZAITSEV, O.V. (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Assistant to the Editor-in-Chief: Makolkin, N.N.
Managing Editor: Vinogradova, O.V.
English Text Editor: Samoilova, N.I. (University of Edinburgh, Scotland)
Translator: Khabipova K.R.
Design and Layout: Reznichenko, A.S.
Internet Support: Trufanov, E.A.
Subscription Department: mvgp@mvgp.org

Publisher: LLC «V. Em Publishing House»
119454, Moscow, Lobachevskogo st., 92, building 2.
Phone: +7 (495) 649 18 06; www.civpro.org

The journal «Herald of Civil Procedure» is indexed in the Russian national index of citing (Russia), Ulrich's periodicals directory (New Jersey, USA), and RSCI Web of Science (NY, USA).

The reprint of materials of the journal «Herald of Civil Procedure» is allowed only with the consent of the Publisher. Link to the source publication is obligatory. The Publisher or the Editor's office does not render information and consultations and does not inreaching in correspondence. Manuscripts are not returned. The Founder, the Publisher is not responsible for the content of advertisements and announcements.

The Civil Law Review Journal is included into the official governmental List of leading peer-reviewed scientific periodicals (Russia)

Opinions expressed in the contributions are those of the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they are affiliated with or this publication.

The journal «Herald of Civil Procedure» is published three times in a half of the year. «Herald of Civil Procedure» registered by the Federal service for supervision of legislation in mass communications and cultural heritage protection.
Reg. No. FS77-47144 from 03 November 2011

ISSN 2226-0781 (Print) ISSN 2686-942X (Online)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие читатели!

Представляю Вам пятый номер журнала «Вестник гражданского процесса» в 2023 г.

Выпуск журнала открывает работа доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, главного научного сотрудника Института государства и права Российской академии наук Андрея Владимировича Габова на тему «Разъяснение арбитражного решения». Автор последовательно рассматривает формирование института разъяснения решения суда в российском праве, его цели, текущее регулирование, правовые позиции КС РФ и ВС РФ. В статье исследуются вопросы формирования нормативных положений о разъяснении решения третейского суда (арбитражного решения), указываются недостатки существующего подхода к регулированию, сложившегося после проведения реформы третейского разбирательства в 2015 г., предлагаются направления и конкретные правовые решения по развитию регулирования.

Продолжает номер работа доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, заведующего сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, судьи в отставке Сергея Федоровича Афанасьева на тему «Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве и цивилистическом процессе: история и современность». В статье анализируются вопросы становления и применения институционно-пандектного подхода в цивилистическом материальном и процессуальном праве. В свете историко-правового метода обосновывается, что постепенное накопление большого объема специализированных казуистических знаний обусловило необходимость их системного структурирования и изложения посредством формальных нормативных документов, в том числе кодифицированного свойства.

В работе доктора юридических наук, судьи Арбитражного суда г. Москвы, главного научного сотрудника сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук Василия Андреевича Лаптева на тему «Участие прокурора в цивилистическом процессе в интересах публично-правовых образований» исследуются теоретические и практические проблемы участия прокурора в цивилистическом процессе. Выявляются сходства и различия в гражданском и арбитражном судопроизводствах по объему компетенции и порядку реализации правомочий прокурора. В работе также

предлагаются пути развития законодательства и судебной практики по вопросу участия прокурора в цивилистическом процессе.

Продолжает текущий выпуск журнала раздел «Гражданский процесс в комментариях», который включает в себя труд кандидата юридических наук, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», управляющего партнера Адвокатского бюро «Бартолиус» Юлия Валерьевича Тая и советника Адвокатского бюро «Бартолиус» Сергея Львовича Будылина на тему «Доказательственные презумпции. Варим кашу из топора: комментарий к постановлению КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П». В статье исследуются сущность и применение доказательственных презумпций, проанализировано постановление КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П. В исследовании авторы отмечают, что со времен римского права и до настоящего времени количество подобных идеальных конструкций только увеличивается, а с развитием научно-технического прогресса и интеллектуальной собственности многократно. Тем самым было справедливо подмечено, что презумпция действует независимо от усмотрения участников правоотношения.

Раздел «История гражданского процесса» открывает статья доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, профессора Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева, Заслуженного деятеля науки РФ Владимира Владимировича Яркова. Данная работа подготовлена к 100-летию со дня рождения профессора К.И. Комиссарова. В статье раскрыт вклад в развитие науки процессуального права одного из самых видных представителей Уральской школы гражданского процесса К.И. Комиссарова. Выделены несколько ключевых положений доктрины, в которых вклад ученого наиболее заметен и очевиден. Сделан акцент на сохраняющейся актуальности и значимости идей К.И. Комиссарова для современной науки гражданского процессуального права.

Продолжает раздел текст Гражданского процессуального кодекса БССР, который был принят Постановлением III сессии ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. и публикуется в редакции от 1 мая 1940 г.

В традиционном разделе «Иностранный гражданский процесс» представлен труд доктора юридических наук, профессора кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Елены Васильевны Кудрявцевой и кандидата юридических наук, доцента кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева Сергея Анатольевича Курочкина на тему «Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС». Статья посвящена одному из оснований отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) –

нарушению публичного порядка. Применительно к России отмечено, что при оценке арбитражных решений и последствий их исполнения под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства.

Следующим в данном выпуске журнала выступает раздел «Будущее гражданского процесса», в котором опубликован ряд работ. Открывает раздел статья старшего специалиста Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, магистранта юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Анны Гагиковны Мхитарян на тему «Возбуждение апелляционного производства для целей заключения мирового соглашения: постановка вопроса». В работе отмечается, что апелляционное производство направлено на устранение судебной ошибки, допущенной судом нижестоящей инстанции. Несмотря на очевидную направленность этого института на проверочную деятельность, в правоприменительной практике встречаются случаи подачи апелляционной жалобы единственно с целью заключения мирового соглашения. При этом намерение сторон заключить мировое соглашение не является основанием для возбуждения проверочного производства.

Продолжает раздел статья соискателя кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета Тагира Ильсуровича Метшина под названием «Тенденции рассмотрения споров, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере». В данной работе подчеркивается актуальность разграничения инвестиционных договоров с иными, которая отмечается и в исследованиях 2023 г. и прослеживается исходя из анализа конкретных судебных решений, на основе которых формируются тенденции в рассмотрении споров, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере.

Кроме того, в этом разделе публикуется статья аспиранта кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета Александра Владимировича Гаврюсова на тему «Последствия процессуального бездействия лиц, участвующих в цивилистическом процессе: подходы к правовому регулированию в России и Швеции». В работе исследуется проблема реакции суда на различные проявления процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, при рассмотрении гражданских дел в России и Швеции. Автором выявлены общие закономерности развития реакции суда на процессуальное бездействие сторон в процессе; такие общие закономерности выделены в четыре основные группы (общие процедурные нормы, нормы о преклюзиях, нормы о доказательственном значении процессуального бездействия и нормы об ответ-

ственности за виновное процессуальное бездействие); также выявлены сущностные особенности шведского процессуального права, которые, по мнению автора, скрыты в юридической технике, качество которой на фундаментальном уровне влияет на обеспеченность реализации права на судебную защиту.

Традиционный раздел «Судебная власть и практика» представлен трудом доктора юридических наук, директора Юридического института, профессора кафедры гражданского права и процесса Севастопольского государственного университета Владимира Николаевича Коваля на тему «Особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта в гражданском и арбитражном судопроизводстве». В статье исследуются особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Отмечаются факторы, влияющие на особенности рассмотрения указанной категории дел: наличие иностранного элемента в материальном правоотношении, из которого возник спор; правовая природа самого материального правоотношения (перевозка, буксировка, агентирование, страхование и т.д.); характер правонарушения (порча груза; причинение вреда здоровью пассажира; простой судна и непредставление груза для перевозки) и др. Разграничиваются внутригосударственный частный морской спор и международный частный морской спор.

В этом же разделе представлено исследование кандидата юридических наук, доцента кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия Марии Николаевны Зарубиной под названием «Судебная культура в цивилистическом процессе: постановка проблемы и перспективы трансформации». В настоящей статье автор обращается к теме судебной культуры в цивилистическом процессе как многогранной научной категории, нуждающейся в терминологической конкретизации и рационально-просветительском подходе.

Продолжает данный раздел работа представителей Казанского (Приволжского) федерального университета – доктора юридических наук, доцента кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета Марата Рашидовича Загидуллина и аспиранта кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета Айдара Альбертовича Фахрутдинова на тему «Актуальные проблемы несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций». В статье обоснована необходимость выделения процесса несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в отдельную категорию, рассмотрены некоторые юридические аспекты и особенности несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных предприятий, предусмотренные в § 3 гл. IX Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также проведен анализ проблем практического применения отдельных положений

вышеуказанного Закона, устанавливающих критерии отнесения юридических лиц к сельскохозяйственным организациям, признаков и особенностей процедур их банкротства.

Завершает выпуск традиционный раздел «*Personalia*», в котором отмечаются памятные события и даты, в этот раз это:

– 100 лет со дня рождения доктора юридических наук Кузьмы Ивановича Комиссарова;

– 100 лет со дня рождения доктора юридических наук Михаила Григорьевича Авдюкова;

– 90 лет со дня рождения Николая Трифоновича Арапова;

– 75 лет доктору юридических наук Евгении Александровне Трещевой.

С наилучшими пожеланиями,
главный редактор
Дамир Валеев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Разъяснение арбитражного решения
А.В. Габов
14

Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве
и цивилистическом процессе: история и современность
С.Ф. Афанасьев
49

Участие прокурора в цивилистическом процессе
в интересах публично-правовых образований
В.А. Лаптев
89

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В КОММЕНТАРИЯХ

Доказательственные презумпции. Варим кашу из топора:
комментарий к постановлению КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П
Ю.В. Тай, С.Л. Будылин
113

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

К 100-летию со дня рождения профессора К.И. Комиссарова
В.В. Ярков
145

Гражданский процессуальный кодекс БССР
168

ИНОСТРАННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании
и приведении в исполнение арбитражных решений
в странах ЕАЭС
Е.В. Кудрявцева, С.А. Курочкин
225

БУДУЩЕЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Возбуждение апелляционного производства
для целей заключения мирового соглашения: постановка вопроса
А.Г. Мхитарян
247

Тенденции рассмотрения споров, вытекающих
из инвестиционной деятельности в строительной сфере
Т.И. Метшин
259

Последствия процессуального бездействия лиц,
участвующих в цивилистическом процессе:
подходы к правовому регулированию в России и Швеции
А.В. Гаврюсов
273

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАКТИКА

Особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров
в сфере эксплуатации морского транспорта в гражданском
и арбитражном судопроизводстве
В.Н. Коваль
301

Судебная культура в цивилистическом процессе:
постановка проблемы и перспективы трансформации
М.Н. Зарубина
315

Актуальные проблемы несостоятельности (банкротства)
сельскохозяйственных организаций
М.Р. Загидуллин, А.А. Фахрутдинов
338

PERSONALIA

100 лет со дня рождения доктора юридических наук
Кузьмы Ивановича Комиссарова
352

100 лет со дня рождения доктора юридических наук
Михаила Григорьевича Авдюкова
354

90 лет со дня рождения
Николая Трифоновича Арапова
356

75 лет доктору юридических наук
Евгении Александровне Трещевой
358

TABLE OF CONTENTS

PROBLEMS OF CIVIL PROCEDURE

Clarification of an Arbitration Award
A.V. Gabov
15

Notes on the Institutional Pandect Approach
in Private Law and Civil Procedure: History and Modernity
S.F. Afanasyev
50

Participation of the Prosecutor in Civil Procedure
in the Interests of Public-Law Entities
V.A. Laptev
90

CIVIL PROCEDURE IN COMMENTS

Evidentiary Presumptions. Cooking Porridge from an Axe:
Commentary to the Resolution of the Constitutional Court
of the Russian Federation of 7 February 2023 No. 6-P
Yu.V. Tai, S.L. Budylin
114

HISTORY OF CIVIL PROCEDURE

To the 100th Anniversary of the Birth of Professor K.I. Komissarov
V.V. Yarkov
146

Civil Procedure Code
of the Belarusian Soviet Socialist Republic
168

FOREIGN CIVIL PROCEDURE

Violation of Public Order as a Basis for Refusal to Recognize and Enforce Arbitral Awards in the EAEU Countries
E.V. Kudryavtseva, S.A. Kurochkin
226

THE FUTURE OF CIVIL PROCEDURE

Initiation of Appeal Proceedings for the Purposes of a Settlement: Raising the Issue
A.G. Mkhitaryan
248

Trends in the Consideration of Disputes Arising from Investment Activities in the Construction Sector
T.I. Metshin
260

Consequences of Party's Failures to Act in Civil Procedure: Approaches to Legal Regulation in Russia and Sweden
A.V. Gavryusov
274

JUDICIAL AUTHORITY AND PRACTICE

Features of the Consideration of Cases on the Execution of Private Law Contracts in the Field of Marine Transport Operation in Civil and Arbitration Proceedings
V.N. Koval
302

Judicial Culture in Civil Procedure: Statement of the Problem and Prospects of Transformation
M.N. Zarubina
316

Topical Problems of Insolvency (Bankruptcy) of Agricultural Organizations
M.R. Zagidullin, A.A. Fakhrutdinov
339

PERSONALIA

100 Years from the Birth of Doctor of Legal Sciences
Kuzma Ivanovich Komissarov
352

100 Years from the Birth of Doctor of Legal Sciences
Mikhail Grigorievich Avdyukov
354

90 Years from the Birth
of Nikolay Trifonovich Arapov
356

75 Years Anniversary to Doctor of Legal Sciences
Evgenia Aleksandrovna Treshcheva
358

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

РАЗЪЯСНЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ

А.В. ГАБОВ,

член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, Почетный доктор
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права,
главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук,
научный руководитель Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, научный руководитель
юридического факультета Ульяновского государственного университета

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-14-48

Действующее законодательство о третейском разбирательстве (Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») предусматривает возможность разъяснения вынесенного решения третейского суда (арбитражного решения). Указанная возможность появилась уже в первых постсоветских актах, регулирующих третейское разбирательство. Ее наличие – важная процессуальная гарантия для участников третейского разбирательства, правовое средство, направленное на устранение недостатков решения (неясности, неполноты, противоречивости). Закрепление в 1990-х гг. этого института сблизило правила третейского разбирательства с общими правилами гражданского и арбитражного процессуального права, которые традиционно содержат институт разъяснения судебного решения. При этом действующие правовые нормы имеют определенные различия в регулировании разъяснения решения суда; важно отметить и то, что порядок разъяснения решения государственного суда существенно отличается от порядка разъяснения решения третейского суда (арбитражного решения). Автор в данной статье последовательно рассматривает формирование института разъяснения решения суда в отечественном праве, его цели, текущее регулирование, правовые позиции КС РФ и ВС РФ; исследуются вопросы формирования нормативных положений о разъяснении решения третейского суда (арбитражного решения), указываются недостатки существующего подхода к регулированию, сложившегося после проведения реформы третейского разбирательства в 2015 г., предлагаются направления и конкретные правовые решения по развитию регулирования.

Ключевые слова: решение суда; неясность решения суда; неполнота решения суда; противоречивость решения суда; разъяснение решения суда; самоконтроль; третейский суд; арбитраж; третейское разбирательство; решение третейского суда (арбитражное решение).

CLARIFICATION OF AN ARBITRATION AWARD

A.V. GABOV,

Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences,
Honorary Doctor, Dostoevsky Omsk State University, Acting Head, Sector of Civil
and Business Law, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Scientific Director, Law Institute, Belgorod State National Research University,
Scientific Director, Law Faculty, Ulyanovsk State University

The current legislation on arbitration proceedings (Federal Law of 29 December 2015 No. 382-FZ "On Arbitration in the Russian Federation") provides for the possibility of clarifying the rendered arbitral award. The possibility of clarifying the decision of the arbitration court (arbitral award) appeared already in the first post-Soviet acts regulating arbitration proceedings. The presence of such a possibility is an important procedural guarantee for participants in arbitration proceedings, a legal remedy aimed at eliminating the shortcomings of the decision (ambiguity, incompleteness, inconsistency). The consolidation of this institution in the 1990s brought the rules of arbitration closer to the general rules of civil and arbitration procedural law, which traditionally contain the institution of clarification of a court decision. At the same time, the current legal norms contain some differences in the regulation of clarification of a court decision; it is also important to note that the procedure of clarification of a state court decision differs significantly from the procedure of clarification of an arbitration court decision (arbitration award). The author in this article consistently considers the formation of the institution of clarification of a court decision in Russian law, its goals, current regulation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation; issues of the formation of regulations on clarification of a decision of an arbitration court (arbitral award) are consistently considered, shortcomings of the existing approach to regulation that have developed after the reform of arbitration in 2015 are indicated, directions and specific legal solutions for the development of regulation are proposed.

Keywords: court decision; ambiguity of the court decision; incompleteness of the court decision; inconsistency of the court decision; clarification of the court decision; self-control; arbitration court; arbitration; arbitration proceedings; decision of the arbitration court (arbitral award).

1. Институт разъяснения решения суда в отечественном праве

Принятие судебного акта приводит к возникновению прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. В связи с этим важно, чтобы текст судебного акта был определенным, не содержал ошибок и неясностей, которые могут как затруднить исполнение судебного акта (судебного решения или постановления проверочных инстанций), так и привести к нарушению прав и законных интересов упомянутых лиц иным образом. Одним из институтов для преодоления недостатков судебного акта является институт разъяснения судебного решения.

Возможность разъяснения решения суда появилась уже в первом советском гражданском процессуальном кодексе – ГПК РСФСР 1923 г.[1] (ст. 185); в соответствии с указанной статьей устанавливалось, что: а) разъяснение и толкование решений принадлежит суду, которым решено дело; б) подача просьб об истолковании решений никаким сроком не ограничена, если решение еще не приведено в исполнение или не утратило силу вследствие истечения давности[2]. Несмотря на краткость соответствующих положений, важно отметить принципиальный подход законодателя – *предоставление права разъяснения решения именно тому органу (суду), который это решение принял*.

Впоследствии положения о разъяснении решения суда попали в ГПК РСФСР 1964 г. (ст. 206, 354); причем в отличие от прежнего кодекса регулирование здесь было уже более развернутым:

– появилось указание на основания для разъяснения – *неясность решения суда* («в случае неясности решения суд, которым разрешено дело, вправе… разъяснить решение…»[3]); при этом с учетом разъяснений ВС СССР и ВС РСФСР можно говорить также об устранении через разъяснение решения суда такого его недостатка, как *неполнота*[4];

---

[1] СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

[2] В первоначальной редакции указывалось, что подача просьб об истолковании решений никаким сроком не ограничена, если решение еще не приведено в исполнение или не утратило силы вследствие истечения трехлетней давности.

[3] Отметим, что в специальных исследованиях советского периода также можно встретить утверждение о том, что институт разъяснения судебного решения призван преодолевать такой недостаток решения, как неясность (см.: *Губарь Т.Н.* Устранение судом недостатков в вынесенном им решении: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1974. С. 6, 13–14; *Зайцев И.М.* Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М.А. Викут. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. С. 45).

[4] В п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 26 сентября 1973 г. № 9 «О судебном решении» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 12) отмечено, что «суд не может под видом разъяснения изменить, хотя бы частично, существо решения, а должен только изложить его же *в более полной и ясной форме* [курсив наш. – *А.Г.*]»; в п. 15 постановления Пленума ВС СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 4) содержится такой фрагмент: «…*излагая более полно и ясно* те части решения, уяснение которых вызывает трудности… [курсив наш. – *А.Г.*]».

– появилось название процессуального акта, в который облекается разъяснение, – *определение суда*;

– были установлены границы полномочий суда при разъяснении – *разъяснение не должно было менять содержание решения* («…разъяснить решение, не изменяя его содержания»)[1];

– появилось указание на субъектов, имеющих право требовать разъяснения, и форму их обращения в суд – *лица, участвующие в деле, по их заявлению*[2];

– появилось указание на случай невозможности получения разъяснения решения суда (по существу, это правило еще и указывало на срок, когда разъяснение могло быть получено) – разъяснение решения суда допускалось, если оно еще не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение может быть принудительно исполнено;

– был установлен порядок рассмотрения заявления о разъяснении решения суда («…разрешается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте заседания, однако их неявка не является препятствием для рассмотрения вопроса о разъяснении решения»);

– были установлены дополнительные процессуальные гарантии для лиц, участвующих в деле, в виде указания на возможность оспаривания определения суда о разъяснении решения суда («на определение суда по вопросу о разъяснении решения может быть подана частная жалоба или принесен протест»);

– ст. 354 ГПК РСФСР отдельно указывала на возможность разъяснения решения, подлежащего исполнению, – в случае *неясности решения*, подлежащего исполнению, судебный исполнитель был вправе просить суд, которым разрешено дело, о разъяснении решения по правилам, установленным ст. 206 ГПК.

В действующем ГПК РФ, принятом в 2002 г.[3], вопросы разъяснения решения суда были первоначально сосредоточены в одной и довольно краткой по содер-

---

[1] В п. 15 постановления Пленума ВС СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» соответствующие положения разъяснены следующим образом: «...суд не вправе изменить его содержание и не может касаться вопросов, которые не отражены в судебном решении».

В отдельных источниках соответствующие ограничения формулировались с использованием несколько иных слов – отмечалось, что при разъяснении решения суда «его основа не должна затрагиваться, существо вынесенного акта не может быть изменено» (см.: *Зайцев И.М.* Указ. соч. С. 70).

[2] В соответствии с п. 10 постановления Пленума ВС СССР от 11 октября 1965 г. № 8 «О практике применения судами процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел», а позднее п. 15 постановления Пленума ВС СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» круг субъектов был указан следующим образом: лица, участвующие в деле, прокурор, судебный исполнитель, органы исполнения, по своей инициативе.

[3] До принятия ГПК РФ законодатель обратился к вопросам разъяснения судебного акта в ст. 17 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» (СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591 (в настоящее время утратил силу)). Подход, реализованный в указанной норме, может быть описан следующим образом:

– статья регулировала вопросы разъяснения как судебного акта или акта иного органа, подлежащего исполнению, так и самого исполнительного документа. Особо обратим внимание на

жанию ст. 202[1]. Определенные изменения в части расположения нормативного материала, посвященного вопросам разъяснения решения суда, мы видим только в 2018 г.[2], когда в ст. 202 ГПК РФ осталась только ее первая часть, а порядок разъяснения был перенесен в новую статью – ст. 203.1 ГПК РФ, которая объединила одновременно порядок рассмотрения вопросов и исправления описок и явных арифметических ошибок, и отсрочки или рассрочки исполнения решения суда, и изменения способа и порядка его исполнения, и индексации присужденных денежных сумм. При этом претерпел изменения и сам порядок разъяснения решения суда: появился нормативный срок для рассмотрения заявления – 10 дней со дня поступления заявления в суд; по общему правилу теперь разъяснение решения суда осуществляется без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле; определение о разъяснении решения суда высылается лицам, участвующим в деле, в течение трех дней со дня его вынесения.

Возможность разъяснения решения закреплена и в арбитражном процессуальном законодательстве[3]; несмотря на более короткую историю арбитражных процессуальных кодексов (с 1992 г.) по сравнению с гражданскими процессу-

использование в тексте нормы слов «судебный акт», а не «судебное решение», что, вне всякого сомнения, представляется верным подходом;

– основание для обращения – неясность требований, содержащихся в исполнительном документе. Таким образом, законодатель обусловил (что понятно исходя из целей регулирования) возможность получения разъяснения судебного акта или акта иного органа, подлежащего исполнению, *не дефектами самого такого акта, а неясностью выданного на основании этого акта документа (исполнительного документа)*; отдельно был урегулирован вопрос о возможности обратиться за разъяснением документа, который в силу закона является исполнительным документом (к примеру, судебного приказа);

– в качестве лица, которое могло обратиться за разъяснением, был определен судебный пристав-исполнитель;

– статья устанавливала обязанность суда или другого органа, выдавшего исполнительный документ, рассмотреть заявление судебного пристава-исполнителя в 10-дневный срок со дня его поступления и при необходимости дать разъяснение. Таким образом, представление разъяснения было правом суда или иного органа, тогда как рассмотрение заявления было обязанностью.

[1] Отметим, что в ГПК РФ есть еще одна статья, касающаяся разъяснения решения суда – иностранного, – на случай, если у суда при решении вопроса о принудительном исполнении возникнут сомнения (ст. 411); в этой ситуации суд может запросить у лица, возбудившего ходатайство о принудительном исполнении решения иностранного суда, объяснение, а также опросить должника по существу ходатайства и в случае необходимости затребовать разъяснение иностранного суда, принявшего решение. Однако данный институт касается только разъяснения иностранного суда, но не суда российского, вынесшего решение.

[2] После принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523).

[3] Отметим, что в советский период нормативные правовые акты содержали положения о разъяснении решений государственных арбитражей (к примеру, см. п. 106 постановления Госарбитража СССР от 30 декабря 1976 г. № 136 «Об утверждении Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами» (Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1977. № 4)).

альными кодексами, развитие регулирования здесь весьма схоже: первоначально, в АПК РФ 1992 г.[1] (ст. 115), лишь коротко фиксировалось, что судья по заявлению стороны вправе разъяснить решение (в форме определения, на которое может быть подана кассационная жалоба и принесен протест), не изменяя при этом его содержание; положения АПК РФ 1995 г.[2] (ст. 139) уже ближе к той модели разъяснения решения, которая использовалась в гражданском процессуальном законодательстве; положения действующего АПК РФ 2002 г.[3] (ст. 179) еще более близки по содержанию в части разъяснения решения суда с положениями ГПК РФ, хотя между двумя кодексами имеются определенные различия.

Институт разъяснения решения суда закреплен в КАС РФ (ст. 185), причем модель разъяснения здесь схожа с той, которая была закреплена в ГПК РФ до изменений 2018 г. Сходства и имеющиеся различия в регулировании разъяснения решения суда в трех процессуальных кодексах[4] – ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ можно увидеть в Таблице 1.

---

1 Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.

2 СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

3 СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

4 Отметим, что институт разъяснения решения суда отсутствует в УПК РФ; в этом Кодексе имеется ст. 397 («Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора»), которая устанавливает, что вопросы, связанные с исполнением приговора, в частности «о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора», рассматривает суд; как видно, здесь вопросы разъяснения возникают и решаются уже в стадии исполнения приговора.

Кодекс РФ об административных правонарушениях представляет среднюю между подходом УПК РФ и подходами трех названных кодексов – ГПК, АПК и КАС РФ модель: ст. 3.14 КоАП указывает, что в случае *неясности способа и порядка исполнения постановления по делу об административном правонарушении* орган, должностное лицо, приводящие указанное постановление в исполнение, а также лицо, в отношении которого оно было вынесено, вправе обратиться в суд, орган или к должностному лицу, вынесшим постановление, с заявлением о разъяснении способа и порядка его исполнения; т.е. разъяснения решения суда (постановления иного органа) просить можно, но только применительно к его исполнению.

Некоторых комментариев заслуживает модель разъяснения решения КС РФ. Изначально (ст. 52 Закона РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-I «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017) законом предусматривалась возможность официального толкования (самим указанным судом как по ходатайству, так и по собственной инициативе) любого решения этого органа в форме отдельного документа с обязанностью «истолковать свое решение в соответствии с его действительным содержанием» и указанием, что при толковании суд не может придавать решению «смысл, который не мог подразумеваться в момент постановления решения». В действующем законе (Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447) понятие «толкование» не используется, а говорится о «разъяснении решения» (ст. 83). Первоначальная редакция этой статьи предусматривала возможность разъяснения любого решения КС РФ, однако после изменений, внесенных в 2020 г. (Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // СЗ. 2020. № 46. Ст. 7196), допускается разъяснение только постановления и заключения, а вот определение КС РФ разъяснению не подлежит.

Таблица 1. Сходства и различия в регулировании вопросов разъяснения решения суда в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ

	ГПК РФ (ст. 202, 203.1)	**АПК РФ (ст. 179)**	**КАС РФ (ст. 185)**
Объект разъяснения	Решение суда	Решение суда	Решение суда
Основание для обращения	Неясность решения суда	Неясность решения суда	Неясность решения суда
Субъекты, имеющие право просить разъяснить решение	1) лица, участвующие в деле; 2) судебный пристав-исполнитель	1) лица, участвующие в деле; 2) судебный пристав-исполнитель; 3) другие исполняющие решение арбитражного суда органы, организации	Лица, участвующие в деле
Ограничения суда для дачи разъяснения	Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено	Разъяснение решения допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение может быть принудительно исполнено	Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено
Форма разъяснения	Определение суда	Определение суда	Определение суда
Требования к содержанию разъяснения	Не может изменять содержание решения	Не может изменять содержание решения	Не может изменять содержание решения
Порядок разъяснения	Вопросы разъяснения решения суда рассматриваются им в 10-дневный срок со дня поступления заявления в суд *без проведения судебного заседания* и без извещения лиц, участвующих в деле. В случае необходимости суд может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, известив их о времени и месте его проведения[1]	Вопросы разъяснения решения рассматриваются в 10-дневный срок со дня поступления заявления в суд *без проведения судебного заседания* и без извещения лиц, участвующих в деле, и других лиц	Заявление о разъяснении решения суда *рассматривается в судебном заседании*. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к рассмотрению и разрешению заявления о разъяснении решения суда

[1] Отметим также, что ст. 244.19 ГПК РФ указывает на особенности направления копии определения суда о разъяснении решения суда по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа: такое определение направляется лицам, участвующим в деле, но не присутствовавшим в судебном заседании, и центральному органу (в настоящее время функции этого органа выполняет Министерство просвещения РФ (постановление Правительства РФ от 19 декабря 2018 г. № 1586 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 52. Ст. 8305)) не позднее дня, следующего за днем вынесения соответствующего определения.

Из приведенных в таблице данных хорошо видно: при наличии общей «генетики» института разъяснения решения суда для каждого из трех кодексов, в них имеются объективно необъяснимые различия.

Для понимания целей, существа этого института важно рассмотреть правовые позиции КС РФ и ВС РФ.

Соответствующие правовые позиции можно свести к следующим основным выводам:

– законодательные нормы о разъяснении решения суда *признаются дополнительной гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле* (определения КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 818-О[1], от 19 июля 2016 г. № 1659-О[2], от 25 октября 2018 г. № 2656-О[3], от 20 июля 2021 г. № 1637-О[4], от 28 апреля 2022 г. № 985-О[5], от 28 июня 2022 г. № 1620-О[6], от 27 декабря 2022 г. № 3291-О[7] и др.); они *призваны обеспечить реализацию права каждого на судебную защиту, правильное рассмотрение и разрешение дела* (определения КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 818-О, от 19 июля 2016 г. № 1659-О, от 28 апреля 2022 г. № 985-О);

– разъяснена может быть любая часть решения суда, в частности неоднократно *подчеркивается право лица подать заявление о разъяснении мотивировочной части решения суда* (определения КС РФ от 19 июня 2007 г. № 457-О-О[8], от 17 ноября 2011 г. № 1518-О-О[9]);

---

1 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пшеничникова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 12, частями первой и третьей статьи 202, частью первой статьи 224 и статьей 335 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

2 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карташева Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

3 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мкртчяна Армана Суриковича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

4 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фурсова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 35, статьей 36 и частью 1 статьи 185 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

5 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кадыровой Гюльзар Абдулкадыр кызы на нарушение ее конституционных прав статьей 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

6 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фурсова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

7 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гойдина Николая Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 198 и статьей 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также о неисполнении ряда постановлений Конституционного Суда Российской Федерации».

8 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корнеева Василия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 202 и 366 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

9 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Величковского Леонида Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

– целью разъяснения называется *устранение недостатков, которые препятствуют исполнению судебных постановлений*, а именно *их неясности, противоречивости и нечеткости* (определения КС РФ от 20 июня 2006 г. № 253-О[1], от 21 октября 2008 г. № 654-О-О[2], от 15 июля 2010 г. № 988-О-О[3], от 26 октября 2021 г. № 2244-О[4]); отметим, что в отдельных актах обозначается следующая цель: обеспечение полноты, ясности и непротиворечивости судебного решения (определение КС РФ от 31 марта 2022 г. № 659-О[5]); говоря иначе, перечень устраняемых недостатков – это *неполнота, неясность, противоречивость, нечеткость*;

– наличие указанной цели – устранить препятствия к исполнению судебного решения – обосновывает вывод о том, что *если решение суда исполнено, разъяснения его не требуется* (определение КС РФ от 21 октября 2008 г. № 654-О-О); КС РФ также указывает относительно невозможности разъяснения исполненного решения следующее: «временные пределы реализации права на разъяснение судебного решения носят объективный характер, поскольку с наступлением указанных событий (в частности, приведение решения суда в исполнение) *необходимость разъяснения такого решения суда утрачивает свою значимость*» (определения КС РФ от 19 декабря 2017 г. № 3066-О[6], от 24 апреля 2018 г. № 1092-О[7]);

– устранение недостатков судебного решения путем его разъяснения судом *не может быть направлено на изменение правоотношений, установленных соответствующим решением, поскольку это требует изменения содержания само-*

---

[1] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергеева Олега Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[2] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матевосяна Рудольфа Тельмановича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[3] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Галаниной Елены Валерьевны на нарушение ее конституционных прав разделом III Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[4] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кужель Любови Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[5] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «АЛДИ» на нарушение его конституционных прав положениями статей 1252, 1281 и 1363 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 170 и 179 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 32 Федерального закона «Об исполнительном производстве»».

[6] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыбченчука Анатолия Александровича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 185 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

[7] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Короткого Юрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью 2 статьи 64, частями 1 и 2 статьи 185 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также статьями 39–45 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации».

го судебного решения (определение КС РФ от 20 июня 2006 г. № 253-О[1]). Соответствующую позицию неоднократно высказывал ВС РФ, в частности в п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» отмечается, что *суд не может под видом разъяснения изменить, хотя бы частично, существо решения*, а должен только изложить его же в более *полной и ясной форме*[2]; аналогичные выводы см. и в п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утв. Президиумом ВС РФ 22 июля 2020 г. В отдельных актах ВС РФ также отмечается, что суд не может под видом разъяснения решения рассмотреть вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства (определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28 марта 2017 г. № 18-КГ17-22).

Указанные правовые позиции – о *недопустимости изменения правоотношений, установленных решением суда*, *недопустимости изменения существа решения*, *недопустимости разрешения вопросов, которые не были предметом судебного разбирательства*, – это интерпретация положений процессуальных кодексов о недопустимости изменения содержания решения, довольно точно (и, следовало бы отметить, отчасти более релевантно, чем нормы процессуальных кодексов о недопустимости изменения содержания решения) отражающая цели института разъяснения решения суда.

В практике судов есть различные оценки недопустимых попыток разъяснения решения суда (вернее, аргументации заявителей относительно того, в чем, с их точки зрения, состоит неясность решения). Так, в определении ВС РФ от 6 июня 2003 г. № 58-Г03-13 дана следующая оценка заявления о разъяснении: «*в нем фактически высказано несогласие с решением краевого суда и ставится вопрос о внесении в него изменений*»; в другом акте, определении ВС РФ от 16 июня 2003 г. № 49-Г03-41, указано: «как следует из заявления К., *он приводит доводы, на основании которых считает состоявшееся решение незаконным и необоснованным, что не относится к компетенции суда при разъяснении решения* и устранении ошибок». По существу, можно сказать, что выводы судов сводятся к тому, что под «содержанием решения», которое нельзя изменять разъяснением, следует понимать недостатки (включая предполагаемые противоречия) аргументации суда; отсутствует определенность в том, насколько разъяснение может затрагивать изложение фактических обстоятельств, установленных судом, и здесь вопрос

---

[1] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергеева Олега Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[2] Ссылки на указанное разъяснение используются и при формулировании правовых позиций КС РФ (см., к примеру, определение КС РФ от 17 июля 2012 г. № 1310-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Трушенева Александра Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»).

в части не только изменения прав и обязанностей сторон, установленных решением суда, но и возможности создания преюдиции;

– *разъяснение – право суда*; при этом КС РФ неоднократно подчеркивал, что соответствующие положения закона не предполагают произвольного отказа в разъяснении, однако *относят к прерогативе суда оценку неясности как требующей или не требующей разъяснения*, о чем вполне четко высказался КС РФ в определении от 21 ноября 2022 г. № 3183-О[1]: установление того, «является ли указанная в заявлении неясность решения реальной и требующей разъяснения или же мнимой, – *исключительная прерогатива суда, которая вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и служит проявлением его дискреционных полномочий*. Гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в данном случае является их право подать частную жалобу на определение суда о разъяснении решения суда или об отказе в разъяснении решения суда…».

Суммируя выводы из правовых позиций КС РФ и ВС РФ, можно сказать, что основная цель института разъяснения решения суда – это *устранение недостатков такого решения – неполноты, неясности, противоречивости, нечеткости*. При этом хорошо заметно, что само это устранение недостатков обусловливается необходимостью обеспечить исполнимость решения суда.

В современной (строго говоря, и в советское время этому институту не уделялось большого внимания) юридической науке институт разъяснения решения суда подробного освещения не получил, тем не менее отметим некоторые положения.

Разъяснение решения суда рассматривают как пример толкования, причем *аутентичного* (еще используется слово «аутентического») и *казуального судебного толкования*[2]. Такой (общетеоретического характера) вывод объясняет и еще один подход к пониманию института разъяснения решения суда – как вида самоконтроля (т.е. контроля самого суда за своими действиями или самоконтрольного полномочия)[3], способа устранения судебной ошибки. Также распространен взгляд на разъяснение решения суда как на *способ обеспечения исполнимости*

---

[1] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Набиева Рашада Гасан оглы на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 185 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

[2] См.: *Минникес И.А.* Казуальное толкование: проблемы теории и практики // Академический юридический журнал. 2016. № 1. С. 4–11; *Пирмаев Е.В.* Виды судебного толкования // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5 (https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-sudebnogo-tolkovaniya).

[3] См.: *Ефимова В.В.* Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9; *Терехова Л.А.* Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 21–22; *Зайцева Ю.А.* Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011; *Она же.* Самоконтроль суда первой инстанции: монография. М.: Юрлитинформ, 2016 и др.

судебного акта[1]; в этой части хорошо заметно, что выводы научных исследований совпадают с выводами высших судебных инстанций о том, что целью разъяснения решения является устранение недостатков, которые препятствуют исполнению судебных постановлений[2].

Выявленные цели института разъяснения решения суда приводят к важности учета его отличий от институтов *исправления описок и явных арифметических ошибок* и *дополнительного решения суда*.

Все три указанных института, очевидно, имеют сходство цели – устранить недостатки судебного решения (причем иногда одни и те же, как можно понять из правовых позиций КС РФ[3]), однако ясны и различия: исправление описок и явных арифметических ошибок и дополнительное решение – это *случаи устранения явных ошибок*, допущенных судом (потому суду в отличие от случая разъяснения дается право их исправить по собственной инициативе); если такие ошибки выявлены, для их исправления используется либо тот, либо другой институт, разъяснением решения суда эти ошибки поправить нельзя.

Говоря иначе, наличие таких ошибок исключает использование института разъяснения решения суда (о целях трех институтов см. Таблицу 2).

---

1 См.: *Невский И.А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции в контексте задач гражданского судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 25; *Щербакова Л.Г., Пименова Е.Н.* Способы обеспечения исполнимости постановлений в гражданском и арбитражном процессе // Вестник СГЮА. 2013. № 1(90). С. 101; *Титова Г.М.* К вопросу исполнимости судебного акта // Сибирское юридическое обозрение. 2013. № 2(21). С. 78 и ряд др.

2 Исследователи обращают внимание на право обратиться за разъяснением судебного решения именно на стадии исполнения; так, Г.М. Титова пишет: «на стадии осуществления принудительного исполнения воспользоваться правом на обращение в суд с заявлением о разъяснении решения суда судебного пристава-исполнителя, как правило, вынуждают нечеткие, расплывчатые формулировки резолютивной части судебных решений, переносимых в исполнительный лист, невозможность получения из текста решения суда информации о конкретных нарушениях, которые подлежат устранению, или о действиях, которые обязан совершить должник, в том числе по причине неполного исследования фактических обстоятельств по существу, когда суды ограничиваются установлением формальных условий применения нормы права» (см.: *Титова Г.М.* Указ. соч. С. 78).

3 К примеру, КС РФ (см. определения от 27 февраля 2018 г. № 516-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афраиловича на нарушение его конституционных прав рядом норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и от 26 марта 2020 г. № 671-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Черкуновой Натальи Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 201 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации») указывает, что *институт дополнительного решения направлен на устранение такого недостатка судебного решения, как неполнота*.

Таблица 2. Цели институтов разъяснения решения суда, исправления ошибок и дополнительного решения в ГПК РФ[1]

	Разъяснение решения (ст. 202)	**Исправление описок и явных арифметических ошибок в решении суда (ст. 200)**	**Дополнительное решение суда (ст. 201)**
Цель	Устранение неясности решения (реально с учетом правовых позиций высших судов: неясности, неполноты, противоречивости, нечеткости)	Исправление допущенных в решении суда описок или явных арифметических ошибок[2]	Устранение неполноты решения. Дополнительное решение может быть вынесено, если: 1) по какому-либо требованию, по которому лица, участвующие в деле, представляли доказательства и давали объяснения, не было принято решение суда; 2) суд, разрешив вопрос о праве, не указал размер присужденной суммы, имущество, подлежащее передаче, или действия, которые обязан совершить ответчик; 3) судом не разрешен вопрос о судебных расходах

При обращении за разъяснением решения суда недостаток судебного решения не столь очевиден, возможно, никаких недостатков нет вообще, именно поэтому вопрос разъяснения оставляется на усмотрение самого суда (если бы была установлена обязанность, как это предлагается некоторыми авторами[3], могла бы возникнуть ситуация, когда судье при отсутствии оснований для разъяснения приходилось бы всякий раз давать ответ, что разъяснять в решении нечего) и именно поэтому здесь нет инициативы самого суда (в части разъяснения) – если лицу что-то неясно, оно обращается за таким разъяснением.

Таким образом, разъяснение решения суда – это *способ устранения неявных недостатков решения*, своего рода «запасной» институт; именно поэтому так обще урегулированы его цели; и это, конечно, создает значительную неопреде-

[1] Положения АПК РФ и КАС РФ в части исправления допущенных в решении суда описок или явных арифметических ошибок и дополнительного решения схожи.

[2] Согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19 апреля 2021 г. № 6-КГ21-1-К2 «по смыслу статьи 200 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, под описками (опечатками) понимаются искажения, допущенные при написании отдельных слов, выражений, имен и фамилий участников конкретного процесса, наименований юридических лиц и т.п. К описке (опечатке) нельзя отнести ошибки правового характера, которые подлежат устранению в ином процессуальном порядке – путем апелляционного, кассационного обжалования судебного постановления».

[3] См.: *Невский И.А.* Указ. соч. С. 25; *Щербакова Л.Г., Пименова Е.Н.* Указ. соч. С. 101.

ленность в части возможного «перехода» тех границ, которые установлены для разъясняющего лица (суда).

Еще один институт, рассмотрение которого важно для уяснения сущности института разъяснения решения суда, – *разъяснение исполнительного документа*.

Соответствующие положения содержатся в ГПК РФ (ст. 433), КАС РФ (ст. 185, 355) и Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[1] (далее – Закон об исполнительном производстве); в АПК РФ данный институт отсутствует[2].

Таблица 3. Нормы
о разъяснении исполнительного документа

	ГПК РФ (ст. 433)	**Закон об исполнительном производстве (ст. 32)**	**КАС РФ (ст. 355)**
Объект разъяснения	Исполнительный документ	Исполнительный документ	Исполнительный документ
Основание для обращения	Неясность требования, содержащегося в исполнительном документе, или неясность способа и порядка его исполнения	Неясность требования, содержащегося в исполнительном документе, или неясность способа и порядка его исполнения	Неясность положений исполнительного документа, способа и порядка его исполнения

[1] СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Отметим также, что ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590) указывает на право судебного пристава-исполнителя в случае неясности положений исполнительного документа, способа и порядка его исполнения обратиться в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ, с заявлением о разъяснении способа и порядка его исполнения.

[2] На что обращалось внимание в специальных исследованиях (см.: *Новиков Д.В.* Разъяснение судебного решения и требований исполнительного документа // Исполнительное право. 2014. № 3. С. 30–32).

Разъяснения судебной практики показывают, что частично этот недостаток «поглощается» за счет субъектного состава лиц, имеющих право по ст. 179 АПК РФ обращаться за разъяснением решения суда (см. Таблицу 1 выше в тексте); к примеру, п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1) содержит следующее разъяснение: «после возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель в случае неясности исполнительного документа вправе обратиться в суд, принявший судебный акт, на основании которого выдан этот исполнительный документ, с заявлением о его разъяснении (часть 1 статьи 433 ГПК РФ, часть 1 статьи 355 КАС РФ, *применительно к части 1 статьи 179 АПК РФ*, статья 32 Закона об исполнительном производстве) [курсив наш. – *А.Г.*]».

Органы (лица), в которые необходимо обращаться	Суд, принявший судебный акт[1]	1) суд, выдавший исполнительный документ; 2) другой орган (кроме суда), выдавший исполнительный документ; 3) должностное лицо, выдавшее исполнительный документ	Суд, принявший судебный акт
Субъекты, имеющие право просить разъяснения	1) взыскатель; 2) должник; 2) судебный пристав-исполнитель	1) взыскатель; 1) должник; 2) судебный пристав-исполнитель	1) взыскатель; 1) должник; 2) судебный пристав-исполнитель
Форма обращения	Заявление о разъяснении исполнительного документа, способа и порядка его исполнения	Заявление о разъяснении положений исполнительного документа, способа и порядка его исполнения	Заявление о разъяснении исполнительного документа, способа и порядка его исполнения
Форма разъяснения	Специально не определена. Фактически – определение	Специально не определена. Если разъясняет суд – определение, если иной орган (лицо) – в соответствии с установленной для решений такого органа (лица) формой	Определение суда (в соответствии со ст. 185 КАС РФ)
Требования к содержанию	В процессуальном законе не установлены	В тексте закона не установлены	В процессуальном законе не установлены
Особенности порядка разъяснения	1) заявление *рассматривается в судебном заседании* в 10-дневный срок со дня поступления заявления в суд; 2) заявление о разъяснении исполнительного документа, содержащего требование о возвращении незаконно перемещенного в Российскую	Вопросы разъяснения решения рассматриваются в 10-дневный срок со дня поступления заявления в суд *без проведения судебного заседания* и без извещения лиц, участвующих в деле, и других лиц	Заявление *рассматривается в судебном заседании* в 10-дневный срок со дня поступления указанного заявления в суд в порядке, установленном ст. 185 КАС РФ

[1] В разъяснениях ВС РФ подчеркивается, что «исполнительный лист должен быть выдан тем судом, которым в результате рассмотрения спора по существу было вынесено судебное постановление, являющееся основанием для выдачи исполнительного листа. Поэтому если судом апелляционной инстанции изменено решение мирового судьи или вынесено новое решение, то исполнительный лист должен быть выдан судом апелляционной инстанции» (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2005 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3). Соответственно, к этому суду и необходимо обращаться за разъяснением.

	Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации, рассматривается в судебном заседании в пятидневный срок со дня поступления заявления в суд		

Анализ приведенных положений показывает следующее:

– большое сходство в регулировании, включая и общий (и весьма существенный) недостаток – *отсутствие каких-либо ограничений для выдачи разъяснения и требований к его содержанию* (что имеется в части разъяснения решения суда (см. выше Таблицу 1)). Этот недостаток восполняется правовыми позициями КС РФ и ВС РФ. Данные правовые позиции, по существу, сводятся к воспроизведению ограничений, аналогичных тем, которые действуют для случая разъяснения решения суда. В частности, в определении КС РФ от 17 июня 2010 г. № 869-О-О[1] указано, что «устранение неясностей, содержащихся в исполнительном документе, путем его разъяснения судом в целях обеспечения защиты прав лиц, участвующих в деле, *не может быть направлено на изменение правоотношений, установленных соответствующим решением, поскольку это требует изменения содержания самого судебного решения*». Аналогичная позиция прослеживается и в определении ВС РФ от 29 мая 2015 г. № 307-ЭС15-4922 по делу № А56-72395/2012: «при разъяснении исполнительного документа внесение изменений в содержание судебного акта не допускается». Как думается, эти позиции следует прямо «перенести» в текст ст. 32 Закона об исполнительном производстве;

– в числе юридико-технических (стилистических) отличий заметим, что в нормах ГПК РФ и КАС РФ говорится о «заявлении о разъяснении исполнительного документа, способа и порядка его исполнения», а в ст. 32 Закона об исполнительном производстве указывается на «заявление о *разъяснении положений* исполнительного документа, способа и порядка его исполнения»;

– нормы ГПК РФ и КАС РФ при регулировании вопроса о разъяснении исполнительного документа указывают на «судебный акт» («судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в суд, принявший судебный акт…»); хорошо заметно, что это отличает соответствующие нормы (ст. 433 ГПК РФ и ст. 355

[1] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружбина Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 433 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

КАС РФ) от положений этих же кодексов в части разъяснения судебных решений; терминология, использованная в ст. 433 ГПК РФ и ст. 355 КАС РФ, вне всякого сомнения, более корректна, поскольку разъяснению могут подлежать и те акты, которые были приняты проверочными инстанциями; АПК РФ (ст. 179), не указывая на возможность разъяснения исполнительного документа, в части разъяснения судебного решения дает возможность обратиться за таким разъяснением судебному приставу-исполнителю или другим исполняющим решение арбитражного суда органам и организациям, что приравнивается разъяснениями судебной практики к возможности получения разъяснения исполнительного документа; при этом понятие «судебный акт», более широкое по сравнению с понятием «решение суда», АПК РФ не использует[1] (в ст. 179 Кодекса говорится о разъяснении судебного решения);

– к числу юридико-технических отличий положений ГПК РФ, КАС РФ в части разъяснения исполнительного документа от положений этих же кодексов в части разъяснения судебного решения относится отсутствие указания на право дать разъяснение;

– разница в ГПК РФ, КАС РФ и ст. 32 Закона об исполнительном производстве в части субъектов, имеющих право просить разъяснения, объяснима тем, что процессуальные кодексы регулируют вопросы вынесения решения судом (выдачи судебного приказа в случае с ГПК РФ, который является исполнительным документом), тогда как Закон об исполнительном производстве имеет дело с более широким кругом исполнительных документов, выданных не только на основании решения суда, но и на основании решения иных органов (лиц). В этом смысле понятно, что соответствующие положения – о разъяснении исполнительного документа – служат дополнительной процессуальной гарантией, и тем не менее, как думается, само существование ст. 433 ГПК РФ и ст. 355 КАС РФ в нынешнем виде вряд ли оправданно – процессуальные кодексы должны лишь закреплять возможность разъяснения исполнительного документа, а Закон об исполнительном производстве должен определять порядок такого разъяснения, что будет способствовать устранению как дубляжа в регулировании, так и отдельных стилистических различий, не имеющих рационального объяснения;

– есть различия в части порядка разъяснения: если ГПК РФ и КАС РФ указывают, что заявление о разъяснении рассматривается в судебном заседании, то в ст. 32 Закона об исполнительном производстве прямо отмечается обратное – вопросы разъяснения решения рассматриваются без проведения судебного заседания. Эти различия сложно комментировать иным образом, кроме квалификации явного противоречия в законодательстве, которое подлежит устранению.

Подводя итоги исследования вопросов разъяснения решения суда и исполнительных документов, сделаем некоторые важные выводы.

---

[1] На что уже обращалось внимание в исследованиях (см.: *Щербакова Л.Г., Пименова Е.Н.* Указ. соч. С. 101).

Нормы процессуальных кодексов указывают на *возможность разъяснения только решения суда*, т.е. судебного постановления, которым спор разрешается по существу; о возможности разъяснения иных судебных актов, включая и те, которые принимаются вышестоящими инстанциями, в кодексах не указано, тогда как при регулировании вопроса о разъяснении исполнительных документов используется иная (и более точная) терминология – разъяснению подлежит судебный акт. И это различие не стилистического (юридико-технического) порядка.

С нашей точки зрения, если исходить из указанной выше главной цели института разъяснения решения суда, то *разъяснению могут и должны подлежать любые судебные постановления (судебные акты)* – акты (постановления) вышестоящих инстанций по пересмотру решения суда, судебные приказы, любые определения, которые принимаются судом по различным вопросам, – поскольку каждый такой акт может содержать указанные недостатки – неполноту, неясность, противоречивость, нечеткость[1]. Частично судебная практика и разъяснения такой практики восполняют этот недостаток в части актов, принимаемых проверочными инстанциями[2]. Однако вопрос в части иных судебных постановлений (судебного приказа, определений суда) остается. Данное положение – о том, что *разъяснению может и должно подлежать любое судебное постановление*, – следует прямо указать в нормах процессуальных кодексов; сам институт должен получить иное название – разъяснение судебных постановлений (или судебных актов). Соответственно, и место ему должно быть в общих положениях каждого кодекса.

Цели института разъяснения решения суда (разъяснения судебных постановлений (или судебных актов)) *не следует сводить* к *устранению недостатков такого решения только для целей обеспечения исполнимости судебного решения*. Рассуждения подобного рода понятны; но если принять такую логику рассужде-

---

[1] Отметим, что в отдельных исследованиях схожие предложения высказывались ранее. К примеру, С.К. Загайнова отмечала, что «в гражданском и арбитражном процессе предусматриваются еще и такие способы исправления недостатков судебных актов как исправление описок, опечаток, явных арифметических ошибок (ст. 200 ГПК, ч 3, 4 ст. 179 АПК), разъяснение решения (ст. 202 ГПК, ч. 1,2 ст. 179 АПК) Учитывая, что нормы, регулирующие институт судебных актов относятся к общему институту, представляется возможным применять эти способы и к другим видам судебных актов помимо судебного решения» (*Загайнова С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 32).

[2] К примеру, п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2020 г. № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (Российская газета. 2020. № 157) указывает, что «кассационный суд общей юрисдикции вправе по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, исправить допущенные в кассационном или ином определении суда кассационной инстанции описки, опечатки или явные арифметические ошибки, *а также рассмотреть заявления лиц, участвующих в деле, о разъяснении такого определения суда кассационной инстанции*... [курсив наш. – *А.Г.*]». Также см. определение Апелляционной коллегии ВС РФ от 13 декабря 2022 г. № АПЛ22-283 и другие акты.

ний, то подлежать разъяснению действительно могут только решение суда и все акты, которые приняты вышестоящими судами. Однако такой подход – видеть цель разъяснения решения в устранении недостатков такого решения для обеспечения его исполнимости – не позволяет устранять неполноту, неясность, противоречивость и нечеткость ни судебного решения по тем частям текста, которые не препятствуют исполнению, но имеют в силу разных причин значение для субъекта обращения за разъяснением, ни иных судебных постановлений (судебных актов). Кроме того, такой узкий подход к пониманию целей разъяснения решения суда не позволяет различить специфику целей институтов разъяснения решения суда и разъяснения исполнительного документа – разъяснение последнего как раз имеет целью обеспечить исполнение судебного решения.

2. Разъяснение решения третейского суда (арбитражного решения)

Исходя из указанных общих положений об истории развития, целях и содержании института разъяснения решения суда в отечественном процессуальном праве посмотрим более внимательно на одну из его составных частей (субинститутов) – разъяснение арбитражного решения (решения третейского суда).

Возможность разъяснения решения третейского суда была закреплена уже в первых актах постсоветского периода, регулирующих разбирательство в третейском суде (ранее таких положений в законодательстве не было); в этой части были заимствованы положения процессуальных кодексов, касающиеся самоконтроля (в исследованиях поэтому применяется такое понятие, как «самоконтроль третейского суда»[1]). Для третейского разбирательства возможность разъяснить арбитражное решение важна потому, что в отличие от решений, выносимых государственными судами, не предусмотрено никаких проверочных инстанций; при этом в отдельных случаях дефекты арбитражного решения могут стать основанием для отмены арбитражного решения или для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения.

Первым документом, в котором нашел отражение институт разъяснения, стало Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров, утв. постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-I[2] (ст. 22). Соответствующая статья объединяла три института: исправление в реше-

[1] К примеру, см.: *Зайцева Ю.А.* Классификация самоконтрольных полномочий третейского суда // Правовые традиции и их институционализация в российской правовой системе: материалы III конференции юридического факультета КГУ (26 октября 2007 г.): сб. науч. ст. Ч. 2: Гражданское право и гражданский процесс. Уголовное право и уголовный процесс / отв. ред. Е.Н. Воронов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. С. 36–39; Рассмотрение и разрешение споров в третейском суде: учебно-практическое пособие / под ред. А.И. Зайцева. Саратов: Изд-во СГАП, 2007. С. 122–123 (автор главы – Ю.А. Зайцева) и др.

[2] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1790.

нии третейского суда арифметических ошибок и опечаток, разъяснение решения и дополнительное решение. В части разъяснения решения документ устанавливал следующие основные положения:

– *право любой из сторон третейского разбирательства с предварительным уведомлением другой стороны* просить третейский суд *дать разъяснение решения третейского суда или его части*; здесь следует отметить некоторую терминологическую проблему, состоящую в том, что формально документ ни про какие отдельные «части» решения не упоминал (не предусматривал разделение решения третейского суда на части); ст. 20 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров содержала лишь общие требования к содержанию решения третейского суда[1] («в решении третейского суда должны быть указаны…»), не называя такие элементы содержания частью или каким-либо иным специальным понятием;

– был установлен срок, в течение которого можно было обратиться с просьбой разъяснить решение суда, – *в течение 10 дней после получения решения третейского суда, если сторонами не согласован иной срок*;

– разъяснение решения третейского суда было *признано правом третейского суда*;

– был установлен срок для дачи разъяснения – *в течение 10 дней после получения просьбы стороны*;

– были установлены границы разъяснения – оно *не должно было изменять существо решения*;

– были установлены форма разъяснения и его соотношение с решением третейского суда – *определение, которое является частью решения*.

Хорошо заметно, что соответствующее регулирование при некотором сходстве (дача разъяснения как право третейского суда, форма разъяснения – определение) тем не менее имело существенные отличия от модели разъяснения решения, которая сложилась к тому времени в отечественном процессуальном законодательстве.

Одно такое отличие – бóльшая диспозитивность (стороны третейского разбирательства могли договориться об ином сроке, в течение которого можно было обратиться с просьбой разъяснить решение суда) вполне логично и понятно, объяснимо природой третейского разбирательства. А вот иные отличия, к которым следует отнести:

---

[1] Отмечалось, что решение третейского суда должно содержать: 1) дату его принятия, состав третейского суда, место и время рассмотрения спора; 2) наименования участников спора, фамилии и должности их представителей с указанием полномочий; 3) сущность спора, заявления и объяснения участвующих в рассмотрении спора лиц; 4) обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на основании которых принято решение, законодательство, которым суд руководствовался при принятии решения; 5) содержание принятого решения, распределение сумм гонорара и других расходов, связанных с рассмотрением дела; 6) срок и порядок исполнения принятого решения.

– *отсутствие оснований* для обращения с просьбой о разъяснении (в ГПК РСФСР с учетом разъяснений высших судебных инстанций это были неясность и неполнота решения);

– иные формулировки границ допустимых разъяснений: если в ГПК РСФСР это был запрет *менять содержание решения*, то здесь *запрет изменять существо решения*;

– ограничение круга субъектов, имеющих право требовать разъяснения, – только сами стороны третейского разбирательства; при этом не требовалось наличия специального соглашения между сторонами для обращения с просьбой о разъяснении решения;

– исключительно короткий период, когда лица могли обратиться с просьбой о выдаче разъяснения, – в течение 10 дней после получения решения третейского суда, тогда как разъяснение решения государственного суда можно было получить вплоть до его исполнения;

– отсутствие положений о порядке рассмотрения (кроме срока) просьбы о разъяснении, –

строго говоря, требовали какого-то объяснения, которое, однако, отсутствовало; по существу, авторы соответствующих нормативных положений пошли по пути создания оригинальных положений о разъяснении решения третейского суда, лишь частично связанных с положениями о разъяснении решения государственного суда.

Следующим нормативным актом, в котором появились положения о разъяснении решения (причем без использования понятия «разъяснение» – оно было заменено его синонимом – «толкование»), стал Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже»[1] (далее – Закон о международном коммерческом арбитраже). Согласно ст. 33 этого документа (данные положения действуют и в настоящее время):

– в течение 30 дней по получении арбитражного решения, если сторонами не согласован иной срок, *при наличии соответствующей договоренности между сторонами* любая из сторон, уведомив об этом другую сторону, может просить третейский суд *дать толкование* какого-либо конкретного пункта или части решения;

– был установлен срок для дачи толкования – в течение 30 дней после получения просьбы о толковании; при этом третейский суд в случае необходимости мог продлить срок, в течение которого он должен дать толкование;

– форма толкования специально в законе не определялась, однако ее можно было вывести из разд. 6 Пояснительной записки Секретариата ЮНСИТРАЛ к Типовому закону о международном торговом арбитраже[2], где говорилось о «вынесении арбитражного решения и прочих постановлениях», – постановле-

---

[1] Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

[2] См.: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mal_rus.pdf.

ние[1]; при этом в ст. 33 Закона о международном коммерческом арбитраже имелась отсылка к ст. 31 данного Закона, которая указывала следующие важные положения, применимые к толкованию: письменная форма; подписание единоличным арбитром или арбитрами; при коллегиальном рассмотрении – достаточность наличия подписей большинства членов третейского суда при условии указания причины отсутствия других подписей; указание мотивов, на которых оно основано; указание даты и места принятия;

– толкование признавалось правом третейского суда – «третейский суд, если он сочтет просьбу оправданной, должен… дать толкование»; при этом форму решения для ситуации, когда третейский суд не сочтет просьбу оправданной (постановление или обычное письмо к обратившейся стороне с отказом), закон не определял;

– толкование становилось «составной частью арбитражного решения».

Хорошо заметно, что в Законе о международном коммерческом арбитраже *модель разъяснения была совершенно иной* (включая даже терминологию («толкование» вместо «разъяснения»)): если во Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров право просить разъяснения третейского суда не зависело от воли второй стороны спора и сопровождалось лишь ее предварительным уведомлением, то в Законе о международном коммерческом арбитраже возможность получения толкования (разъяснения) арбитражного решения была прямо поставлена в зависимость от воли второй стороны спора, которая могла дать такое согласие («договоренность»), причем в любое время, или не дать его. Это положение было прямым воспроизведением ст. 33 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже[2]. В результате в начале становления системы третейского разбирательства в постсоветской России сложилось два подхода (причем принципиально разных) для разъяснения (толкования) решения третейского суда: один (во Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров), когда разъяснение решения было абсолютным и ничем не ограниченным правом одной стороны третейского разбирательства, и второй (в соответствии с Законом о международном коммерческом арбитраже), когда разъяснение (в форме толкования) могло быть получено только при согласии всех сторон третейского разбирательства.

---

[1] В литературе по этому вопросу высказано, что «акт третейского суда по заявлению стороны о толковании… может быть вынесен в форме решения, постановления либо определения, это своего рода творчество отдельных арбитражных институтов, хотя наиболее строгие ревнители императивных принципов могут возражать против однозначно диспозитивного подхода в данном вопросе» (см.: Международный коммерческий арбитраж: учебник / под ред. В.А. Мусина, О.Ю. Скворцова. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 279 (автор главы – И.П. Грешников)).

Отметим, что § 41 Правил арбитража международных коммерческих споров (Приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6 (https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/)) указывает на *постановление* как на форму разъяснения арбитражного решения.

[2] См.: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mal_rus.pdf.

В числе существенных[1] отличий Закона о международном коммерческом арбитраже от Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров в части разъяснения (толкования) следует также отметить:

– разницу в части объекта толкования: Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров указывало на возможность разъяснения *решения третейского суда* ***или*** *его части*, а Закон о международном коммерческом арбитраже указывал на возможность толкования *какого-либо конкретного пункта* ***или*** *части решения*. С пониманием того, что указанное положение Закона о международном коммерческом арбитраже лишь воспроизводит Типовой закон ЮНСИТРАЛ, тем не менее, как видно, сторона спора формально могла запросить разъяснение не решения в целом, а лишь его конкретных пунктов и частей; кроме того, вставал вопрос о том, что понимается под такими «пунктом» и «частью» (учитывая требования к содержанию решения в ст. 31 Закона о международном коммерческом арбитраже[2]) и чем они содержательно друг от друга отличаются. В литературе к интерпретации вопроса о частях арбитражного решения некоторые авторы подходят по аналогии со структурой обычного судебного решения, выделяя вводную, мотивировочную и резолютивную части[3], что в целом можно принять, однако понятие «пункт решения» какого-либо аналога в процессуальных кодексах или судебной практике не имеет;

– разницу в сроках как для направления обращения за разъяснением (толкованием), так и для самого разъяснения (толкования) – 30 дней вместо 10, причем еще и с возможностью продления срока для разъяснения по решению самого третейского суда (и без каких-либо ограничений в части срока такого увеличения);

– отсутствие в Законе о международном коммерческом арбитраже положений об ограничениях для разъяснения решения (они же требования к его содержанию): если Временное положение о третейском суде для разрешения эконо-

[1] Имелись еще и стилистические различия. К примеру, во Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров разъяснение признается *частью* решения, а Закон о международном коммерческом арбитраже указывает, что толкование признается *составной частью* арбитражного решения, и др.

[2] В соответствии с этой статьей в арбитражном решении должны быть указаны мотивы, на которых оно основано, вывод об удовлетворении или отклонении исковых требований, сумма арбитражного сбора и расходы по делу, их распределение между сторонами, дата и место арбитража.

[3] К примеру, И.П. Грешников пишет: «весьма редко встречаются стороны, запрашивающие разъяснение только из желания довести полученное арбитражное решение до совершенства, а свое понимание отдельных положений решения – до идеального состояния. Разъяснения в содержании резолютивной части решения запрашивают, когда предполагают, что исполнение данного решения может быть проблематичным по причине неопределенности, неясности отдельных положений постановления третейского суда, содержащегося в резолютивной части арбитражного решения. Толкование вводной или мотивировочной частей требуется в случае, если проигравшая сторона ищет основания для оспаривания и отмены арбитражного решения либо доказательства наличия отдельных обстоятельств, перечисленных в ст. 36 Закона о международном коммерческом арбитраже» (см.: Международный коммерческий арбитраж: учебник / под ред. В.А. Мусина, О.Ю. Скворцова. С. 278 (автор главы – И.П. Грешников)).

мических споров указывало на запрет на изменение при разъяснении существа решения, то в Законе о международном коммерческом арбитраже мы таких (или аналогичных) норм не находим.

Положения о разъяснении решения третейского суда мы находим в первом федеральном законе, посвященном третейскому разбирательству, – Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»[1] (далее – Закон о третейских судах). Соответствующие положения были сконцентрированы в ст. 35 этого Закона, содержание которой было следующим:

– если стороны не договорились об ином, то любая из сторон, уведомив об этом другую сторону, может в течение 10 дней после получения решения третейского суда обратиться в тот же третейский суд с *заявлением о разъяснении решения*;

– субъект разъяснения – третейский суд, разрешивший спор;

– третейский суд вправе разъяснить принятое им решение; при этом как сама выдача разъяснения (которое признавалось составной частью решения третейского суда), так и отказ в выдаче делались только по результатам рассмотрения соответствующего заявления о разъяснении;

– установлен срок для рассмотрения заявления о разъяснении решения – в течение 10 дней после его получения составом третейского суда, разрешившим спор;

– определена форма разъяснения (равно как и форма отказа в разъяснении) – определение о разъяснении решения (определение об отказе в разъяснении решения);

– установлены ограничения для содержания разъяснения – невозможность изменения содержания решения третейского суда.

При сравнении положений ст. 35 Закона о третейских судах с нормами ст. 22 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров и ст. 33 Закона о международном коммерческом арбитраже хорошо заметно, что законодатель в 2002 г. пошел по пути создания собственной (не основанной на Типовом законе ЮНСИТРАЛ) модели разъяснения решения третейского суда, что отчетливо просматривается и в юридической технике, и в ряде положений концептуального характера.

В первую очередь следует обратить внимание на основное отличие от двух указанных документов: если первый из них закреплял абсолютное (ничем не ограниченное) право любой стороны просить о разъяснении решения, а второй, напротив, ставил возможность обращения за толкованием (разъяснением) в зависимость от воли второй стороны (через указание на обязательность наличия договоренности между сторонами; *говоря иначе, права нет, но оно может появиться, если стороны договорятся*), то в ст. 35 Закона о третейских судах была предложена третья модель: за любой стороной признавалось право на обращение за разъяснением, однако указывалось, что стороны могут договориться об «ином»; что́ такое «иное»,

[1] СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

закон не разъяснял, но можно предположить (исходя из принципа диспозитивности), что это мог быть как запрет на получение разъяснения, так и его ограничение наличием согласия второй стороны (*говоря иначе, право есть, но стороны могут его исключить или ограничить*). Таким образом, после принятия Закона о третейских судах (после принятия которого утратило силу постановление Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-I «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров») в отечественном праве вновь существовало два подхода (модели) к разъяснению решения третейского суда.

В отличие от Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров и Закона о международном коммерческом арбитраже в Законе о третейских судах (ст. 35) иначе определен объект разъяснения – указано само *решение третейского суда*, без упоминания каких-либо частей.

В Законе о третейских судах обращение за разъяснением носит конкретное название – это уже не абстрактная «просьба», как в двух ранее принятых актах (Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров и Законе о международном коммерческом арбитраже), а «заявление о разъяснении решения». В части сроков для направления обращения и сроков рассмотрения обращения (заявления) Закон о третейских судах не отличался от Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров – в течение 10 дней после получения решения (с возможностью для сторон согласовать иной срок) и в течение 10 дней после получения заявления (без права продления). Однако к числу существенных отличий следует отнести то, что Закон установил необходимость рассмотрения третейским судом вопроса о выдаче разъяснения, причем с принятием либо определения о разъяснении решения, либо определения об отказе в разъяснении решения.

Закон о третейских судах содержал запрет при разъяснении решения на изменение его содержания («третейский суд вправе разъяснить принятое им решение, не изменяя его содержания»); хорошо заметно, что в этой части закон использовал подход, аналогичный тому, который имел место на тот момент в процессуальных кодексах; указанная формулировка стилистически отличалась от использованной ранее в ст. 22 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров (запрет изменения существа решения), хотя, как мы увидели выше при анализе судебной практики, не отличалась концептуально (запрет изменения содержания решения и его существа рассматривают как синонимы).

Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»[1] (далее – Закон об арбитраже (третейском разбирательстве)) являлся результатом реформы третейского разбирательства, начатой в 2012 г.[2]; масштаб проблем с третейским разбирательством

[1] СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

[2] Подробнее см.: Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: НОРМА, 2018. С. 680–684.

был в то время таков, что вопросы разъяснения решения третейского суда не шли ни в какое сравнение с ними в части актуальности. В указанном (действующем в настоящее время) Законе положения о разъяснении решения третейского суда сосредоточены в ст. 37. Даже беглый взгляд на эту статью не оставляет сомнений: разработчики проекта закона об арбитраже (третейском разбирательстве) взяли за основу нового регулирования Типовой закон ЮНСИТРАЛ и, соответственно, ст. 33 Закона о международном коммерческом арбитраже: ст. 37 Закона об арбитраже (третейском разбирательстве) – это «клон» указанной статьи (разве что слово «толкование» заменено на слово «разъяснение»), в котором воспроизведены все ее достоинства и недостатки:

– в течение 30 дней со дня получения арбитражного решения, если сторонами не согласован иной срок, при наличии соответствующей договоренности между сторонами любая из них, уведомив другую сторону, может просить третейский суд дать разъяснение какого-либо пункта или какой-либо части арбитражного решения (в форме постановления, что не указано в ст. 37, но ясно следует из ст. 35 Закона об арбитраже (третейском разбирательстве)). Отметим, что Закон об арбитраже (третейском разбирательстве) четкого структурирования решения на какие-либо части не устанавливает; ст. 34 этого Закона содержит лишь общий перечень тех сведений, которые должно включать арбитражное решение, квалифицируя в качестве части только один элемент из числа таких сведений – «*резолютивную часть арбитражного решения*»; не содержит данный Закон никакого упоминания о «пунктах решения»;

– третейский суд, если он сочтет просьбу оправданной, в течение 30 дней со дня ее получения должен дать разъяснение, которое становится составной частью арбитражного решения; в случае необходимости третейский суд может продлить срок, в течение которого он должен дать разъяснение;

– в отношении разъяснения решения применяются положения ст. 34 Закона об арбитраже (третейском разбирательстве). Эта статья регулирует вопросы формы[1], содержания арбитражного решения[2], а также порядка его направления[3]; таким

---

[1] Арбитражное решение принимается в письменной форме, подписывается единоличным арбитром или арбитрами, в том числе арбитром, имеющим особое мнение; особое мнение арбитра прилагается к арбитражному решению; при арбитраже, осуществляемом коллегией арбитров, достаточно наличия подписей большинства членов третейского суда при условии указания причины отсутствия других подписей.

[2] Если стороны не договорились об ином, в арбитражном решении указываются: 1) дата принятия арбитражного решения; 2) место арбитража; 3) состав третейского суда и порядок его формирования; 4) наименования (фамилия, имя и в случае, если имеется, отчество) и место нахождения (проживания) сторон арбитража; 5) обоснование компетенции третейского суда; 6) требования истца и возражения ответчика, ходатайства сторон; 7) обстоятельства дела, установленные третейским судом, доказательства, на которых основаны выводы третейского суда об этих обстоятельствах, правовые нормы, которыми руководствовался третейский суд при принятии арбитражного решения; 8) резолютивная часть арбитражного решения.

[3] После принятия арбитражного решения каждой стороне направляется его экземпляр, подписанный арбитрами.

образом, закон не определяет специальным образом требования к форме и содержанию разъяснения (кроме того, что разъяснение принимается в форме постановления) – для этого используются общие положения об арбитражном решении.

Таблица 4. Сходства и различия в регулировании вопросов разъяснения решения третейского суда в нормативных актах 1992–2015 гг.

	Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров 1992 г. (ст. 22)	**Закон о международном коммерческом арбитраже 1993 г. (ст. 33)**	**Закон о третейских судах 2002 г. (ст. 35)**	**Закон об арбитраже (третейском разбирательстве) 2015 г. (ст. 37)**
Объект разъяснения	Решение или его часть	Какой-либо конкретный пункт или часть решения	Решение	Какой-либо пункт или какая-либо часть арбитражного решения
Основание для обращения	Нет	Нет	Нет	Нет
Форма обращения	Просьба о разъяснении	Просьба о толковании	Заявление о разъяснении решения	Просьба о разъяснении
Субъекты, имеющие право обратиться за разъяснением (толкованием)	Любая из сторон	Любая из сторон	Любая из сторон	Любая из сторон
Условия и ограничения для обращения	1) абсолютное (не ограниченное ничем) право обратиться за разъяснением; 2) уведомление другой стороны	1) право на обращение только при наличии договоренности между сторонами; 2) уведомление другой стороны	1) признается право на обращение; 2) стороны могут договориться об ином; 3) уведомление другой стороны	1) право на обращение только при наличии договоренности между сторонами; 2) уведомление другой стороны
Срок для направления обращения	1) в течение 10 дней после получения решения; 2) стороны могли согласовать иной срок	1) в течение 30 дней по получении арбитражного решения; 2) стороны могут согласовать иной срок	1) в течение 10 дней после получения решения; 2) стороны могли согласовать иной срок	1) в течение 30 дней после получения решения; 2) стороны могут согласовать иной срок.

Субъект разъяснения (толкования)	Третейский суд, принявший решение	Третейский суд, принявший решение	Третейский суд, принявший решение	Третейский суд, принявший решение
Полномочия субъекта разъяснения (толкования)	Право дать разъяснение. Обязанности нет	Право дать разъяснение («если сочтет просьбу оправданной»). Обязанности нет	Право дать разъяснение. Обязанности нет	Право дать разъяснение («если сочтет просьбу оправданной»). Обязанности нет
Форма разъяснения (толкования)	Определение	Постановление	Определение	Постановление
Форма отказа в разъяснении (толковании)	Нет	Нет	Определение об отказе в разъяснении решения	Нет
Срок разъяснения (толкования)	В течение 10 дней после получения просьбы	1) в течение 30 дней после получения просьбы; 2) третейский суд в случае необходимости может продлить срок	В течение 10 дней после получения заявления	1) в течение 30 дней после получения просьбы; 2) третейский суд в случае необходимости может продлить срок
Порядок разъяснения	Нет	Нет	«Рассмотрение заявления» без конкретизации	Нет
Требования к содержанию разъяснения	Запрет на изменение существа решения	Нет	Запрет на изменение содержания решения	Специальных положений нет (используются требования к содержанию арбитражного решения)
Статус разъясняющего документа	Признается частью решения	Признается составной частью арбитражного решения	Признается составной частью решения третейского суда	Признается составной частью арбитражного решения

Сравнение положений о разъяснении решения третейского суда (арбитражного решения) всех перечисленных нормативных актов, принятых в период 1992–2015 гг., можно увидеть в Таблице 4.

Сравнительный анализ ранее действовавших нормативных положений и положений действующих нормативных актов (Закона о международном коммерче-

ском арбитраже и Закона об арбитраже (третейском разбирательстве)) позволяет выделить сходства и отличия разъяснения арбитражного решения от разъяснения решения государственного суда, а также сформулировать выводы о недостатках текущего регулирования и направлениях его развития.

Институт разъяснения решения суда сформировался в качестве способа самоконтроля, когда непосредственно сам орган, принявший решение, может его разъяснить (возможность, а не долженствование объяснима неочевидностью разъяснения (может, ничего разъяснять и не надо, а сторона просто хочет достичь иных целей негодными способами)), при абсолютном (не ограниченном ничем) праве лиц, участвующих в деле, на обращение за таким разъяснением в течение установленного периода времени (разъяснение допускается, если решение суда не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено).

Подход, который реализован в рамках действующих положений (Закон о международном коммерческом арбитраже и Закон об арбитраже (третейском разбирательстве)), имеет значительные различия:

1) если разъяснение решения государственного суда – это абсолютное право лица, участвующего в деле, то право на обращение за разъяснением арбитражного решения действующими в настоящее время нормативными актами поставлено в зависимость от наличия соответствующей договоренности сторон спора;

2) если за разъяснением решения государственного суда могут обратиться лица, участвующие в деле, то за разъяснением арбитражного решения – только стороны;

3) значительно сокращен период времени, в течение которого сторона может обратиться за разъяснением арбитражного решения;

4) формально в тех случаях, когда стороны об этом договорились, разъяснение дает третейский суд, принявший решение в течение установленного срока; в этом полное сходство с разъяснением решения, принятого государственным судом.

Однако есть одна тонкость: арбитражное решение исполняется добровольно; если же решение не исполняется добровольно, то лицо, в пользу которого вынесено решение, вправе обратиться в государственный суд для выдачи исполнительного листа. По результатам рассмотрения заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда суд выносит определение о выдаче исполнительного листа или об отказе в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (ст. 427 ГПК РФ, ст. 240 АПК РФ).

Если вынесено определение о выдаче исполнительного листа, то именно это определение (как и сам исполнительный документ), основой для вынесения которого стало арбитражное решение, и будет объектом разъяснения. При этом прямо вопрос возможности получения разъяснения определения о выдаче исполни-

тельного листа процессуальным законом не урегулирован – как мы уже отметили выше, процессуальные кодексы говорят о возможности разъяснения решения суда, а судебная практика указывает, что разъяснению подлежат и акты проверочных инстанций. Тем не менее исходя из широкого подхода к целям института разъяснения судебного решения, а также аналогии закона можно предположить, что теоретически получить разъяснение такого определения в настоящее время возможно. В результате может сложиться ситуация, когда разъяснение арбитражного решения осуществляется двумя субъектами: самим третейским судом (в установленные Законом об арбитраже (третейском разбирательстве) сроки и порядке), если такая возможность согласована сторонами, и опосредованно (через разъяснение определения о выдаче исполнительного листа) – государственным судом, осуществившим функцию контроля в отношении третейского суда.

Но если вопрос о разъяснении самого определения и, соответственно, о потенциально двух субъектах разъяснения арбитражного решения до выдачи исполнительного документа еще предмет обсуждения, то после такой выдачи, в рамках процедуры получения разъяснения исполнительного документа, выданного на основании определения о выдаче исполнительного листа, такая ситуация – это правило. Статья 433 ГПК РФ признает возможным обращение взыскателя, должника и судебного пристава-исполнителя в случае неясности требования, содержащегося в исполнительном документе, или неясности способа и порядка его исполнения «в суд, принявший судебный акт, с заявлением о разъяснении исполнительного документа, способа и порядка его исполнения», т.е. государственный суд, который принял определение о выдаче исполнительного листа. Таким образом, разъяснение государственным судом как минимум резолютивной части арбитражного решения, т.е. акта, принятого иным органом, станет реальностью.

В целом нельзя не отметить некоторой «экономии» законодателя при описании института разъяснения арбитражного решения – этому институту не уделяется необходимого внимания. Унификацию положений Закона о международном коммерческом арбитраже и Закона об арбитраже (третейском разбирательстве), проведенную в ходе реформы третейского разбирательства 2015 г., можно признать верным направлением развития законодательства о третейском разбирательстве, однако с тем немаловажным дополнением, что такая унификация должна сопровождаться качественным изменением содержания регулирования, чего не произошло.

3. Выводы

Подводя итоги исследования, отметим следующие важные выводы.

Институт разъяснения решения суда в том виде, как он регулируется в настоящее время в процессуальных кодексах и частично в Законе об исполнительном производстве, необходимо существенно обновить, причем не в части даже каких-то отдельных поправок юридико-технического характера (что, несомненно, так-

же необходимо), а прежде всего концептуально. Подчеркнем, что процессуальные кодексы должны закреплять положение о возможности *разъяснения любого судебного постановления (судебного акта)*; при этом условия и порядок для разных видов судебных постановлений могут разниться (один порядок может быть для разъяснения решения суда и судебных актов проверочных инстанций, другой – для иных судебных постановлений). С учетом этого следует изменить название института – не разъяснение решения суда, а *разъяснение судебных постановлений (судебных актов)*. Соответственно, и место ему должно быть в общих положениях каждого процессуального кодекса.

Положения о разъяснении судебных постановлений следует унифицировать; некоторой коррекции требуют и положения о разъяснении исполнительных документов.

Подход к регулированию вопросов разъяснения решения третейского суда, закрепленный в действующем законодательстве, нельзя признать эффективным для целей защиты прав и законных интересов сторон третейского разбирательства.

Причем если развитие института разъяснения решения суда (применительно к решениям государственных судов) имело определенную логику, то о развитии института разъяснения решения третейского суда (арбитражного решения) такого сказать нельзя. Хорошо заметно, что в части основных, фундаментальных элементов упомянутого института (самого права на разъяснение) за короткий период развития (с 1992 г.) подходы несколько раз менялись. При этом нельзя сказать, что «фундамент» этого института – теоретические исследования и концепты является устойчивым, скорее можно утверждать обратное: никакой серьезной теоретической основы у такого института, которая бы объясняла сходство с институтом разъяснения решения государственного суда, различия (и, самое главное, их природу), не имеется.

Между тем хорошо заметно, что даже редкий концепт о разъяснении как виде самоконтрольного полномочия имеет существенные отличия применительно к арбитражному решению. Реформа третейского разбирательства 2015 г. хорошо отражает сказанное: авторы нового закона, ничуть не заботясь о тщательности описания отдельных институтов, просто заимствовали (с некоторыми стилистическими правками) регулирование разъяснения арбитражного решения из Закона о международном коммерческом арбитраже, не «взяв» в светлое арбитражное будущее некоторые удачные элементы прежнего регулирования. Между тем отдельные положения Закона о третейских судах в части разъяснения были изложены много лучше, чем это сделано в действующих актах. Это касается и стилистики, и ясного указания о том, что обращение с заявлением о разъяснении требовало рассмотрения третейским судом и принятия соответствующего процессуального решения (определения) во всех случаях – как в случае согласия дать разъяснение, так и в случае отказа. Подход действующего Закона об арбитраже (третейском разбирательстве) о субсидиарном применении ст. 34 этого Закона к разъяснению арбитражного решения не является оптимальным.

Исходя из сказанного представляется возможным сформулировать несколько предложений по дальнейшему развитию регулирования.

Во-первых, положения законов, регулирующие вопросы разъяснения арбитражного решения, следует изложить более конкретно и детально, включая и вопросы процедуры.

Во-вторых, следует более четко и ясно указать ограничения для третейского суда при выдаче разъяснения, так, как это сделано в правовых позициях КС РФ и ВС РФ; впрочем, достаточно было просто оставить норму Закона о третейских судах о том, что при выдаче разъяснения третейский суд не может изменять содержание решения, что соответствует подходу, закрепленному в действующих процессуальных кодексах.

В-третьих, в качестве несколько дискуссионного предложения следует указать на возможность расширения круга лиц, которые могут просить разъяснения решения. К примеру, в число таких лиц можно было бы включить суд, рассматривающий вопрос о выдаче исполнительного листа или заявление об отмене решения третейского суда. Следует подумать и о возможности предоставить такое право прокурору, учитывая наличие у него полномочий подавать заявление об отмене арбитражного решения, в случаях, предусмотренных процессуальными кодексами (ст. 418 ГПК РФ).

В-четвертых, следует закрепить возможность получения сторонами разъяснения не только самого арбитражного решения, но и иных актов, принимаемых третейским судом (постановлений).

Список использованной литературы

Губарь Т.Н. Устранение судом недостатков в вынесенном им решении: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1974. 19 с.

Ефимова В.В. Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 29 с.

Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 50 с.

Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М.А. Викут. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 136 с.

Зайцева Ю.А. Классификация самоконтрольных полномочий третейского суда // Правовые традиции и их институционализация в российской правовой системе: материалы III конференции юридического факультета КГУ (26 октября 2007 г.): сб. науч. ст. Ч. 2: Гражданское право и гражданский процесс. Уголовное право и уголовный процесс / отв. ред. Е.Н. Воронов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. С. 36–39.

Зайцева Ю.А. Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.

Международный коммерческий арбитраж: учебник / под ред. В.А. Мусина, О.Ю. Скворцова. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Инфотропик Медиа, 2012. 496 с.

Минникес И.А. Казуальное толкование: проблемы теории и практики // Академический юридический журнал. 2016. № 1. С. 4–11.

Невский И.А. Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции в контексте задач гражданского судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.

Новиков Д.В. Разъяснение судебного решения и требований исполнительного документа // Исполнительное право. 2014. № 3. С. 30–32.

Пирмаев Е.В. Виды судебного толкования // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5 (https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-sudebnogo-tolkovaniya).

Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: НОРМА, 2018. 784 с.

Рассмотрение и разрешение споров в третейском суде: учебно-практическое пособие / под ред. А.И. Зайцева. Саратов: Изд-во СГАП, 2007. 168 с.

Самоконтроль суда первой инстанции: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 168 с.

Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 46 с.

Титова Г.М. К вопросу исполнимости судебного акта // Сибирское юридическое обозрение. 2013. № 2(21). С. 76–79.

Щербакова Л.Г., Пименова Е.Н. Способы обеспечения исполнимости постановлений в гражданском и арбитражном процессе // Вестник СГЮА. 2013. № 1(90). С. 99–104.

References

Efimova V.V. *Kontrol' v arbitrazhnom protsesse kak sposob ustraneniia sudebnykh oshibok: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Control in Arbitration Procedure as a Way to Eliminate Judicial Errors: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Saratov, 2004. 29 p. (In Russ.)

Gubar T.N. *Ustranenie sudom nedostatkov v vynesennom im reshenii: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Correction by the Court of Deficiencies in its Judgment: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Kharkov, 1974. 19 p. (In Russ.)

Lebedev V.M., Khabrieva T.Ia. (eds.). *Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in the Modern World]. 2nd ed. Moscow: Norma, 2018. 784 p. (In Russ.)

Minnikes I.A. *Kazual'noe tolkovanie: problemy teorii i praktiki* [Casual Interpretation: Problems of Theory and Practice]. *Akademicheskii iuridicheskii zhurnal – Academic Law Journal*, 2016, no. 1, pp. 4–11. (In Russ.)

Musin V.A., Skvortsov O.Iu. (eds.). *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh: uchebnik* [International Commercial Arbitration: Textbook]. St. Petersburg: ANO "Redaktsiia zhurnala 'Treteiskii sud'"; Moscow: Infotropic Media, 2012. 496 p. (In Russ.)

Nevskii I.A. *Ispolnimost' postanovlenii sudov obshchei iurisdiktsii v kontekste zadach grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Enforceability of Rulings of Courts of General Jurisdiction in the Context of the Tasks of Civil Proceedings: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Saratov, 2005. 26 p. (In Russ.)

Novikov D.V. *Raz"iasnenie sudebnogo resheniia i trebovanii ispolnitel'nogo dokumenta* [Explanation of the Court Decision and Requirements of the Enforcement Document]. *Ispolnitel'noe pravo – Enforcement Law*, 2014, no. 3, pp. 30–32. (In Russ.)

Pirmaev E.V. *Vidy sudebnogo tolkovaniia* [Types of Judicial Interpretation]. *Baikal Research Journal – Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 5 (https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-sudebnogo-tolkovaniya). (In Russ.)

Samokontrol' suda pervoi instantsii: monografiia [Self-Monitoring by the Trial Court: Monograph]. Moscow: Iurlitinform, 2016. 168 p. (In Russ.)

Shcherbakova L.G., Pimenova E.N. *Sposoby obespecheniia ispolnimosti postanovlenii v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Methods of Ensuring the Enforceability of Rulings in Civil and Arbitration Procedure]. *Vestnik SGIuA – Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2013, no. 1(90). pp. 99–104. (In Russ.)

Terekhova L.A. *Pravo na ispravlenie sudebnoi oshibki kak komponent sudebnoi zashchity: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [The Right to Correct a Miscarriage of Justice as a Component of Judicial Protection: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Yekaterinburg, 2008. 46 p. (In Russ.)

Titova G.M. *K voprosu ispolnimosti sudebnogo akta* [On the Enforceability of a Judicial Act]. *Sibirskoe iuridicheskoe obozrenie – Siberian Law Review*, 2013, no. 2(21), pp. 76–79. (In Russ.)

Zagainova S.K. *Sudebnye akty v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prikladnye problemy: avtoref. dis. … dokt. iurid. nauk* [Judicial Acts in Civil and Arbitration Procedure: Theoretical and Applied Problems: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Yekaterinburg, 2008. 50 p. (In Russ.)

Zaitsev A.I. (eds.). *Rassmotrenie i razreshenie sporov v treteiskom sude: uchebno-prakticheskoe posobie* [Consideration and Resolution of Disputes in the Arbitration Court: Textbook]. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2007. 168 p. (In Russ.)

Zaitsev I.M.; Vikut M.A. (ed.). *Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom protsesse* [Elimination of Miscarriages of Justice in Civil Procedure]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1985. 136 p. (In Russ.)

Zaitseva Iu.A. *Klassifikatsiia samokontrol'nykh polnomochii treteiskogo suda* [Classification of Self-Control Powers of the Arbitral Court]. In Voronov E.N. (ed.). *Pravovye traditsii i ikh institutsionalizatsiia v rossiiskoi pravovoi sisteme: materialy III konferentsii iuridicheskogo fakul'teta KGU (26 oktiabria 2007 g.): sbornik nauchnykh statei. Ch. 2: Grazhdanskoe pravo i grazhdanskii protsess. Ugolovnoe pravo i ugolovnyi protsess* [Legal Traditions and Their Institutionalization in the Russian Legal System: Proceed-

ings of the III Conference of the Faculty of Law of KSU (26 October 2007): Collection of Scientific Articles. Part 2: Civil Law and Civil Procedure. Criminal Law and Criminal Procedure]. Kursk: Kursk State University, 2007, pp. 36–39. (In Russ.)

Zaitseva Iu.A. *Samokontrol' arbitrazhnogo suda pervoi instantsii: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Self-Control of the Arbitral Court of the First Instance: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Saratov, 2011. 26 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Габов А.В. (Москва, Россия) – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, Почетный доктор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Почетный профессор Ульяновского государственного университета, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, научный руководитель Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, научный руководитель юридического факультета Ульяновского государственного университета (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; e-mail: gabov@igpran.ru).

Information about the author

A.V. Gabov (Moscow, Russia) – Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Honorary Doctor, Dostoevsky Omsk State University, Acting Head, Sector of Civil and Business Law, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Scientific Director, Law Institute, Belgorod State National Research University, Scientific Director, Law Faculty, Ulyanovsk State University (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia; e-mail: gabov@igpran.ru).

Для цитирования

Габов А.В. Разъяснение арбитражного решения // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 14–48. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-14-48

Recommended citation

Gabov A.V. *Raz"iasnenie arbitrazhnogo resheniia* [Clarification of an Arbitration Award]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 14–48. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-14-48

ЗАМЕТКИ ОБ ИНСТИТУЦИОННО-ПАНДЕКТНОМ ПОДХОДЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С.Ф. АФАНАСЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, заведующий сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, судья в отставке

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88

В настоящей статье анализируются вопросы становления и применения институционно-пандектного подхода в цивилистическом материальном и процессуальном праве. В свете историко-правового метода обосновывается, что постепенное накопление большого объема специализированных казуистических знаний обусловило необходимость их системного структурирования и изложения посредством формальных нормативных документов, в том числе кодифицированного свойства. В континентальной Европе в основу такой кодификации были положены взаимосвязанные друг с другом римские правовые институты, в первую очередь направленные на регулирование материальных, а в последующем и процессуальных правоотношений. Немецкая пандектика развила институционную парадигму за счет выработки наиболее общих понятий, категорий и принципов, с технико-юридической точки зрения позволила бесповоротно обособить материально-правовые и процессуальные нормы, обратить внимание на отличительные особенности последних ввиду их общесоциального и публичного значения. Именно поэтому в странах группы германского права, к которым относится и Россия, современный цивилистический процесс во многом базируется на институционно-пандектном подходе с сильной публично-правовой составляющей, по сравнению с государствами романской правовой традиции, где преобладают частноправовые начала и разного рода процедуры. Аргументируется, что из этого не следует, что в отечественном судебном производстве по гражданским и административным делам, а также экономическим спорам не может присутствовать процедурная компонента. Вовсе нет, в рамках наблюдаемой

объективной правовой интеграции, а равно памятуя о прикладном потенциале процедур, они могут быть гармонично имплементированы в существующие процессуальные институты без искажения их истинного смыслового наполнения либо же замещения, но при одном условии – если это будет обеспечивать эффективную юрисдикционную защиту нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов физических лиц и организаций в контексте высоких стандартов и цели справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: частное право; цивилистический процесс; суд; судопроизводство; институционно-пандектный подход; институциональная система; материально-правовые и процессуальные институты; процедурность; судебные процедуры; публично-правовые и частноправовые начала; технико-юридические правила; справедливое судебное разбирательство.

NOTES ON THE INSTITUTIONAL PANDECT APPROACH IN PRIVATE LAW AND CIVIL PROCEDURE: HISTORY AND MODERNITY

S.F. AFANASYEV,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head, Department of Arbitration Procedure,
Saratov State Academy of Law, Head, Sector for Theory and Sectoral Problems of Legal Policy,
Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Retired Judge

This article analyzes the issues of the formation and application of the institutional pandect approach in civil law, substantive and procedural law. In the light of the historical and legal method, it is substantiated that the gradual accumulation of a large amount of specialized casuistic knowledge necessitated their systematic structuring and presentation through formal normative documents, including codified properties. In continental Europe, such codification was based on interconnected Roman legal institutions, primarily aimed at regulating substantive, and subsequently procedural legal relations. German pandectics has developed an institutional paradigm by developing the most general concepts, categories and principles, from a technical and legal point of view, it has made it possible to irrevocably isolate substantive and procedural norms, to pay attention to the distinctive features of the latter due to their general social and public significance. That is why in the countries of the German law group, to which Russia belongs, modern civil procedure is largely based on the institutional pandect approach with a strong public law component, in comparison with the states of the Romanesque legal tradition, where private law principles and various kinds of procedures prevail. It is argued that it does not follow

from this that a procedural component cannot be present in domestic judicial proceedings in civil and administrative cases, as well as economic disputes. On the contrary, within the framework of the observed objective legal integration, as well as keeping in mind the application potential of procedures, they can be harmoniously implemented into existing procedural institutions without distorting their true semantic content or replacing them, but on one condition – if this will provide effective jurisdictional protection of violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of individuals and organizations in the context of high standards and the goal of a fair trial.

Keywords: civil law; civil procedure; court; legal proceedings; institutional pandect approach; institutional system; substantive and procedural institutions; procedure; judicial procedures; public law and private law principles; technical and legal rules; fair trial.

1. Институционный подход в частном праве: абрис становления и развития

Сегодня в процессуальной науке ученые и практики много полемизируют относительно допустимости присутствия различных процедурных форм в классическом институциональном судебном производстве по гражданским, административным и уголовным делам, а также экономическим спорам[1]. В связи с этим важно обратить внимание на некоторые историко-правовые моменты, касающиеся развития и применения институционно-пандектного подхода в цивилистическом процессе, органически заимствованного из сферы частного (гражданского) права, и в котором длительное время этот вид процесса пребывал как неотъемлемая компонента.

Итак, любая социально-динамическая система управления (протогосударственная или государственная), с тем чтобы избежать хаоса и быть продуктивной, со временем вырабатывает[2] или же использует заранее заданные биологией поведенческие правила[3], систематизируя и алгоритмизируя их. Зачастую они

---

[1] См.: *Свиридов М.К., Пиюк А.В.* Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск: Изд. дом ТГУ, 2019. С. 91–110; *Вилкова Т.Ю.* Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве государств с пандектной и институционной системой права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 18–22; *Фильченко Д.Г.* Суррогатный признак досудебного порядка урегулирования споров // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 6. С. 240–259; *Сахнова Т.В.* О современном значении гуманитарных ценностей цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 13–26 и др.

[2] См. подробнее: *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999.

[3] Например, поведенческие правила «услуга за услугу» и «око за око, зуб за зуб». Позднее они были юридически закреплены как принципы «*quid pro quo*» и «*lex talionis*», известные почти всем архаичным законам. Этологически эти правила характерны для всех высших приматов, в том числе

оформляются людьми в виде формализованных положений для всеобщего употребления. Одним из подтверждений этому служат Законы XII таблиц, охватывавшие собой сакральное, частное и публичное право[1]. Как утверждал Цицерон, «оттого-то знание права и доставит вам радость и удовольствие, что вы увидите, насколько наши предки оказались выше всех народов государственной мудростью; достаточно сравнить наши законы с их Ликургом, Драконом, Солоном. Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно – прямо-таки до смешного! – гражданское право всех народов, кроме нашего»[2].

Позже, а именно во второй половине бытования Римской республики, наблюдается постепенный переход от эмпирического отношения к праву к пониманию его сути через обобщение, анализ и обучающую ретрансляцию юридических знаний. Следуя одному из диалектических положений, эти количественные знания исподволь трансформировались в качественные. Теперь они позиционировались не столько в сакральном ключе, сколько в светском, основывались на доктринальных пояснениях. Все это позволяло обучать молодое поколение юристов базовым легальным установкам в первую очередь в сфере общественных частных взаимосвязей. При этом шаг за шагом мнениям особо выдающихся правоведов придавалась сила «как бы закона» (*legis vicem*)[3].

Профессионалом признавался человек, обладавший не азбучными навыками знания закона, но умевший его интерпретировать, оперировать дефинициями и институтами, постигать их корреляцию, чему немало способствовало распространение греческой философии и ее составной части – методологии[4]. Еще в I в. до н.э. Квинт Муций Сцевола (учитель Цицерона), будучи политическим и государственным деятелем, предпринял одну из первых попыток ухода от диффузии гражданского права, описав материал в 18 книгах, которые, как и иные источники, использовались спустя 500 лет при составлении Дигест Юстиниана. Устройство частного права, по Муцию, с опорой на греческий диалектический метод

и *homo sapiens*, поскольку природно (биологически) обусловлены. См. подробнее: *де Вааль Ф.* Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016; *Сапольски Р.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019; *Шалютин Б.* О некоторых прообразах права у высших обезьян // Научный Арцах. 2019. № 1(2). С. 27–44.

[1] См.: *Квашнин В.А.* Некоторые наблюдения над структурой Законов XII таблиц (на примере VIII–X таблиц) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 138–143; *Кофанов Л.Л.* Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.: Статут, 2006. С. 337–338; *Cuena Boy F.* Sistema jurídico y derecho romano: la idea de sistema jurídico y su proyección en la experiencia juridica romana. Santander: Universidad de Cantabria, 1998. P. 79–80.

[2] *Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. С. 196.

[3] См.: *Покровский И.А.* История римского права. 4-е изд. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1918. С. 100–101.

[4] Там же.

подразделения всех объектов по видовым и родовым признакам, выглядело так: наследство, лица, вещи и обязательства[1].

Ко II в. н.э. сложились условия для формирования обновленного контура уразумения такого уникального социального феномена, как право. Эффективный симбиоз *jus civile* и *jus praetorium*, во внутренней среде которого претор через гибкий формулярный процесс, *actions praetoriae*[2] и собственные программные эдикты (закон на год – *lex annua*) улучшал, исправлял и даже творчески порождал право[3], провоцировал активный поиск решения практических задач и подспудно теоретических конструкций, использовавшихся среди прочего при преподавании[4]. Само преподавание теперь дробилось на две стадии: *institutio* – ученики осваивали общие начала цивилистики – и *instructio* – они участвовали в консультативно-прикладной деятельности своего патрона[5].

С одной стороны, это привело к кодификации преторских директив – отныне они объединялись в статутный акт (примером служит Адрианов эдикт как собрание исковых формул); с другой – в это же время на свет появляются предназначенные для широкой аудитории литературные обучающие произведения в виде кратких учебников и комментариев (в частности, всем известный учебник, в котором наиболее понятно, а главное, логически четко излагались ключевые римские юридические сентенции – *Institutiones*[6]).

Очевидно, что Гаю как автору Институций нужно было доходчиво разъяснить первокурсникам, которых также именовали «новички Гая» (*Gaji novi*), сложную квинтэссенцию постигаемого предмета (Дигесты, без сомнения, для этой цели не подходили), с чем он блестяще справился, заявив: «Ведь все право, которым мы пользуемся, относится либо к лицам, либо к вещам, либо к искам» («*Omne*

---

[1] См.: *Гарсиа Гарридо М.Х.* Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. С. 84–85.

[2] Преторы давали судебную защиту не только требованиям, исходящим из *jus civile*, но и по факту справедливости или *actiones in factum*, так регулировались многие насущные проблемы, к примеру, связанные с необходимостью предоставления защиты детентору вне посессора, иначе приходилось искусственно прибегать к посессионной защите. См.: *Сальковский К.* Институции. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев: Тип. «Петр Барский», 1910. С. 547; *Карпека В.В.* Пассивная легитимация в rei vindicatio классического римского права. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1915. С. 13–42.

[3] Через века в рамках немецкой пандектики это возбудило спор о том, что первично – «*actio-jus*» либо «*jus-actio*», который был решен в пользу «*jus-actio*», поэтому процесс, образно выражаясь, превратился в «Золушку» материального права.

[4] См.: *Загурский Л.Н.* Принципы римского гражданского и уголовного процесса. Харьков: Унив. тип., 1874. С. 113–114; *Майнц К.* Историческое введение в элементарный курс системы римского права. Харьков: Д.Н. Полуехтов, 1889. С. 102; *Покровский И.А.* Право и факт в римском праве. Генезис преторского права. Ч. 2. Киев: Тип. имп. Ун-та св. Владимира, 1902. С. 135–136.

[5] См.: *Покровский И.А.* История римского права. С. 100.

[6] См.: *Новицкий И.Б.* Римское право. М.: Юрайт, 2019. С. 23–30.

autem jus, quo utimur, vel ad personas pertinet vel ad res vel ad actiones»). Соблюдая этот тезис, Гай в первой книге подробно осветил правовое положение физических лиц; дальше, во второй и третьей, – взгляды по поводу вещей, обязательств и наследования; и наконец, в четвертой – все, что касается гражданского процесса и исков. Ф.М. Дыдынский, говоря о Гае, подчеркивал, что «он разделил формально юридическую сторону права от тех отношений, которые составляют предмет защиты и охраны, и стал классифицировать право по роду этих отношений. На этой почве у него сложилось ясное понятие об юридических институтах»[1].

Эту мысль разделяет Д.В. Дождев, выражающий ее так: Гай совершил ощутимый переворот в умах современников, применив гипонимический анализ юридических явлений («вид» – «род» – «целое»), он стал утверждать, что механическую инструментальную институционную систему «лица – вещи – иски» целесообразно раскрыть через институциональную. В последней право объединяет совокупность взаимосвязанных институтов, где лица и вещи выступают гиперонимами, т.е. субъектами и объектами права, а иск суть средство порождения самого права и его принудительной защиты. Все перечисленные юридические институты, находящиеся в отношениях друг к другу, манифестируют подлинную сущность частного права. «Так, от права лиц, представленного как система статусов, изложение[2] переходит к объектам прав и их оборотоспособности, где уровень субъективного варьирует в зависимости от природы этих прав и институтов, а затем вновь принимает сугубо системный характер, разворачивая многослойный порядок защиты субъективных прав»[3], – пишет Д.В. Дождев.

Словом, во II в. н.э. научно-практическое осмысление частного права как медленно, но верно эволюционирующего от институционной системы к институциональной было устремлено в будущее. Оно являлось столь удачным, что послужило своеобразной основой для Кодекса Гермогениана (325 г.), а также кодификации Юстиниана, осуществленной в VI в. и включавшей в себя четыре части: 1) Институции (*Institutiones*), представлявшие собой элементарный и краткий компендиум римского права; 2) Дигесты (*Digesta seu Pandectae*), являвшиеся отрывками из сочинений выдающихся юристов, среди прочего две пятых из которых принадлежали Ульпиану и одна шестая – Павлу; 3) Кодекс (*Codex Justiniani*) и 4) Новеллы (*Novellae*) или сборники императорских конституций[4].

В Дигестах, созданных в 530–533 гг., имелся как дефинитивный аппарат, так и соответствующее структурирование институтов, с точки зрения частного права обнимавшее судебную деятельность, имущественные и наследственные пра-

[1] Институции Гая. Текст и перевод. Варшава: Изд. Ф. Дыдынского, 1891. С. XX.

[2] Здесь имеются в виду «Институции» Гая.

[3] *Дождев Д.В.* Европейская традиция частного права: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2021. С. 58–59.

[4] См.: *Schiller A.* Roman Law: Mechanisms of Development. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. P. 29–41.

воотношения, опеку и попечительство, комплекс норм, посвященных рабовладению, и др.[1] Причем сам Юстиниан настолько высоко ценил труды Гая и признавал неоценимый вклад его Институций в собственную законодательную кодификацию, что называл именитого юриста «наш Гай» (*Gaius noster*)[2].

При рецепировании римского права в средневековой Европе, как полагал Шарль Диль, все части *Corpus juris civilis* в той или иной мере шли в ход для постижения души частного права[3]. В свою очередь, С.А. Муромцев уточнял, что сама по себе рецепция в раздробленной Европе не была гомогенной. Она испытывала значительное влияние народных обычаев и *Corpus juris canonici*, что, впрочем, работало и в обратную сторону[4]. В XI–XV вв., особенно в Италии и Франции, при университетах как хранителях идеального знания образуются различные юридические школы, представители которых широко изучали Институции и Дигесты, разбирали способы защиты нарушенных прав и законных интересов участников гражданского оборота посредством разветвленного дерева личных, вещных, обязательственных и прочих исков[5].

Вместе с тем было бы опрометчиво говорить о том, что в указанное время в Европе воспроизводили институты частного права в том виде, в каком они присутствовали в эпоху римского домината или позднее в Византийской империи. Скорее шел непростой, а иногда контрадикторный поиск наиболее приемлемых механизмов юридического регулирования в плоскости местных правовых традиций, религиозных стереотипов и сложившихся общественных практик. К ним пытались приспособить римский юридический инструментарий за счет его интерпретации и комментирования (достаточно вспомнить немецкое «Зерцало исков» или *Klagspiegel*), в чем весьма преуспели глоссаторы и консилиаторы[6]. Безусловно, они испытывали священный трепет перед высшим авторитетом положений, выработанных римскими юристами, но это же им мешало видеть

---

[1] См.: *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. С. 14–18.

[2] См.: *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956. С. 16.

[3] См.: *Диль Ш.* Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. С. 255.

[4] См. подробнее: *Муромцев С.А.* Рецепция римского права на Западе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886.

[5] Нужно учитывать, что право средневековой Англии, подобно римскому праву, находилось под сильным воздействием «процессуального образа мышления», поскольку нормы материального права синтезировались в результате судебного прецедента. Это весьма напоминало римскую схему «*actio-jus*», отличную от «*jus-actio*», из которой в дальнейшем исходили пандектисты. См.: *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 282–283.

[6] См.: *Моддерман В.* Рецепция римского права. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1888. С. 85–89.

в них не догму, а творческое начало[1]. В своем рвении отыскать конечную истину они зачастую уходили от системного институционального подхода, появившегося во II в. н.э. Нередко они не замечали гипонимические связи между корреспондирующими или конкурирующими юридическими институтами. При этом им иногда сообщался иной коннотационный смысл, в частности периода правления императора Августа или еще более раннего, примером этому могут являться стипуляция, интердикт, фидеикомисс и др.[2]

Как таковая диалектическая систематика ускользала от средневековых правоведов, технико-юридическая догматизация жизни для них была много важнее. Поэтому они не смогли из массы юридических видовых констант вывести формулу их родового порядка и целостного правового надмножества[3]. Редукционистская методология делала их похожими на каменщиков, которые из старых и проверенных кирпичей так и не построили ничего величественного, ибо думали, что всякое сооружение состоит из этих простых кирпичей, а не из его взаимообусловленных родовых архитектурно планировочных звеньев. На тот момент ставшая банальной институционная система «лица – вещи – иски» им была вполне подвластна, они много изучали пандекты, кодексы и новеллы[4], но институциональное зерно осталось ими не усвоенным. В общих чертах юристы Высокого Средневековья не рассматривали дополняющие друг друга правовые институты как родовую форму организации одновидовых категорий, которая гарантирует их надлежащий функционал и целостность всего здания права.

Эпоха Ренессанса и Нового времени преображает картину мира, *inter alia* и юридическую. Ригористический практицизм сменяется естественно-правовым учением с его главенствующей несовместимостью между разумом индивида и правовым императивом. Не дарованные государством или обществом, но наличествующие у человека от природы права, его отношение к Богу, самому себе, здравому смыслу и свободе воли являются самоценными и достаточными нарративами[5]. Густав Радбрух точно подмечает: «они общеобязательны (общепризнаны) и не подвержены изменениям. Они познаваемы. А будучи познаны, они имеют примат перед противоречащим им законодательством. Позитивное право уступает естественному»[6].

---

[1] См.: *Виноградов П.Г.* Римское право в средневековой Европе. М.: Изд. А.А. Карцева, 1910. С. 33.

[2] См. там же. С. 23–29.

[3] См.: *Гудсмит Ж.Е.* Курс пандектов. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881. С. 6–7.

[4] См.: *Шулин Ф.* Учебник истории римского права. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. С. 126–129.

[5] Лишь в 1781 г. Иммануил Кант своей «Критикой чистого разума» в известной степени подорвал естественно-правовое учение, когда сказал, что человеческий разум представляет собой средство для достижения знаний, а не сосуд готовых знаний, что способствовало возврату к позитивизму.

[6] *Радбрух Г.* Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 26.

2. Институционно-пандектный подход в частном праве стран романо-германской правовой семьи: наброски к портрету

При таких обстоятельствах Институции Гая надолго выпали из фокуса научного зрения и были переоткрыты историком Бартольдом Георгом Нибуром лишь в 1816 г., когда он обнаружил палимпсест в библиотеке Веронского собора. Благодаря стараниям представителей немецкой исторической школы права – в лице самого Нибура, а также Беккера, Блюме, Бетман-Гольвега и др., – вернувшихся к позитивистскому способу мышления после событий Великой французской революции[1], Институции были вновь опубликованы в 1820 г., т.е. спустя 17 столетий[2].

Элементарный учебник Гая еще раз подтвердил мысль о том, что для римских юристов обычный гражданин – это не столько изолированное физическое лицо, приобретшее некий *status quo*, сколько полномочный субъект трехсоставного права частной собственности, могущий его защищать любыми доступными средствами, которые не противны закону[3].

Prima facie может показаться, что все случившееся с Институциями –результат заурядного исследовательского любопытства, как это бывает с древними артефактами. Но это не совсем так, поскольку в ту пору имела место медиатизация. Перефразируя, шло присоединение мелких германских княжеств и имперских городов к более крупным. По итогам общеевропейского Венского конгресса 1814–1815 гг. образовался Германский союз, включавший в себя по разным оценкам 38 или 39 государств, что инициировало обсуждение тем, связанных с реформированием коллективного политического, экономического, культурного и правового пространства, ранее относящегося к Священной Римской империи германской нации.

Если говорить о правовом поле, то сценарии были следующими: либо распространить действие Кодекса Наполеона на весь Германский союз (тем более часть немецких земель по левому берегу Рейна это уже сделала), либо учредить для данного Союза свой национальный кодекс, либо же осуществить самовозврат к прежним римско-германским правоположениям. Как следствие, многие историки и правоведы занялись целенаправленным отысканием римских аутентичных юридических первоисточников, что поощрялось правительственными и неправительственными учреждениями[4].

---

[1] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 29–30.

[2] См.: *Гурлянд И.Я.* Римский юрист Гай и его сочинения. Ярославль: Типо-лит. М.Х. Фальк, 1894. С. 110–113.

[3] См.: *Зом Р.* Институции: Учебник истории и системы римского гражданского права. Вып. 2. СПб.: Н.К. Мартынов, 1910. С. 5–6.

[4] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное: в 6 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. С. 417–418.

Несомненно, после победы антифранцузской коалиции наименьшую поддержку имел первый сценарий: всерьез опасались, что *Code Napoléon* может если не подавить, то, во всяком случае, пренебречь национальными правовыми обыкновениями немцев. Поэтому в 1814 г. профессор Гейдельбергского университета Антон Фридрих Юстус Тибо обнародовал небезызвестные «Гражданские трактаты» («*Civilistische Abhandlungen*»), в которых предложил реализовать идеологему об официальном принятии на немецких территориях единого кодекса гражданского права (как это было сделано в 1804 г. во Франции при принятии Кодекса Наполеона, нивелировавшего хаотичность и диссонанс разнообразных правоустанавливающих документов).

В том же году ему возразил Фридрих Карл фон Савиньи в своей брошюре «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению» («*Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*»), полагавший, что право всякого народа должно развиваться не произвольно и стремительно, не путем насаждения легальных новшеств сверху, но постепенно и закономерно, из чувства уважения к достижениям прошлого, двигаясь к грядущему прогрессу[1]. В условиях борьбы философской и исторической школ им синхронно отрицалось естественно-правовое учение и полностью поддерживалась теза о том, что средневековое германское право прямо восходит к римскому праву[2]. В этом плане он продолжил эскалировать мысль Густава фон Гуго, высказанную им еще в 1789 г. в книге «Институты современного римского права» («*Institutionen des heutigen Römischen Rechts*»).

Волей-неволей *Code Napoléon* и глубокие научные диспуты усилили интерес к классическому римскому юридическому наследию, в том числе и потому, что с содержательной и технико-юридической позиции любой нормативный акт должен покоиться на строго выверенных началах и определенной системе (будь то единый кодекс или обособленный закон, регулирующие обширные и архисложные гражданские права и обязанности). Вследствие этого в первой половине XIX в. из-под пера как сторонников, так и противников кодификации вышло множество фундаментальных тематических работ, особенно немецких авторов. Среди них можно назвать Фридриха Карла фон Савиньи – «История римского права в Средние века» («*Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter*») и «Система современного римского права» («*System des heutigen römischen Rechts*»), Георга Фридриха Пухту – «Лекции по современному римскому праву» («*Vorlesungen über das heutige römische Recht*»), Густава фон Гуго – «Вклад в цивилистическое научное знание за последние сорок лет» («*Beiträge zur civilistischen Bucherkenntniss der letzten vierzig Jahre*») и др.

---

[1] См.: *Муромцев С.А.* Образование права по учениям немецкой юриспруденции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. С. 1–6.

[2] См.: *Аннерс Э.* История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 299–300; *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. С. 83–86.

Возвращаясь к Кодексу Наполеона, важно подчеркнуть, что его создатели скорее руководствовались институционными воззрениями, а не институциональными. В большей степени они сконцентрировались на конкретных институтах, а не на определении понятий, выяснении видородовых категориальных связей и результирующих суждениях, что ранее выгодно отличало Дигесты или Пандекты (от греч. *πανδέκτης* – всеобъемлющий). Его книги содержали дескрипцию правового положения физических лиц, брачно-семейных отношений, имущества и видоизменения собственности, возникновения обязательств[1]. Но это отнюдь не делало кодифицированный акт ненациональным. «Кодекс подчинился двум влияниям: с одной стороны – старому, с другой же – новому, революционному. От нового он заимствовал струю свободы, равенства; от старого же – всю форму, содержание и подробности отдельных институтов. Под влиянием римского права Кодекс принял институционную форму изложения, т.е. он делится на три книги: I – Des personnes (Personen und Familienrecht) – о лицах; II – Des biens et des différentes modifications de la proprieté (Sachenrecht) – о вещах; III – Des différentes manières dont on acquiert la propriété (Rechtserwerb durch Erbschaft und Singularsuccession mit Einschluss des Obligationenrecht) – о способах приобретения собственности, – т.е. Кодекс делится на книги, соответствующие подразделениям: 1) personae, 2) res и 3) actiones»[2], – писал Феликс Шенвиц.

Книга о гражданском судебном производстве не была разработана и в Кодекс Наполеона не вошла, так как имелось решение о демаркации материальных и процессуальных норм с последующим законодательным обособлением последних. Это совершенно согласовывалось с французским историческим опытом, ибо еще в 1667 г. Людовик XIV повелел издать два самостоятельных ордонанса о гражданском и уголовном судопроизводстве, для которых был высок непоколебимый авторитет церковных судебных процедур (*de modo procedendi pro tutela jurium*), всегда оказывавших сильное влияние на светскую законодательную жизнь Франции[3].

Урегулирование режима разбирательства гражданских дел в органах правосудия произошло в 1807 г., когда в силу вступил *Code de procédure civil*, с изменениями и дополнениями действовавший вплоть до 2007 г. Его «отцами» являлись магистраты и практики минувшего режима, они, держась привычных шаблонов, опорной точкой судебного процесса выбрали процедуры, что отразилось в названии Кодекса. В итоге получилось собрание процедур *pro forma*, что уже в начале XIX в. вызывало некоторые нарекания[4].

---

[1] *Богоненко В.А.* Кодификация гражданского права в странах правового классицизма. Минск: А.Н. Вараксин, 2008. С. 13.

[2] *Шенвиц Ф.* Кодекс Наполеона. Его характер и причины распространения. СПб.; Варшава: Тов-во «Орос», 1912. С. 48–49.

[3] См.: *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1998. С. 438–444.

[4] См.: Гражданский процессуальный кодекс Франции // https://fr.wikipedia.org/wiki/Code_de_proc%C3%A9dure_civile_(France).

Code Napoléon и *Code de procédure civil* послужили примером для большинства стран группы романского права (Италия, Испания, Бельгия и др.) и более всего для тех, которые ранее являлись французскими колониями[1]. Они до сих пор не отклоняются от частных гражданско-правовых институтов и процедурных начал, но в их законодательстве есть и недавно трансплантированные публично-правовые образования (общественное служение, публичность вещных прав на земельные участки, интересы публичного порядка, генетические права и идентификация человека и др.)[2].

Что касается немецких правоведов первой половины XIX в., то следует отметить одну немаловажную подробность: их скрупулезная деятельность по отысканию и изучению римских юридических первоисточников привела к альтернативному эффекту: доктринально-верифицированному фундированию, классификации и генерализации всех имевшихся на тот период знаний[3]. Они – Георг Фридрих Пухта, Карл Филипп Адольф фон Вагнеров, Генрих Дернбург и др., – так же как и их французские коллеги, опирались на юстиниановский *Corpus juris civilis*.

Однако их исследовательский взгляд был устремлен в первую очередь на Дигесты или Пандекты, коль скоро в них содержался не только ключ к постижению юридической техники, но и ценные сведения по поводу обоснования причинно-следственных коммуникаций между различными правовыми институтами[4]. На сей счет Генрих Дернбург писал, что сочинения римлян хороши тем, что они «имеют мало общего с законами, в современном смысле – это научные исследования, нисколько не потерявшие своего характера от того, что Юстиниан провозгласил их законами»[5].

Все это обусловило рождение пандектной системы права, которая, в сравнении с институционной, соединяя эмпиризм и рационализм, занялась выработкой легальных принципов и дефиниций (к их числу можно отнести сделку, договор, вещь, право собственности, обязательство, деликт и др.), отчасти отвлеченным овладением видородовых частноправовых и публично-правовых отношений и др.[6] Размежевание норм материального и процессуального права в трудах

---

[1] См.: *Дербишева О.А.* Судебное разбирательство по законодательству Франции // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7(73). № 3. Ч. 1. С. 123–135.

[2] См.: *Богоненко В.А.* Кодекс Наполеона. Историко-правовой аспект. Минск: А.Н. Вараксин, 2014. С. 128–129, 131, 136.

[3] См.: *Давид Р.* Основные правовые системы современности / пер. и вступ. ст.: В.А. Туманов. М.: Прогресс, 1988. С. 79.

[4] См.: *Дождев Д.В.* Римское частное право: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1996. С. 77.

[5] *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 1: Общая часть. М.: Унив. тип., 1906. С. 19–20.

[6] См.: *Сударев Г.А.* Теоретические модели вины потерпевшего в трудах пандектистов // Вестник гражданского права. 2022. Т. 12. № 5. С. 192–235.

пандектистов приобрело почти завершенный вид. *In complexu*, как доказательно замечал Бернхард Виндшейд, пандектное право есть не что иное, как общегерманское гражданское право римского происхождения[1].

Пандектный метод стал своеобразной платформой или инструментом создания Гражданского уложения, принятого Рейхстагом объединенной Германской империи в 1896 г. и включавшего в себя пять книг[2]: общая часть с указанием понятий и категорий (физические и юридические лица, союзы, учреждения), обязательственное, вещное, семейное и наследственное право[3].

Поколебать указанный метод не удалось ни Теодору Рудольфу Штаммлеру, виднейшему немецкому представителю школы возрожденного естественного права, ни Отто Фридриху фон Гирке с его концепцией «социального духа». Интересно, что первый в своей книге с тяжеловесным названием «Экономика и право согласно материалистическому взгляду на историю: Социально-философское исследование» («*Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung: Eine sozialphilosophische Untersuchung*») призывал отойти от сухой пандектики, так называемого книжного права и, наконец, заняться живой «человеческой социальной жизнью»[4]. В свою очередь, Отто Фридрих фон Гирке в работе «Немецкое частное право: Общая часть и личный закон» («*Deutsches Privatrecht Erster Band: Allgemeiner Teil und Personenrecht*») вообще констатировал, что римское право «навечно мертво»[5].

При этом в ракурсе сопоставления с *Code Napoléon* в германском *Bürgerliches Gesetzbuch* обнаруживался достаточно сильный публично-правовой уклон, ибо считалось, что на государство возлагается функция не только создания общеобязательных правил поведения частного порядка, но и установления пределов вмешательства самого государства в дела граждан, и *vice versa*. Гольденринг писал: «Бросается в глаза стремление Гражданского уложения быть правом социальным, справедливым и моральным. Социально оно прежде всего в том смысле, что оно не индивидуально и что оно враждебно выступает против эгоизма отдельного человека; человека оно рассматривает не как стоящего изолирован-

---

[1] См.: *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Т. 1: Общая часть / пер. с нем., под ред.: С.В. Пахман. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. С. 1–2.

[2] Сарказм истории заключается в том, что принятие Гражданского уложения привело к повсеместному упразднению курса науки пандектного права в университетах Германии, поскольку считалось, что в уложении уже воплощено все лучшее, а значит, пандектика как самостоятельный юридический предмет выполнила свою миссию и больше не востребована.

[3] См.: *Колосок С.В.* Кодификация гражданского права Германии в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 22–28.

[4] *Stammler R.* Wirtschaft und recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung: Eine sozialphilosophische untersuruchung. Leipzig: Veit & Comp., 1896. S. 11.

[5] *Gierke O. v.* Deutsches Privatrecht. Allgemeiner Teil und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. S. 13.

ного индивидуума, но обращает несравненно в большей мере, чем это имело место в римском праве, внимание на его отношение к своим ближним, к обществу и человечеству»[1].

Поскольку пандектистика сразу дистанцировала друг от друга нормы материального права, как частноправовые, так и процессуальные, как публичноправовые, то в дальнейшем этот прием был использован в ходе создания Гражданского процессуального уложения Германии, изданного в 1877 г. и введенного в действие в 1879 г. в составе Законов имперского правосудия (*Als Reichsjustizgesetze*), т.е. значительно раньше, чем Гражданское уложение. Этому предшествовала большая и отчасти схоластически-теоретизированная работа, сопряженная с аргументацией, в частности, общих и специальных институтов гражданского процессуального права (порядок разбирательства в суде первой инстанции, средства правовой защиты, повторное рассмотрение дела и др.), а также корреляцией таковых посредством единого или множественного правоотношения[2]. В качестве подтверждения можно привести монографии Оскара Роберта Артура Бюлова «Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки» (1868 г.) и Морица Августа фон Бетман-Гольвега «Гражданский процесс общего права в историческом развитии» (1863–1874 гг.).

После появления Гражданского процессуального уложения Германии активные научные занятия продолжились. Достаточно вспомнить ныне подзабытую книгу Адольфа Эдуарда Людвига Густава Ваха «Декларативное требование. Вклад в теорию права на судебную защиту» («*Der Feststellungsanspruch: Ein Beitrag zur Lehre vom Rechtsschutzanspruch*») (1889 г.) или разных лет лекции того же Оскара Бюлова, переизданные в Тюбингене (2003 г.) под общим названием «Общее немецкое гражданско-процессуальное право» («*Gemeines deutsches Zivilprozessrecht*»).

В этой связи *Zivilprozessordnung* различался с *Code de procédure civil*. Он опирался на прерогативу применения государством силы для защиты и охраны партикулярных прав[3], а равно краеугольную посылку: материально-правовой предмет требования (спора) предопределяет суть судебного процесса и эксплуатируемые

---

[1] *Гольденринг.* Дух нового Германского гражданского уложения. СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1900. С. 10.

[2] См.: *Цвайгерт К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 218.

[3] Адольф Вах отмечал: «Der Rechtsschußanspruch ist das Recht auf civilprozessualischen Schuß, auf den Rechtspflegeakt, welcher das Ziel des Prozesses bildet. Er richtet sich an den Staat, welcher den Schuß gewähren foll; er richtet sich gegen den Gegner, dem gegenüber derselbe zu ges währen ist. Er ist publizistischer Natur; er ist nicht der Ausfluß oder Ausdruck des subjektiven Privatrechts» («Право на судебный иск есть право на гражданский процессуальный иск, на правовой акт, составляющий цель процесса. Оно обращается к государству, которое должно дать старт; оно направлено против противника, которому должно быть предоставлено то же самое. Оно носит публичный характер; это не эманация или выражение субъективного частного права») (*Wach A.* Der Feststellungsanspruch: Ein Beitrag zur Lehre vom Rechtsschutzanspruch. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889. S. 15).

в нем институты[1]. Отсюда самопомощь воспрещалась, частные процедуры сводились к минимуму, а само производство возбуждалось и имело свои особенности в зависимости от заявленного истцом притязания[2], которое непременно должно было проистекать из обязательственных, вещных, семейных, наследственных прав и обязанностей[3].

De facto отказ от процедурности судебного процесса кодировался еще одним обстоятельством: исторически «германские суды с их особыми процессуальными формами и их обычным правом были вытеснены трибуналами, следовавшими римским правилам; прежде всего это вытеснение началось благодаря организации центрального имперского суда, «Reichskammergericht»»[4], который существовал с 1495 по 1806 г. как орган обеспечения публичного порядка.

Bürgerliches Gesetzbuch и *Zivilprozessordnung* в романо-германской правовой семье сыграли важную роль для правотворчества стран группы германского права (Австрия, Россия, Швейцария и др.), где и по настоящее время неравнодушны к универсализированным правовым образам, общие и специальные институты закрепляются в свете не столько либерально-гуманистической естественно-правовой доктрины, сколько юридического позитивизма с его строгой иерархичностью и координацией предписаний, регулирующих действия, которые скрепляются правоотношениями[5]. В XIX в. это вполне отвечало магистральному вектору – государство в лице его компетентных органов есть единственный держатель монополии на право в любых его проявлениях.

Вместе с тем, как верно полагают Рене Давид и Камилла Жоффре-Спинози, приведенные выше и до сих пор сохраняющиеся различия во французском и немецком праве неверно преувеличивать или переоценивать. Можно лишь рассуждать о той или иной степени абстрактности понятий, характерных для стран германского права, что несвойственно государствам романского права, а также об отсутствии в латинском юридическом сегменте крупных вкраплений публично-правовых компонентов[6].

---

[1] Здесь мы наблюдаем одну из первых законодательных фиксаций правила о производности «*actio*» от «*jus*».

[2] Здесь мы намеренно не будем затрагивать дискуссионный вопрос о тождественности или нетождественности правового требования и притязания в силу его косвенного характера для настоящей статьи.

[3] См.: Гражданский процессуальный кодекс Германии // https://de.wikipedia.org/wiki/Zivilprozessordnung_(Deutschland).

[4] *Виноградов П.Г.* Указ. соч. С. 91–92.

[5] См.: *Андреева И.А., Матанцев Д.А.* Сравнительное правоведение. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 37–38.

[6] См.: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 54–55, 106–107.

Это лишний раз подкрепляет гипотезу о том, что на самом деле вряд ли стоит антагонизировать институционный и пандектный подходы. Судя по всему, они субсидируют друг друга, что приводит к образованию интегрированной институциональной конструкции, где надстройкой являются общие правовые положения, а базисом – институты. Вероятно, это происходит из-за того, о чем говорил еще Аристотель: нормы права, какими бы они ни были многочисленными и качественными, не способны опоясать собой всю казуистику, поэтому остается обращаться к всеобъемлющим сущностям, таким как справедливость, нравственность, добросовестность, добродетель, свобода воли, общее благо и пр.[1]

3. Институционно-пандектный подход в праве России: краткий анализ

В России, как известно, попытка кодификации гражданского права, начавшаяся при Александре I, успеха не имела: гражданское уложение Российской империи *ex officio* так никогда и не появилось на свет. Но в русле подготовки его первой части была осуществлена большая самостоятельная научно-исследовательская кампания[2]. «Другие искали доказать, что Уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изобличить также нетрудно, ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т.е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны…»[3], – на обвинения недругов отвечал М.М. Сперанский.

Позднее Александр III, осознавая всю значимость и востребованность монолитного цивилистического законодательства, повелел начать подготовительную деятельность по составлению еще одного проекта Гражданского уложения. Для этого был учрежден специальный Комитет, куда вошли сенаторы, профессора, представители юридических сообществ и иные признанные знатоки гражданского права и практики его применения.

На первых своих заседаниях Комитет (внутри которого существовала Редакционная комиссия) задался стержневым вопросом: какими должны быть предмет, принципы и система, детерминирующие содержание будущего закона? Высказывались разные мнения, но большинство членов Комитета вполне отдавали себе отчет в том, что весьма затруднительно обосновать отход от институционной системы «лица – вещи – обязательства» – суть ядро Свода законов Российской

---

[1] См.: *Аристотель.* Политика / *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 574–549.

[2] См.: *Томсинов В.А.* Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94.

[3] *Сперанский М.М.* Пермское письмо императору Александру I / *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 576.

империи 1832 г.[1] При этом нельзя было игнорировать и положительность пандектного подхода, постулировавшего типовые дескрипции, разграничение частных и публичных прав и др.[2]

Компромиссный вариант решения проблемы был предложен рядом правоведов. Так, С.В. Пахман писал: «Спрашивается: следует ли остановиться на этой системе при составлении гражданского уложения или избрать другую, более удобную или более научную? Существенное отличие от нашей представляет собою только система, принятая в Саксонском гражданском кодексе. Она построена на основании той научной системы, которая выработана в Германии, и заключается в разделении кодекса на пять книг: 1) Общие положения; 2) Вещное право; 3) Право требований; 4) Семейное право и опека; 5) Наследственное право. Эта система заключает в себе несомненные научные и практические достоинства, преимущественно в том отношении, что изложению отдельных институтов предшествует так называемая общая часть или, по выражению кодекса, «общие положения». Но это такая особенность, которая не была чужда и системе, называемой собственно римскою: в «институциях» находим уже общее введение о праве и его источниках»[3].

В итоге опубликованный в конце XIX в. для всеобщего обозрения проект Гражданского уложения, как отмечает В.А. Томсинов, был организован в стилистике *Bürgerliches Gesetzbuch*, но с учетом обоих подходов – институционного и пандектного[4]. По причине этого книги излагались в таком порядке: 1) Общие положения; 2) Семейственное право; 3) Вотчинное право; 4) Наследственное право; 5) Обязательственное право[5].

Легко увидеть, что все несовпадения являлись не субстанциальными, а в большей мере композиционными. В отечественном законе в отличие от германского вторая книга посвящалась семейным, а не обязательственным правоотношениям, вотчинное право именовалось на старорусский манер, но сути это не меняло – речь шла все о том же вещном праве[6]. Превыше было другое: авторы проек-

---

[1] См.: *Лядащева-Ильичева М.Н.* Система гражданского (частного) права в России второй половины XIX – начала XX века: историко-теоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2. С. 38.

[2] См.: *Малинин М.И.* К вопросу об общих принципах гражданского права и Гражданского уложения. Одесса: Тип. П.А. Зеленого (Б.Г. Ульриха), 1882. С. 3–21; *Резанов Н.В.* Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (ч. 1) // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 9. С. 122–139.

[3] *Пахман С.В.* К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1882. С. 24–25.

[4] См.: *Томсинов В.А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века // Законодательство. 2015. № 2. С. 88–94; № 3. С. 88–94; № 4. С. 88–94; № 5. С. 88–94.

[5] См. подробнее: Проект Гражданского уложения с объяснительной запискою. СПб.: Гос. тип., 1895.

[6] См. подробнее: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. Репр. изд. М.: Волтерс Клувер, 2007.

та Гражданского уложения Российской империи, так же как и многие правоведы стран континентальной Европы, пошли по пути синтеза институционной и пандектной систем права, которые и без того не имели сколь-нибудь кардинальных расхождений, беря из них самое лучшее.

Все очерченное налагалось на еще один фактор. В России нормы гражданского процессуального права были сепарированы от материальных несколько ранее – при принятии Устава гражданского судопроизводства 1864 г.[1] (далее – УГС), коим радикально реформировалось все процессуальное функционирование органов правосудия, – что корреспондировало общеевропейской практике. При этом отечественный судопроизводственный закон порой брал за образец романские или французские юридические стандарты[2]. Но в целом в ходе подготовки судебной реформы в «Основных положениях преобразования судебной части в России» (1862 г.) принимался во внимание не только французский, но и германский, австрийский, бельгийский и даже английский правотворческий опыт[3], невзирая на то, что британским юристам были чужды учение пандектистов и их способ «правильного» мышления[4].

Одним словом, Российская империя, стремясь быть одним из ведущих игроков мировой политики и экономики, выстраивала собственный правовой строй так, чтобы он оптимально обеспечивал взаимодействие с доминирующими и исторически тесно объединенными правовыми системами – институционной и пандектной. Как следствие, УГС заключал в себе общую часть и принципы, наряду с изложением главенствующих процессуальных институтов в четырех книгах: 1) Порядок производства в мировых судебных установлениях; 2) Порядок производства в общих судебных местах; 3) Изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства; 4) Судопроизводство охранительное.

Объясняя комбинированное построение УГС через оптику смешанной институционно-пандектной системы, И.В. Гессен замечал, что впервые в России судебная власть отделялась от административной, вводились устность, глас-

---

[1] Нужно помнить, что Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского так или иначе представлял собой почти дословный перевод *Code de procédure civile* 1806 г. См.: *Турлуковский Я.* Краткое слово о французском гражданском процессе в Польше // Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М.: Статут, 2018. С. 42–52.

[2] См.: *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб.: Б.и., 1876. С. 63–64.

[3] См.: *Щегловитов И.Г.* Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 г. Петроград: Тов-во И.Д. Сытина, 1915. С. 32; *Малешин Д.Я.* Вместо предисловия: «прадеды» и «правнуки» Судебной реформы 1864 г. // Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 г. – 20 ноября 2014 г.): сборник научных статей / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2014. С. 10.

[4] См.: *Цвайгерт К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 228, 279.

ность, состязательность, подробно регламентировалась процессуальная деятельность судов двух инстанций, уничтожались канцелярская тайна и ревизионный механизм проверки судебных решений и др. Теперь судебное производство декларировалось как явление публично-правовое с присущими ему уникальными признаками[1].

Ipso facto сказанное роднило УГС с *Zivilprozessordnung*, в котором тоже присутствовали «Общие положения» как отражение достижений пандектики, и одновременно с *Code de procédure civil*, который одним из первых предложил руководствоваться институционным алгоритмом изложения нормативного материала, но посредством процедур. Однако, в общем и целом, УГС, в отличие от французского процессуального закона, не поддержал концепт особых внесудебных и судебных процедур разрешения дел, к примеру, касательно платежных предложений и депозитов или споров о наследстве. Хотя отдельные элементы таковых в нем присутствовали в форме сокращенного, упрощенного и понудительного производств[2], на продуктивность которых возлагались определенные надежды, но они не оправдались[3].

Все это свидетельствует о том, что отечественный УГС, индуцированно восприняв институты как структурно-функциональную единицу построения единого процессуального организма, в большей мере находился в границах публично-правовых паттернов стран группы германского, нежели романского, права с его частноправовым методом и процедурностью.

После революции создатели ГК РСФСР 1922 г. и ГПК РСФСР 1923 г. также использовали испытанный смешанный институционно-пандектный подход, но, естественно, демонстративно отвергали всякую связь с ним, поскольку отрицали буржуазное право в любых его ипостасях[4]. В процессуальном кодексе автономизировались общие положения, но процессуальные институты были несколько иные: 1) Исковое производство; 2) Особые производства; 3) Обжалование и пересмотр решений; 4) Исполнение судебных решений. Всячески масштабировалась мысль о том, что советское судопроизводство по гражданским делам

---

1 См.: *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб.: Гершунин и К°, 1905. С. 53–54.

2 См.: *Папулова З.А.* Исторический аспект регламентации упрощенного производства в российском законодательстве // Право и политика. 2013. № 7. С. 938–940; *Любовенко Е.С.* Устав гражданского судопроизводства Российской империи и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: опыт диахронного анализа // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4(60). С. 145–152.

3 См.: *Кудрявцева Е.В.* Порядки производства по делу (общий, сокращенный, упрощенный, понудительный) по судебным уставам и законодательству второй половины XIX в. // Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 234.

4 См.: *Рындзюнский Г.Д.* Техника гражданского процесса применительно к Гражданскому процессуальному кодексу Р.С.Ф.С.Р. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. С. 1–3; *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: Зерцало-М, 2002. С. 1–8.

в ущерб началам состязательности и диспозитивности отталкивается исключительно от публичного интереса, а потому направлено на достижение объективной истины по заявленному требованию без легального юридического формализма и при активизме органа правосудия[1].

Отсюда происходили некоторые изменения в составе процессуальных институтов, что провоцировалось политико-правовыми движущими силами. Причем, что любопытно, в кодексе к особым производствам были отнесены и отдельные судебные процедуры, в частности о внесении в суд предметов обязательства (депозит) и выдача судебных приказов по актам[2]. К 1929 г. их число значительно сократилось, насчет оставшихся подчеркивалось, что с технико-юридической точки зрения на них простираются правила общего процесса[3].

В дальнейшем от процедурности совсем отказались, сохранив лишь опорные процессуальные институты. Так, в ГПК РСФСР 1964 г. в одном ряду с общей частью были зафиксированы: 1) Производство в суде первой инстанции; 2) Производство в кассационной инстанции; 3) Пересмотр решений, определений и постановлений, вступивших в законную силу; 4) Исполнительное производство; 5) Гражданские процессуальные права иностранных граждан и лиц без гражданства; иски к иностранным государствам, судебные поручения и решения иностранных судов; международные договоры.

Производство в суде первой инстанции в силу материально-правового критерия диверсифицировалось на исковое; производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений; особое производство. А.А. Мельников писал, что «специфика материальных правоотношений, требующая установления существенных процессуальных особенностей судебного рассмотрения и разрешения дел, – основная причина деления гражданского судопроизводства на самостоятельные виды: исковое; по делам, возникающим из административно-правовых отношений; особое»[4].

Предложенное законодательное решение оказалось жизнеспособным, оно находилось в стандартных доктринально-прикладных параметрах, обоснованных еще немецкими пандектистами[5] (как всегда, разумеется, это официально во

---

[1] См.: *Фишман Л.И.* Движение гражданского процесса. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1926. С. 9–22; *Клейнман А.Ф.* Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1940–1941.

[2] См.: *Солохин А.Е.* Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 8. С. 135–157.

[3] См.: *Рындзюнский Г.Д.* Указ. соч. С. 4.

[4] *Мельников А.А.* Понятие и сущность советского гражданского процесса // Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам / под ред. А.А. Мельникова. М.: Наука, 1981. С. 121.

[5] Как тут не вспомнить их спор о том, какое соотношение верно – «*actio-jus*» или же «*jus-actio*».

всеуслышание не констатировалось) и используемых по настоящее время многими странами романо-германской правовой семьи[1]. Соответствующее решение в течение нескольких десятилетий советские органы правосудия вполне успешно претворяли в действительность в ходе рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Принятие в 1993 г. Конституции РФ, а также двух частей ГК РФ в 1994 и 1995 гг. привело к появлению массы новых общественных правовых отношений и тем самым множества споров в судах. Прежнее процессуальное регулирование начало отставать от потребностей практики, в первую очередь связанных с быстротой рассмотрения представителями Фемиды материально-правовых требований заинтересованных лиц. Вот почему российский законодатель приступил к поиску средств купирования возникшей острой проблемы. Одним из таких средств могли стать судебные процедуры, что и было апробировано на заочном решении и приказном производстве, которые конституировались Федеральном законом от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» и помещались в разд. II «Производство в суде первой инстанции. Исковое производство».

В 2002 г. ввиду очередного реформирования судебного производства по гражданским делам и экономическим спорам были приняты ГПК РФ и АПК РФ. Ими по институционно-пандектной модели почти одинаково были определены общие положения и более-менее нетождественно изложены процессуальные институты. Не повторяя без надобности структуру кодексов, лишь кратко сосредоточимся на следующих позициях: во-первых, в ГПК РФ такой институт, как производство в суде первой инстанции, охватил собой исковое, публичное, особое производство, а также приказное производство, которое изолировали от искового, оставив в последнем процедуру заочного производства. Во-вторых, в поле координат АПК РФ не предусматривалось особое производство, но имелись и имеются особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел, что не одно и то же. В-третьих, изначально для арбитражных судов законодатель не усмотрел надобности закрепления приказного и заочного производств, но сделал обратное в отношении упрощенного производства.

Поскольку приказное производство как процедура перестало отвечать признакам гражданской процессуальной формы, в специализированной литературе была сформулирована нетривиальная точка зрения о том, что оно находится за демаркационными линиями правосудия[2]. Многие согласились с подобным суждением, но с некоторыми оговорками, начиная с доводов в пользу того, что

---

[1] См.: *Schapp J.* Methodenlehre und System des Rechts: Aufsätze 1992–2007. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. S. 56.

[2] См.: *Туманов Д.А.* Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–20.

приказное производство вообще не в полном объеме согласуется с конституционными установками[1], до более мягкого вывода: сами по себе судебные процедуры ассоциативны процессуальной форме, что опять-таки не распространяется на приказное производство[2].

В дальнейшем сходная полемика состоялась касательно упрощенного производства[3], которое, вслед за АПК РФ, воспроизводилось в ГПК РФ Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». И это притом, что тогда же в АПК РФ санкционировали приказное производство, *ultima ratio* вызвал разнополярные диспуты среди правоведов[4].

Может показаться, что законодатель в названных нормативных актах полностью унифицировал судебные процедуры, но с технико-юридической высоты и видородовых категориальных связей это далеко не так. Если в ГПК РФ приказное и упрощенное производства подчиняются сфере действия процессуального института производства в суде первой инстанции (правда, лишь частично, ведь упрощенное производство наряду с этим включено в подразд. II «Исковое производство»), то в АПК РФ они помещены в разд. IV «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел», т.е. по большому счету включены в институт видов производства, обусловленный материально-правовым критерием.

Для сравнения в КАС РФ выбрана третья версия: приказное производство открывает разд. III «Общие правила производства в суде первой инстанции»; упрощенное (письменное) производство по административным делам не вошло ни в общие правила, ни в особенности производства по отдельным делам. Тем самым его суверенизировали от таких институтов, как производство в суде первой инстанции и виды производства.

Короче говоря, законодатель достаточно произвольно обращается с недавно возникшими в российском цивилистическом процессуальном законе судебными процедурами, сопрягая их с классическими институтами, имеющими разное правовое происхождение, и пренебрегая видородовыми категориальными отношениями, что в реальности не упрощает, а усложняет судебное функционирование. В его действиях не обнаруживается синкретики, в том числе если

---

[1] См.: *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009. С. 486.

[2] См.: *Попова Ю.А.* Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 10–40.

[3] См.: *Курочкин С.А.* О соотношении понятий «правосудие», «судопроизводство» и «процесс» // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 6. С. 112–132.

[4] См.: *Громошина Н.А.* О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 34–40.

рассуждать о примирительных процедурах и групповых исках[1]. Тем не менее, как справедливо полагает Т.В. Сахнова, «ситуация стала меняться с принятием ГПК РФ и АПК РФ 2002 г., которые, по нашей оценке, дали мощный импульс процедурному развитию цивилистического процесса. Впрочем, оно стало скорее следствием внутренней эволюции процесса, вызванной потребностями саморазвития, нежели доктринально осознанным движением»[2].

В связи с этим зададимся более обширным вопросом: насколько вообще уместно инсталлировать судебные процедуры в отечественный цивилистический процессуальный механизм регулирования в контексте институционно-пандектного подхода, инициировавшего возникновение институциональной системы? Формальный ответ находится на поверхности: если законодатель это делает, руководствуясь соображениями процессуальной экономии, необходимостью сокращения временны́х, интеллектуальных, материальных и прочих затрат, снижения судебной нагрузки и многим другим, – значит, все происходящее допустимо. Так работает юридический позитивизм (*sic*).

Но является ли подобный ответ самодостаточным и исчерпывающим с научной точки зрения? По-видимому, нет, коль скоро всякая наука, *inter alia* и правовая, направлена на получение и систематизацию объективных знаний об изучаемом предмете, начиная с его детектирования и пошагового изменения, заканчивая анализом актуального и перспективного состояния. Каковы же нынешние доктринальные воззрения по поводу онтологической проблемы устройства российского цивилистического процесса?

На этот счет по меньшей мере сформировалось несколько мнений. Первое традиционное: нет никаких внешних и внутренних детерминант к тому, чтобы коренным образом модифицировать публично-правовую направленность цивилистического процесса вместе со сложившимися формой и режимом его институтов. Так, Н.А. Громошина утверждает, что «при рассмотрении гражданского судопроизводства сквозь призму дифференциации обнаруживается необходимость отграничения его... от процедур, не относящихся к процессуально-правовой сфере… от несудебных процессуальных процедур. Иными словами, надо четко обозначить границы рассматриваемых явлений, провести дифференциацию «снаружи»»[3].

---

[1] См.: *Герасимова С.И.* Судебные примирительные процедуры в Германии, Франции и России // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 53–58; *Сахнова Т.В.* О реформах цивилистического процесса 2018–2019 гг.: взгляд сверху // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 12–29; *Она же.* О концепте примирительных процедур и их ценностных ориентирах // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 12–14.

[2] *Сахнова Т.В.* «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 4. С. 27.

[3] *Громошина Н.А.* Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 17.

Второе мнение новаторское, подразумевающее переформатирование процессуального функционирования под процедурность с элементами децентрализации[1]. «На наш взгляд, будущее цивилистического процесса в целом связано с развитием в первую очередь частноправового начала в методах судебной защиты, выражаемых через многообразие судебных процедур. Публичная составляющая цивилистического процесса призвана корреспондировать частноправовому началу, обеспечивая его действенность и эффективность, не подавляя его», – полагает Т.В. Сахнова[2].

Наконец, по оценке третьих авторов, вся «соль» кроется в поиске приемлемого частно-публичного баланса. Частноправовые начала позволят бесконфликтно ввести в кодексы судебные процедуры и разбить их по видовым признакам, в то время как публичные нормы можно перенести в общую часть кодифицированных актов. «Подобная модель позволит выстроить непротиворечивую систему общих и специальных норм»[3].

4. Некоторые промежуточные суждения

Нам представляется, что существование цивилистического процесса оправдывается лишь одним релевантным обстоятельством – имманентной результативностью принудительной юридической защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов физических лиц и организаций в рамках справедливого судебного разбирательства. Если это имеет место в реальности, то, как показывает законодательная и правоприменительная практика стран континентальной Европы, судебное производство широко востребовано в своем многообразии и вариативности[4]. При этом на поверку субъектам нарушенного или оспоренного права, заинтересованным в таком производстве, не так уж важно, каким замковым камнем оно скреплено: посредством процессуальных институтов, свойственных странам группы германского права, или процедур, как это прослеживается в романской правовой сюжетной линии.

In summa организация соответствующей юрисдикционной деятельности органов правосудия может быть любой, весомо другое – достижение означенной выше цели, ради которой создается и реализуется сам цивилистический процесс. В про-

---

[1] См.: *Сахнова Т.В.* Процедуры в цивилистическом процессе (nota bene к будущему) // Teise. 2009. Vol. 71. P. 25–40; *Она же.* Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 9–14; *Sakhnova T.V.* Development of Simplified Procedures in Civilistic Process in the Context of Legislative Reforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13(1). P. 103–115.

[2] *Сахнова Т.В.* Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса). С. 10.

[3] *Курочкин С.А.* О перспективах развития частных и публичных начал в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 40.

[4] См.: *Гьяро Т.* Римское право погибает с появлением кодификации // Закон. 2020. № 9. С. 195–199.

тивном случае профессиональная дискуссия по исследуемой теме рискует преобразиться в спор между остроконечниками и тупоконечниками о том, с какой стороны следует разбивать вареные яйца, чтобы не нарушить письменный догмат великого пророка Люстрога, колоритно представленный в известном романе Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера»[1]. Сам же сатирик писал: «Между тем это просто насильственное толкование текста, подлинные слова которого гласят: «Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее»»[2].

Памятуя о целеполагании и том факте, что институционно-пандектный подход ведет к разворачиванию институциональной конструкции, которая присуща в том числе и российскому цивилистическому процессу, что само по себе не исключает наличие судебных процедур[3], заметим, что нет никаких оснований к тому, чтобы отрицать прагматическую пользу и потенциал действия последних. Вместе с тем нет и предпосылок к тому, чтобы с учетом гипотетических рисков весь процесс полностью переводить на процедурные рельсы, коль скоро, как было показано выше, отечественное судебное производство по гражданским делам исторически сопряжено с ролевой моделью стран группы германского права. Пока оно зиждется на доминантной социальной значимости логически взаимосвязанных процессуальных институтов, тесно соприкасающихся как с публичноправовыми, так и частноправовыми началами[4]. Фигурально выражаясь, с этого конца яйца бить просто удобнее для того, чтобы получить нужный результат.

Стало быть, диспут заключается не столько в сохранении чистоты консервативных процессуальных институтов, поскольку все находится в постоянном развитии и движении (в противном случае с тем же успехом можно упорно держаться за *per formulas*, блюдя его святость), либо придании судебному производству нового процедурного формата, сколько в гармоничном соотнесении этих институтов с гетерогенными правовыми процедурами (подготовительными, упрощенными, примирительными, согласительными и пр.[5]). Как представляется, это рано или поздно способно обеспечить соблюдение базовых стандартов, а также достижение основных задач и цели справедливого судебного разбирательства по гражданским делам в их широком понимании.

---

[1] Джонатан Свифт так изящно намекал на бессмысленную и непримиримую борьбу католиков и протестантов вокруг принципа «*Prima Scriptura*» относительно источников божественного откровения.

[2] *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. М.: Эксмо, 2015. С. 23.

[3] См.: *Люпой М.А.* О недавних изменениях в гражданском процессуальном праве Италии // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. С. 36–57; Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2020. С. 6.

[4] См.: *Туманов Д.А.* Реализация интересов через частное и публичное право // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 119.

[5] См.: *Здрок О.Н.* Гражданский процесс зарубежных стран: учебное пособие. Минск: БГУ, 2004. С. 10, 19, 27 и др.

Как уже отмечалось, пока это не в полной мере удается законодателю, который методом проб и ошибок горизонтально интегрирует указанные процедуры в *a priori* неоднородные по своей правовой природе институты (или выносит за их скобки), – одни из которых опираются на сугубо процессуальный, а другие – на материально-правовой критерий, – что ведет к неравнозначным прикладным итогам. В свою очередь, это порождает сложные контроверзы. Например, поскольку по правилам ГПК РФ процедура приказного производства охватывается сферой действия такого института, как производство в суде первой инстанции, то при выявлении спора о праве транзитивность в исковое производство процессуальным законодательством не допускается.

Все изложенное есть лишь отдельные авторские заметки на полях, ясно одно – анализируемая проблематика требует дальнейшего дополнительного детального обсуждения представителями юридической науки и практики для уяснения сути оптимальной парадигмы современного российского цивилистического процесса, а также снижения стрессогенности и придания внутренней стабильности этой социально значимой системе, среди прочего в аспекте когерентности категорий «*actio-jus*» («*jus-actio*»)[1].

---

[1] Соотношение таковых в XIX в. наиболее подробно раскрыто немецким правоведом Бернхардом Виндшейдом в известной монографии «Actio римского гражданского права с точки зрения сегодняшнего права». В частности, он писал, что с позиции римлян «die Actio ist anstatt des Rechtes; sie ist nicht ein Ausfluß des Rechtes. Man kann eine Actio haben, ohne ein Recht zu haben, und keine Actio, wenn Einem ein Recht zusteht. Also darf man auch in dem Falle, wo Actio und Recht zusammen find, wo die Actio gerade auf Anerkennung des Rechtes geht, wenn man genau sein will, nicht sagen, daß die Actio durch das Recht da sei; sie ist durch die Thätigkeit des Magistratus da, der sie auch hätte verweigern können. Aber wenn die Actio auch nicht der Ausfluß des Nechtes ist, so ist sie doch der Ausdruck desselben. Der Magiftratus, der sie gibt und versagt, thut das nicht willkührlich. Wenn er dabei nicht geradezu die Vorschriften des Rechtes befolgt, so handelter doch in Anerkennung einer Ordnung der Dinge, welche zwar nicht Rechtsordnung ist, welche aber gerade er durch seine Thätigkeit zur Rechtsordnung macht. Die römischen Juristen sagen auf der einen Seite: praetor jus facere non potest, und auf der anderen Seite nehmen sie keinen Augenblick Anstand, von einem jus praetorium zu reden. Die Actio ist Organ der Rechtsordnung, wie die Rechtsvor – schrift, und so konnte sie immer definirt werden, als «jus persequendi iudicio, quod sibi debetur»» («можно иметь actio, не имея самого права, и не иметь actio, когда у человека есть право. Таким образом, даже в том случае, когда actio и право сходятся вместе, когда actio направлено на признание права, нельзя сказать, если мы хотим быть точными, что actio существует благодаря закону; оно существует благодаря деятельности магистрата, который может отказаться от него. Но даже если actio не есть прямая эманация права, оно все же есть его выражение. Магистрат, который дает право или отрицает его, делает это не по своей воле. Даже если он не следует строго нормам закона, он все же действует, признавая порядок вещей, который не является правовым порядком, но который он своей деятельностью превращает в правовой порядок. Римские юристы говорят, с одной стороны: praetor jus facere non potest, а с другой стороны, ни на минуту не колеблясь, говорят о jus praetorium. Actio является средством правопорядка, как и правовое регулирование, поэтому его всегда можно определить как «jus persevendi judicio, quod sibi debetur»») (*Windscheid B*. Die Actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf: Verlagshandlung von Lulius Buddeus, 1856. S. 4–5).

Список использованной литературы

Андреева И.А., Матанцев Д.А. Сравнительное правоведение. М.: Академия управления МВД России, 2021. 96 с.

Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.

Аристотель. Политика / *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1998. 590 с.

Богоненко В.А. Кодекс Наполеона. Историко-правовой аспект. Минск: А.Н. Вараксин, 2014. 244 с.

Богоненко В.А. Кодификация гражданского права в странах правового классицизма. Минск: А.Н. Вараксин, 2008. 142 с.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999. 480 с.

Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве государств с пандектной и институционной системой права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 18–22.

Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1: Общая часть / пер. с нем., под ред.: С.В. Пахман. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 358 с.

Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М.: Изд. А.А. Карцева, 1910. 103 с.

Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009. 496 с.

Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. 812 с.

Герасимова С.И. Судебные примирительные процедуры в Германии, Франции и России // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 53–58.

Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Гершунин и К°, 1905. 267 с.

Гольденринг. Дух нового Германского гражданского уложения. СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1900. 26 с.

Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. Репр. изд. М.: Волтерс Клувер, 2007. 266 с.

Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2010. 51 с.

Громошина Н.А. О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 34–40.

Гудсмит Ж.Е. Курс пандектов. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881. 400 с.

Гурлянд И.Я. Римский юрист Гай и его сочинения. Ярославль: Типо-лит. М.Х. Фальк, 1894. 153 с.

Гьяро Т. Римское право погибает с появлением кодификации // Закон. 2020. № 9. С. 195–199.

Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. и вступ. ст.: В.А. Туманов. М.: Прогресс, 1988. 496 с.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с.

де Вааль Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 272 с.

Дербишева О.А. Судебное разбирательство по законодательству Франции // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7(73). № 3. Ч. 1. С. 123–135.

Дернбург Г. Пандекты. Т. 1: Общая часть. М.: Унив. тип., 1906. 481 с.

Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. 687 с.

Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2021. 459 с.

Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1996. 685 с.

Загурский Л.Н. Принципы римского гражданского и уголовного процесса. Харьков: Унив. тип., 1874. 434 с.

Здрок О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран: учебное пособие. Минск: БГУ, 2004. 147 с.

Зом Р. Институции: Учебник истории и системы римского гражданского права. Вып. 2. СПб.: Н.К. Мартынов, 1910. 495 с.

Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2020. 384 с.

Институции Гая. Текст и перевод. Варшава: Изд. Ф. Дыдынского, 1891. 522 с.

Карпека В.В. Пассивная легитимация в rei vindicatio классического римского права. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1915. 285 с.

Квашнин В.А. Некоторые наблюдения над структурой Законов XII таблиц (на примере VIII–X таблиц) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 138–143.

Клейнман А.Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1940–1941. 407 с.

Колосок С.В. Кодификация гражданского права Германии в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1.С. 22–28.

Кофанов Л.Л. Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.: Статут, 2006. 574 с.

Кудрявцева Е.В. Порядки производства по делу (общий, сокращенный, упрощенный, понудительный) по судебным уставам и законодательству второй поло-

вины XIX в. // Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 234–236.

Курочкин С.А. О перспективах развития частных и публичных начал в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 29–48.

Курочкин С.А. О соотношении понятий «правосудие», «судопроизводство» и «процесс» // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 6. С. 112–132.

Любовенко Е.С. Устав гражданского судопроизводства Российской империи и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: опыт диахронного анализа // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4(60). С. 145–152.

Люпой М.А. О недавних изменениях в гражданском процессуальном праве Италии // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. С. 36–57.

Лядащева-Ильичева М.Н. Система гражданского (частного) права в России второй половины XIX – начала XX века: историко-теоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2. С. 35–38.

Майнц К. Историческое введение в элементарный курс системы римского права. Харьков: Д.Н. Полуехтов, 1889. 596 с.

Малешин Д.Я. Вместо предисловия: «прадеды» и «правнуки» Судебной реформы 1864 г. // Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 г. – 20 ноября 2014 г.): сборник научных статей / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2014. С. 8–10.

Малинин М.И. К вопросу об общих принципах гражданского права и Гражданского уложения. Одесса: Тип. П.А. Зеленого (Б.Г. Ульриха), 1882. 21 с.

Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб.: Б.и., 1876. 449 с.

Мельников А.А. Понятие и сущность советского гражданского процесса // Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам / под ред. А.А. Мельникова. М.: Наука, 1981. С. 119–121.

Моддерман В. Рецепция римского права. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1888. 116 с.

Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. 98 с.

Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. 159 с.

Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. 234 с.

Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: Зерцало-М, 2002. 224 с.

Новицкий И.Б. Римское право. М.: Юрайт, 2019. 298 с.

Папулова З.А. Исторический аспект регламентации упрощенного производства в российском законодательстве // Право и политика. 2013. № 7. С. 938–940.

Пахман С.В. История кодификации гражданского права: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. 472 с.

Пахман С.В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1882. 32 с.

Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956. 130 с.

Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1918. 430 с.

Покровский И.А. Право и факт в римском праве. Генезис преторского права. Ч. 2. Киев: Тип. имп. Ун-та св. Владимира, 1902. 209 с.

Попова Ю.А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 10–40.

Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.

Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (ч. 1) // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 9. С. 122–139.

Рындзюнский Г.Д. Техника гражданского процесса применительно к Гражданскому процессуальному кодексу Р.С.Ф.С.Р. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 167 с.

Сальковский К. Институции. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев: Тип. «Петр Барский», 1910. 608 с.

Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 1372 с.

Сахнова Т.В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 4. С. 27–49.

Сахнова Т.В. О концепте примирительных процедур и их ценностных ориентирах // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 12–28.

Сахнова Т.В. О реформах цивилистического процесса 2018–2019 гг.: взгляд сверху // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 12–29.

Сахнова Т.В. О современном значении гуманитарных ценностей цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 13–26.

Сахнова Т.В. Процедуры в цивилистическом процессе (nota bene к будущему) // Teise. 2009. Vol. 71. С. 25–40.

Сахнова Т.В. Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 9–14.

Свиридов М.К., Пиюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск: Изд. дом ТГУ, 2019. 348 с.

Свифт Дж. Путешествия Гулливера. М.: Эксмо, 2015. 208 с.

Солохин А.Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 8. С. 135–157.

Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 678 с.

Сударев Г.А. Теоретические модели вины потерпевшего в трудах пандектистов // Вестник гражданского права. 2022. Т. 12. № 5. С. 192–235.

Томсинов В.А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94.

Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века // Законодательство. 2015. № 2. С. 88–94; № 3. С. 88–94; № 4. С. 88–94; № 5. С. 88–94.

Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–20.

Туманов Д.А. Реализация интересов через частное и публичное право // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 112–121.

Турлуковский Я. Краткое слово о французском гражданском процессе в Польше // Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М.: Статут, 2018. С. 42–52.

Фильченко Д.Г. Суррогатный признак досудебного порядка урегулирования споров // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 6. С. 240–259.

Фишман Л.И. Движение гражданского процесса. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1926. 464 с.

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1998. 478 с.

Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. 472 с.

Шалютин Б. О некоторых прообразах права у высших обезьян // Научный Арцах. 2019. № 1(2). С. 27–44.

Шенвиц Ф. Кодекс Наполеона. Его характер и причины распространения. СПб.; Варшава: Тов-во «Орос», 1912. 82 с.

Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. 496 с.

Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.

Шулин Ф. Учебник истории римского права. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 622 с.

Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 г. Петроград: Тов-во И.Д. Сытина, 1915. 70 с.

Сиепа Воу F. Sistema jurídico y derecho romano: la idea de sistema jurídico y su proyección en la experiencia juridica romana. Santander: Universidad de Cantabria, 1998. 80 p.

Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Allgemeiner Teil und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. 897 s.

Sakhnova T.V. Development of Simplified Procedures in Civilistic Process in the Context of Legislative Reforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13(1). P. 103–115.

Schapp J. Methodenlehre und System des Rechts: Aufsätze 1992–2007. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 276 s.

Schiller A. Roman Law: Mechanisms of Development. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. 606 p.

Stammler R. Wirtschaft und recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung: Eine sozialphilosophische untersuruchung. Leipzig: Veit & Comp., 1896. 668 s.

Wach A. Der Feststellungsanspruch: Ein Beitrag zur Lehre vom Rechtsschutzanspruch. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889. 66 s.

Windscheid B. Die Actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf: Verlagshandlung von Lulius Buddeus, 1856. 238 s.

References

Andreeva I.A., Matantsev D.A. *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Law]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 96 p. (In Russ.)

Anners E. *Istoriia evropeiskogo prava* [History of European Law]. Moscow: Nauka, 1994. 397 p. (In Russ.)

Aristotle. *Politika* [Politics]. In Aristotel; Dovatur A.I. (ed.). *Sochineniia: v 4 t. T. 4* [Works. In 4 vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl, 1983. 830 p. (In Russ.)

Berman H.J. *Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia* [Western Tradition of Law: The Era of Formation]. Moscow: Norma; Infra-M, 1998. 590 p. (In Russ.)

Bogonenko V.A. *Kodeks Napoleona. Istoriko-pravovoi aspekt* [Napoleonic Code. Historical and Legal Aspect]. Minsk: A.N. Varaksin, 2014. 244 p. (In Russ.)

Bogonenko V.A. *Kodifikatsiia grazhdanskogo prava v stranakh pravovogo klassitsizma* [Codification of Civil Law in the Countries of Legal Classicism]. Minsk: A.N. Varaksin, 2008. 142 p. (In Russ.)

Cicero M.T.; Gasparov M.L. (ed.). *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three Treatises on Oratory]. Moscow: Nauka, 1972. 472 p. (In Russ.)

Cuena Boy F. Sistema jurídico y derecho romano: la idea de sistema jurídico y su proyección en la experiencia juridica romana. Santander: Universidad de Cantabria, 1998. 80 p.

David R., Jauffret-Spinosi C.; Tumanov V.A. (trans.). *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Modernity]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999. 400 p. (In Russ.)

David R.; Tumanov V.A. (trans.). *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Modernity]. Moscow: Progress, 1988. 496 p. (In Russ.)

de Waal F. *Politika u shimpanze. Vlast' i seks u primatov* [Chimpanzee Politics. Power and Sex in Primates]. Moscow: HSE Publishing House, 2016. 272 p. (In Russ.)

Derbisheva O.A. *Sudebnoe razbiratel'stvo po zakonodatel'stvu Frantsii* [Litigation Under the Laws of France]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadskii Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2021, vol. 7(73), no. 3, part 1, pp. 123–135. (In Russ.)

Dernburg G. *Pandekty. T. 1: Obshchaia chast'* [Pandekty. Vol. 1: A Common Part]. Moscow: University Printing House, 1906. 481 p. (In Russ.)

Diehl C. *Iustinian i Vizantiiskaia tsivilizatsiia v VI veke* [Justinian and the Byzantine Civilization in the 6th Century]. St. Petersburg: Altshuler Printing House, 1908. 687 p. (In Russ.)

Dozhdev D.V. (ed.). *Institutsii Gaia* [Guyanese Institutions]. Moscow: Statut, 2020. 384 p. (In Russ.)

Dozhdev D.V. *Evropeiskaia traditsiia chastnogo prava: v 2 t. T. 1* [European Tradition of Private Law. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Statut, 2021. 459 p. (In Russ.)

Dozhdev D.V.; Nersesiants V.S. (ed.). *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman Private Law: Textbook]. Moscow: Norma; Infra-M, 1996. 685 p. (In Russ.)

Filchenko D.G. *Surrogatnyi priznak dosudebnogo poriadka uregulirovaniia sporov* [A Surrogate Sign of the Pre-Trial Procedure for Settling Disputes]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 240–259. (In Russ.)

Fishman L.I. *Dvizhenie grazhdanskogo protsessa* [Movement of Civil Procedure]. Kharkov: Juridical Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR, 1926. 464 p. (In Russ.)

Garcia Garrido M.J. *Rimskoe chastnoe pravo: kazusy, iski, instituty* [Roman Private Law: Cases, Lawsuits, Institutions]. Moscow: Statut, 2005. 812 p. (In Russ.)

Gerasimova S.I. *Sudebnye primiritel'nye protsedury v Germanii, Frantsii i Rossii* [Judicial Conciliation Procedures in Germany, France and Russia]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitration and Civil Procedure*, 2019, no. 8, pp. 53–58. (In Russ.)

Gessen I.V. *Sudebnaia reforma* [Judicial Reform]. St. Petersburg: Gershunin & Co., 1905. 267 p. (In Russ.)

Giaro T. *Rimskoe pravo pogibaet s poiavleniem kodifikatsii* [Roman Law Perishes with the Advent of Codification]. *Zakon – Law*, 2020, no 9, pp. 195–199. (In Russ.)

Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Allgemeiner Teil und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. 897 p.

Goldenring; Bugaevskii A. (trans.). *Dukh novogo germanskogo grazhdanskogo ulozheniia* [The Spirit of the New German Civil Code]. St. Petersburg: N.K. Martynov's Legal Bookstore Publ., 1900. 26 p. (In Russ.)

Goodsmith J.E. *Kurs pandektov* [Pandect Course]. Moscow: L.F. Snegirev's Printing House, 1881. 400 p. (In Russ.)

Gromoshina N.A. *Differentsiatsiia i unifikatsiia v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. … dokt. iurid. nauk* [Differentiation and Unification in Civil Proceedings: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Moscow, 2010. 51 p. (In Russ.)

Gromoshina N.A. *O prikaznom proizvodstve v arbitrazhnom protsesse* [On Writ Proceedings in Arbitration Procedure]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGIuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 3, pp. 34–40. (In Russ.)

Gurliand I.Ia. *Rimskii iurist Gai i ego sochineniia* [Roman Jurist Gaius and His Writings]. Iaroslavl: M.Kh. Falk's Printing House, 1894. 153 p. (In Russ.)

Institutsii Gaia. Tekst i perevod [Guyanese Institutions. Text and Translation]. Varshava: F.M. Dydynsky Publ., 1891. 522 p. (In Russ.)

Karpeka V.V. *Passivnaia legitimatsiia v rei vindicatio klassicheskogo rimskogo prava* [Passive Legitimation in the *Rei Vindicatio* of Classical Roman Law]. Kyiv: S.V. Kulzhenko's Printing House, 1915. 285 p. (In Russ.)

Kleinman A.F. *Osnovnye instituty sovetskogo grazhdanskogo protsessa i printsipy dispozitivnosti i sostiazatel'nosti: dis. … dokt. iurid. nauk* [The Main Institutions of Soviet Civil Procedure and the Principles of Discretion and Competitiveness: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Moscow, 1940–1941. 407 p. (In Russ.)

Kofanov L.L. *Lex i Ius: vozniknovenie i razvitie rimskogo prava v VIII–III vv. do n.e.* [*Lex* and *Ius*: The Emergence and Development of Roman Law in the 8th–3rd Centuries BC]. Moscow: Statut, 2006. 574 p. (In Russ.)

Kolosok S.V. *Kodifikatsiia grazhdanskogo prava Germanii v XIX veke* [Codification of German Civil Law in the 19th Century]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik – Siberian Legal Bulletin*, 2013, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.)

Kudriavtseva E.V. *Poriadki proizvodstva po delu (obshchii, sokrashchennyi, uproshchennyi, ponuditel'nyi) po sudebnym ustavam i zakonodatel'stvu vtoroi poloviny XIX v.* [Procedures for the Proceedings (General, Abbreviated, Simplified, Compulsory) According to Judicial Charters and the Legislation of the Second Half of the 19th Century]. In Borisova E.A. (ed.). *Velikaia reforma: K 150-letiiu Sudebnykh ustavov: v 2 t. T. 1: Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The Great Reform: To the 150th Anniversary of Judicial Charters. In 2 vols. Vol. 1: Charter of Civil Procedure]. Moscow: Iustitsinform, 2014, pp. 234–236. (In Russ.)

Kurochkin S.A. *O perspektivakh razvitiia chastnykh i publichnykh nachal v grazhdanskom protsesse* [On the Prospects for the Development of Private and Public Principles in Civil Procedure]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2014, no. 1, pp. 29–48. (In Russ.)

Kurochkin S.A. *O sootnoshenii poniatii «pravosudie», «sudoproizvodstvo» i «protsess»* [On the Relationship Between the Concepts of "Justice", "Proceedings" and "Procedure"]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 112–132. (In Russ.)

Kvashnin V.A. *Nekotorye nabliudeniia nad strukturoi Zakonov XII tablits (na primere VIII–X tablits)* [Some Observations on the Structure of the Laws of the XII Tables (on the Example of the VIII–X Tables)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 469, pp. 138–143. (In Russ.)

Liadashcheva-Ilyicheva M.N. *Sistema grazhdanskogo (chastnogo) prava v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: istoriko-teoreticheskii aspekt* [The System of Civil (Pri-

vate) Law in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Historical and Theoretical Aspect]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2014, no. 2, pp. 35–38. (In Russ.)

Liubovenko E.S. *Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva Rossiiskoi imperii i grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: opyt diakhronnogo analiza* [The Charter of Civil Proceedings of the Russian Empire and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation: An Experience of Diachronic Analysis]. *Vestnik TvGU. Seriia: Pravo – Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2019, no. 4(60), pp. 145–152. (In Russ.)

Lupoi M.A. *O nedavnikh izmeneniiakh v grazhdanskom protsessual'nom prave Italii* [On Recent Changes in Civil Procedural Law of Italy]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2011, no. 11, pp. 36–57. (In Russ.)

Mainz K. *Istoricheskoe vvedenie v elementarnyi kurs sistemy rimskogo prava* [Historical Introduction to the Elementary Course of the System of Roman Law]. Kharkov: D.N. Poluekhtov, 1889. 596 p. (In Russ.)

Maleshin D.Ia. *Vmesto predisloviia: «pradedy» i «pravnuki» Sudebnoi reformy 1864 g.* [Instead of a Preface: "Great-Grandfathers" and "Great-Grandchildren" of the Judicial Reform of 1864]. In Maleshin D.Ia. (ed.). *Sudebnye ustavy Rossiiskoi imperii 1864 goda: vliianie na sovremennoe zakonodatel'stvo Litvy, Pol'shi, Rossii, Ukrainy, Finliandii (k 150-letiiu Sudebnoi reformy. 20 noiabria 1864 g. – 20 noiabria 2014 g.): sbornik nauchnykh statei* [Judicial Statutes of the Russian Empire of 1864: Influence on the Modern Legislation of Lithuania, Poland, Russia, Ukraine, Finland (on the 150th Anniversary of the Judicial Reform. 20 November 1864 – 20 November 2014): Collection of Scientific Articles]. Moscow: Statut, 2014, pp. 8–10. (In Russ.)

Malinin M.I. *K voprosu ob obshchikh printsipakh grazhdanskogo prava i Grazhdanskogo ulozheniia* [On the General Principles of Civil Law and the Civil Code]. Odessa: P.A. Zelenyi (B.G. Ulrich)'s Printing House, 1882. 21 p. (In Russ.)

Malyshev K.I. *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. 1* [Civil Proceedings Course. Vol. 1]. St. Petersburg: s.n., 1876. 449 p. (In Russ.)

Melnikov A.A. *Poniatie i sushchnost' sovetskogo grazhdanskogo protsessa* [The Concept and Essence of Soviet Civil Procedure]. In Melnikov A.A. (ed.). *Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava: v 2 t. T. 1: Teoreticheskie osnovy pravosudiia po grazhdanskim delam* [Course of Soviet Civil Procedural Law. In 2 vols. Vol. 1: Theoretical Foundations of Justice in Civil Cases]. Moscow: Nauka, 1981, pp. 119–121. (In Russ.)

Modderman V. *Retseptsiia rimskogo prava* [Reception of Roman Law]. St. Petersburg: A.E. Landau's Printing House, 1888. 116 p. (In Russ.)

Muromtsev S.A. *Obrazovanie prava po ucheniiam nemetskoi iurisprudentsii* [Education of Law According to the Teachings of German Jurisprudence]. Moscow: A.I. Mamontov & Co.'s Printing House, 1886. 98 p. (In Russ.)

Muromtsev S.A. *Retseptsiia rimskogo prava na Zapade* [Reception of Roman Law in the West]. Moscow: A.I. Mamontov & Co.'s Printing House, 1886. 159 p. (In Russ.)

Novgorodtsev P.I. *Istoricheskaia shkola iuristov, ee proiskhozhdenie i sud'ba. Opyt kharakteristiki osnov shkoly Savin'i v ikh posledovatel'nom razvitii* [The Historical School

of Lawyers, its Origin and Fate. The Experience of Characterizing the Foundations of Savigny's School in Their Consistent Development]. Moscow: University Printing House, 1896. 234 p. (In Russ.)

Novitskaia T.E. *Grazhdanskii kodeks RSFSR 1922 goda* [Civil Code of the RSFSR of 1922]. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 224 p. (In Russ.)

Novitskii I.B. *Rimskoe pravo* [Roman Law]. Moscow: Iurait, 2019. 298 p. (In Russ.)

Pakhman S.V. *Istoriia kodifikatsii grazhdanskogo prava: v 2 t. T. 1* [History of Civil Law Codification. In 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1876. 472 p. (In Russ.)

Pakhman S.V. *K voprosu o predmete i sisteme russkogo grazhdanskogo ulozheniia* [On the Subject and System of the Russian Civil Code]. St. Petersburg: Governing Senat's Printing House, 1882. 32 p. (In Russ.)

Papulova Z.A. *Istoricheskii aspekt reglamentatsii uproshchennogo proizvodstva v rossiiskom zakonodatel'stve* [The Historical Aspect of the Regulation of Simplified Proceedings in Russian Legislation]. *Pravo i politika – Law and Politics*, 2013, no. 7, pp. 938–940. (In Russ.)

Pereterskii I.S. *Digesty Iustiniana. Ocherki po istorii sostavleniia i obshchaia kharakteristika* [Digests of Justinian. Essays on the History of Compilation and General Characteristics]. Moscow: Gosiurizdat, 1956. 130 p. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Istoriia rimskogo prava* [History of Roman Law]. 4th ed. Petrograd: Pravo, 1918. 430 p. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Pravo i fakt v rimskom prave. Genezis pretorskogo prava. Ch. 2* [Law and Fact in Roman Law. Genesis of Praetor Law. Part 2]. Kiev: St. Vladimir's Imperial University Printing House, 1902. 209 p. (In Russ.)

Popova Iu.A. *Teoriia protsessual'nykh (sudoproizvodstvennykh) form realizatsii sudebnoi vlast'iu funktsii pravosudiia (retrospektivnyi analiz)* [The Theory of Procedural (Judicial) Forms of Implementation of the Functions of Justice by the Judiciary (Retrospective Analysis)]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2012, no. 2, pp. 10–40. (In Russ.)

Radbruch G. *Filosofiia prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 240 p. (In Russ.)

Rezanov N.V. *Odnostoronnie sdelki: obshchie printsipy pravovogo regulirovaniia (ch. 1)* [Unilateral Transactions: General Principles of Legal Regulation (Part 1)]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiia RF – Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2022, no. 9, pp. 122–139. (In Russ.)

Ryndzyunskii G.D. *Tekhnika grazhdanskogo protsessa primenitel'no k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu R.S.F.S.R.* [Technique of Civil Procedure in Relation to the Civil Procedure Code of the RSFSR]. Moscow: Juridical Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1925. 167 p. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *«Nepolnye» sudebnye protsedury v sovremennom tsivilisticheskom protsesse* ["Incomplete" Judicial Procedures in Modern Civil Procedure]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 27–49. (In Russ.)

Sakhnova T.V. Development of Simplified Procedures in Civilistic Process in the Context of Legislative Reforms. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020, vol. 13(1), pp. 103–115.

Sakhnova T.V. *O kontsepte primiritel'nykh protsedur i ikh tsennostnykh orientirakh* [On the Concept of Conciliation Procedures and Their Value Orientations]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 12–28. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *O reformakh tsivilisticheskogo protsessa 2018–2019 gg.: vzgliad sverkhu* [On the Reforms of Civil Procedure in 2018–2019: A View from Above]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 3, pp. 12–29. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *O sovremennom znachenii gumanitarnykh tsennostei tsivilisticheskogo protsessa* [On the Modern Significance of the Humanitarian Values of Civil Procedure]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 13–26. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *Protsedury v tsivilisticheskom protsesse (nota bene k budushchemu)* [Procedures in Civil Procedure (*Nota Bene* to the Future)]. *Teise – Teise*, 2009, vol. 71, pp. 25–40. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *Sudebnye protsedury (o budushchem tsivilisticheskogo protsessa)* [Judicial Procedures (on the Future of Civil Procedure)]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitration and Civil Procedure*, 2009, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.)

Salkovskii K. *Institutsii. Osnovy sistemy i istorii rimskogo grazhdanskogo prava* [Institutions. Fundamentals of the System and History of Roman Civil Law]. Kiev: Printing House "Petr Barskii", 1910. 608 p. (In Russ.)

Sapolsky R. *Biologiia dobra i zla. Kak nauka ob"iasniaet nashi postupki* [Biology of Good and Evil. How Science Explains Our Actions]. Moscow: Alpina non-fikshn, 2019. 1372 p. (In Russ.)

Schapp J. Methodenlehre und System des Rechts: Aufsätze 1992–2007. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 276 s.

Schenwitz F. *Kodeks Napoleona. Ego kharakter i prichiny rasprostraneniia* [Napoleonic Code. Its Nature and Causes of Distribution]. St. Petersburg; Varshava: Partnership "Oros", 1912. 82 p. (In Russ.)

Schiller A. Roman Law: Mechanisms of Development. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. 606 p.

Shaliutin B. *O nekotorykh proobrazakh prava u vysshikh obez'ian* [On Some Prototypes of Law Among Higher Apes]. *Nauchnyi Artsakh – Scientific Artsakh*, 2019, no. 1(2), pp. 27–44. (In Russ.)

Shcheglovitov I.G. *Vliianie inostrannykh zakonodatel'stv na sostavlenie Sudebnykh ustavov 20 noiabria 1864 g.* [The Influence of the Foreign Legislation on the Drafting of Judicial Statutes of 20 November 1864]. Petrograd: I.D. Sytin's Partnership Publ., 1915. 70 p. (In Russ.)

Shershenevich G.F. *Izbrannoe: v 6 t. T. 4* [Selected Works. In 6 vols. Vol. 4]. Moscow: Statut, 2016. 496 p. (In Russ.)

Shershenevich G.F. *Obshchaia teoriia prava* [General Theory of Law]. Moscow: Bashmakovy Brothers Publ., 1911. 698 p. (In Russ.)

Shulin F. *Uchebnik istorii rimskogo prava* [Textbook of the History of Roman Law]. Moscow: E. Lissner & Iu. Roman's Printing House, 1893. 622 p. (In Russ.)

Solokhin A.E. *Uproshchennye (uskorennye) protsedury rassmotreniia del v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: istoriia, problemy, perspektivy* [Simplified (Accelerated) Procedures for Considering Cases in Civil and Arbitration Procedure: History, Problems, Prospects]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiia RF – Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, no. 8, pp. 135–157. (In Russ.)

Speranskii M.M. *Rukovodstvo k poznaniiu zakonov* [Guide to the Knowledge of Laws]. Moscow: Nauka, 2002. 678 p. (In Russ.)

Stammler R. Wirtschaft und recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung: Eine sozialphilosophische untersuruchung. Leipzig: Veit & Comp., 1896. 668 p.

Sudarev G.A. *Teoreticheskie modeli viny poterpevshego v trudakh pandektistov* [Theoretical Models of the Guilt of the Victim in the Works of Pandektists]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*, 2022, no. 5, pp. 192–235. (In Russ.)

Sviridov M.K., Piiuk A.V. *Teoreticheskie osnovy uproshcheniia form razresheniia ugolovnykh del sudom v Rossiiskoi Federatsii* [Theoretical Foundations for Simplifying the Forms of Resolving Criminal Cases by the Court in the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2019. 348 p. (In Russ.)

Swift J. *Puteshestviia Gullivera* [Gulliver's Travels]. Moscow: Eksmo, 2015. 208 p. (In Russ.)

Tiutriumov I.M. (ed.); Saatchian A.L. (comp.). *Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt Vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii po sostavleniiu Grazhdanskogo ulozheniia (s ob"iasneniiami, izvlechennymi iz trudov Redaktsionnoi komissii)* [Civil Code. Draft of the Highest Established Editorial Commission for the Compilation of the Civil Code (with Explanations Taken from the Proceedings of the Editorial Commission)]. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 266 p. (In Russ.)

Tomsinov V.A. *Proekt Grazhdanskogo ulozheniia Rossiiskoi imperii 1809–1814 godov i ego znachenie v formirovanii rossiiskoi nauki grazhdanskogo prava* [Draft Civil Code of the Russian Empire of 1809–1814 and its Importance in the Formation of the Russian Science of Civil Law]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*, 2014, no. 10, pp. 88–94. (In Russ.)

Tomsinov V.A. *Razrabotka proekta Grazhdanskogo ulozheniia i razvitie nauki grazhdanskogo prava v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Development of the Draft Civil Code and the Development of the Science of Civil Law in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*, 2015, no. 2, pp. 88–94; no. 3, pp. 88–94; no. 4, pp. 88–94; no. 5, pp. 88–94. (In Russ.)

Tumanov D.A. *Eshche raz o tom, iavliaetsia li sudebnyi prikaz aktom pravosudiia, ili razmyshleniia o sushchnosti pravosudiia* [Once Again About Whether a Court Order Is an Act of Justice, or Reflections on the Essence of Justice]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 9, pp. 13–20. (In Russ.)

Tumanov D.A. *Realizatsiia interesov cherez chastnoe i publichnoe pravo* [Realization of Interests Through Private and Public Law]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGIuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 5, pp. 112–121. (In Russ.)

Turlukovskii Ia. *Kratkoe slovo o frantsuzskom grazhdanskom protsesse v Pol'she* [A Short Word in French About Civil Procedure in Poland]. In *Sudebnye ustavy Rossiiskoi imperii (v sfere grazhdanskoi iurisdiktsii): Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. Uchrezhdenie Kommercheskikh sudov i Ustav ikh sudoproizvodstva. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva gubernii Tsarstva Pol'skogo. Volostnoi sudebnyi ustav Pribaltiiskikh gubernii* [Judicial Statutes of the Russian Empire (in the Field of Civil Jurisdiction): Charter of Civil Proceedings. Establishment of the Commercial Courts and the Statute of Their Judicial Proceedings. Charter of Civil Justice of the Provinces of the Kingdom of Poland. Volost Judicial Charter of the Baltic Provinces]. Moscow: Statut, 2018, pp. 42–52. (In Russ.)

Vasilkova V.V. *Poriadok i khaos v razvitii sotsial'nykh sistem* [Order and Chaos in the Development of Social Systems]. St. Petersburg: Lan, 1999. 480 p. (In Russ.)

Vilkova T.Iu. *Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva v zakonodatel'stve gosudarstv s pandektnoi i institutsionnoi sistemoi prava* [Principles of Criminal Justice in the Legislation of States with a Pandect and Institutional System of Law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 3, pp. 18–22. (In Russ.)

Vinogradov P.G. *Rimskoe pravo v srednevekovoi Evrope* [Roman Law in Medieval Europe]. Moscow: A.A. Kartsev Publ., 1910. 103 p. (In Russ.)

Voronov A.F. *Printsipy grazhdanskogo protsessa: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Principles of Civil Procedure: Past, Present, Future]. Moscow: Gorodets, 2009. 496 p. (In Russ.)

Wach A. Der Feststellungsanspruch. Ein Beitrag zur Lehre vom Rechtsschutzanspruch. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889. 66 p.

Windscheid B. Die Actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf: Verlagshandlung von Lulius Buddeus, 1856. 238 p.

Windscheid B.; Pakhman S.V. (trans.). *Uchebnik pandektnogo prava. T. 1: Obshchaia chast'* [A Textbook of Pandect Law. Vol. 1: General Part]. St. Petersburg: Gieroglifov and Nikiforov, 1874. 358 p. (In Russ.)

Zagurskii L.N. *Printsipy rimskogo grazhdanskogo i ugolovnogo protsessa* [Principles of Roman Civil and Criminal Procedure]. Kharkov: University Printing House, 1874. 434 p. (In Russ.)

Zdrok O.N. *Grazhdanskii protsess zarubezhnykh stran* [Civil Procedure of Foreign Countries]. Minsk: Belarusian State University, 2004. 147 p. (In Russ.)

Zohm R. *Institutsii: Uchebnik istorii i sistemy rimskogo grazhdanskogo prava. Vyp. 2* [Institutions: Textbook of the History and System of Roman Civil Law. Issue 2]. St. Petersburg: N.K. Martynov, 1910. 495 p. (In Russ.)

Zweigert K., Kötz H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1* [Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1998. 478 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Афанасьев С.Ф. (Саратов, Россия) – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, заведующий сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права РАН, судья в отставке (410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104; e-mail: af.73@mail.ru).

Information about the author

S.F. Afanasyev (Saratov, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head, Department of Arbitration Procedure, Saratov State Academy of Law, Head, Sector for Theory and Sectoral Problems of Legal Policy, Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Retired Judge (104 Chernyshevskogo St., Saratov, 410028, Russia; e-mail: af.73@mail.ru).

Для цитирования

Афанасьев С.Ф. Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве и цивилистическом процессе: история и современность // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 49–88. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88

Recommended citation

Afanasyev S.F. *Zametki ob institutsionno-pandektnom podkhode v chastnom prave i tsivilisticheskom protsesse: istoriia i sovremennost'* [Notes on the Institutional Pandect Approach in Private Law and Civil Procedure: History and Modernity]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 49–88. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ИНТЕРЕСАХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В.А. ЛАПТЕВ,

доктор юридических наук, судья Арбитражного суда г. Москвы,
главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права
Института государства и права Российской академии наук

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-89-112

В статье исследуются теоретические и практические проблемы участия прокурора в цивилистическом процессе. Выявляются сходства и различия в гражданском и арбитражном судопроизводствах по объему компетенции и порядку реализации правомочий прокурора. Раскрывается соотношение понятий «публичный правопорядок», «публичный интерес» и «интересы публично-правового образования». Определяется возможное толкование защищаемого в судебном порядке органами прокуратуры интереса неопределенного круга лиц. На основе проведенного исследования предлагается раскрывать компетенцию органов прокуратуры в области защиты публичных интересов как охватывающую защиту интересов не только собственно публично-правовых образований (государства, субъектов РФ и муниципалитетов), но и неопределенного круга лиц, включая гражданско-правовые сообщества и иные общности лиц; расширить круг дел, по которым прокурор вправе, а в ряде случаев обязан дать заключение. В работе также предлагаются пути развития законодательства и судебной практики по вопросу участия прокурора в цивилистическом процессе.

Ключевые слова: прокурор; процессуальный статус прокурора; защита публично-правового образования; публичный порядок; публичный интерес.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEDURE IN THE INTERESTS OF PUBLIC-LAW ENTITIES

V.A. LAPTEV,

Doctor of Legal Sciences, Judge, Moscow Arbitration Court, Chief Researcher,
Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences

The article examines the theoretical and practical problems of the prosecutor's participation in civil procedure. Similarities and differences are revealed in civil and arbitration proceedings in terms of the scope of competence and the procedure for exercising the powers of the prosecutor. The relationship between the concepts of "public legal order", "public interest" and "interests of public legal education" is revealed. A possible interpretation of the interest of an indefinite circle of persons protected in court by the prosecutor's office is determined. On the basis of the study, it is proposed to disclose the competence of the prosecutor's office in the field of protection of public interests, as covering the protection of the interests of not only public law entities (the state, subjects of the Russian Federation and municipalities), but also an indefinite circle of persons, including civil law communities and other communities of persons; to expand the range of cases on which the prosecutor has the right, and in some cases is obliged, to give an opinion. The paper also suggests ways of developing legislation and judicial practice on the participation of the prosecutor in civil procedure.

Keywords: prosecutor; procedural status of the prosecutor; protection of public law education; public order; public interest.

1. Введение

В результате принятия в начале 90-х гг. прошлого столетия Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»[1] (далее – Закон о прокуратуре) закреплено участие прокуроров в рассмотрении дел судами (ч. 3 ст. 1, ст. 35). В 2021 г. данный Закон был дополнен положением ч. 3.1 ст. 1, согласно которому интересы страны в иностранных и международных судах представляет исключительно Генеральная прокуратура России[2]. Наделение органов прокуратуры упомянутой компетенцией было обусловлено наличием

[1] Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

[2] Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5093. Ранее данная функция возлагалась на Минюст России.

у них соответствующего инструментария, в частности по истребованию материалов уголовных дел, банковских и налоговых сведений[1], позволяющего действенно защищать интересы Российской Федерации в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ), а также в иных иностранных и международных судах.

В юридической доктрине содержится множество научных работ, исследующих предпосылки и цели участия прокуроров в цивилистическом процессе. При этом высказываются различные точки зрения, в частности о том, что такое участие в суде направлено на обеспечение прав и законных интересов граждан в рамках общего надзора за законностью; обеспечение частных интересов отдельных категорий граждан и групп лиц (неопределенного круга лиц, гражданско-правовых сообществ и др.); представляет собой самостоятельную реализацию дискреционных полномочий как стороны по делу и др.[2]

В ходе реализации своей компетенции статус прокурора как самостоятельного участника цивилистического процесса не вызывает особых дискуссий, о чем свидетельствуют положения ст. 34 и 45 ГПК РФ и ст. 40 и 52 АПК РФ. «Надзорный статус» прокуратуры отмечался неоднократно КС РФ при оценке объема ее компетенции, которая охватывалась комплексной формулировкой – надзор «за исполнением действующего законодательства»[3]. В действительности участие прокурора в суде не только обеспечивает существующий публичный правопорядок, но и носит в себе предупредительные функции, исключающие в будущем возможные отступления либо нарушения российского законодательства участниками общественных отношений.

Говоря о детерминирующем комплексе широкой популярности в последние годы института участия прокурора в цивилистическом процессе, можно отметить ряд факторов. Прежде всего это изменчивость российского законодательства, свойственная любым правовым системам, поскольку развитие общественных отношений всегда опережает их правовую регламентацию, что требует соответствующего надзора и действенного реагирования. Кроме того, провозглашение в России рыночных механизмов экономики, основанной на смешанном капитале, в отсутствие рамок дозволенного поведения участников рынка, требует объективного и эффективного надзора со стороны государственных органов. Таким образом, 30-летний опыт «нового» уклада российской экономики неизбежно требует адаптации правовых механизмов ее регулирования.

---

[1] См. пояснительную записку к законопроекту № 1183775-7 // https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183775-7.

[2] См., напр.: *Васильчикова Н.А.* Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2018. № 6. С. 97–101; *Гадиятова М.* Защита прокурором частных интересов в гражданском судопроизводстве // Законность. 2010. № 11. С. 44–46; *Крутиков М.Ю.* Гражданско-процессуальный статус прокурора // Современное право. 2007. № 5. С. 43–45 и др.

[3] См., напр., постановление КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

Видится существенным и оправданным жизненной практикой наделение органов прокуратуры правом законодательной инициативы[1]. Материалы прокурорского надзора наглядно свидетельствуют о потребностях общества и государства в корректировке существующих или принятии новых норм права. В последние годы отмечается активное участие органов прокуратуры в рабочих группах по разработке нормативных правовых актов. В отдельных случаях законопроекты могут также обсуждаться Научно-консультативным советом при Генпрокуратуре России[2]. Подобный подход позволяет учесть практический опыт применения норм права органами прокуратуры.

Геополитические вызовы на современном этапе стали поводом закрепления за Генпрокуратурой России компетенции по представлению интересов государства в иностранных и международных судах. При принятии данного решения внимание было сфокусировано прежде всего на судебных процессах ЕСПЧ, инициированных по индивидуальным и межгосударственным жалобам. Проделана колоссальная работа по обеспечению интересов страны. Вместе с тем в связи с недружественными действиями со стороны ряда зарубежных стран и утратой ЕСПЧ объективности при рассмотрении дел с участием Российской Федерации, с принятием Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ[3] в отношении постановлений ЕСПЧ, вступивших в силу после 15 марта 2022 г., выплаты были прекращены и данные акты исполнению в России не подлежат.

Таким образом, из российской правовой системы был фактически исключен институт ЕСПЧ, в том числе его влияние на возможность пересмотра вступивших в силу судебных актов в рамках арбитражного и гражданского судопроизводств; размер компенсационной выплаты за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и т.д. Прекратилось также влияние актов ЕСПЧ на формирование общих подходов судебной практики российских судов[4].

---

[1] *Фомичева О.А.* Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 50–55; *Сланов Г.Т.* Особенности состава конституционно-правового статуса прокуратуры как органа конституционно-правового нормотворчества на уровне субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 8. С. 3–7 и др.

[2] См. приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3943.

[4] См., напр.: *Громошина Н.А.* О справедливости в цивилистическом процессе (читая А.Т. Боннера) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 4. С. 38–48; *Лаптев В.А.* Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 28–33; *Гаджиев Г.А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 65–85 и др.

Законодательное расширение компетенции органов прокуратуры продиктовано и другими обстоятельствами. Так, основой для данных решений является особый статус прокуратуры как надзорного органа, не входящего в иные ветви власти (судебную, исполнительную или законодательную). Существование независимого надзорного института стало элементом отечественного правового государства. Сепаративный статус органов прокуратуры позволяет надзирать за соблюдением законодательства в деятельности органов исполнительной власти (федеральной, региональной и муниципальной), по сути, выступая отдельным звеном в системе контроля. При этом предполагается, что законодательно установленный правопорядок изначально обеспечивается органами исполнительной власти, а в случае если будут иметь место отступления, то должны быть задействованы инструменты реагирования органами прокуратуры.

В юридической доктрине периодически возвращаются к вопросу о расширении компетенции прокуратуры в сфере судебной юрисдикции[1]. Вместе с тем при оценке пределов компетенции органов прокуратуры следует избегать задвоения и пересечения с функциями «профильных» государственных органов (например, судов либо Следственного комитета РФ).

2. Правовые основы участия прокурора в цивилистическом процессе

Задачи участия прокурора в цивилистическом процессе отражены, в частности, в приказах Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2[2] (далее – Приказ № 2) и от 7 июля 2017 № 473[3] (далее – Приказ № 473), и их можно разделить на два основных блока:

1) защита интересов соответствующих участников общественных отношений;

2) обеспечение законности на различных стадиях цивилистического процесса.

Первый блок задач органов прокуратуры не вызывает дискуссий, поскольку при реализации данной компетенции не отдаются приоритеты каким-либо субъектам права и равным образом защищаются законные права и интересы всех участников общественных отношений (государства, муниципалитета, индивидуума, неопределенного круга лиц либо гражданско-правового сообщества).

Второй блок задач – законность на всех судебных процессуальных стадиях может вызвать дискуссию. Так, данная формулировка может быть расценена как «задвоение» компетенции с основополагающим для любого судебного процесса

---

[1] См., напр.: *Ергашев Е.Р., Панкова А.А.* Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 2. С. 53–60.

[2] Приказ Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. 2021. № 2.

[3] Приказ Генпрокуратуры России от 7 июля 2017 г. № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве» // Законность. 2017. № 10.

принципом законности, обеспечиваемым судом в ходе рассмотрения дела (ст. 6 АПК РФ, ст. 2 ГПК РФ, ст. 9 КАС РФ). Существуют также институты судебного реагирования (частные определения, судебные штрафы и т.д.). В этой связи компетенция органов прокуратуры не должна рассматриваться как надзор за судами – за соблюдением судами принципа законности. Ключевая роль суда и помощь в осуществлении правосудия со стороны органов прокуратуры в цивилистическом процессе периодически отмечаются в юридической литературе[1]. То есть речь идет о реализации принципа верховенства закона в России, содержание которого предполагает равную реализацию установленных законодательством своих прав всеми участниками общественных отношений. В этой связи положения рассматриваемого Приказа № 2 должны толковаться с позиции соблюдения прав и законных интересов участников общественных отношений в ходе судебного производства.

В Приказе № 473 выделяется третий блок задач участия прокуроров в суде – восстановление нарушенных прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Видится, что это является последствием достижения первых двух задач, реализация которых в итоге влечет за собой стабильность гражданского оборота и баланс интересов участников рынка.

Известно, что с 2020 г. в положении ст. 118 Конституции РФ[2] цивилистическое судопроизводство разделено на три самостоятельных вида (арбитражное, гражданское и административное)[3]. Следует заметить, что в Генеральной прокуратуре России действует отдельное структурное подразделение, соответствующее одноименным видам судопроизводства, – Управление по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе[4]. В Приказе № 2 речь

---

[1] См., напр.: *Еременко О.В.* Цель и функция участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 4. С. 27–43; *Власов А.А.* Участие прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве как фактор, способствующий повышению эффективности правосудия // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве / отв. ред. И.А. Приходько. М.: Лиджист, 2001. С. 180–185; *Гусева Т.А., Игнатова Ю.Н.* Роль прокурора в защите публичных интересов // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 56–61; *Жилин Г.А.* Субъекты целевых установок гражданского судопроизводства и их процессуальные функции // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 17–26; *Изотова Л.Н.* Отдельные процессуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 11–15 и др.

[2] О конституционных основах судопроизводства также см.: *Гаджиев Г.А.* Конституция Российской Федерации 1993 г. с точки зрения правовой аксиологии // Юридический мир. 2013. № 12. С. 27–30; *Бондарь Н.С.* Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. 2013. № 12. С. 10–20; *Лаптев В.А.* Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex Russica. 2015. № 6. С. 39–47.

[3] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[4] Положение об управлении по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе Генеральной прокуратуры Российской Федерации (утв. Генпрокуратурой России 17 апреля 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

идет о гражданском и административном судопроизводствах, поскольку арбитражное судопроизводство, упомянутое в Приказе № 473, содержит в себе особые подходы, позволяющие также опровергнуть идеи принятия единого кодекса цивилистического процесса[1].

Прокурор обладает особым самостоятельным статусом в гражданском, арбитражном и административном процессах и не является стороной процесса. Хотя в правоведении высказываются противоположные точки зрения[2]. Совпадение процессуальных прав материального истца и прокурора (например, ч. 3 ст. 52 АПК РФ, ч. 2 ст. 45 ГПК РФ) не свидетельствует о возможности отождествления их статусов в суде. Кроме того, обращаясь в защиту публично-правовых интересов государства, прокурор действует на основе не только процессуального закона, но и Закона о прокуратуре, а также иных актов материального права.

На практике следует различать формы прокурорского реагирования в суде, положения норм права, на основе которых подается соответствующее обращение (заявление, жалоба, представление), а также стадии судебного разбирательства. В частности, если прокурор участвовал в суде первой инстанции в качестве заявителя, то при несогласии с судебными актами нижестоящих инстанций оформляется апелляционная либо кассационная жалоба соответственно. Обращение Генпрокурора России или его заместителей в Судебную коллегию ВС РФ либо в Президиум ВС РФ оформляется представлением (ч. 5 ст. 291.1 и ч. 2 ст. 308.1 АПК РФ, ч. 2 ст. 390.2 и ч. 3 ст. 391.1 ГПК РФ).

Прокурор самостоятельно определяет форму прокурорского реагирования в каждом конкретном деле отдельно, в том числе исходя из допущенных нарушений (решение коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 15 декабря 2017 г. «Об организации работы по обеспечению участия прокуроров в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе»)[3].

Сфера защиты прокурором интересов публично-правовых образований с точки зрения целей правового регулирования может толковаться расширительно, не ограничиваясь собственно интересами Российской Федерации, ее субъектов или муниципалитетов. В известной степени внутригосударственный правопорядок также выступает сферой прокурорского надзора, а следовательно, к рас-

---

[1] О концепции единого процессуального кодекса см.: *Абова Т.Е., Жилин Г.А., Корнеев В.А.* [и др.] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 217–309.

[2] См.: *Аргунов В.Н.* Участие прокурора в гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 24; *Юдельсон К.С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. С. 120–123; *Викут М.А.* Стороны – основные лица искового производства. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1968. С. 3–5; *Хутыз М.Х.* Понятие сторон в гражданском процессе // Советское государство и право. 1981. № 11. С. 116 и др.

[3] Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе: сборник материалов круглого стола (Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. Н.В. Субановой; сост. и науч. ред. М.В. Маматов, О.В. Боброва. М., 2019. С. 11.

сматриваемой категории дел также можно отнести и интересы неопределенного круга лиц – различных сообществ лиц, включая гражданско-правовые сообщества (ст. 181.4 ГК РФ). При этом в правоведении высказывается мнение о разделении гражданско-правовых сообществ на поименованные и непоименованные в законодательстве в качестве собрания, что влечет различные правовые последствия при оценке принимаемых ими решений[1].

В рассматриваемой проблематике важно определить понятие «публичный интерес», в защиту которого органы прокуратуры реализуют свою компетенцию. В Законе о прокуратуре данное понятие не упоминается, используется только понятие «публичный правопорядок России» (ст. 39.1). В силу разъяснений ВС РФ под публичными интересами следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды (п. 75 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[2]). Вместе с тем данным разъяснением указывается на то, что это лишь один из возможных вариантов толкования публичного интереса. Следовательно, допускается расширительное толкование публичного интереса, которое охватывает собой задачи по обеспечению существующего публичного порядка.

Положения ряда процессуальных норм свидетельствуют о том, что понятие «публичные интересы» рассматривается как родовое, а понятие «неопределенный круг лиц» – как видовое (например, ст. 308.8 АПК РФ, ст. 391.9 ГПК РФ). Закон о прокуратуре содержит формулировку о круге лиц, в защиту интересов которых прокурор обращается в суд: граждане, общество и государство (ч. 3 ст. 35). То есть защита прав неопределенного круга лиц входит в компетенцию органов прокуратуры, на что также прямо обращено внимание и в норме ст. 45 ГПК РФ.

Для судебной практики существенным является определение понятий «группа лиц» (характеризующихся общими интересами, схожими фактическими обстоятельствами, одинаковым предметом спора и способом защиты)[3] и «гражданско-правовое сообщество» (п. 103 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25)[4], используемых для обозначения соответствующей совокупности лиц. Необходимо определить возможность отождествления указанных лиц с поняти-

---

[1] *Телешинин А.А.* Решение общего собрания участников хозяйственных обществ в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 9.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[3] См., напр., п. 65 постановления Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

[4] Подробнее см.: *Лаптев В.А.* Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57.

ем «неопределенный круг лиц». Видится, что во всех перечисленных дефинициях содержится идея наличия «коллективной связи» и «коллективного интереса» – интереса всей общности лиц, определяемой соответствующими критериями (сферой деятельности, субъектным составом, характером нарушенных прав и т.д.). Так, к примеру, сособственники квартир многоквартирного жилого дома либо помещений бизнес-центра (гражданско-правовое сообщество), сообщество пострадавших от преступления лиц (группа лиц), кредиторы должника (собрание кредиторов) и др., несмотря на то, что их можно персонифицировать индивидуально (установить отдельно каждый субъект права), имеют единый неразрывно связанный общий интерес в судебной защите, который можно охватить категорией «публичный интерес»[1], защита которого является составной частью компетенции органов прокуратуры.

Приведенные нормы позволяют выдвинуть тезис о том, что органы прокуратуры, обладая самостоятельным статусом в цивилистическом процессе, наделены не только процессуальным, но и материально-правовым интересом в участии в судебном производстве, выраженным в реализации компетенции в сфере защиты интересов государства и существующего публичного правопорядка.

3. Участие прокурора в арбитражном процессе

Арбитражное процессуальное законодательство содержит положения о форме и порядке участия прокурора в судебном деле. Содержание ч. 1 ст. 52 АПК РФ построено по принципу перечисления требований, которые вправе заявить прокурор арбитражном суде (оспаривание нормативных правовых актов, сделок органов публичной власти, сделок в сфере гособоронзаказа или федеральной контрактной системе при закупках для государственных нужд, об истребовании имущества публично-правовых образований и т.д.). Перечисление в данной статье возможных требований не следует рассматривать как ограничение полномочий органов прокуратуры, поскольку существуют отдельные нормы права, специально регламентирующие соответствующие полномочия и порядок их реализации. Таким образом, в ст. 52 АПК РФ перечисляются распространенные примеры, возникающие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе приносящей доход деятельности.

В зависимости от судебной инстанции вправе обращаться: в ВС РФ – Генпрокурор России либо его заместители; в суды первой, апелляционной и кассационной инстанций – также прокуроры субъектов РФ и его заместители, а также приравненные к ним прокуроры (ч. 2 ст. 52 АПК РФ). Полномочия прокурора

[1] Дополнительно к сказанному предлагается вспомнить слова В.А. Мусина, высказанные в докладе на Одиннадцатых Сенатских чтениях в КС РФ в 2014 г., о том, что публичный порядок, основанный на Конституции РФ, призван защищать интересы соответствующих групп лиц на территории страны (см.: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceMysin.aspx).

подтверждаются соответствующими документами, о чем специально было издано письмо ВАС РФ от 9 июля 1996 г. № С1-7/ОП-403[1], положения которого применяются в настоящее время.

Участие прокурора в арбитражном процессе возможно в четырех формах:

1) подача прокурором заявления (требования) в суд;

2) присоединение к иску (заявлению) на стороне участников процесса (истца, ответчика либо третьего лица);

3) обжалование судебных актов в вышестоящие инстанции (апелляционную, кассационную и надзорную);

4) рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных актов, вынесенных арбитражными судами.

Примечательно, что исторически в актах Генпрокуратуры России выделяли первые три формы участия прокурора[2], но впоследствии четвертая форма – рассмотрение обращений о проверке судебных актов на предмет их законности стала признаваться самостоятельной формой реализации правомочий органов прокуратуры (п. 2 Приказа № 473).

Дифференцированный подход позволяет реализовать функции прокурорского реагирования на протяжении любой стадии судебного процесса. С точки зрения *юридической эффективности* не имеет существенного значения стадия судебного процесса, в которой принимают участие органы прокуратуры, поскольку их права даже в случае присоединения к рассматриваемому спору тождественны правам истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ). Кроме того, в случаях, когда органы прокуратуры установят отсутствие необходимости дальнейшего участия в процессе, они могут отказаться от заявленного им иска. Вместе с тем такой отказ не препятствует участвующему в деле материальному истцу в реализации права на дальнейшее рассмотрение спора по существу (ч. 4 ст. 52 АПК РФ).

Приведенные нормы права позволяют разделять статус *истца* – лица, заявляющего материально-правовые требования, и *прокурора*, который обладает процессуальными правомочиями, схожими, но не тождественными с истцом.

Формулировки арбитражного процессуального законодательства свидетельствуют о возможности рассмотрения статуса прокурора в трех аспектах.

Во-первых, органы прокуратуры являются *заявителями* по делу, например, при самостоятельном обжаловании нормативных правовых актов, даже несмотря на то, что такое обжалование в конечном счете направлено на защиту прав и законных интересов соответствующего круга предпринимателей (ч. 2 ст. 198

---

[1] Вестник ВАС РФ. 1996. № 11.

[2] Информационное письмо Генпрокуратуры РФ от 27 января 2003 г. № 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

АПК РФ, абз. 2 п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21[1]). При рассмотрении спора по существу суд не привлекает всех заинтересованных лиц из соответствующего гражданско-правового сообщества к участию в деле. Видится даже, что использование категории «неопределенный круг лиц» носит условный характер для обозначения того факта, что точный состав гражданско-правового сообщества (например, определенной группы предпринимателей либо представителей соответствующей сферы промышленности) точно не может быть определен по объективным причинам, в том числе ввиду перманентной изменчивости состава сообщества указанных лиц. Наглядно прослеживается реализация функции органов прокуратуры по надзору за соблюдением закона, в частности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В данном случае, как правило, защищаются интересы неопределенного круга лиц – соответствующего гражданско-правового сообщества.

Во-вторых, органы прокуратуры являются *законными представителями публично-правовых образований*, в частности по исковым заявлениям об истребовании государственного имущества из чужого незаконного владения материально-правовым истцом выступает государственный орган, осуществляющий управление данным имуществом (например, Росимущество, Департамент имущества г. Москвы или Комитет имущественных отношений г. Санкт-Петербурга). Указанные государственные органы, как правило, привлекаются к участию в деле на стороне заявителя, что процессуально верно и способствует объективному и эффективному судебному производству. При этом по данной категории дел (по требованиям в интересах публично-правовых образований) в редких случаях допускается заявление об отказе от иска. Данными требованиями органы прокуратуры защищают в судебном порядке имущественные права государства, субъектов РФ и соответствующих муниципалитетов. В какой-то степени конструкция *прокурорского законного представительства* публично-правового образования аналогична по своему содержанию с законным представительством в корпоративных отношениях, в частности когда участник при обжаловании сделок корпоративной организации либо по требованиям о взыскании причиненных ей убытков выступает ее законным представителем (действует без доверенности в силу закона), а истцом по делу является сама корпоративная организация (ст. 65.2 ГК РФ[2]).

Третий подход позволяет определить статус прокурора как *законного представителя субъектов предпринимательства*, в частности в случаях подачи иска

---

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

[2] См. п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

о признании недействительными сделок в области гособоронзаказа, заявленных в интересах государственного заказчика либо головного исполнителя, либо сделок органов государственной власти. Подобные требования фактически предъявлены в интересах конкретных субъектов права – участников рынка, которыми выступают сами органы публичной власти и юридические лица с участием публично-правовых образований. Основанием предъявления названных требований будет не факт нарушения частноправовых (имущественных, репутационных и иных) интересов данных участников рынка при заключении ими соответствующих сделок (договоров, контрактов), а правовые последствия заключения упомянутых сделок, которые непосредственно либо вероятностно могут привести к нарушению правопорядка и интересов государства в сфере государственного оборонного заказа, непосредственно влияющего на обороноспособность и безопасность страны.

Особый статус органов прокуратуры подтверждается отсутствием процессуальных норм, закрепляющих дополнительные условия (требования) для обращения с иском в арбитражный суд. Так, к примеру, не должен соблюдаться претензионный либо иной досудебный порядок при подаче прокурором требований в суд (ч. 5 ст. 4 АПК РФ, п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»[1]).

В 2012 г. подходы судебной практики по делам с участием органов прокуратуры были успешно обобщены в применяемом по сей день постановлении Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»[2] (далее – Пленум № 15).

Положением п. 3 Пленума № 15 разъяснено, что органы прокуратуры при оспаривании ненормативных правовых актов обращаются в суд в защиту нарушенных прав неопределенного круга лиц либо публичных интересов. Понятие «неопределенный круг лиц» охватывает любых предпринимателей (п. 1 ст. 2 ГК РФ), а также лиц, осуществляющих иную экономическую деятельность. Рассматриваемую «иную экономическую деятельность» осуществляют некоммерческие организации (приносящая доход деятельность – п. 4 ст. 50 ГК РФ), инвесторы в фондах прямых инвестиций (акционеры или участники хозяйственных обществ) и другие лица. В случаях, когда обстоятельства дела будут свидетельствовать о том, что фактически защищаются права и законные интересы индивидуального субъекта права, то арбитражный суд прекращает производство по делу применительно к ст. 150 АПК РФ. Следовательно, прокурорский над-

---

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. № 144. 2021. 2 июля.

[2] Вестник ВАС РФ. 2012. № 5.

зор обеспечивает общий *предпринимательский правопорядок* с учетом совокупности интересов и потребностей всего либо отдельного круга лиц бизнес-сообщества России.

В спорах, вытекающих из оспаривания сделок (контрактов), прокурор не связан третейской оговоркой и вправе настаивать на продолжении рассмотрения дела арбитражным судом в тех случаях, когда докажет нарушение названной оговоркой публичных интересов (п. 4 Пленума № 15). Данное разъяснение подчеркивает цели прокурорского реагирования и форму ее реализации – в судебном производстве государственного суда (арбитражного суда), о чем, в частности, также свидетельствует возможность прокурора заявлять возражения относительно решения третейского суда либо его принудительного исполнения при нарушении интересов публично-правовых образований. Таким образом, арбитражному суду предоставлено право дать юридическую оценку факта нарушения интересов Российской Федерации, ее субъектов либо муниципалитетов даже в тех случаях, когда такое нарушение, возможно, будет допущено в будущем.

Возникает вопрос о возможном участии прокурора в третейском разбирательстве, например, в случаях, когда им не оспаривается компетенция арбитражного учреждения (третейского суда). Такое участие прокурора возможно в силу абз. 2 п. 4 Пленума № 15, однако на практике маловероятно, в том числе ввиду того, что третейское соглашение (оговорка) связывает процессуальные обязательства сторон данного соглашения, но не органов прокуратуры (п. 5 Пленума № 15). Кроме того, публичные функции органов прокуратуры – защита интересов неопределенного круга лиц либо публичных интересов в целом не предполагают их реализацию в арбитражном учреждении (т.е. в частноправовом институте разрешения спора), в том числе ввиду отсутствия у последнего публичных механизмов понуждения к соответствующему поведению участников общественных отношений, которыми полноценно обладают государственные арбитражные суды.

Особый подход используется при исчислении сроков обжалования прокурором ненормативных правовых актов (п. 7 Пленума № 15). В частности, существует два основания, позволяющих прокурору обратиться в суд с пропуском трехмесячного срока со дня издания обжалуемого акта:

– совершение действий прокурорского реагирования по установлению факта нарушенного права неопределенного круга лиц (предпринимателей) либо публичных интересов;

– отсутствие объективной возможности выявления фактов, наличие которых является поводом обращения в арбитражный суд.

Перечисленные обстоятельства не должны рассматриваться судом как безусловные основания признания пропуска срока на обжалование по уважительным причинам и оцениваются судом в каждом конкретном случае отдельно. Ходатайство о восстановлении срока на обращение в суд должно быть указано в заявлении. Не следует также снимать со счетов правомочие органов прокуратуры при-

соединиться в порядке ч. 5 ст. 52 АПК РФ к уже рассматриваемому иску в суде по иску заинтересованного лица, которое не пропустило установленный процессуальным законом трехмесячный срок.

Говоря о сроках на обжалование сделок либо требований о применении последствий ничтожной сделки, следует обратить внимание на то, что в данном случае к заявлениям органов прокуратуры применяется общий подход, как и к сторонам по сделке. Так, в п. 8 Пленума № 15 не содержится каких-либо указаний на восстановление пропущенного срока по требованиям, заявленным прокурором. Органы прокуратуры должны быть своевременно оповещены о факте заключения оспариваемых сделок, в ином случае может быть нарушена гарантия стабильности гражданского и торгового оборота, а возможность судебного обжалования сделок может растянуться на неопределенный срок. Таким образом, должны обеспечиваться интересы добросовестных приобретателей, в том числе посредством применения принципа публичной достоверности государственных реестров (например, ЕГРН либо ЕГРЮЛ).

Следует отметить, что положения АПК РФ и Закона о прокуратуре не содержат всех случаев обращения прокурора в суд. Так, в силу ст. 61 и 1253 ГК РФ прокурор также вправе обратиться в арбитражный суд с требованием о ликвидации юридического лица вследствие неоднократного или грубого нарушения этим юридическим лицом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, а также в силу ст. 222 ГК РФ – о сносе самовольной постройки в целях защиты публичных интересов (п. 1 Пленума № 15).

Объем полномочий прокурора в арбитражном судопроизводстве по административным делам определяется нормами КоАП РФ, которые носят субсидиарный характер по отношению к положениям гл. 25 АПК РФ, не содержащим в себе подробной правовой регламентации объема и порядка реализации рассматриваемой сферы его компетенции (абз. 2 п. 1 Пленума № 15).

Компетенция прокурора на возбуждение дел об административных правонарушениях разделяется следующим образом:

– исключительная компетенция (ст. 28.4 КоАП РФ);

– инициативная компетенция (ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре, п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 27 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»[1]).

Исключительная компетенция прокурора заключается в том, что по соответствующим категориям административных правонарушений вопрос о возбуждении дела решается только органами прокуратуры (например, по ст. 7.24 – «нарушение порядка распоряжения объектом нежилого фонда, находящимся

[1] Вестник ВАС РФ. 2003. № 3.

в федеральной собственности, и использования указанного объекта» – либо ст. 19.9 – «нарушение порядка предоставления земельных или лесных участков либо водных объектов» – КоАП РФ). Вместе с тем в силу общих норм Закона о прокуратуре прокурору предоставлено право на возбуждение дел об административных правонарушениях по иным составам, не упомянутым в ст. 28.4 КоАП. В этой связи в целях правовой определенности в юридической литературе небеспочвенно высказывается мнение о необходимости дополнения ст. 52 АПК РФ, закрепив в ней данное право прокурора[1].

Вопрос об объеме компетенции был предметом рассмотрения в КС РФ, который также подчеркнул право прокурора возбуждать дела об административном правонарушении по основаниям, не перечисленным в ст. 28.4 КоАП РФ, что обусловлено содержанием надзорной функции за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, т.е. для восстановления правопорядка в стране[2].

Сказанное свидетельствует о том, что участие прокурора в арбитражном процессе обеспечивает интересы публичного порядка и соблюдение принципа законности, гарантируемые государством.

4. Участие прокурора в гражданском процессе

Порядок участия прокурора в гражданском процессе в судах общей юрисдикции прежде всего регламентируется ст. 45 ГПК РФ. Следует отметить некое сходство положений рассматриваемой нормы гражданского процессуального законодательства со ст. 52 АПК РФ в части перечисления отдельных правомочий прокурора. Так, органы прокуратуры могут подать самостоятельное заявление и пользуются правами, тождественными истцу; могут отказаться от заявленного им иска, что не препятствует участвующему в деле материальному истцу в реализации право на дальнейшее рассмотрение спора по существу и т.д. (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ). Вместе с тем гражданский процесс допускает участие прокурора по делам, затрагивающим права не только публично-правовых образований либо неопределенного круга лиц, но и отдельных категорий субъектов права.

В зависимости от законодательного требования разделяется *обязательное* и *инициативное* участие прокурора в гражданском процессе.

Обязательное участие прямо закреплено в положениях закона, в частности при рассмотрении судом заявления о возвращении ребенка или об осуществлении прав

---

[1] Также см.: *Назрицкая Т.С.* Правовая и практическая обусловленность участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 183–191; *Отческая Т.И.* Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 122–131 и др.

[2] См.: Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2023 года // http://ksrf.ru; постановление КС РФ от 6 апреля 2023 г. № 15-П // СЗ РФ. 2023. № 16. Ст. 2989; постановление КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389 и др.

доступа (ст. 244.15 ГПК РФ), об усыновлении (ст. 273 ГПК РФ), о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим (ст. 278 ГПК РФ), об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими денежными (ст. 284 ГПК РФ), об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 288 ГПК РФ), о лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ), об отмене усыновления ребенка (ст. 140 СК РФ), о госпитализации в недобровольном порядке (ст. 34 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»[1]) и т.д. Такой подход обусловлен не только обеспечением государством адресного прокурорского надзора (в том числе в интересах социально незащищенных слоев населения), но и сложностью характера рассматриваемых дел. По сути, обязательное участие прокурора продиктовано чувствительностью соответствующей сферы жизнедеятельности общества.

Таким образом, перечисленные случаи предполагают участие органов прокуратуры вне зависимости от того, кем заявлено требование в суде (гражданами, прокурором и иными лицами), о чем свидетельствует многочисленная судебная практика[2]. В ряде случаев обязательное участие прокурора в гражданском деле определено по аналогии закона в силу ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, к примеру, по делам об отмене ограничения родительских прав и делам о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате его в семью (абз. 2 п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»[3]).

Инициативное участие прокурора предполагает реагирование в отдельных случаях, когда этого требуют закон и (или) обстоятельства дела, свидетельствующие о необходимости его участия в последнем. В частности, в судах общей юрисдикции рассматриваются заявления прокурора в области трудовых споров (ст. 391 ТК РФ), о признании недействительным брака (ст. 28 СК РФ), о нарушениях законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования (п. 31 постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»[4]) и иные.

---

[1] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

[2] См., напр., Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом ВС РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

При реализации инициативного права прокурора необходимо учитывать, что от имени гражданина, который и сам вправе защищать свои права и законные интересы, участие прокурора в силу ч. 1 ст. 45 ГПК РФ имеет место в особых случаях (ввиду состояния здоровья, возраста, ограничения правоспособности и т.д.). Таким образом, защита органами прокуратуры интересов конкретных физических лиц осуществляется как составная часть конституционных гарантий правового государства.

Отдельным вопросом является толкование понятия гражданина, в интересах которого прокурор вправе обратиться в суд в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. В данном случае возможно двоякое понимание. Первый подход основан на узком толковании понятия гражданина как физического лица, обладающего гражданством Российской Федерации[1] либо двойным гражданством (одно из которых российское). При таком подходе иностранные граждане и лица без гражданства выпадают из данной сферы прокурорского надзора и инициативного обращения в суд. Второй подход заключается в расширительном понимании гражданина как любого физического лица, права и законные интересы которого нарушены на территории России, если существуют основания для участия органов прокуратуры в защите прав данных лиц (без привязки к гражданству конкретного государства). На возможность применения второго подхода, в частности, указывает положение п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре, в котором используется формулировка о защите прав «человека и гражданина». Видится, что по данному вопросу для судебной практики были бы полезными отдельные разъяснения ВС РФ и (или) Генпрокуратуры РФ.

Правомочия прокурора на инициативное обращение в суд основаны на выявленном факте нарушения действующего российского правопорядка. Целесообразность в реализации данного права определяется самим прокурором и не означает, что само по себе необращение в суд (даже если имеет место нарушение закона) может рассматриваться как бездействие прокурора. Так, к примеру, в защиту нарушенных работодателем прав работников как авторов служебных результатов интеллектуальной деятельности (служебных произведений, служебных изобретений, служебных топологий и др.) может обратиться как сам работник, так и органы прокуратуры (п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[2]).

Процессуальное законодательство содержит норму о том, что по ряду категорий требований в силу закона (например, при рассмотрении вопроса о выселении, о восстановлении на работе либо о возмещении вреда, причиненного жизни

[1] *Гражданство Российской Федерации* – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. См. ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

или здоровью) вступление прокурора в дело предполагает дачу им соответствующего *заключения*. Вместе с тем наличие либо отсутствие указанного заключения в деле не препятствует рассмотрению спора по существу (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ). На первый взгляд такая вариативность может свидетельствовать о декларативности данной нормы, однако это не так. Порядок реализации рассматриваемой формы прокурорского реагирования отражен в Приказе № 2, в силу которого органы прокуратуры должны детально изучать материалы (особенно в случаях его обязательного участия), занимать аргументированную позицию, активно участвовать в исследовании доказательств, направлять заключения в письменном виде как на бумажном носителе, так и в форме приравненного к нему электронного документа (п. 6). Следовательно, в зависимости от обстоятельств судебного дела заключение может и не предоставляться суду.

В деятельности органов прокуратуры сформулирована особая правовая категория – *наблюдательное производство по делу*, под которым следует понимать электронное дело (при отсутствии технических возможностей – его бумажную форму), в состав которого входят наиболее существенные процессуальные документы и доказательства по делу, мотивированные заключения по делу, заключения о законности судебных актов и т.д. (п. 8 Приказа № 2)[1].

Целесообразность непосредственного участия в ходе судебного заседания определяется самим прокурором, поскольку его физическое (личное) присутствие в зале судебного заседания не является обязательным[2]. Данный вопрос был предметом рассмотрения ВС РФ, когда в актах Генпрокуратуры России было отражено, что участием в деле прокурора признается реализация им своей компетенции вне зависимости от его личного присутствия в суде[3]. Юридическое участие прокурора отражается в судебных актах (например, в определении о принятии дела к рассмотрению, об удовлетворении заявления прокурора о вступлении в дело и т.д.), позволяющих ему реализовать в полной мере установленный процессуальным законодательством соответствующий объем правомочий, направленный на защиту прав и законных интересов граждан, государства и общества, с учетом конкретных обстоятельств дела и целесообразности в такой реализации.

---

[1] Заключение подготавливается в свободной форме, поскольку в законодательстве отсутствуют требования к его содержанию.

[2] Пункт 5 постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»; п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» и др.

[3] См., напр., апелляционное определение Апелляционной коллегии ВС РФ от 14 января 2016 г. № АПЛ15-584 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 11.08.2015 № АКПИ15-720, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 10.2 Приказа Генпрокуратуры России от 26.04.2012 № 181 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе»» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9 (извлечение).

Говоря об участии прокурора непосредственно в интересах публично-правовых образований – государства, его субъектов и муниципалитетов, необходимо обратить внимание на субъектный состав лиц, права и законные интересы которых обеспечиваются инструментами прокурорского реагирования. Так, определенный в ст. 45 ГПК РФ круг лиц может свидетельствовать о комплексной защите частных материально-правовых интересов граждан, неопределенного круга лиц и публично-правовых образований. Защита указанных лиц всегда обусловлена общей целью деятельности органов прокуратуры – обеспечением верховенства закона, единства и укрепления законности, защитой прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре).

5. Заключение

Исследовав правомочия органов прокуратуры в цивилистическом процессе, можно сделать следующие выводы:

– компетенция по защите публичных интересов охватывает интересы не только публично-правовых образований – государства, субъектов РФ и муниципалитетов, но и неопределенного круга лиц, к которым относятся гражданско-правовые сообщества и иные общности лиц;

– правомочия органов прокуратуры по защите интересов публично-правовых образований тесно связаны с интересами всех участников общественных отношений на территории России;

– следует расширять круг дел, по которым прокурор вправе, а в ряде случаев обязан дать заключение;

– необходимо дополнить процессуальное законодательство либо отразить в актах ВС РФ положение о том, что к неопределенному кругу лиц возможно отнести гражданско-правовые сообщества.

Список использованной литературы

Абова Т.Е., Жилин Г.А., Корнеев В.А. [и др.] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 217–309.

Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 136 с.

Васильчикова Н.А. Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2018. № 6. С. 97–101.

Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1968. 76 с.

Власов А.А. Участие прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве как фактор, способствующий повышению эффективности правосу-

дия // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве / отв. ред. И.А. Приходько. М.: Лиджист, 2001. С. 180–185.

Гаджиев Г.А. Конституция Российской Федерации 1993 г. с точки зрения правовой аксиологии // Юридический мир. 2013. № 12. С. 27–30.

Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 65–85.

Гадиятова М. Защита прокурором частных интересов в гражданском судопроизводстве // Законность. 2010. № 11. С. 44–46.

Громошина Н.А. О справедливости в цивилистическом процессе (читая А.Т. Боннера) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 4. С. 38–48.

Гусева Т.А., Игнатова Ю.Н. Роль прокурора в защите публичных интересов // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 56–61.

Ергашев Е.Р., Панкова А.А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 2. С. 53–60.

Еременко О.В. Цель и функция участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 4. С. 27–43.

Жилин Г.А. Субъекты целевых установок гражданского судопроизводства и их процессуальные функции // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 17–26.

Изотова Л.Н. Отдельные процессуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 11–15.

Крутиков М.Ю. Гражданско-процессуальный статус прокурора // Современное право. 2007. № 5. С. 43–45.

Лаптев В.А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57.

Лаптев В.А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex Russica. 2015. № 6. С. 39–47.

Лаптев В.А. Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 28–33.

Назрицкая Т.С. Правовая и практическая обусловленность участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 183–191.

Отческая Т.И. Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 122–131.

Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе: сборник материалов круглого стола (Москва,

26 октября 2018 г.) / под общ. ред. Н.В. Субановой; сост. и науч. ред. М.В. Маматов, О.В. Боброва. М., 2019. 161 с.

Сланов Г.Т. Особенности состава конституционно-правового статуса прокуратуры как органа конституционно-правового нормотворчества на уровне субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 8. С. 3–7.

Телешинин А.А. Решение общего собрания участников хозяйственных обществ в российском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 243 с.

Фомичева О.А. Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 50–55.

Хутыз М.Х. Понятие сторон в гражданском процессе // Советское государство и право. 1981. № 11. С. 115–119.

Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. 295 с.

References

Abova T.E., Zhilin G.A., Korneev V.A. et al. *Kontseptsiia edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [The Concept of a Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2015, no. 1, pp. 217–309. (In Russ.)

Argunov V.N. *Uchastie prokurora v grazhdanskom protsesse* [Participation of the Prosecutor in Civil Procedure]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1991. 136 p. (In Russ.)

Eremenko O.V. *Tsel' i funktsiia uchastiia prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The Purpose and Function of the Participation of the Prosecutor in Civil Proceedings]. *Nauka Krasnoiar'ia – Science of Krasnoiarsk*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 27–43. (In Russ.)

Ergashev E.R., Pankova A.A. *Problemy uchastiia prokurora v rassmotrenii del arbitrazhnymi sudami* [Problems of Participation of the Prosecutor in the Consideration of Cases by Arbitration Courts]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu" – Electronic Supplement to the "Russian Legal Journal"*, 2020, no. 2, pp. 53–60. (In Russ.)

Fomicheva O.A. *Prokuratura kak sub'ekt prava zakonodatel'noi initsiativy v zakonotvorcheskoi deiatel'nosti* [The Prosecutor's Office as a Subject of the Law of Legislative Initiative in Legislative Activity]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-Government*, 2018, no. 10, pp. 50–55. (In Russ.)

Gadiiatova M. *Zashchita prokurorom chastnykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Protection by the Prosecutor of Private Interests in Civil Proceedings]. *Zakonnost' – Legality*, 2010, no. 11, pp. 44–46. (In Russ.)

Gadzhiev G.A. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii 1993 g. s tochki zreniia pravovoi aksiologii* [The Constitution of the Russian Federation of 1993 from the Point of View of Legal Axiology]. *Iuridicheskii mir – Legal World*, 2013, no. 12, pp. 27–30. (In Russ.)

Gadzhiev G.A. *Printsipy spravedlivosti i doveriia k sudu kak fundamental'nye printsipy chastnogo prava* [Principles of Justice and Trust in the Court as Fundamental Principles of Private Law]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF – Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2017, no. 4, pp. 65–85. (In Russ.)

Gromoshina N.A. *O spravedlivosti v tsivilisticheskom protsesse (chitaia A.T. Bonnera)* [On Justice in Civil Procedure (Reading A.T. Bonner)]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 38–48. (In Russ.)

Guseva T.A., Ignatova Iu.N. *Rol' prokurora v zashchite publichnykh interesov* [The Role of the Prosecutor in Protecting Public Interests]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economics*, 2013, no. 6, pp. 56–61. (In Russ.)

Iudelson K.S. *Problema dokazyvaniia v sovetskom grazhdanskom protsesse* [The Problem of Proof in Soviet Civil Procedure]. Moscow: Gosiurizdat, 1951. 295 p. (In Russ.)

Izotova L.N. *Otdel'nye protsessual'nye voprosy uchastiia prokurora v arbitrazhnom protsesse* [Separate Procedural Issues of the Participation of the Prosecutor in Arbitration Procedure]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitration and Civil Procedure*, 2013, no. 12, pp. 11–15. (In Russ.)

Khutyz M.Kh. *Poniatie storon v grazhdanskom protsesse* [The Concept of Parties in Civil Procedure]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1981, no. 11, pp. 115–119. (In Russ.)

Krutikov M.Iu. *Grazhdansko-protsessual'nyi status prokurora* [The Civil Procedural Status of the Prosecutor]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*, 2007, no. 5, pp. 43–45. (In Russ.)

Laptev V.A. *Grazhdansko-pravovoe soobshchestvo v sisteme upravleniia korporatsiei: zadachi zakonodatelia i realii sudebnoi praktiki* [Civil Law Community in the Corporate Management System: The Tasks of the Legislator and the Realities of Judicial Practice]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga – Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*, 2022, no. 4, pp. 46–57. (In Russ.)

Laptev V.A. *Konstitutsiia Rossii kak osnovnoi istochnik predprinimatel'skogo prava* [The Constitution of Russia as the Main Source of Business Law]. *Lex Russica – Lex Russica*, 2015, no. 6, pp. 39–47. (In Russ.)

Laptev V.A. *Resheniia sudov v sostave sudebnoi praktiki: primenenie zakona i printsipa spravedlivosti* [Court Decisions as Part of Judicial Practice: Application of the Law and the Principle of Justice]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitration and Civil Procedure*, 2015, no. 10, pp. 28–33. (In Russ.)

Nazritskaia T.S. *Pravovaia i prakticheskaia obuslovlennost' uchastiia prokurora v rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheniiakh v arbitrazhnykh sudakh* [Legal and Practical Conditionality of the Participation of the Prosecutor in the Consideration of Cases of Administrative Offenses in Arbitration Courts]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2021, no. 2, pp. 183–191. (In Russ.)

Otcheskaia T.I. *Protsessual'nye aspekty uchastiia prokurora v arbitrazhnom protsesse* [Procedural Aspects of the Participation of the Prosecutor in Arbitration Procedure].

Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law, 2018, no. 2, pp. 122–131. (In Russ.)

Slanov G.T. *Osobennosti sostava konstitutsionno-pravovogo statusa prokuratury kak organa konstitutsionno-pravovogo normotvorchestva na urovne sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Features of the Composition of the Constitutional and Legal Status of the Prosecutor's Office as a Body of Constitutional and Legal Rule-Making at the Level of the Constituent Entities of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-Government*, 2021, no. 8, pp. 3–7. (In Russ.)

Subanova N.V. (ed.) *Problemy realizatsii polnomochii prokurora v grazhdanskom, administrativnom i arbitrazhnom protsesse: sbornik materialov kruglogo stola (Moskva, 26 oktiabria 2018 g.)* [Problems of Implementation of the Powers of the Prosecutor in the Civil, Administrative and Arbitration Process: Collection of Materials of the Round Table (Moscow, 26 October 2018)]. Moscow, 2019. 161 p. (In Russ.)

Teleshinin A.A. *Reshenie obshchego sobraniia uchastnikov khoziaistvennykh obshchestv v rossiiskom prave: dis. … kand. iurid. nauk* [Decision of the General Meeting of Participants of Business Companies in Russian Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2023. 243 p. (In Russ.)

Vasilchikova N.A. *Polnomochiia prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The Powers of the Prosecutor in Civil Proceedings]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*, 2018, no. 6, pp. 97–101. (In Russ.)

Vikut M.A. *Storony – osnovnye litsa iskovogo proizvodstva* [The Parties Are the Main Persons in the Claim Proceedings]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1968. 76 p. (In Russ.)

Vlasov A.A. *Uchastie prokurora v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve kak faktor, sposobstvuiushchii povysheniiu effektivnosti pravosudiia* [The Participation of the Prosecutor in Civil and Arbitration Proceedings as a Factor Contributing to the Improvement of the Effectiveness of Justice]. In Prikhodko I.A. (ed.). *Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiia v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Problems of Accessibility and Efficiency of Justice in Arbitration and Civil Proceedings]. Moscow: Lidzhist, 2001, pp. 180–185. (In Russ.)

Zhilin G.A. *Sub"ekty tselevykh ustanovok grazhdanskogo sudoproizvodstva i ikh protsessual'nye funktsii* [Subjects of Target Settings of Civil Legal Proceedings and Their Procedural Functions]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2000, no. 1, pp. 17–26. (In Russ.)

Информация об авторе

Лаптев В.А. (Москва, Россия) – доктор юридических наук, судья Арбитражного суда г. Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; e-mail: laptev.va@gmail.com).

Information about the author

V.A. Laptev (Moscow, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Judge, Moscow Arbitration Court, Chief Researcher, Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia; e-mail: laptev.va@gmail.com).

Для цитирования

Лаптев В.А. Участие прокурора в цивилистическом процессе в интересах публично-правовых образований // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 89–112. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-89-112

Recommended citation

Laptev V.A. *Uchastie prokurora v tsivilisticheskom protsesse v interesakh publichno-pravovykh obrazovanii* [Participation of the Prosecutor in Civil Procedure in the Interests of Public-Law Entities]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 89–112. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-89-112

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ. ВАРИМ КАШУ ИЗ ТОПОРА: КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ КС РФ ОТ 7 ФЕВРАЛЯ 2023 Г. № 6-П

Ю.В. ТАЙ,

кандидат юридических наук, профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
управляющий партнер Адвокатского бюро «Бартолиус»

С.Л. БУДЫЛИН,

советник Адвокатского бюро «Бартолиус»

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-113-144

В статье исследуются сущность и применение доказательственных презумпций, проанализировано постановление КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П. В работе авторы отмечают, что со времен римского права и до настоящего времени количество подобных идеальных конструкций только увеличивается, а с развитием научно-технического прогресса и интеллектуальной собственности многократно. Тем самым было справедливо подмечено, что презумпция действует независимо от усмотрения участников правоотношения. Правило презумпции само определяет поведение субъектов права, а не дожидается какого-либо внешнего воздействия на себя со стороны заинтересованных лиц. При этом значение имеют лишь обстоятельства, при наступлении которых та или иная презумпция подлежит применению. В завершение в статье приводится комментарий к постановлению КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П, авторы приходят к выводу о том, что ключевое значение КС РФ в указанном Постановлении придал процессуальному поведению сторон. Исходя из оценки именно этого поведения, КС РФ предписывает перераспределение бремени доказывания, которое на практике, скорее всего, окажется решающим для исхода дела.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; доказательства; презумпции; Конституционный Суд; субсидиарная ответственность.

EVIDENTIARY PRESUMPTIONS. COOKING PORRIDGE FROM AN AXE: COMMENTARY TO THE RESOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 7 FEBRUARY 2023 NO. 6-P

Yu.V. TAI,

Candidate of Legal Sciences, Professor,
National Research University Higher School of Economics,
Managing Partner, Law Office "Bartolius"

S.L. BUDYLIN,

Counselor, Law Office "Bartolius"

The article explores the essence and application of evidentiary presumptions, analyzes the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 7 February 2023 No. 6-P. In the study the authors note that since the times of Roman law and up to the present time the number of such ideal constructions only increases, and with the development of scientific and technological progress and intellectual property many times. Thus it was rightly pointed out that the presumption operates independently of the discretion of the participants of the legal relationship. The rule of presumption itself determines the behavior of subjects of law, and does not wait for any external influence on itself from the interested parties. At the same time, only the circumstances in the occurrence of which this or that presumption is to be applied are of significance. The article concludes with a commentary on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 7 February 2023 No. 6-P. The authors come to the conclusion that the Constitutional Court of the Russian Federation in this Resolution attributed the key importance to the procedural behavior of the parties. Based on the assessment of this very behavior, the Constitutional Court of the Russian Federation prescribes the redistribution of the burden of proof, which in practice is likely to be decisive for the outcome of the case.

Keywords: arbitration procedure; civil procedure; evidence; presumptions; Constitutional Court; subsidiary liability.

Меня вчера верблюдом обозвали,
Теорию под это подвели…
А. Макаревич

Добрые люди кровопролитиев от него ждали,
а он Чижика съел.
Салтыков-Щедрин М.Е. Медведь на воеводстве

1. Введение

Институт презумпций известен со времен римского классического права и подробно описан в литературе. В дореволюционном периоде наиболее известен труд Д.И. Мейера «*О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях*»[1], в котором знаменитый правовед констатировал, что «нет никакого повода путем заключений доходить до существования фактов, подлежащих юридическим определениям: оно представляется наблюдению само собой и предшествует приложению последних, вызывает его. Но юридический быт знакомит нас также с уклонениями от нормального порядка: определения, рассчитанные на известные факты, получают силу, хотя последних мы и не усматриваем. К таким уклонениям обыкновенно относят следующие случаи. 1) Вымышленное существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде: принадлежат сюда так называемые вымыслы права – fictiones juris. 2) Существование факта не раскрыто с несомненностью, но оно более или менее вероятно и потому предполагается, и относящиеся к нему определения идут в ход: здесь заключение о факте называется предположением, praesumtio. 3) Существование факта выражается другим фактом, как знаком его или эквивалентом. 4) Юридические определения отнесены к факту, выставляемому существующим взамен другого факта, собственно подлежащего тем юридическим определениям».

В последующем многие, в том числе современные, авторы подробно останавливались и описывали разграничения презюмирования и фингирования определенных фактов, поясняя, в чем смысл их формулирования законодателем и неизбежность их применения в праве. Как известно, право, как и природа, не терпит пустоты, и если реальная жизнь приводит право к необходимости вмещать идеальные (нематериальные) конструкции и субъекты в объективную реальность, без включения в оборот неких идеальных конструкций (фикций, презумпций, иных вымышленных, скрытых и фантазийных категорий) совершенно невоз-

[1] См.: *Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854.

можно правоприменение[1]. Со времен римского права и до настоящего времени количество подобных идеальных конструкций только увеличивается, а с развитием научно-технического прогресса и интеллектуальной собственности многократно. На место рассуждений о бездокументарных ценных бумагах приходят дебаты о биткоинах и артефактах из компьютерных игр, а также виртуальной недвижимости из метавселенной.

Правовое значение и эффект применения презумпций подробно изучены в правовой литературе. Так, И.Г. Оршанский отмечал, что истинный и нормальный тип презумпции – это тот, который называется *praesumtiones juris*[2], проявляющий себя во всех тех случаях, когда закон предписывает от одного определенного факта заключать о существовании другого и это заключение обязательно для суда, пока противное не будет доказано. Если заключение о факте, который должен быть доказан, допускается судом не от одного факта к другому, а от совокупности всех обстоятельств дела, то речь должна идти о так называемых искусственных доказательствах, а не презумпциях; по крайней мере здесь нет нормальных презумпций – *praesumtiones juris*[3].

В.К. Бабаев, рассматривая презумпции с общеотраслевых позиций, предложил несколько вариантов их понимания: с точки зрения их логической природы – как предположение о наличии или отсутствии предметов (явлений), основанное на связи между ними и предметами (явлениями) наличными, подтвержденное

---

[1] *Оршанский И.Г.* О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4. С. 1–55; кн. 5. С. 1–73; *Дормидонтов Г.Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895; *Ойгензихт В.А.* Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1976; *Кузнецова О.А.* Презумпции в гражданском праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; *Сериков Ю.А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2006; *Мосин С.А.* Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2009; *Булаевский Б.А.* Вопросы общей теории правовых презумпций. М.: Изд-во ИП Насирддинова В.В., 2012; *Ширвиндт А.* Значение фикции в римском праве. М.: Статут, 2013; диссертации: *Зуев Ю.Г.* Презумпции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000; *Цуканов Н.Н.* Правовые презумпции в административной деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001; *Щекин Д.М.* Юридические презумпции в налоговом праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Сухинина И.В.* Презумпции в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Бронникова М.Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006; *Шахкелдов Ф.Г.* Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп, 2006; *Пронина М.П.* Презумпции в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

[2] Две другие категории презумпций названы в работе *praesumtiones juris et de jure* и *praesumtiones hominis*. О первых из них вели речь тогда, когда в силу закона известное предположение от одного факта к другому, безусловно, обязательно для суда и противное не могло быть доказываемо, а вторыми назывались все те заключения, которые могли быть сделаны судом по внутреннему убеждению, сообразно обстоятельствам каждого дела (обыкновенно относились к области так называемых искусственных доказательств).

[3] *Оршанский И.Г.* О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4. С. 10.

предшествующей жизненной практикой[1], а с точки зрения права – как закрепленное в нормах права предположение о наличии или об отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом. При этом он подметил, что понятие правовых презумпций должно быть дополнено указанием на то, чьим интересам служит использование презумпций в праве, и характеристикой их правовой природы, указав тем самым на так называемое политическое значение презумпций.

В.А. Ойгензихт, посвятив свое исследование презумпциям в советском гражданском праве, основное внимание уделил роли презумпций в механизме правового регулирования, предложив понимание материально-правовой презумпции как основания для установления предполагаемого факта, влекущего соответствующие правовые последствия, как следствие из вывода о высокой степени вероятности его существования при определенных обстоятельствах (условиях). Одновременно автором было отмечено, что презумпция может считаться правовой только тогда, когда предположение составляет само содержание правовой нормы, а не является лишь мотивом ее установления.

Вслед за В.А. Ойгензихтом понимание материально-правовой презумпции было предложено Н.Ф. Качур. Таковой она предлагала считать закрепленное в нормах права предположение, выступающее в качестве предпосылки установления одного юридического факта при наличии других, а в некоторых случаях заменяющее юридический факт, влекущий определенные материально-правовые последствия. При этом Н.Ф. Качур отмечала, что презумпции не являются средством правового регулирования, а, будучи воспринятыми юридическими нормами, представляют собой внутренний логический механизм действия этих норм[2].

В.И. Каминская указывала, что презумпция как логический прием, свойственный любой познавательной деятельности вообще, приобретает способность вызывать специально правовые последствия. При этом под правовой презумпцией она понимала такое положение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим в силу этого специальных доказательств[3]. В.П. Воложанин под юридическим предположением в советском праве (заметим: не презумпцией) понимал предположение, освобождающее сторону от доказывания какого-либо факта при доказанности других фактов, поскольку между ними (т.е. фактом, осво-

---

[1] *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. С. 12.

[2] См.: *Качур Н.Ф.* Презумпции в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 6–7.

[3] *Каминская В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 3.

божденным от доказывания, и фактами, уже доказанными) существует причинная связь, проверенная и подтвержденная прошедшим опытом, практикой[1].

Проблемам применения презумпций уделял внимание в своих исследованиях и В.К. Бабаев. При этом особое внимание им было обращено на значение презумпций в правоприменительной деятельности, а основной акцент был сделан на вопросе о роли и месте презумпций в доказывании (процессе, сопутствующем применению правовых норм)[2]. В итоге он пришел к выводу, что презумпции в процессе доказывания могут оказывать влияние на предмет доказывания и распределять бремя по установлению истины между сторонами, но сами по себе доказательствами не являются[3]. При этом применительно к вопросу о распределении бремени доказывания им были высказаны следующие суждения: «По общему правилу бремя доказывания (*onus probandi*) тех или иных фактов возлагается на ту сторону, которая утверждает о существовании или несуществовании данных фактов: *ei incumbit probation gui dicit non qui negat* (на том лежит бремя доказывания, кто утверждает, а не на том, кто отрицает). Презумпция же освобождает сторону, в пользу которой она установлена, от доказывания, перелагая бремя по доказыванию на другую сторону»[4]. Тем самым было справедливо подмечено, что презумпция действует независимо от усмотрения участников правоотношения. Правило презумпции само определяет поведение субъектов права, а не дожидается какого-либо внешнего воздействия на себя со стороны заинтересованных лиц. При этом значение имеют лишь обстоятельства, при наступлении которых та или иная презумпция подлежит применению.

О.В. Баулин придерживается точки зрения, в соответствии с которой презумпция – это не любое обстоятельство, возможность оспаривания которого допускается, а лишь законодательное предположение о наличии юридических фактов, которые не могут быть реализованы вне рамок юрисдикционной процедуры[5].

Что же выделяет презумпции из общей массы правовых средств, способных восполнять пробелы в праве?

В первую очередь это их основание, т.е. предположение, на котором основана презумпция. И здесь ключевым моментом является достоверность предположения. Положенное в основу презумпции предположение может основываться исключительно на прошлом опыте. Как справедливо отметила В.И. Каминская, «высказанное в презумпции суждение не содержит в себе ничего нового, по сравнению с тем

---

[1] *Воложанин В.П.* Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. С. 5.

[2] *Бабаев В.К.* Указ. соч. С. 75–85.

[3] Там же. С. 85.

[4] Там же. С. 83.

[5] *Баулин О.В.* Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец, 2004. С. 219.

запасом знаний, который имелся до того, как она была сформулирована»[1]. При этом имеющееся знание может содержать информацию и о таких фактах, которые расходятся с обычным порядком вещей. Тем не менее презумпции конструируются и применяются на перспективу, несмотря на такие исключения.

Прибегая к вопросу о логических основаниях построения презумпций, необходимо отметить, что «метод, при помощи которого вырабатывается презумпция, следует признать более сложным по сравнению с обычной индукцией через простое перечисление. Здесь не просто констатация определенного количества наблюдавшихся однородных фактов, им противоречащих, а более сложное сопоставление однотипных фактов с наличными, противоречащими им фактами, с признанием безусловного приоритета за первыми»[2]. Вообще в сфере социальных отношений крайне трудно объяснять закономерности построения и развития таких отношений. «Просчитать» человека практически невозможно (по крайней мере при современном состоянии научного знания о человеке), а значит, и факты его жизни объективно могут не вписываться во всевозможные предлагаемые человеком обобщения и построения (в том числе и правовые).

Сразу, но попутно отметим, что проблема разграничения фикций и презумпций требует отдельного и детального обсуждения, однако никак не касается предмета данной статьи. Лишь кратко укажем, что правовая презумпция (от лат. *praesumptio* – предположение) освобождает одну из сторон от доказывания презюмируемого факта, но позволяет другой стороне ее опровергнуть, вернув бремя доказывания в привычное русло: каждый доказывает то, на что ссылается. Фикция же в переводе с латыни (*fictio*) – выдумка, вымысел, нечто реально не существующее. Часто то, что в праве называется презумпцией, ей не является. Так, например, всем известная презумпция знания закона фактически является фикцией, поскольку невозможно знать все законы. Но наличие фикции сокращает процесс доказывания: отказался от медицинского освидетельствования – значит, причинил вред в состоянии опьянения; отказался от участия в экспертизе, не представил необходимые доказательства для проведения экспертизы, если без этого невозможно ее провести, – суд может признать факт существующим. Другими доказательствами фикцию не устранишь из процесса доказывания. Также фикцией является извещение лица, участвующего в деле, о процессе, хотя суд достоверно знает о том, что лицо извещения не получало либо вообще не проживает по последнему известному адресу.

Судья обычно устанавливает факты дела путем анализа доказательств. Когда же доказательств не хватает, судья пользуется предустановленными правом доказательственными презумпциями. Именно презумпции определяют, в пользу

---

[1] *Каминская В.И.* Указ. соч. С. 19.

[2] *Сериков Ю.А.* Указ. соч. С. 12.

какой стороны устанавливаются факты при недостаточности или полном отсутствии доказательств.

Иначе говоря, презумпции – это вспомогательный инструмент, используемый в ситуации доказательственной неопределенности, каковая по идее должна быть исключением, а не правилом.

В одном часто цитируемом американском судебном решении от 1906 г. по этому поводу говорится следующее: «*Презумпции… это летучие мыши права, порхающие в сумерках, но исчезающие в солнечном свете реальных фактов*»[1].

Другой американский ученый, Тэйер, применил иную аналогию – «лопающийся пузырь»: когда противник презумпции представляет доказательство, достаточное для подтверждения вывода о правдивости основного факта и противоречащее существованию презюмируемого факта, «пузырь» презумпции лопается и презумпция исчезает[2].

В силу сказанного критически относился к презумпциям и известный дореволюционный адвокат В.Д. Спасович. По его мнению, «юридические презумпции суть вообще зло, которого следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые предположениями, только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно»[3].

Увы, российским судам очень часто приходится разрешать споры при весьма скудных или полностью отсутствующих доказательствах.

Лишенные солнечного света, судьи вынуждены, по примеру римских авгуров, прорицать исход дела по полету нетопырей во мгле, т.е. разрешать дело на основании предустановленных презумпций.

Конечно, неплохо было бы включить свет, т.е. тем или иным способом принудить все стороны процесса к полному раскрытию доказательств по делу. Однако пока что российские законодатели и высшие суды в основном предпочитают регулировать полет нетопырей.

Особенно это относится к корпоративным и банкротным спорам. Нельзя сказать со стопроцентной уверенностью, но представляется, что рассматриваемый ящик Пандоры был открыт судьей тогда еще ВАС РФ И.В. Разумовым. В одном из хорошо известных дел с участием Путиловского завода в Постановлении Президиум ВАС РФ[4] указал на перераспределение бремени доказывания в результате опровержения презумпции добросовестности: ожидаемым пове-

---

1 *Mockowik v. Kansas City*, 196 Mo. 550, 571 (1906).

2 McCormick on Evidence / By J.W. Strong. 4th ed. St. Paul, Minn.: West, 1992. P. 582–586.

3 *Спасович В.* Обзор решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, по вопросам гражданского и торгового права, за вторую половину 1871 г. и первую половину 1872 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2. Март. С. 177.

4 Постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2012 г. № 12505/11.

дением абстрактного хорошего генерального директора являлось бы раскрытие акционерам информации об условиях взаимосвязанных сделок. Однако директор Г.П. Семененко не сделал этого ни в период совершения сделок, ни в ходе судебного разбирательства. Указанные обстоятельства в свою очередь переносят на него бремя доказывания: именно Г.П. Семененко, действующему с потенциальным конфликтом интересов, надлежало доказать то, что приобретение имущества Путиловским заводом со 100%-ным участием в его уставном капитале Кировского завода совершено в интересах этих юридических лиц, а не для извлечения самим Г.П. Семененко и его матерью частной финансовой либо иной выгоды.

Позже добросовестность через призму бремени доказывания была описана в п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: «В случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (статья 1 ГК РФ), бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора». Позднее это стало называться перебрасыванием бремени доказывания и, как все оригинальное и модерновое, переместилось в гл. 3.2 Закона о несостоятельности. Провозглашение разного рода презумпций и контрпрезумпций стало любимым занятием высших российских судов в некоторых классах банкротных дел, где особенно актуальны проблемы доступа к доказательствам.

Возможно, это жест отчаяния. В самом деле, ведь надо же судам как-то разрешать дела в отсутствие доказательств!

Чтобы исход дела выглядел более или менее справедливым, остается придумать презумпцию, возлагающую бремя доказывания на сторону, кажущуюся наиболее подозрительной…

2. Суть дела

В этом деле[1], дошедшем до самого КС РФ, фактическая картина на первый взгляд была весьма незамысловата.

Предприниматель заключил с неким ООО договор поставки, а общество своих обязательств по договору не исполнило. (Что довольно характерно для российских судебных актов, из них невозможно понять, кто был продавцом, а кто – покупателем и в чем, собственно, состояло нарушение договора.)

Предприниматель предъявил обществу иск и выиграл дело. Впоследствии предприниматель взыскал с общества еще и неустойки, а также судебные расходы. В результате исходный долг в размере 300 тыс. руб., взысканный в 2016 г., к 2020 г. вырос до 5 млн[2]. Однако общество денег так и не заплатило.

---

[1] Постановление КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Постановление АС Поволжского округа от 26 января 2021 г. по делу № А12-39165/2019.

Предприниматель подал заявление о банкротстве общества. Увы, вскоре производство по делу о банкротстве пришлось прекратить, поскольку не нашлось желающих его финансировать. Общество было просто исключено из реестра как «недействующее».

На этом предприниматель не остановился. Он предъявил иск лично директору общества, который также был и единственным участником, требуя взыскать с него долг общества (те самые 5 млн) в порядке субсидиарной ответственности.

Однако суды в трех инстанциях – плюс «отказное» определение ВС РФ[1] – не поддержали предпринимателя. Суды напомнили, что вообще-то ООО само отвечает по своим долгам, а субсидиарная ответственность является «исключительным механизмом», применяемым лишь при наличии на то особых оснований, а именно когда исполнение обществом своих обязательств стало невозможным вследствие виновных (недобросовестных или неразумных) действий руководителя общества.

Между тем в деле нет никаких доказательств того, что «при наличии достаточных денежных средств (имущества) ответчик уклонялся от погашения задолженности перед истцом, скрывал имущество общества, выводил активы и т.д.»[2]. В иске было отказано.

В качестве средства последней надежды пострадавший предприниматель обратился в КС РФ. По мысли предпринимателя, возложение на него бремени доказывания в деле о субсидиарной ответственности явно нарушает его конституционные права, прежде всего право на судебную защиту.

Ведь у независимого от общества кредитора нет никакой практической возможности собрать требуемые судами доказательства вины директора исключенного из реестра общества!

* * *

Свежему человеку вся эта история может показаться довольно удивительной.

Совершенно очевидно, что корректное разрешение спора возможно лишь на основе изучения поведения директора в предбанкротный период. Если директор выводил активы из общества, то он виноват; если директор честно вел дела общества, а в неплатежеспособность общество впало лишь из-за неблагоприятной конъюнктуры, то он не виноват. Главная задача – разобраться, что именно делал директор. Такого разбирательства и ждешь от судов.

Но что же происходит в реальности? Никаких доказательств, касающихся поведения директора, стороны не представляют, а суды не истребуют и не исследуют. И, похоже, никому это не кажется странным. Во всяком случае, суды вос-

[1] Определение ВС РФ от 4 мая 2021 г. № 306-ЭС21-6358.

[2] Там же.

принимают это как должное: они со вкусом обсуждают дело и разрешают спор, не опираясь на какую-либо доказательственную базу.

Усилия сторон, а также судов всех инстанций направлены на решение очень странной проблемы: как установить факты, не имея доказательств. Это же очень напоминает действия солдата из сказки про кашу из топора, которую сварить можно, но необходимы еще крупа, овощи, масло, соль и т.д. Кажется, все верят в то, что для корректного разрешения спора о фактах достаточно лишь применить правильные презумпции, а уж доказательства – дело десятое.

Но, может быть, стоит все же сперва как-то заставить стороны представить доказательства, а потом уже решать их спор? Ведь иначе невозможно всерьез рассчитывать на правильное разрешение спора по существу, сколько бы инстанций этот спор ни рассматривали и какие бы презумпции они ни применяли.

Вряд ли имеет смысл предъявлять подобные недоуменные вопросы конкретным судьям. Речь тут скорее идет о системном дефекте российского правопорядка, не предусматривающего действенного механизма раскрытия доказательств в арбитражном (и гражданском) процессе.

Суды, оставшиеся без доказательственного фундамента для своих решений, выкручиваются, как могут. Теперь на помощь им решил прийти КС РФ. Его постановление мы далее и обсудим в некоторых деталях.

3. Общие правила

Для начала стоит напомнить тем, кто далек от проблем банкротства, базовые правила, касающиеся привлечения к субсидиарной ответственности (кто в курсе, могут эту часть пропустить).

Как намекает нам расшифровка аббревиатуры «ООО», в принципе ответственность участника ООО ограничена. Иначе говоря, даже если общество не в состоянии платить по долгам, кредиторы не могут требовать денег с участника общества, а тем более с директора и прочих должностных лиц общества.

Из этого правила есть ряд исключений, прежде всего предусмотренных банкротным законом.

Так, если участник, директор или другое контролирующее должника лицо (КДЛ) виновно в том, что требования кредиторов остались непогашенными в банкротстве, то с этого контролирующего лица можно взыскать недоплаченную кредиторам сумму. Это называется «субсидиарная ответственность КДЛ в банкротстве»[1].

Типичный случай такого рода – когда директор по подложным договорам вывел деньги из общества, что и стало причиной банкротства этого общества. Тогда суд может приказать негодному директору погасить долги общества.

---

[1] Пункты 1, 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Напротив, если директор при управлении обществом действовал добросовестно и разумно, а банкротство было вызвано исключительно внешними причинами, то вины директора в непогашении требований кредиторов нет, а значит, нет и ответственности. Например, когда общество обанкротилось из-за заключенной директором неудачной сделки, находящейся, однако, в рамках обычного предпринимательского риска.

Даже если производство по делу о банкротстве было прекращено в связи с отсутствием средств на процедуру, КДЛ все равно можно привлечь к субсидиарной ответственности по тем же правилам[1].

Привлечение руководителя общества к субсидиарной ответственности возможно и в том случае, когда общество не проходило никакой процедуры банкротства, поскольку некому было ее оплатить, а просто было исключено из реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) как «недействующее». И в этом случае ответственность руководителя перед кредиторами общества также наступает лишь при наличии вины руководителя (который действовал недобросовестно или неразумно, что и обусловило неисполнение обязательств общества)[2].

Стоит отметить, что при желании кредитор может не допустить внебанкротного исключения общества из реестра[3]. Взамен такого исключения кредитор сможет потребовать проведения полноценной процедуры банкротства. Она потенциально сулит возвращение больших сумм в конкурсную массу, хотя, разумеется, потребует финансирования – скорее всего, со стороны самого же заинтересованного кредитора.

* * *

Все сказанное в предыдущем разделе звучит вполне логично. Никаких сомнений или споров содержание этих материально-правовых норм давно уже не вызывает. Однако в российском праве существуют огромные *процессуальные* проблемы с доказыванием наличия или отсутствия элементов этих норм, прежде всего с доказыванием наличия или отсутствия вины контролирующего лица в непогашении требований кредиторов.

Возможно, главный источник проблем состоит в том, что институт раскрытия доказательств в российском арбитражном процессе – как, впрочем, и в гражданском процессе – практически отсутствует. В результате судам зачастую приходится разрешать сложные споры по фактам дела на основании тех жалких крох доказательств, которые сторонам удалось добыть своими силами. По сути, суды на основании этих косвенных и малоубеждающих доказательств (в режиме «по

[1] Подпункт 1 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

[2] Пункт 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

[3] Пункт 3 ст. 21.1 Закона о государственной регистрации.

амбарам помела, по сусекам поскребла») пытаются по мере возможности угадать (интуитивно почувствовать) правильный ответ в отношении фактов дела.

Как следствие, вместо того, чтобы развивать способы доказывания, в том числе содействуя сторонам в собирании доказательств, в некоторых классах дел важнейшую роль приобретают доказательственные презумпции (предлагающие некий ответ на вопрос о фактах при полном отсутствии доказательств) и в целом распределение бремени доказывания. Таковы все дела, где доступ сторон к доказательствам ограничен.

Это в полной мере относится к делам о привлечении к субсидиарной ответственности в банкротстве, где кредиторы обычно не имеют почти никакого доступа к информации о предбанкротной активности руководства должника. И уж тем более это относится к делам о привлечении к субсидиарной ответственности после внебанкротного исключения общества из реестра: ведь там нет даже арбитражного управляющего, имеющего полномочия на получение документов о деятельности общества. В таких делах по абсолютно понятным причинам доступ к доказательствам объективно ограничен, а при определенных действиях злоупотребляющих лиц указанная задача превращается из нетривиальной в почти фантастическую.

Дело дополнительно осложняется тем, что в российских судах стихийно сложился завышенный стандарт доказывания в арбитражном (и гражданском) процессе, близкий к англо-американскому уголовному стандарту «за пределами разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*). Между тем нетрудно показать[1], что в гражданско-правовых спорах оптимальным является стандарт доказывания, в англо-американском праве известный как «баланс вероятностей» (*balance of probabilities*) или «преобладание доказательств» (*preponderance of the evidence*). Согласно этому стандарту сторона признается выигравшей спор о фактах, если в свете имеющихся доказательств предлагаемая ею фактическая картина представляется суду хотя бы немного более правдоподобной, чем картина, предлагаемая ее оппонентом (*more likely than not*).

В условиях завышенного стандарта доказывания наличие у той стороны, на которой лежит бремя доказывания, любого объема доказательств в свою пользу необязательно решает дело в пользу этой стороны даже при полном отсутствии доказательств у оппонента. Судья всегда может сказать, что представленные доказательства не вполне убедительны (сомнения судьи не устранены). Между тем с использованием стандарта «баланс вероятностей» дело в подобной ситуации наверняка было бы разрешено в пользу этой стороны. Ведь версия, подкрепленная хоть какими-то доказательствами, обычно более правдоподобна, чем не подкрепленная вообще ничем!

---

[1] См., напр.: *Будылин С.Л.* Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–57.

Высшие суды и законодатель предпринимали некоторые усилия по оптимизации применяемого судами стандарта доказывания, но нельзя сказать, что вполне успешно[1].

Понятно, что в условиях скудности доказательств и завышенного стандарта доказывания спор выигрывает не тот, кто прав по существу, а тот, на чьей стороне предустановленная правом доказательственная презумпция.

Видимо, поэтому в банкротных делах, где доказательства зачастую особенно скудны, российский законодатель и высшие суды уделяют необычайно большое внимание правилам, устанавливающим такие презумпции и в целом регулирующим распределение бремени доказывания.

* * *

Как же распределяется бремя доказывания между сторонами российского арбитражного процесса?

Как известно, по общему правилу истец должен доказывать те факты, которые служат основанием его иска[2]. Но в определенных случаях бремя доказывания переносится на ответчика.

Так, в деликтных исках истец доказывает причинение ущерба ответчиком (т.е. наличие ущерба и его причинно-следственную связь с действиями ответчика), а на ответчика возлагается бремя доказывания отсутствия его вины в ущербе[3]. То же правило относительно доказывания вины действует и в случае привлечения к субсидиарной ответственности в банкротстве[4] (ведь, по сути, это и есть разновидность ответственности за деликт). Иначе говоря, вина КДЛ в невозможности погашения требований кредиторов презюмируется, а причинно-следственная связь – нет.

Однако в делах о субсидиарной ответственности в банкротстве действуют еще и некоторые дополнительные презумпции. Статья о субсидиарной ответственности содержит длинный список фактических обстоятельств, создающих презумпцию наличия причинно-следственной связи между действиями (бездействием) КДЛ и невозможностью погашения требований кредиторов[5]. Например, к таким обстоятельствам относится отсутствие корпоративных документов, хранение которых обязательно (и которые, можно предположить, способны были сыграть важную роль в доказывании вины КДЛ)[6].

---

1 См., напр.: *Будылин С.Л.* Стандарты доказывания в банкротстве // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 11. С. 130–158.

2 Пункт 1 ст. 65 АПК РФ.

3 Пункт 2 ст. 1064 ГК РФ.

4 Пункт 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

5 Там же, п. 2 ст. 61.11.

6 Там же, подп. 4 п. 2 ст. 61.11.

То есть, надо понимать, заявитель в деле о привлечении к субсидиарной ответственности должен доказать наличие одного из обстоятельств, упомянутых в списке, после чего возникает презумпция причинно-следственной связи, которую КДЛ при желании может затем опровергать.

К этому следует добавить, что манипулирование бременем доказывания и доказательственными презумпциями является излюбленным приемом Коллегии ВС РФ по экономическим спорам при разрешении некоторых видов банкротных споров[1]. В ряде дел этот прием неточно характеризуется как установление некоего специального «стандарта доказывания». Но если вдуматься, становится ясно, что речь идет не о стандарте доказывания в подлинном смысле (как этот термин понимается на его родине; см. выше), а именно о распределении бремени доказывания.

Общая идея этого приема состоит в том, что в случае информационной асимметрии – когда доступ одной из сторон спора к информации о фактах дела ограничен – бремя доказывания должно перераспределяться в пользу менее информированной стороны.

По мысли ВС РФ, если на стороне с ограниченным доступом к информации формально лежит бремя доказывания, ей достаточно представить лишь некие первичные (*prima facie*) доказательства, необязательно абсолютно убедительные, но способные зародить у судьи разумное предположение о правоте этой стороны. После этого бремя доказывания переносится на другую сторону, у которой есть полный доступ к доказательствам и которой не составит труда представить доказательства своей правоты, если она действительно права.

В типичном банкротном споре стороной с ограниченным доступом к информации (например, о предбанкротных сделках должника) являются независимые кредиторы, а стороной с полным доступом к информации – КДЛ и аффилированные лица должника. На КДЛ и аффилированных лиц ВС РФ обычно и перемещает бремя доказывания в подобных спорах, тем самым чаще всего предопределяя решение спора не в их пользу[2]. Однако такая легкость в перемещении бремени доказывания вызывает на практике понятное возражение, а порой и возмущение, поскольку нередко оно может возлагаться по сути на лиц, находящихся в еще большем информационном и доказательственном голоде, нежели истец: бывшие супруги и родственники истинных КДЛ, их миноритарные и номинальные партнеры, рядовые члены коллегиальных органов управления, уволенные за некоторое (порой несколько лет) время до банкротства. Причем ситуация тем более одиозна, что чем меньшее отношение указанные лица имели к злонамеренным (а порой и преступным) действиям, тем меньше у них есть доступ к информации

---

[1] См., напр.: *Арабова Т.Ф., Будылин С.Л.* Дело о транзитном должнике, или Верховный Суд о субординации требований в банкротстве // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 9. С. 4–24.

[2] См.: *Будылин С.* Все ли кредиторы равны? Комментарий Обзора ВС о требованиях аффилированных лиц в банкротстве // https://www.advgazeta.ru/mneniya/vse-li-kreditory-ravny/.

и доказательствам, которые они могут сообщить суду в свое оправдание, поскольку, не зная за собой никакого греха, такие лица не готовы к обороне, находятся они в стране, имущество личное не спрятано и не выведено.

С 2017 г. теория о переносе бремени доказывания применительно к субсидиарной ответственности подкреплена одним из новых пунктов Закона о банкротстве[1], а также одним из пунктов тематического Постановления Пленума ВС РФ[2].

Конечно, эта техника несколько напоминает «закат солнца вручную». Ведь все эти изощренные искусственные правила переноса бремени доказывания с одной стороны на другую выполнялись бы совершенно автоматически при применении корректного стандарта доказывания («баланс вероятностей»).

В самом деле, если неинформированная сторона представила первичные доказательства своей правоты, а информированная сторона не представляет ничего, то, очевидно, первая сторона скорее права, чем не права. Если так, то по упомянутому стандарту дело уже следует решать в пользу первой стороны, если только вторая сторона не представит своих, более убедительных доказательств. Можно сказать, что бремя доказывания «перешло» на вторую сторону, но не в результате применения какой-то специальной нормы, а в силу самой логики действия стандарта «баланс вероятностей». Иначе говоря, истец побеждает не потому, что он действительно доказал, а потому, что смог привести какие-то минимальные косвенные доказательства, перенеся мяч на поле соперника, а последний не смог убедительно и достоверно (с высокой долей вероятности) доказать, что «он не верблюд».

Необходимость принудительного манипулирования бременем доказывания возникает лишь в случае применения завышенного стандарта доказывания, характерного для российских судов.

* * *

Что касается субсидиарной ответственности в случае внебанкротного исключения общества из реестра, то соответствующая норма[3] не устанавливает никаких специальных презумпций. Формально говоря, это означает, что бремя доказывания недобросовестности или неразумности действий (бездействия) руководителя общества возлагается на кредитора, особенно с учетом общей презумпции добросовестности, зафиксированной ГК РФ[4].

Однако здравый смысл подсказывает, что возложение полного бремени доказывания на кредитора, т.е. на неинформированную сторону, по сути, означает отказ ему в судебной защите.

---

1 Пункт 4 ст. 61.16 Закона о банкротстве.

2 Пункт 56 постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53.

3 Пункт 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

4 Пункт 5 ст. 10 ГК РФ.

Быть может, и в этом случае, как при субсидиарной ответственности в банкротстве, хотя бы часть бремени доказывания должна быть перенесена на ответчика?

4. Позиция КС РФ

Вернемся к конкретному казусу, рассмотренному КС РФ.

Как уже было сказано, арбитражные суды отказали кредитору в привлечении к субсидиарной ответственности директора исключенного из реестра общества, сославшись на то, что никаких доказательств недобросовестных или неразумных действий директора в деле нет. Кредитор в ответ заявил о неконституционности возложения на него заведомо неподъемного бремени доказывания вины директора. Кто же здесь прав?

Как водится, КС РФ начинает издалека: с подробного обсуждения конституционной свободы предпринимательства, неприкосновенности частной собственности, принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом – и прочего в этом роде. Этот раздел мы опустим; интересующиеся могут почитать само постановление.

Далее КС РФ пересказывает заинтересованному читателю правила привлечения к субсидиарной ответственности в банкротстве, а также правила привлечения к субсидиарной ответственности в случае внебанкротного исключения юридического лица из реестра.

Конституционный Суд напоминает о деликтной природе субсидиарной ответственности контролирующих организацию лиц:

«*При реализации этой ответственности, являющейся по своей природе деликтной, не отменяется и действие общих оснований гражданско-правовой ответственности. Лицо, контролирующее организацию, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения организацией обязательств перед кредиторами…*»[1].

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что для привлечения к субсидиарной ответственности суд, помимо прочего, должен установить вину КДЛ:

«*Привлечение к субсидиарной ответственности… возможно, только если судом установлены все условия для привлечения к гражданско-правовой ответственности, т.е. когда невозможность погашения долга возникла в результате неразумного, недобросовестного поведения контролирующих организацию лиц и по их вине*»[2].

---

[1] Пункт 3.1 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Там же.

Затем КС РФ переходит к вопросам распределения бремени доказывания. Он напоминает, что принцип презумпции виновности ответчика используется законодателем как в общих нормах о деликтной ответственности, так и для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности в банкротстве. Как упоминалось выше, в банкротстве также действуют определенные презумпции в пользу кредиторов при доказывании причинно-следственной связи. Те же правила привлечения к субсидиарной ответственности продолжают действовать и в случае прекращения производства по делу о банкротстве в связи с недостатком финансирования.

Но что же насчет внебанкротного исключения из реестра? Как уже говорилось, в этом случае законодатель не установил специальной презумпции в пользу кредиторов. Но для КС РФ это не помеха, ведь он может предписать судам свои собственные правила.

* * *

И КС РФ действительно ранее установил такое правило для одного особого случая – когда кредитором, требующим привлечения к субсидиарной ответственности руководителя исключенного из реестра общества, является не предприниматель, а обычное физическое лицо.

Это было сделано в Постановлении КС РФ от 2021 г.[1] Фабула была почти идентичной фабуле рассматриваемого нами дела, с одним лишь существенным отличием: кредитором был не предприниматель, а простой потребитель (вернее, потребительница).

То дело КС разрешил в пользу кредитора, фактически переложив на контролирующих общество лиц бремя доказывания правомерности их действий:

«*Если истец представил доказательства наличия у него убытков, вызванных неисполнением обществом обязательств перед ним, а также доказательства исключения общества из единого государственного реестра юридических лиц, контролировавшее лицо может дать пояснения относительно причин исключения общества из этого реестра и представить доказательства правомерности своего поведения. В случае отказа от дачи пояснений (в том числе при неявке в суд) или их явной неполноты, непредоставления ответчиком суду соответствующей документации бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц и отсутствия причинно-следственной связи между указанными действиями и невозможностью исполнения обязательств перед кредиторами возлагается судом на ответчика*»[2].

Помимо прочего, КС РФ отметил, что недобросовестность руководства общества может заключаться не только в предбанкротном выводе активов и т.п., но и в

[1] Постановление КС РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П.

[2] Там же, п. 3.2.

уклонении «от совершения необходимых действий по прекращению юридического лица в предусмотренных законом процедурах ликвидации или банкротства»[1], что также потенциально вредит кредиторам. Иначе говоря, факт внебанкротного исключения общества из реестра в некоторых ситуациях может быть связан с тем, что руководство общества недобросовестно уклонилось от проведения регулярного банкротства (например, желая избегнуть субсидиарной ответственности).

В итоге КС РФ в том деле выявил – а скорее самостоятельно установил – следующий конституционно-правовой смысл соответствующего пункта статьи закона о регистрации юрлиц:

«*Признать пункт 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в нем положения предполагают при привлечении лиц, контролировавших общество, исключенное из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном законом для недействующих юридических лиц, к субсидиарной ответственности по его долгам кредитору – физическому лицу, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности, если на момент исключения общества из реестра соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом, его применение судами исходя из предположения о том, что именно бездействие этих лиц привело к невозможности исполнения обязательств перед истцом – кредитором общества, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное*»[2].

Конституционный Суд РФ, как видим, не особенно заботится о том, чтобы его позиции были понятны с первого прочтения. В качестве упражнения на юридическую технику попробуйте, например, определить, к чему относится местоимение «его» в выражении «его применение судами». (Грамматически возможные варианты в порядке отдаленности от местоимения: суд, кредитор, реестр, общество, осуществление, обязательство, лицо, закон, порядок, регулирование, смысл, пункт.)

В целом смысл в том, что КС провозглашает презумпцию[3] наличия причинно-следственной связи между непогашением долга и бездействием руководства исключенного из реестра общества, но только в случае кредитора-потребителя (и только в случае ранее «просуженного» требования). Про неправомерность или вину КС РФ в резолютивной части почему-то не вспоминает, ограничившись лишь причинно-следственной связью.

---

[1] Постановление КС РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П, п. 2.2.

[2] Там же, п. 1 резолютивной части.

[3] В самом начале статьи мы уже обращали внимание на то, что подобные презумпции, конечно, должны устанавливаться законами, а не позициями даже уважаемых высших судов.

В мотивировке КС РФ упирает на то, что от потребителя, в отличие от профессиональных коммерсантов, вряд ли можно ждать, что он будет отслеживать исключение своего должника из реестра и своевременно примет меры по пресечению этого исключения и по переходу к регулярной банкротной процедуре. Поэтому презумпцию следует установить в пользу кредитора-потребителя.

Однако КС РФ на всякий случай оговаривается, что его позиция необязательно означает, что подобную презумпцию не следует установить и в пользу кредитора-коммерсанта. Просто в данном деле такой вопрос не стоит, и его можно отложить на другой день.

И вот теперь этот день настал.

* * *

В обсуждаемом Постановлении 2023 г. КС РФ ссылается на упомянутое выше Постановление от 2021 г. Конституционный Суд подчеркивает, что в случае кредитора-потребителя «*применяется презумпция, основанная не на буквальном тексте закона, а на его конституционном истолковании*», данном в Постановлении от 2021 г.

Теперь надо разобраться с тем, какие презумпции действуют в случае кредитора-коммерсанта.

Для этого КС РФ делает довольно оригинальный ход. Он переходит от исследования вопроса о материальной добросовестности предбанкротного поведения руководителей общества к исследованию вопроса о процессуальной добросовестности поведения сторон спора уже в ходе разрешения спора:

«*Кредиторы, в том числе ведущие предпринимательскую деятельность, прибегая к судебной защите своих имущественных прав, вправе рассчитывать на добросовестное поведение контролирующих должника лиц не только в материально-правовых, но и в процессуальных отношениях: на их содействие правосудию, на раскрытие информации о хозяйственной деятельности контролируемой организации, на представление документов и иных доказательств, необходимых для оценки судом наличия либо отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности*»[1].

(Кстати говоря, требование добросовестности применимо и к самим кредиторам, особенно предпринимателям: они «*как минимум… не должны способствовать увеличению размера причиняемого им вреда*»[2].)

Конституционный Суд РФ справедливо отмечет, что в случае внебанкротного исключения общества из реестра «*доказывание кредитором неразумности и недобросовестности действий лиц, контролировавших исключенное из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо, объективно затруднено*»[3].

---

[1] Пункт 3.3 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Там же, п. 3.4.

[3] Там же, п. 4.

Но и переход к банкротному процессу не всегда является для кредитора экономически рациональным шагом:

«*Принятие же кредитором на себя – вместо лиц, контролирующих должника и призванных произвести его ликвидацию, – обязанности по финансированию процедур банкротства исключительно для целей сбора доказательств по делу о привлечении этих лиц к субсидиарной ответственности может, с учетом потенциально высокой стоимости такого пути получения доступа к сведениям о деятельности должника, привести к увеличению имущественных потерь кредитора, нередко для него значительных, в отсутствие гарантий взыскания долга перед ним*»[1].

Промежуточный вывод КС РФ довольно банален – в рассматриваемой ситуации процессуальные возможности сторон в части доказывания асимметричны:

«*Таким образом, требование о возмещении вреда, предъявленное кредитором лицу, контролирующему должника, в рассматриваемых обстоятельствах может сопровождаться неравными – в силу объективных причин – процессуальными возможностями истца и ответчика по доказыванию оснований для привлечения к ответственности*»[2].

Но если истец не в состоянии представить суду доказательства, откуда же их взять? По мысли КС, представить доказательства может и должен сам ответчик, т.е. КДЛ, привлекаемый к субсидиарной ответственности!

«*Стандарт разумного и добросовестного поведения в сфере корпоративных отношений предполагает, что обязанность действовать в интересах контролируемого юридического лица включает в себя не только формирование имущества корпорации в необходимом размере, совершение действий по ликвидации юридического лица в установленном порядке и т.п., но и аккумулирование и сохранение информации о хозяйственной деятельности должника, ее раскрытие при предъявлении в суд требований о возмещении вреда, причиненного доведением должника до объективного банкротства*»[3].

Непредставление доказательств следует квалифицировать как процессуальную недобросовестность ответчика. Рассуждение КС РФ хотя и не лишено определенного смысла, однако при большем погружении в проблему и рассмотрении не «с высоты птичьего полета» приводит к осознанию, что данное утверждение тоже не соответствует реалиям жизни и обычаям делового оборота. Объем и длительность хранения учредителями общества документов о хозяйственной деятельности, особенно в описанном случае, т.е. при административном исключении юридического лица из ЕГРЮЛ, не имеют под собой никакого практического подтверждения и даже верификации на здравый юридический смысл. «Брошенные общества», хотя мы такое поведение предпринимателей, конечно, не можем

---

[1] Пункт 4 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Там же.

[3] Там же, п. 5.1.

поддерживать, как правило, имеют малые значение и ценность для последних, а следовательно, предположить наличие у них документов вряд ли разумно. Предполагаем, что судьи КС РФ вряд ли обладали какой-либо верифицированной информацией или статистическими данными по указанному вопросу и сформировали свое суждение «на глазок».

«*Отказ же или уклонение контролирующих лиц от представления суду характеризующих хозяйственную деятельность должника доказательств, от дачи пояснений либо их явная неполнота свидетельствуют о недобросовестном процессуальном поведении, о воспрепятствовании осуществлению права кредитора на судебную защиту*»[1].

Последствием такой процессуальной недобросовестности, по мысли КС РФ, может быть перенос бремени доказывания на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности (т.е. это лицо должно будет доказывать отсутствие оснований для такого привлечения). При этом очевидно, что отсутствует прямая связь между материальной добросовестностью данных лиц в момент функционирования «брошенных общества» и процессуальной добросовестностью на стадии рассмотрения спора в суде. А ведь именно за первое закон должен привлекать лицо к ответственности. Произошел очевидный логический скачок, но это соавторов текста Постановления не смущает.

Конституционный Суд РФ напоминает, что в банкротных делах подобный перенос бремени доказывания давно уже стал стандартным приемом, закрепленным как некоторыми нормами писаного закона[2], так и позицией Пленума ВС РФ[3]:

«*Если арбитражный управляющий или кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения этих утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность…*»[4].

По словам КС, этот прием надо применять и в случае внебанкротного исключения общества из реестра:

«*Этот же подход применим и к спорам о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, а равно к иным процессуальным действиям участников спора*»[5].

---

[1] Пункт 5.1 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Пункт 4 ст. 61.16 Закона о банкротстве.

[3] Пункт 56 постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53.

[4] Пункт 5.1 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[5] Там же.

Как уже говорилось, добросовестность должен проявлять и сам кредитор. Так, например, если кредитор аффилирован с руководством общества, ему не стоит ссылаться на трудности с получением информации:

«*Стандарт добросовестного поведения кредитора как стороны спора о привлечении к субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника, предполагает, в частности, невозможность безосновательно ссылаться на трудности в доказывании противоправности поведения ответчика и причинной связи между таким поведением и вредом при наличии фактически полного доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника в силу, например, аффилированности с ним, принадлежности заявителю государственно-властных полномочий, позволяющих получить указанную информацию, в силу особого положения на рынке, требований, обычно предъявляемых в гражданском обороте к отношениям между подобными хозяйствующими субъектами, сложившихся между кредитором и должником правил взаимодействия, обусловливающих раскрытие этих данных должником перед кредитором, и т.д.*»[1].

В частности, «*на аффилированном с должником кредиторе лежит бремя опровержения разумных сомнений относительно мнимости договора, на котором основано его требование, заявленное в деле о банкротстве*»[2].

* * *

В результате КС РФ приходит к следующим выводам: если после прекращения производства по делу о банкротстве и внебанкротного исключения общества из реестра кредитор пытается привлечь КДЛ к субсидиарной ответственности, ссылаясь на недобросовестность или неразумность действий КДЛ в период деятельности общества, то первая задача суда – правильно распределить бремя доказывания:

«*Суд должен оценить возможности кредитора по получению доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника, вероятность фактической реализации этих возможностей и предложить лицам, участвующим в деле, в том числе ответчику, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела*»[3].

И если у кредитора нет доступа к доказательствам, а ответчик не представляет доказательств правомерности своего поведения, то бремя доказывания следует возложить на ответчика.

«*Иное, т.е. получение в деле по заявлению кредитора преимущества в виде освобождения от ответственности в результате недобросовестного процессу-*

---

[1] Пункт 5.2 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Там же.

[3] Там же, п. 6.

ального поведения контролирующего должника лица, которое в силу своего положения способно оказывать существенное влияние на деятельность общества и обязано при возникновении признаков банкротства действовать с учетом интересов кредиторов, вступало бы в противоречие с принципом справедливости. Если же в ходе дальнейшего рассмотрения дела будет установлена недобросовестность поведения в процессе кредитора, суд уполномочен корректировать решения, касающиеся распределения соответствующих процессуальных обязанностей»[1].

Таким образом, ключевым моментом становится добросовестность процессуального поведения КДЛ, привлекаемого к субсидиарной ответственности, выражающаяся в добровольном представлении им доказательств по делу.

Если суд признает поведение КДЛ недобросовестным, то суд должен действовать «*исходя из предположения о том, что виновные действия (бездействие) именно этих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное*»[2], т.е. применять презумпции вины КДЛ и наличия причинно-следственной связи.

На всякий случай КС РФ еще раз подчеркивает, что речь лишь о презумпциях, и у КДЛ остается возможность оправдаться:

«*При этом лицо, контролирующее общество, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед кредиторами*»[3].

При этом само по себе исключение общества из реестра «*не может служить неопровержимым доказательством совершения контролирующими общество лицами недобросовестных действий, повлекших неисполнение обязательств перед кредиторами*»[4].

(Видимо, это надо понимать так, что исключение может служить косвенным доказательством, которое, однако, не является неопровержимым доказательством.)

* * *

Итоговый результат всех этих изысканий КС РФ формулирует в резолютивной части своего Постановления следующим образом:

«*Признать подпункт 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункт 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об*

---

[1] Пункт 6 постановления КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[2] Там же, п. 7.

[3] Там же.

[4] Там же.

обществах с ограниченной ответственностью» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что если суд при привлечении по заявлению кредитора, осуществляющего предпринимательскую деятельность, к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника – общество с ограниченной ответственностью, производство по делу о банкротстве которого прекращено до введения первой процедуры банкротства в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и которое в дальнейшем исключено из единого государственного реестра юридических лиц как недействующее, а на момент его исключения из реестра соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом, установит недобросовестность поведения контролирующих лиц в процессе, притом что не установлена также недобросовестность процессуального поведения самого кредитора, то данные нормы применяются исходя из предположения о том, что виновные действия (бездействие) именно этих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное».

Формулировка, как видим, еще более неудобоваримая, чем в предыдущем деле. Почему-то КС РФ считает своим священным долгом упаковать формулируемое им правило, сколь бы сложным оно ни было, в одно предложение.

Коротко это правило можно пересказать следующим образом: в случае внебанкротного исключения общества из реестра и последующего привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности суд должен проанализировать добросовестность процессуального поведения сторон. Если КДЛ ведет себя недобросовестно, а кредитор – добросовестно, то возникает презумпция наличия причинно-следственной связи и вины КДЛ в невозможности исполнения обязательств обществом. Однако как поступить, если все участники процесса ведут себя добросовестно, но доказательств по объективным причинам нет ни у кого из них, КС РФ, к сожалению, не написал. А такое происходит довольно часто. Наверное, ответу на этот вопрос будет посвящено следующее постановление по данному вопросу.

В результате КС РФ предписал пересмотреть судебные акты, вынесенные в отношении заявителя, с учетом «выявленного конституционно-правового смысла» обсуждаемых норм закона, т.е. применив предписанные КС презумпции.

Строго говоря, это не предрешает разрешения спора по существу в пользу кредитора, но все же дает ему очень высокие шансы на победу.

5. Обсуждение

Как видим, ключевое значение КС РФ в данном случае придал процессуальному поведению сторон. Исходя из оценки именно этого поведения, КС предписывает перераспределение бремени доказывания, которое на практике, скорее всего, окажется решающим для исхода дела.

Арбитражные суды при рассмотрении спора действовали строго по учебнику. Они оценили те доказательства, что им были представлены, на основании этих доказательств сделали вывод о фактах, а к установленным таким образом фактам применили материально-правовую норму. Поскольку доказательств не было представлено почти никаких, суды сделали вывод, что факт недобросовестности КДЛ не доказан, а результатом применения нормы является отказ в привлечении к субсидиарной ответственности.

Конституционный Суд РФ в ответ предложил судам внимательнее следить за руками ответчика, т.е. за его процессуальным поведением. Если он уклоняется от представления доказательств, наверное, у него совесть нечиста. А раз так, пусть открывает карты и доказывает, что он не верблюд, т.е. что он не виноват в неуплате долгов общества.

Можно сказать, что арбитражные суды все время играли в преферанс, а КС объяснил им, что надо было играть в покер.

(В преферансе почти все строится на холодном анализе карточного расклада и математическом расчете; в покере же игроки больше полагаются на психологический портрет соперника и разного рода косвенные данные, вроде выражения его глаз или дрожания его рук.)

* * *

Если отвлечься от технических деталей, общая идея Постановления КС РФ не вызывает серьезных возражений.

Заслуживает полной поддержки тезис, что обязанности руководителя общества включают «аккумулирование и сохранение информации о хозяйственной деятельности должника, ее раскрытие при предъявлении в суд требований о возмещении вреда, причиненного доведением должника до объективного банкротства».

Понятно, что для справедливого разрешения подобного спора необходимо раскрыть перед судом карты (представить доказательства). А сделать это может только тот, у кого эти карты на руках, т.е. никак не независимый кредитор, а именно руководство общества.

Однако может показаться, что далее КС РФ несколько перемудрил с формулировками. Если ответчик немотивированно отказывается представлять решающие доказательства по делу, которые заведомо имеются только у него, зачем нужны какие-то презумпции? Все уже ясно, можно смело удовлетворять иск.

Возможно, по мнению КС РФ, столь прямолинейный подход не соответствует российским судебным традициям, согласно которым принуждение стороны спора к игре в открытую кажется чем-то парадоксальным. Поэтому КС, формально говоря, ограничивается полумерой (неблагоприятная доказательственная презумпция вместо императивной нормы), хотя в подавляющем большинстве случаев результат ее применения будет тем же.

Думается, что такой половинчатый подход не способствует правовой определенности. Гораздо честнее – и технически проще – было бы сказать, что обе стороны имеют процессуальную обязанность по раскрытию доступных им доказательств, а неисполнение этой обязанности может повлечь процессуальные санкции, налагаемые по усмотрению суда, вплоть до разрешения дела против соответствующей стороны без исследования доказательств. Примерно так это работает в Англии и США.

В англо-американских правопорядках, где у сторон гражданского процесса имеются весьма обширные процессуальные обязанности по раскрытию имеющихся у них доказательств, важнейшим из которых является институт допроса свидетелей, уклонение от их раскрытия имеет весьма плачевные последствия для стороны[1]. Судья имеет широкий спектр возможностей наказать сторону за процессуальную недобросовестность.

Простейший вариант – установление соответствующих фактов в пользу оппонента без исследования доказательств, или даже окончательное разрешение спора в пользу оппонента. (Это просто процессуальная санкция, никаких новых презумпций для этого вводить не надо.) Кроме того, можно возложить на сторону дополнительные судебные расходы ее оппонента, связанные с его попытками добыть доказательства.

Если разрешение спора по существу без выдачи доказательств невозможно (например, они необходимы для исчисления суммы взыскания), допустимы и более «крутые» меры, такие как крупные процессуальные штрафы или даже заключение ответчика в тюрьму за неуважение к суду. А еще можно давить на адвокатов ответчика, способствующих сокрытию доказательств, по линии профессиональных санкций.

В общем, у них там есть из чего выбирать.

В результате в типичном англо-американском споре суд разрешает дело на основании весьма полных доказательств. В такой ситуации вопросы презумпций и бремени доказывания обычно отходят далеко на второй план. В условиях симметричного стандарта доказывания и обилия доказательств решающее значение для установления фактов имеют вовсе не презумпции, а именно доказательства. Вместо того чтобы призвать суды использовать в полном объеме потенциал доказательственного права, т.е. находиться под лучами света, КС РФ зачем-то продолжает искать правду впотьмах презумпций и предположений.

Предложенный КС подход в целом преследует примерно те же цели (принуждение обладающей доказательствами стороны к их раскрытию), но достигает этого окольными методами, по сути, смешивая правила доказывания фактов (доказательственные презумпции) с дискреционными санкциями за процессу-

---

[1] См.: *Будылин С.Л.* Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в Росси и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. С. 56–97.

альную недобросовестность. Думается, это не способствует ни внятности формулировок, ни правовой определенности, ни, что самое печальное, развитию доказательственного права.

В общем, идея неплохая, но исполнение могло быть и получше.

Список использованной литературы

Арабова Т.Ф., Будылин С.Л. Дело о транзитном должнике, или Верховный Суд о субординации требований в банкротстве // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 9. С. 4–24.

Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 124 с.

Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец, 2004. 272 с.

Бронникова М.Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 205 с.

Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–57.

Будылин С.Л. Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в Росси и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. С. 56–97.

Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 11. С. 130–158.

Булаевский Б.А. Вопросы общей теории правовых презумпций. М.: Изд-во ИП Насирддинова В.В., 2012. 132 с.

Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. 15 с.

Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. 185 с.

Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. 208 с.

Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 132 с.

Качур Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 16 с.

Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 349 с.

Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.

Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2009. 112 с.

Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1976. 190 с.

Оршанский И.Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4. С. 1–55; кн. 5. С. 1–73.

Пронина М.П. Презумпции в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 193 с.

Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2006. 184 с.

Спасович В. Обзор решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, по вопросам гражданского и торгового права, за вторую половину 1871 г. и первую половину 1872 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2. Март. С. 164–199.

Сухинина И.В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 172 с.

Цуканов Н.Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. 205 с.

Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп, 2006. 379 с.

Щекин Д.М. Юридические презумпции в налоговом праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 201 с.

McCormick on Evidence / By J.W. Strong. 4th ed. St. Paul, Minn.: West, 1992. 672 p.

References

Arabova T.F., Budylin S.L. *Delo o tranzitnom dolzhnike, ili Verkhovnyi Sud o subordinatsii trebovanii v bankrotstve* [The Case of the Transitory Debtor, or the Supreme Court on Subordination of Claims in Bankruptcy]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF – Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 9, pp. 4–24. (In Russ.)

Babaev V.K. *Prezumptsii v sovetskom prave: uchebnoe posobie* [Presumptions in Soviet Law: Textbook]. Gorkii: Gorkii Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publishing House, 1974. 124 p. (In Russ.)

Baulin O.V. *Bremia dokazyvaniia pri razbiratel'stve grazhdanskih del* [Burden of Proof in Civil Proceedings]. Moscow: Gorodets, 2004. 272 p. (In Russ.)

Bronnikova M.N. *Grazhdansko-pravovaia prezumptsiia po rossiiskomu zakonodatel'stvu: soderzhanie, pravovye formy i primenenie: dis. … kand. iurid. nauk* [Civil Law Presumption Under Russian Law: Content, Legal Forms and Application: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Kazan, 2006. 205 p. (In Russ.)

Budylin S.L. *Rentgenovskii luch prava. Raskrytie dokazatel'stv v Rossi i za rubezhom* [X-Ray of Law. Disclosure of Evidence in Russia and Abroad]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2014, no. 6, pp. 56–97. (In Russ.)

Budylin S.L. *Standarty dokazyvaniia v bankrotstve* [Standards of Proof in Bankruptcy Proceedings]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF – Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2018, no. 11, pp. 130–158. (In Russ.)

Budylin S.L. *Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroiatnostei? Standarty dokazyvaniia v Rossii i za rubezhom* [Internal Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Proof in Russia and Abroad]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russ.)

Bulaevskii B.A. *Voprosy obshchei teorii pravovykh prezumptsii: monografiia* [Issues of the General Theory of Legal Presumptions: Monograph]. Moscow: IP Nasirddinova V.V. Publishing House, 2012. 132 p. (In Russ.)

Dormidontov G.F. *Klassifikatsiia iavlenii iuridicheskogo byta, otnosimykh k sluchaiam primeneniia fiktsii* [Classification of Phenomena of Legal Life, Attributable to Cases of Application of Fictions]. Kazan: Imperial University Publishing House, 1895. 185 p. (In Russ.)

Kachur N.F. *Prezumptsii v sovetskom semeinom prave: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Presumptions in Soviet Family Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Sverdlovsk, 1982. 16 p. (In Russ.)

Kaminskaia V.I. *Uchenie o pravovykh prezumptsiiakh v ugolovnom protsesse* [The Doctrine of Legal Presumptions in Criminal Proceedings]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1948. 132 p. (In Russ.)

Kuznetsova O.A. *Prezumptsii v grazhdanskom prave* [Presumptions in Civil Law]. 2nd ed. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004. 349 p. (In Russ.)

Meier D.I. *O iuridicheskih vymyslakh i predpolozheniiakh, o skrytnykh i pritvornykh deistviiakh* [On Legal Fictions and Assumptions, Concealed and Pretended Actions]. Kazan, 1854. 127 p. (In Russ.)

Mosin S.A. *Prezumptsii i printsipy v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii* [Presumptions and Principles in Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Iustitsinform, 2009. 112 p. (In Russ.)

Oigenziht V.A. *Prezumptsii v sovetskom grazhdanskom prave* [Presumptions in Soviet Civil Law]. Dushanbe: Irfon, 1976. 190 p. (In Russ.)

Orshanskii I.G. *O zakonnykh predpolozheniiakh i ih znachenii* [On Legitimate Assumptions and Their Meaning]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava – Journal of Civil and Criminal Law*, 1874, book 4, pp. 1–55; book 5, pp. 1–73. (In Russ.)

Pronina M.P. *Prezumptsii v sovremennom rossiiskom prave: dis. … kand. iurid. nauk* [Presumptions in Modern Russian Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. N. Novgorod, 2010. 193 p. (In Russ.)

Serikov Iu.A.; Iarkov V.V. (ed.). *Prezumptsii v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Presumptions in Civil Proceedings]. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 184 p. (In Russ.)

Shahkeldov F.G. *Kontseptual'nye aspekty prezumptsii nevinovnosti v ugolovnom protsesse: genezis i tendentsii sovershenstvovaniia: dis. … dokt. iurid. nauk* [Conceptual Aspects of the Presumption of Innocence in Criminal Procedure: Genesis and Trends of Improvement: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Maikop, 2006. 379 p. (In Russ.)

Shchekin D.M. *Iuridicheskie prezumptsii v nalogovom prave: dis. … kand. iurid. nauk* [Legal Presumptions in Tax Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2001. 201 p. (In Russ.)

Spasovich V.D. *Obzor reshenii grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuiushchego Senata po voprosam grazhdanskogo i torgovogo prava, za vtoruiu polovinu 1871 g. i pervuiu polovinu 1872 g.* [Review of the Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate on Civil and Commercial Law, for the Second Half of 1871 and the First Half of 1872]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava – Journal of Civil and Criminal Law*, 1873, book 2 (March), pp. 164–199. (In Russ.)

Strong J.W. McCormick on Evidence. 4th ed. St. Paul, Minn.: West, 1992. 672 p.

Sukhinina I.V. *Prezumptsii v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. … kand. iurid. nauk* [Presumptions in Constitutional Law of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2003. 172 p. (In Russ.)

Tsukanov N.N. *Pravovye prezumptsii v administrativnoi deiatel'nosti militsii: dis. … kand. iurid. nauk* [Legal Presumptions in the Administrative Activities of the Police: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Omsk, 2001. 205 p. (In Russ.)

Volozhanin V.P. *Iuridicheskie predpolozheniia v sovetskom grazhdanskom prave i protsesse: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Legal Assumptions in Soviet Civil Law and Procedure: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Sverdlovsk, 1953. 15 p. (In Russ.)

Zuev Iu.G. *Prezumptsii v ugolovnom prave: dis. … kand. iurid. nauk* [Presumptions in Criminal Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Iaroslavl, 2000. 208 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Тай Ю.В. (Москва, Россия) – кандидат юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», управляющий партнер Адвокатского бюро «Бартолиус» (115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 38; e-mail: tay@bartolius.com).

Будылин С.Л. (Москва, Россия) – советник Адвокатского бюро «Бартолиус» (115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 38; e-mail: info@bartolius.com).

Information about the authors

Yu.V. Tai (Moscow, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics, Managing Partner, Law Office "Bartolius" (38 Stremiannyi Lane, Moscow, 115054, Russia; e-mail: tay@bartolius.com).

S.L. Budylin (Moscow, Russia) – Counselor, Law Office "Bartolius" (38 Stremiannyi Lane, Moscow, 115054, Russia; e-mail: info@bartolius.com).

Для цитирования

Тай Ю.В., Будылин С.Л. Доказательственные презумпции. Варим кашу из топора: комментарий к постановлению КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 113–144. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-113-144

Recommended citation

Tai Yu.V., Budylin S.L. *Dokazatel'stvennye prezumptsii. Varim kashu iz topora: kommentarii k postanovleniiu KS RF ot 7 fevralia 2023 g. № 6-P* [Evidentiary Presumptions. Cooking Porridge from an Axe: Commentary to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 7 February 2023 No. 6-P]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 113–144. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-113-144

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА К.И. КОМИССАРОВА

В.В. ЯРКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, профессор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева,
Заслуженный деятель науки РФ

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-54-145-167

В статье раскрыт вклад в развитие науки процессуального права одного из самых видных представителей Уральской школы гражданского процесса профессора К.И. Комиссарова. Выделены несколько ключевых положений доктрины, в которых вклад ученого наиболее заметен и очевиден, среди них: доктрина иска и процессуального правоотношения, судебного усмотрения и вопросов пересмотров судебных актов и др. Сделан акцент на сохраняющейся актуальности и значимости идей К.И. Комиссарова для современной науки гражданского процессуального права. В данной статье освещены основные факты биографии К.И. Комиссарова, его вклад в науку гражданского процессуального права, а также ключевые идеи ученого, оказавшие влияние на развитие науки гражданского процессуального права. В 70-е гг. XX в. в процессуальной доктрине развернулась дискуссия о применении норм процессуального права. И здесь профессор К.И. Комиссаров обратил внимание на целый ряд особенностей правоприменительной деятельности в области гражданского процесса. В конце статьи приводится краткая библиография основных работ ученого, с которыми настоятельно рекомендуется ознакомиться.

Ключевые слова: К.И. Комиссаров; доктрина; наука; гражданское процессуальное право; судебное творчество.

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR K.I. KOMISSAROV

V.V. YARKOV,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head, Department of Civil Procedure,
V.F. Yakovlev Ural State Law University, Professor,
Ural Branch of the S.S. Alekseev Research Center for Private Law,
Honored Scientist of the Russian Federation

The article reveals the contribution to the development of the science of procedural law of one of the most prominent representatives of the Ural school of civil procedure Professor K.I. Komissarov. Several key provisions of the doctrine are highlighted, in which the scientist's contribution is most noticeable and obvious. Among them are: the doctrine of claim and procedural legal relation, judicial discretion and issues of revision of judicial acts, etc. The article emphasizes the continuing importance of the doctrine of civil procedure. The emphasis is made on the continuing relevance and significance of K.I. Komissarov's ideas for the modern science of civil procedural law. This article highlights the main facts of K.I. Komissarov's biography, his contribution to the science of civil procedural law, as well as the key ideas of K.I. Komissarov that influenced the development of the science of civil procedural law. In the 70s of the 20th century in the procedural doctrine there was a discussion about the application of the norms of procedural law. And here Professor K.I. Komissarov drew attention to a number of peculiarities of law enforcement activity in the field of civil procedure. At the end of this article there is a brief bibliography of the main works of the scientist, with which it is strongly recommended to familiarize.

Keywords: K.I. Komissarov; doctrine; science; civil procedural law; judicial creativity.

Профессор К.И. Комиссаров является одним из ярких представителей Уральской процессуальной школы. 100-летие со дня рождения ученого, которое мы отмечаем в 2023 г., дает прекрасный повод обратиться к его творческому и научному наследию.

1. Основные факты биографии К.И. Комиссарова

Кузьма Иванович родился 26 октября 1923 г. в Челябинской области. Он был участником Великой Отечественной войны, по окончании которой поступил в Свердловский юридический институт. Работал в судебной системе, в том числе с 1951 по 1962 г. в качестве судьи Свердловского областного суда. Затем пере-

шел на работу на кафедру гражданского процесса в Свердловский юридический институт. В 1962 г. К.И. Комиссаров защитил кандидатскую диссертацию на тему «Полномочия суда второй инстанции в советском гражданском процессе», а в 1971 г. – докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства».

С 1963 г. работал в качестве доцента, профессора кафедры гражданского процесса, в 1976–1977 гг. являлся деканом судебно-прокурорского факультета Свердловского юридического института. Ему было присвоено почетное звание Заслуженного юриста РСФСР. Многие годы Кузьма Иванович являлся членом диссертационных советов СЮИ и УрГЮА, редактором кафедральных сборников научных трудов, изданных в 70-е и 80-е гг. XX в. Что очень важно, наряду с профессором В.М. Семеновым Кузьма Иванович являлся ответственным редактором учебника «Советский гражданский процесс», издававшегося единственным юридическим издательством СССР – «Юридическая литература».

Много внимания К.И. Комиссаров уделял подготовке нового поколения ученых-юристов. Среди его учеников, успешно защитивших кандидатские диссертации и работающих на кафедре, – С.К. Загайнова, Д.Б. Абушенко и С.А. Халатов. Впоследствии С.К. Загайнова и Д.Б. Абушенко защитили также и докторские диссертации.

2. Вклад К.И. Комиссарова в науку гражданского процессуального права

К.И. Комиссаровым сделан очень весомый вклад в развитие доктрины процессуального права. Почти по всем ключевым вопросам науки гражданского процессуального права он опубликовал интересные научные работы, в которых зачастую был первопроходцем, опрокидывавшим стереотипы и предлагавшим новые подходы к решению сложных научных проблем. Практически все научные идеи К.И. Комиссарова «живут» и активно используются в научном обороте, не утратив своей актуальности и значимости для процессуальной доктрины. Некоторые из них предвосхитили развитие доктрины и законодательства на десятилетия вперед, например, о праве на иск как объективно существующем, которым обладают все лица, о судебном усмотрении и возможности применения процессуальных норм по аналогии и т.д.

Научный стиль профессора К.И. Комиссарова отличался целым рядом характеристик, поскольку Кузьма Иванович обладал неповторимым научным почерком. Он умел выбрать интересный вопрос для дискуссии, предложить его оригинальное решение, при этом он решал вопрос прикладного характера на высоком теоретическом уровне, обращаясь к доктрине общей теории права. Поэтому не случайно, что наш классик теории права, профессор С.С. Алексеев, в своих работах нередко использовал труды К.И. Комиссарова.

Кроме того, К.И. Комиссаров большое внимание уделял точности используемого понятийного научного аппарата. Во многих своих статьях и книгах он давал точные и емкие определения целого ряда сложных научных понятий, показывая порой их многоплановое значение, например, при характеристике диспозитивности[1] или отраслевой самостоятельности как самого гражданского процессуального права, так и важнейших процессуальных понятий – иска, подведомственности дел об установлении юридических фактов, понимания законной силы судебного решения и его общеобязательности[2].

При этом писал Кузьма Иванович кратко и емко, у него есть целый ряд статей – научных миниатюр, которые люблю перечитывать и рекомендую для чтения молодым коллегам. В этих статьях на нескольких страницах «без всякой воды» он умел показать проблему и предложить ее научное решение[3]. Помню, как мне, аспиранту, писавшему одну из своих первых статей для научного сборника кафедры, он вернул отредактированный им текст, предложив сократить его. При этом с улыбкой он процитировал знаменитые слова А.П. Чехова: «Искусство писать – это искусство сокращать».

Личные качества человека, скорее всего, накладывают отпечаток и на характер его научного творчества. Кузьма Иванович был спокойным, рассудительным и уравновешенным человеком, поэтому в научной полемике он был таким же деликатным человеком, как и в жизни. Ему не была свойственна категоричность выводов и суждений, и поэтому К.И. Комиссаров чаще всего писал о сомнительном подходе научного оппонента, тем самым показывая, что дискуссия может быть продолжена.

Сам язык изложения Кузьмы Ивановича был достаточно образным, он умел красиво и лаконично выразить свою мысль. Например, вот как метафорично он писал о принудительной силе правовой нормы: «Подобно сжатой пружине, потенциальная возможность принуждения, обязательно присущая каждой юридической норме, на заключительной стадии правоприменения разворачивается в реальную силу воздействия»[4]. Перечень таких примеров можно продолжить.

---

[1] См.: *Комиссаров К.И.* Диспозитивность как принцип и черта метода гражданско-процессуального права // Гражданское право и способы его защиты: сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 33. Свердловск: СЮИ, 1974. С. 105–110.

[2] См.: *Комиссаров К.И.* Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданского процессуального права // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. Свердловск: СЮИ, 1973. С. 79–85.

[3] Большинство научных статей К.И. Комиссарова, небольших по объему, но емких по содержанию, собраны в книге: Краткая антология Уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В.В. Яркова. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004.

[4] *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: СЮИ, 1971. С. 143.

Из личных характеристик хотел бы отметить такую черту, которая, на мой взгляд, была присуща поколению фронтовиков, прошедших Великую Отечественную войну, включая Кузьму Ивановича. Пройдя через войну совсем молодыми людьми, увидев смерть и вернувшись живыми, они отличались удивительной широтой души, немелочностью и непритязательностью, ценили и понимали радости жизни, познав ее ценность в самом начале жизненного пути.

3. Ключевые идеи К.И. Комиссарова, оказавшие влияние на развитие науки гражданского процессуального права

Здесь остановимся только на нескольких ключевых идеях К.И. Комиссарова, поскольку каждый занимающийся доктриной процессуального права сможет познакомиться с работами ученого лично.

На мой взгляд, основные «прорывные» для своего времени идеи К.И. Комиссарова были высказаны им относительно теории иска как процессуального средства защиты прав; гражданского процессуального правоотношения, включающего в себя процессуальные действия как основные его элементы; по концепции судебного усмотрения и разрешению проблем применения процессуальных норм по аналогии; при исследовании принципов диспозитивности и независимости судей; соотношения материального и процессуального права; производств по пересмотру судебных актов и т.д. И, конечно, нельзя не назвать провидческой статью о творческом характере судебной деятельности, опубликованную в далеком 1976 г., в которой Кузьма Иванович показал совершенно иную модель судебного правоприменения, основанную на судебном усмотрении и свободном выборе суда в решении вопросов, поставленных перед ним.

4. Доктрина иска и исковой защиты

Здесь профессор К.И. Комиссаров высказал целый ряд интересных идей, которые способствовали существенному развитию проблематики исковой защиты. Можно выделить как минимум четыре ключевые идеи ученого. Во-первых, это характеристика права на иск. Понимание права на иск и в целом права обращение в суд различалось в доктрине зависимости от эпохи развития гражданского процессуального права. Традиционно право на обращение в суд за судебной защитой связывалось с наличием целого ряда предпосылок. Предложенная впервые в советской литературе профессором М.А. Гурвичем система предпосылок дифференцировалась на общие и специальные в зависимости от характера их действия, а также по иным критериям[1]. Впоследствии она дополнялась

[1] См.: *Гурвич М.А.* Право на иск / отв. ред. А.Ф. Клейнман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 87 и др.

и уточнялась в целом ряде других работ[1]. Иной подход был обоснован профессором К.И. Комиссаровым, который писал, исходя из содержания ст. 3 ГПК, что система предпосылок создает впечатление о сложности обращения в суд, однако указанные предпосылки являются исключениями, закрывающими возможность обращения к суду.

Лучше всего процитировать классика, Кузьма Иванович писал следующее: «…точнее и правильнее будет говорить не о предпосылках права на иск, поскольку это право объективно существует, а об отдельных условиях, при которых оно исключается только в случаях, прямо предусмотренных в законе»[2].

С современных позиций концепции судебной власти и последовательной реализации в Конституции России и процессуальном законодательстве доступа к правосудию К.И. Комиссаров оказался прав. Характеристика права на предъявление иска и на обращение в суд с позиций сложной системы предпосылок была исторически оправданна в период ее обоснования М.А. Гурвичем. Такая концепция носила по-своему прогрессивный характер, так как ограничивала четкими критериями – определенным, пусть и большим, количеством предпосылок свободное усмотрение судей при принятии заявления и возбуждении дела[3]. Теперь же при признании права на обращение в суд как права, предоставленного каждому лицу, очевидна иная доктринальная трактовка права на обращение в суд, обоснованная К.И. Комисаровым.

Во-вторых, среди других вопросов доктрины иска научную полемику вызывал вопрос о понимании иска – является ли он процессуальным и (или) материально-правовым понятием либо имеет двуединую правовую природу и т.д. Можно говорить о нескольких основных концепциях понятия иска.

Во-первых, характеристика иска в материально-правовом и процессуально-правовом смысле (М.А. Гурвич и другие ученые)[4]. Иск в процессуальном смысле – обращенное в суд первой инстанции требование о защите своих прав и интересов. В этом аспекте иск есть средство возбуждения гражданского процесса. Иск в материальном смысле – право на удовлетворение своих исковых требований.

---

[1] См., напр.: *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979; *Пушкар Е.Г.* Конституционное право на судебную защиту. Львов: Вища школа, 1982; *Мельников А.А.* Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1969. С. 111 и др.; *Машутина Ж.Н.* Судебная защита и проблема соотношения материального и процессуального: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 17, 20.

[2] *Комиссаров К.И.* Полномочия суда второй инстанции в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1962. С. 61.

[3] Концепция М.А. Гурвича пустила прочные корни в процессуальной науке, поскольку право на предъявление иска в учебной литературе в основном связывается с предпосылками. См., напр.: *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2013; *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 374–377; Гражданский процесс / под ред. С.В. Никитина. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГУП, 2023. С. 223–225.

[4] См. наиболее полное обоснование данной концепции в книге: *Гурвич М.А.* Право на иск. С. 45, 145.

Именно в этом плане в гл. 12 ГК используется понятие права на иск и исковая давность, как способность материального субъективного права к принудительному осуществлению через суд.

Во-вторых, ряд ученых (А.Ф. Клейнман, А.А. Добровольский и др.) рассматривали иск в качестве единого понятия, состоящего из двух сторон: материально-правовой и процессуально-правовой[1]. Процессуально-правовая сторона иска – это требование истца к суду о защите его права. Материально-правовая сторона иска – это требование о защите материального права или интереса.

Несколько иначе посмотрел на данный вопрос К.И. Комиссаров[2]. Он подошел к разрешению названного вопроса с позиций соотношения и отраслевой самостоятельности материального и процессуального права. К.И. Комиссаров писал, что «право и процесс, будучи взаимосвязанными, не создают, однако, такого сплава, в котором материальное и процессуальное начала были бы только разными сторонами одного явления… Эта самостоятельность сохраняется не только в масштабе отраслей гражданского права и гражданско-процессуального, но и на любом более мелком их структурном подразделении»[3].

На этом основании он пришел к выводу, что «иск – категория исключительно процессуальная… Факты материально-правового значения не могут служить ни препятствием к возбуждению гражданского дела, ни достаточным основанием к прекращению судопроизводства или к оставлению иска без рассмотрения»[4].

Такого же подхода придерживались с несколько другим обоснованием и иные ученые, например К.С. Юдельсон[5], В.М. Семенов[6]. Указанный подход близок к позиции М.А. Гурвича и представляется более верным. Иск является понятием и институтом гражданского процессуального права, поэтому он не может быть таким двойственным материально-процессуальным институтом. Следовательно, точнее характеризовать иск как обращенное в суд первой инстанции требование истца к ответчику о защите своего права или охраняемого законом интереса. Иск – процессуальное средство защиты интересов истца, иск возбуждает исковое производство, тем самым передавая спор на рассмотрение суда. Условия предъявления иска и сама возможность возбуждения дела в суде в порядке

---

[1] См. подробнее: *Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. С. 147; *Он же.* Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессе: учебное пособие. М., 1959. С. 5–22; *Добровольский А.А.* Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. Гл. 1.

[2] См.: *Комиссаров К.И.* Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданского процессуального права. С. 81.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См.: *Юдельсон К.С.* Советский гражданский процесс: учебник. М.: Госюриздат, 1956. С. 199–200.

[6] См.: Советский гражданский процесс: учебник / под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1988. С. 231.

искового производства обусловлены обстоятельствами только процессуально-правового порядка, в связи с чем иск более точно характеризовать как категорию исключительно гражданского процессуального права, как это доказал с позиций отраслевой самостоятельности К.И. Комиссаров.

В-третьих, ученый иначе подошел к вопросу об элементах иска, обосновав наличие в нем трех элементов. Как известно, иск является структурно сложной правовой категорией, поэтому в нем выделяется ряд элементов. Под элементами иска понимаются его внутренние части, отражающие структуру иска. Традиционно в качестве элементов иска выделяют предмет и основание[1]. Ряд ученых, например М.А. Гурвич и А.Ф. Клейнман, выделяли третий элемент иска – его содержание, под которым понимали указанную истцом форму его защиты[2].

Иной подход обосновал К.И. Комиссаров. Он понимал под элементами иска «такие составные части, которые в совокупности обуславливают самостоятельность и индивидуальную определенность иска»[3]. Поэтому, исходя из того, что в каждом иске обязательно существуют стороны как субъекты спорного правоотношения, есть три признака, необходимые для индивидуализации исков: предмет, основание и стороны[4].

И представляется, что это верный подход, поскольку он основан на процессуальном законодательстве, соответствует правоприменительной практике и процессуальной доктрине юридических фактов. Без совпадения сторон как условия тождества исков фактический состав, необходимый для определения сходства или различия исков, будет незавершенным. Как верно отметил К.И. Комиссаров, «во всех юридических отношениях полностью действует не придуманная, а естественно сложившаяся схема: субъекты – факты – права и обязанности»[5].

В-четвертых, длительное время в советской доктрине шла дискуссия о процессуальной классификации исков. Выделение исков о признании и о присуждении не вызывало споров. Однако был обоснован и другой подход. М.А. Гурвич в своих работах аргументировал наличие преобразовательного иска, «которым указанное истцом правоотношение преобразуется, т.е. изменяется или прекращается»[6]. М.А. Гурвичу оппонировали практически все видные представители науки граж-

---

1 См. подробнее: *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Указ. соч. С. 33–47.

2 См.: Советское гражданское процессуальное право: учебное пособие / под ред. М.А. Гурвича. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1957. С. 149–150; *Клейнман А.Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Очерки по истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 35.

3 *Комиссаров К.И.* Право на иск и прекращение производства по гражданскому делу (некоторые вопросы) // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 9. Свердловск: СЮИ, 1969. С. 178.

4 См. там же.

5 Там же. С. 178–179. Подход К.И. Комиссарова был поддержан в доктрине рядом ученых. См., напр.: *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. С. 473–474.

6 Советское гражданское процессуальное право: учебное пособие / под ред. М.А. Гурвича. С. 158 и далее.

данского процессуального права, например А.Ф. Клейнман[1], А.А. Добровольский[2] и К.С. Юдельсон[3].

Надо было обладать большой научной смелостью, чтобы вопреки преобладавшему в тот период подходу поддержать позицию М.А. Гурвича о преобразовательных исках и привести ряд аргументов в ее обоснование. К.И. Комиссаров взял здесь за основу доктрину юридических фактов, отметив следующее: ученый писал, что «факты создают лишь критическую ситуацию для изменения или прекращения правоотношения, наступают же подобного рода последствия в силу решения суда»[4]. И такой подход оказался исторически верным, поскольку в современной правовой системе судебное решение не только выполняет правоизменяющую и правопрекращающую функцию, но и является нередко правообразующим юридическим фактом. Вполне можно говорить в определенных пределах и о правотворческих функциях судебной деятельности как результате правосудия. Однако рассмотрение данного вопроса выходит за пределы настоящей статьи.

5. Доктрина гражданского процессуального правоотношения

Существен и значим вклад К.И. Комиссарова в доктрину гражданских процессуальных правоотношений. В советской и российской доктрине сложилось несколько основных научных школ. Представители первой (Е.В. Васьковский[5], Н.А. Чечина[6], Н.Б. Зейдер[7] и другие ученые[8]) полагали, что по каждому делу возникает множество элементарных отдельных правоотношений, опосредующих связи «суд – истец», «суд – ответчик» и т.д. Такой взгляд объясняет центральную роль суда в процессуальных отношениях, однако не позволяет определить и выявить связующее звено между отдельными отношениями. Более оригинальную позицию в рамках этого научного направления занимал М.К. Юков, писав-

[1] См.: *Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс: учебник. С. 149.

[2] См.: *Добровольский А.А.* Указ. соч. С. 168–187; *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Указ. соч. С. 70–86.

[3] См.: *Юдельсон К.С.* Указ. соч. С. 210–212.

[4] *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. С. 106.

[5] См.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 682–683, 682–688.

[6] См.: *Чечина Н.А.* Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 15–29.

[7] См.: *Зейдер Н.Б.* Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966. С. 4–26.

[8] См., напр.: *Жеруолис И.А.* Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс: Минтис, 1969 (переиздание в кн.: Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5. СПб., 2007. С. 486); *Мельников А.А.* Гражданские процессуальные правоотношения // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 51–53; *Новицкая В.В., Новицкий В.А.* Процессуальное право: монография. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2006. С. 388–389.

ший, что по каждому делу образуется единая система гражданских процессуальных правоотношений, которые в зависимости от содержания он подразделял на простые и структурно-сложные[1]. А.П. Вершинин по характеру взаимодействия подразделял гражданские процессуальные отношения на три вида: отношения состязания, сотрудничества и управления[2]. А.А. Мельников среди множества элементарных процессуальных правоотношений выделял как наиболее значимые такие процессуальные связи, как «суд – истец», «суд – ответчик» и т.д.[3]

Вторая школа обосновывает существование по каждому делу одного процессуального правоотношения, в рамках которого возникают и развиваются отдельные элементарные процессуальные правоотношения. Так, В.Н. Щеглов, М.А. Гурвич и П.Ф. Елисейкин писали о едином сложном процессуальном правоотношении, в рамках которого они выделяли отдельные элементарные правоотношения, объединяемые в различные группы[4]. В исследованиях последних лет такая позиция также разделяется и дополнительно аргументируется учеными[5].

Третья школа говорит о наличии единого процессуального правоотношения, не различая в нем элементарных. Так, В.П. Мозолин писал о едином гражданском процессуальном правоотношении, выделяя в его содержании как процессуальные действия, так и процессуальные права и обязанности субъектов[6].

Наиболее оригинальную позицию обосновал К.И. Комиссаров, отмечавший, что по каждому делу возникает единое процессуальное правоотношение, которое развивается посредством совершения процессуальных действий[7]. Ученый также подчеркнул характерные признаки процессуального правоотношения, а именно сложность структуры, многосубъектность, динамизм, охранительный и властный

---

[1] См.: *Юков М.К.* Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 4–5.

[2] См.: *Вершинин А.П.* Содержание гражданских процессуальных правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1986. С. 15–16.

[3] Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам / под ред. А.А. Мельникова. М.: Наука, 1981. С. 186 (автор главы – А.А. Мельников).

[4] См.: *Щеглов В.Н.* Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966. С. 29–46; *Гурвич М.А.* Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 103–108; *Елисейкин П.Ф.* Гражданские процессуальные правоотношения: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1975. С. 9.

[5] См., напр.: *Евстифеева Т.И.* Гражданские процессуальные правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 19–24; *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 2-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2008. С. 64.

[6] См.: *Мозолин В.П.* О гражданско-процессуальном правоотношении // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 52–53.

[7] См.: *Комиссаров К.И.* К теории гражданских процессуальных отношений // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: СЮИ, 1978. С. 66–77.

характер. Плодотворность подобного подхода очевидна. К.И. Комиссаров подчеркнул центральную роль суда в развитии и динамике процессуального правоотношения, его неделимость и целостность. Полагаю, что такой подход наиболее точно характеризовал в советский период развития нашей процессуальной науки характер процессуального правоотношения и позволяет объяснить многие новеллы настоящего момента развития гражданского и арбитражного процессов, например усиление властной роли суда в управлении процессом, обеспечении его быстрой динамики и активном противодействии злоупотреблению процессуальными правами.

6. Судебное усмотрение и применение ном гражданского процессуального права. Творческий характер судебной деятельности

В 70-е гг. XX в. в процессуальной доктрине развернулась дискуссия о применении норм процессуального права. И здесь профессор К.И. Комиссаров обратил внимание на целый ряд особенностей правоприменительной деятельности в области гражданского процесса. Прежде всего он убедительно доказал, что нормам процессуального права присущи все формы правореализации, включая применение. Дело в том, что в тот период в общей теории права рядом ученых было высказано мнение, что нормы процессуального права не могут применяться, однако К.И. Комиссаров убедительно доказал обратное[1].

Что важно, К.И. Комиссаров показал, что применение процессуальных норм имеет ряд особенностей. В частности, применение осуществляется одним из участников процессуального отношения – судом параллельно с применением норм материального права. Тем самым, по образному выражению К.И. Комиссарова, «создается процесс в процессе»[2]. Другая отличительная характеристика – «…применение норм судопроизводства осуществляется судом, являющимся обязательным участником процессуального правоотношения»[3].

Как известно, не всегда возможно закрепить исчерпывающим образом круг фактических обстоятельств для целей правоприменительной деятельности. В ряде случаев в гипотезе лишь в общем формулируются условия действия правовой нормы. Суду предоставлено правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона[4]. Тем

---

[1] См.: *Комиссаров К.И.* Применение норм гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск: СЮИ, 1976. С. 12–15.

[2] Там же. С. 15.

[3] Там же.

[4] См.: *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 50.

самым юридическая оценка придается самым разнообразным фактическим ситуациям путем употребления оценочных категорий. В этом плане К.И. Комиссаров обосновал концепцию судебного усмотрения, раскрыл три его формы: конкретизация, включая выбор одной из предусмотренных законом альтернатив, применение норм факультативного характера и возможность применения процессуальных норм по аналогии закона и аналогии права[1].

Выводы К.И. Комисарова были основаны на той научной базе и правоприменительной практике, которая имелась, но вопреки суждениям многих ученых, категорически отрицавших применение аналогии в процессуальном праве[2]. В настоящее время, как известно, применение норм процессуального права по аналогии допустимо по всем процессуальным кодексам (ГПК, АПК и КАС) и разделяется в доктрине[3]. Использование оценочных понятий становится все более широким способом правового регулирования, поскольку позволяет предоставить правоприменителю в рамках конкретного дела относительную свободу действий[4].

В этот же период К.И. Комиссаров, исследуя вопросы применения норм процессуального права, написал статью о творческом характере судебной деятельности[5]. Он показал, что судебная деятельность не есть механическое «прикладывание» нормы права к спорной ситуации, а суть процесс сложного и творческого познания обстоятельств дела, оценки представленных доказательств и выработки оптимального варианта разрешения дела.

7. Диспозитивность

Как уже отмечалось, К.И. Комиссаров уделял в своей научной работе большое значение понятийному аппарату науки гражданского процессуального права. В этом плане он показал многоплановое и разноплоскостное значение такой правовой категории, как диспозитивность. Ученый убедительно доказал, что диспозитивность одновременно является одним из системообразующих процессу-

---

[1] См.: *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в гражданском процессе; *Он же.* Применение норм гражданского процессуального права. С. 17–22.

[2] См., напр.: *Авдюков М.Г.* Демократизм советского гражданского процесса // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 110–111.

[3] См., напр.: *Барак А.* Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999; *Боннер А.Т.* Принцип законности в советском гражданском процессе: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 57–61; *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2002; *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М.: Статут, 2005; *Берг Л.Н.* Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008; *Тарусина Н.Н.* О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль: ЯрГУ, 2011.

[4] См.: *Опалев Р.О.* Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 33.

[5] См.: *Комиссаров К.И.* Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 60–67.

альных принципов, равно как и существенной характеристикой метода правового регулирования гражданского процессуального права. В отношении роли диспозитивности как принципа К.И. Комиссаров точно заметил, что если «обычная норма служит регулятором поведения людей, а принцип – нормирует само право»[1]. Метод, в отличие от принципов, «не конструктивная основа, а образ действия права»[2]. Метод относится к явлениям не только объективного, но и субъективного права, оказывает влияние на правовое регулирование и в определенной степени – на правоприменение.

К.И. Комиссаров отметил также многоплановое проявление таких важнейших понятий процессуального права, как равенство сторон – это и принцип, и черта метода гражданского процессуального права, а объективная истина – и цель судопроизводства, и процессуальный принцип[3].

Такой подход ученого относительно многозначности многих юридических понятий очень плодотворен. Например, он хорошо применим к доктрине юридических фактов, поскольку значительная часть из них не имеет отраслевой привязки и может порождать самые разнообразные правовые последствия, все зависит от того, в какую систему правовых координат мы поместим тот или иной юридический факт.

8. Пересмотры судебных актов

Обе диссертации Кузьмы Ивановича были посвящены пересмотрам судебных актов. Интерес к данной тематике вполне объясним работой в качестве судьи в Свердловском областном суде, выполнявшем в тот период полномочия кассационной и надзорной инстанции. Поэтому кандидатская диссертация была посвящена вопросам кассационного пересмотра, а докторская – надзора. При этом К.И. Комиссаров, как это увидят прочитавшие обе его диссертации и книги, рассматривал проблематику пересмотров максимально широко, сквозь призму ключевых полномочий судебных инстанций по пересмотрам и их правовые основы. Значительная часть новых идей и подходов К.И. Комиссарова была раскрыта в данной статье (правоприменительная деятельность суда и судебное усмотрение, характеристика иска и права на иск и др.), поэтому не будем повторяться. Отметим только две важные идеи ученого из числа не рассмотренных выше.

Значимым является вывод о том, что с точки зрения перспективы необходимо «преобразование правосудия из основного способа правозащиты в один из многих равнозначных, а затем и в исключительный способ»[4]. Такой подход исто-

---

[1] *Комиссаров К.И.* Диспозитивность как принцип и черта метода гражданско-процессуального права. С. 107.

[2] Там же. С. 108.

[3] См. там же. С. 109.

[4] *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. С. 166.

рически оказался наиболее верным и отвечающим реальным возможностям правосудия в современной правовой системе. В начале 90-х гг. XX в., в эпоху «юридического» и в целом «судебного романтизма», после снятия всех ограничений на подведомственность дел судам, господствовало представление о неограниченных возможностях судов по разрешению дел, однако такой подход не оправдал себя. Потребовалось достаточно много усилий для того, чтобы реформировать и приспособить российскую судебную и в целом юрисдикционную систему для новой системы экономических и общественных отношений[1]. В последнее десятилетие к законодателю пришло, наконец, понимание, что возможности судебной защиты небеспредельны, и она является хотя и высшей формой правозащиты, но не должна исключать других вариантов защиты прав с использованием иных юрисдикционных и неюрисдикционных органов и правовых процедур.

Другая идея ученого, также опередившая время, но в полной мере соответствующая современным социальным и правовым реалиям, – это признание руководящих разъяснений Пленума ВС РФ своеобразным, но нормативным актом, являющимся источником права[2], обладающим признаком всеобщей обязательности[3]. Конечно, этот вопрос и в советский период, и в настоящее время относится к числу дискуссионных. Однако полагаю, что отрицать правообразующее значение судебной практики ВС РФ достаточно сложно, учитывая масштаб и степень регулирующего воздействия результатов судебной деятельности на правовые отношения и поведение участников гражданского оборота, с учетом как значительного числа пробелов в праве, так и наличия большого количества норм с относительно определенными и неопределенными элементами, которые нуждаются в конкретизации при их применении.

Разумеется, отмеченное в данной статье касается лишь небольшой части научного наследия профессора К.И. Комиссарова, поэтому в конце статьи приведу краткую библиографию основных работ ученого, с которыми настоятельно рекомендую ознакомиться.

Завершить статью хотелось бы словами самого Кузьмы Ивановича, справедливо писавшего о сложности и творческом характере судебной деятельности и назвавшего саму судебную деятельность *судебным творчеством* как разновидностью творчества в целом.

Ученый справедливо отмечал: «Один из видов творчества – судебное творчество. Его особенности обусловлены спецификой задач, стоящих перед судом,

---

[1] См. подробнее: *Ярков В.В.* Гражданский процесс России: 25 лет спустя // Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии: сборник научных статей / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2015. С. 203–286.

[2] *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. С. 125.

[3] *Комиссаров К.И.* Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства // Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск: СЮИ, 1980. С. 34.

и прежде всего тем, что не существует заранее заданных решений, а разбирательство дел представляет собой процесс истинного и детального познания, как правило, весьма сложных конкретных общественных отношений»[1].

9. Краткая библиография работ профессора К.И. Комиссарова

Часть научных статей К.И. Комиссарова переиздана в книге: Краткая антология Уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2004 (в списке выделены курсивом).

Комиссаров К.И. Полномочия суда второй инстанции в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1961.

Комиссаров К.И. Возбуждение судебно-надзорного производства по гражданским делам // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 5. Свердловск, 1966. С. 257–285.

Комиссаров К.И. Место судебного надзора в механизме правового регулирования // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 8. Свердловск, 1968. С. 280–309.

Комиссаров К.И. Право на иск и прекращение производства по гражданскому делу (некоторые вопросы) // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 9. Свердловск, 1969. С. 159–182.

Комиссаров К.И. Процессуальная природа новых материалов, представляемых в суд надзорной инстанции // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 10. Свердловск, 1969. С. 151–167.

Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49–56.

Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971.

Комиссаров К.И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданского процессуального права // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. Свердловск, 1973. С. 79–85.

Комиссаров К.И. Диспозитивность как принцип и черта метода гражданско-процессуального права // Гражданское право и способы его защиты: сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 33. Свердловск, 1974. С. 105–110.

Комиссаров К.И. Перспектива совершенствования надзорных полномочий Верховного Суда СССР // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Научные труды. Вып. 40. Свердловск, 1975. С. 83–90.

Комиссаров К.И. Применение норм гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1976. С. 5–22.

[1] См.: *Комиссаров К.И.* Творческий характер судебной деятельности. С. 60.

Комиссаров К.И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 60–67.

Комиссаров К.И. К теории гражданских процессуальных отношений // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск, 1978. С. 66–77.

Комиссаров К.И. Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства // Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск, 1980. С. 25–33.

Комиссаров К.И. Последовательно прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск, 1982. С. 3–17.

Комиссаров К.И. Решение суда как акт государственной власти // Практика применения гражданского процессуального права (к двадцатилетию ГПК РСФСР): межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск, 1984. С. 29–35.

Комиссаров К.И. Преюдиция в гражданском судопроизводстве // Вопросы гражданского процесса в свете решений XXVII съезда КПСС: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.С. Юдельсон. Свердловск, 1987. С. 74–87.

Комиссаров К.И. Реализация теории доказывания в судебной практике по гражданским делам // Реализация процессуальных норм органами гражданской юрисдикции: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.С. Юдельсон. Свердловск, 1988. С. 57–67.

Список использованной литературы

Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2002. 176 с.

Авдюков М.Г. Демократизм советского гражданского процесса // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 109–114.

Барак А. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. 376 с.

Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1989. 81 с.

Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

Вершинин А.П. Содержание гражданских процессуальных правовых отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1986. 17 с.

Гражданский процесс / под ред. С.В. Никитина. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГУП, 2023. 454 с.

Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 103–108.

Гурвич М.А. Право на иск / отв. ред. А.Ф. Клейнман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.

Добровольский А.А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 190 с.

Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 159 с.

Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 154 с.

Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1975. 93 с.

Жеруолис И.А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс: Минтис, 1969. 204 с.

Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966. 74 с.

Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Очерки по истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 119 с.

Клейнман А.Ф. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессе: учебное пособие. М., 1959. 26 с.

Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. 407 с.

Комиссаров К.И. Диспозитивность как принцип и черта метода гражданско-процессуального права // Гражданское право и способы его защиты: сборник ученых трудов. Вып. 33. Свердловск: СЮИ, 1974. С. 105–110.

Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: СЮИ, 1971. 167 с.

Комиссаров К.И. К теории гражданских процессуальных отношений // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: СЮИ, 1978. С. 66–77.

Комиссаров К.И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданского процессуального права // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. Свердловск: СЮИ, 1973. С. 79–85.

Комиссаров К.И. Полномочия суда второй инстанции в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1962. 106 с.

Комиссаров К.И. Право на иск и прекращение производства по гражданскому делу (некоторые вопросы) // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 9. Свердловск: СЮИ, 1969. С. 159–182.

Комиссаров К.И. Применение норм гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск: СЮИ, 1976. С. 5–22.

Комиссаров К.И. Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства // Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск: СЮИ, 1980. С. 25–33.

Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49–56.

Комиссаров К.И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 60–67.

Краткая антология Уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В.В. Яркова. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. 652 с.

Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам / под ред. А.А. Мельникова. М.: Наука, 1981. 464 с.

Машутина Ж.Н. Судебная защита и проблема соотношения материального и процессуального: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1972. 20 с.

Мельников А.А. Гражданские процессуальные правоотношения // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 51–53.

Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1969. 247 с.

Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 52–56.

Новицкая В.В., Новицкий В.А. Процессуальное право: монография. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2006. 800 с.

Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. 248 с.

Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2013. 704 с.

Папкова О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 413 с.

Пушкар Е.Г. Конституционное право на судебную защиту. Львов: Вища школа, 1982. 214 с.

Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с.

Советский гражданский процесс: учебник / под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1988. 480 с.

Советское гражданское процессуальное право: учебное пособие / под ред. М.А. Гурвича. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1957. 370 с.

Тарусина Н.Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 284 с.

Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 68 с.

Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966. 168 с.

Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: учебник. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

Юков М.К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. 21 с.

Ярков В.В. Гражданский процесс России: 25 лет спустя // Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии: сборник научных статей / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2015. С. 203–286.

References

Abushenko D.B. *Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial Discretion in Civil and Arbitration Procedure]. Moscow: Norma, 2002. 176 p. (In Russ.)

Avdiukov M.G. *Demokratizm sovetskogo grazhdanskogo protsessa* [Democratism of Soviet Civil Procedure]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1975, no. 3, pp. 109–114. (In Russ.)

Barak A. *Sudeiskoe usmotrenie* [Judicial Discretion]. Moscow: Norma, 1999. 376 p. (In Russ.)

Berg L.N. *Sudebnoe usmotrenie i ego predely (obshcheteoreticheskii aspekt): avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Judicial Discretion and its Limits (General Theoretical Aspect): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Yekaterinburg, 2008. 22 p. (In Russ.)

Bonner A.T. *Printsip zakonnosti v sovetskom grazhdanskom protsesse: uchebnoe posobie* [Principle of Legality in Soviet Civil Procedure: Textbook]. Moscow: All-Union Correspondence Law Institute, 1989. 81 p. (In Russ.)

Chechina N.A. *Grazhdanskie protsessual'nye otnosheniia* [Civil Procedural Relations]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1962. 68 p. (In Russ.)

Dobrovolskii A.A. *Iskovaia forma zashchity prava. Osnovnye voprosy ucheniia ob iske* [Claim Form of Protection of the Right. Main Issues of the Doctrine of Claim]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1965. 190 p. (In Russ.)

Dobrovolskii A.A., Ivanova S.A. *Osnovnye problemy iskovoi formy zashchity prava* [Main Problems of the Claim Form of Protection of the Right]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1979. 159 p. (In Russ.)

Eliseikin P.F. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniia: uchebnoe posobie* [Civil Procedural Relations: Textbook]. Iaroslavl: Iaroslavl State University Publishing House, 1975. 93 p. (In Russ.)

Evstifeeva T.I. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniia: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Civil Procedural Relations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Saratov, 2001. 154 p. (In Russ.)

Gurvich M.A. (ed.). *Sovetskoe grazhdanskoe protsessual'noe pravo: uchebnoe posobie* [Soviet Civil Procedural Law: Textbook]. Moscow: All-Union Correspondence Law Institute Publishing House, 1957. 370 p. (In Russ.)

Gurvich M.A. *Osnovnye cherty grazhdanskogo protsessual'nogo pravootnosheniia* [Main Features of a Civil Procedural Legal Relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1972, no. 2, pp. 103–108. (In Russ.)

Gurvich M.A.; Kleinman A.F. (ed.). *Pravo na isk* [Right of Action]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1949. 216 p. (In Russ.)

Iarkov V.V. (ed). *Kratkaia antologiia ural'skoi protsessual'noi mysli. 55 let kafedre grazhdanskogo protsessa Ural'skoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [A Brief Anthology of Ural Procedural Thought. 55 Years of the Civil Procedure Department of the Ural State Law Academy]. Yekaterinburg: Humanity University Publishing House, 2004. 652 p. (In Russ.)

Iarkov V.V. *Grazhdanskii protsess Rossii: 25 let spustia* [Russian Civil Procedure: 25 Years Later]. In Maleshin D.Ia. (ed.). *Evraziiskii grazhdanskii protsess: k 25-letiiu stran SNG i Baltii: sbornik nauchnykh statei* [Eurasian Civil Procedure: To the 25th Anniversary of the CIS and Baltic Countries: Collection of Scientific Articles]. Moscow: Statut, 2015, pp. 203–286. (In Russ.)

Iudelson K.S. *Sovetskii grazhdanskii protsess: uchebnik* [Soviet Civil Procedure: Textbook]. Moscow: Gosiurizdat, 1956. 439 p. (In Russ.)

Iukov M.K. *Strukturno-slozhnoe soderzhanie grazhdanskih protsessual'nykh pravootnoshenii: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Structurally Complex Content of Civil Procedural Legal Relations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Sverdlovsk, 1972. 21 p. (In Russ.)

Kleinman A.F. *Noveishie techeniia v sovetskoi nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii* [The Newest Currents in the Soviet Science of Civil Procedural Law. Essays on the History]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1967. 119 p. (In Russ.)

Kleinman A.F. *Osnovnye voprosy ucheniia ob iske v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave: uchebnoe posobie* [Main Issues of the Doctrine of the Claim in Soviet Civil Procedural Law: Textbook]. Moscow, 1959. 26 p. (In Russ.)

Kleinman A.F. *Sovetskii grazhdanskii protsess: uchebnik* [Soviet Civil Procedure: Textbook]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1954. 407 p. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Dispozitivnost' kak printsip i cherta metoda grazhdansko-protsessual'nogo prava* [Dispositiveness as a Principle and Feature of the Method of Civil Procedure Law]. In *Grazhdanskoe pravo i sposoby ego zashchity: sbornik uchenykh trudov SIuI. Vyp. 33* [Civil Law and Ways of its Protection: Collection of Scientific Works of the Sverdlovsk Law Institute. Issue 33]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1974, pp. 105–110. (In Russ.)

Komissarov K.I. *K teorii grazhdanskikh protsessual'nykh otnoshenii* [Toward a Theory of Civil Procedural Relations]. In *Voprosy effektivnosti sudebnoi zashchity sub'ektivnykh prav: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Effectiveness of Judicial Protection of Subjective Rights: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1978, pp. 66–77. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Nekotorye aspekty sootnosheniia grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Some Aspects of the Correlation Between Civil Law and Civil

Procedural Law]. In *Problemy grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti i zashchity grazhdanskih prav: sbornik uchenykh trudov SIuI. Vyp. 27* [Problems of Civil Liability and Protection of Civil Rights: Collection of Scientific Works of the Sverdlovsk Law Institute. Issue 27]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1973, pp. 79–85. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Polnomochiia suda vtoroi instantsii v grazhdanskom protsesse* [Powers of the Court of Second Instance in Civil Procedure]. Moscow: Gosiurizdat, 1961. 106 p. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Pravo na isk i prekrashchenie proizvodstva po grazhdanskomu delu (nekotorye voprosy)* [Right of Action and Termination of Proceedings in a Civil Case (Some Issues)]. In *Sbornik uchenykh trudov SIuI. Vyp. 9* [Collection of Scientific Works of the Sverdlovsk Law Institute. Issue 9]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1969, pp. 159–182. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Primenenie norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Application of the Rules of Civil Procedural Law]. In *Problemy primeneniia norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Problems of Application of Norms of Civil Procedural Law]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1976, pp. 5–22. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Rol' sudebnoi praktiki v posledovatel'nom razvitii zakonodatel'stva* [The Role of Jurisprudence in the Consistent Development of Legislation]. In Komissarov K.I. (ed.). *Problemy grazhdanskogo protsessual'nogo prava v svete Konstitutsii SSSR: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Civil Procedural Law in the Light of the Constitution of the USSR: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1980, pp. 25–33. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom protsesse* [Judicial Discretion in Civil Procedure]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1969, no. 4, pp. 49–56. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Tvorcheskii kharakter sudebnoi deiatel'nosti* [The Creative Nature of Judicial Activity]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1976, no. 3, pp. 60–67. (In Russ.)

Komissarov K.I. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Tasks of Judicial Oversight in Civil Proceedings]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1971. 167 p (In Russ.)

Komissarov K.I., Semenov V.M. (eds.). *Sovetskii grazhdanskii protsess: uchebnik* [Soviet Civil Procedure: Textbook]. Moscow: Iuridicheskaia litratura, 1988. 480 p. (In Russ.)

Mashutina Zh.N. *Sudebnaia zashchita i problema sootnosheniia material'nogo i protsessual'nogo: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Judicial Protection and the Problem of Correlation Between Substantive and Procedural: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Tomsk, 1972. 20 p. (In Russ.)

Melnikov A.A. (ed.). *Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava: v 2 t. T. 1: Teoreticheskie osnovy pravosudiia po grazhdanskim delam* [Course of Soviet Civil Procedural Law. In 2 vols. Vol. 1: Theoretical Foundations of Justice in Civil Cases]. Moscow: Nauka, 1981. 464 p. (In Russ.)

Melnikov A.A. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniia* [Civil Procedural Relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1977, no. 2, pp. 51–53. (In Russ.)

Melnikov A.A. *Pravovoe polozhenie lichnosti v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Legal Status of the Individual in Soviet Civil Procedure]. Moscow: Nauka, 1969. 247 p. (In Russ.)

Mozolin V.P. *O grazhdansko-protsessual'nom pravootnoshenii* [On the Civil Procedural Relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1955, no. 6, pp. 52–56. (In Russ.)

Nikitin S.V. (ed.). *Grazhdanskii protsess: uchebnik* [Civil Procedure: Textbook]. 2nd ed. Moscow: Russian State University of Justice, 2023. 454 p. (In Russ.)

Novitskaia V.V., Novitskii V.A. *Protsessual'noe pravo: monografiia* [Procedural Law: Monograph]. Stavropol: North Caucasus Federal University Publishing House, 2006. 800 p. (In Russ.)

Opalev R.O. *Otsenochnye poniatiia v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessual'nom prave* [Evaluative Concepts in Arbitration and Civil Procedural Law]. Moscow: Wolters Kluwer, 2008. 248 p. (In Russ.)

Osokina G.L. *Grazhdanskii protsess. Obshchaia chast': uchebnik* [Civil Procedure. General Part: Textbook]. 3rd ed. Moscow: Norma, 2013. 704 p. (In Russ.)

Papkova O.A. *Usmotrenie suda* [Court Discretion]. Moscow: Statut, 2005. 413 p. (In Russ.)

Pushkar E.G. *Konstitutsionnoe pravo na sudebnuiu zashchitu* [Constitutional Right to Judicial Protection]. Lvov: Vishcha shkola, 1982. 214 p. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa* [Civil Procedure Course]. 2nd ed. Moscow: Statut, 2014. 784 p. (In Russ.)

Shcheglov V.N. *Grazhdanskoe protsessual'noe pravootnoshenie* [Civil Procedural Relationship]. Moscow: Iuridicheskaia litratura, 1966. 168 p. (In Russ.)

Tarusina N.N. *O sudebnom usmotrenii: zametki semeinoveda* [On Judicial Discretion: Notes from a Family Historian]. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2011. 284 p. (In Russ.)

Vaskovskii E.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniia i deistviia* [Civil Procedure Course: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions]. Moscow: Statut, 2016. 624 p. (In Russ.)

Vershinin A.P. *Soderzhanie grazhdanskih protsessual'nykh pravovykh otnoshenii: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [The Content of Civil Procedural Relations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Leningrad, 1986. 17 p. (In Russ.)

Zeider N.B. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniia* [Civil Procedural Relations]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1965. 74 p. (In Russ.)

Zheruolis I.A. *Sushchnost' sovetskogo grazhdanskogo protsessa* [The Essence of Soviet Civil Procedure]. Vilnius: Mintis, 1969. 204 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ярков В.В. (Екатеринбург, Россия) – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственно-

го юридического университета им. В.Ф. Яковлева, профессор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева, Заслуженный деятель науки РФ (620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; e-mail: yarkov59@mail.ru).

Information about the author

V.V. Yarkov (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head, Department of Civil Procedure, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Professor, Ural Branch of the S.S. Alekseev Research Center for Private Law, Honored Scientist of the Russian Federation (21 Komsomolskaia St., Yekaterinburg, 620066, Russia; e-mail: yarkov59@mail.ru).

Для цитирования

Ярков В.В. К 100-летию со дня рождения профессора К.И. Комиссарова // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 145–167. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-145-167

Recommended citation

Yarkov V.V. *K 100-letiiu so dnia rozhdeniia professora K.I. Komissarova* [To the 100th Anniversary of the Birth of Professor K.I. Komissarov]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 145–167. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-145-167

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС БССР*

CIVIL PROCEDURE CODE OF THE BELARUSIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Основные положения

1. Правила ведения гражданского процесса, изложенные в настоящем Кодексе, обязательны для всех учреждений единой судебной системы БССР (народного суда и Верховного суда)[1], а также для учреждений, снабженных судебными функциями на основании особых о них положений, с теми изъятиями, какие в этих положениях установлены.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

2. Суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны. Прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс. Сторона может во всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования. Принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав и судебной их защиты зависит от суда, причем принятие судом такого отказа лишает сторону права обратиться с иском, основанным на тех же основаниях.

---

* Постановлением III сессии ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. Гр. пр. код. введен в действие на территории БССР с сентября 1923 г. (С. У. БССР 13–14, ст. 116).

Гражданский процессуальный кодекс БССР: с изм. на 1 мая 1940 г. / Нар. комиссариат юстиции БССР. Минск: Гос. изд-во при СНК БССР, 1940. 150 с.

[1] Построение судебной системы определено законом о Судоустройстве СССР, союзных и автономных республик.

Следует иметь в виду, что в связи с организацией областных судов соответствующие статьи ГПК БССР не были изменены.

2-а. дела о взыскании с родителей средств на: содержание детей (алиментов) и об установлении отцовства принимаются к производству в судах по заявлению родителей или опекуна, по сообщению отделов актов гражданского состояния, а также по инициативе суда, по иску прокурора, органа охраны материнства и младенчества, опеки или профсоюза.

Прокурор, получив заявление или материал о невыплате алиментов, обязан начать дело и, в случаях, требующих расследования, обеспечить передачу дела в суд не позднее сроков, установленных статьей 53-а.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

3. Суд обязан разрешать дела на основании законов Союза ССР и БССР, а также постановлений местных органов власти, изданных на основании закона.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

4. Суд не имеет права отказаться от разрешения дела, ссылаясь на отсутствие и неполноту законов или противоречие их, и в таких случаях должен решать дело на основании общих принципов советского законодательства и общей политики рабоче-крестьянского правительства.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

5. Суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, почему, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен, посредством предложенных сторонам вопросов, способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. При этом суд разъясняет обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и необходимые формальности, предупреждая о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущением их.

6. Стороны обязаны добросовестно пользоваться всеми, принадлежащими им, процессуальными правами. Всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс, немедленно пресекаются судом.

7. При разрешении споров, возникающих из договоров и актов, совершенных за границей, суд должен руководствоваться законами, действовавшими в месте и во время их совершения, при условии, что такие договоры и акты разрешены законами СССР и БССР или предусмотрены соглашениями Союза ССР с соответствующими государствами.

Если форма таких договоров или актов соответствует форме, установленной законами БССР, то они считаются действительными и тогда, когда их форма не соответствует законам государства, где они совершены.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

8. При рассмотрении дела, для разрешения которого должен быть применен закон иностранного государства, суд получает от Народного комиссариата юстиции необходимые ему справки.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

9. Дела рассматриваются на белорусском языке. Когда одна или обе стороны не владеют белорусским языком, то суд может передать дело в национальную камеру (ст. 13 Положения о судоустройстве) или рассмотреть дело на языке, которым владеют и истец и ответчик. Когда одна из сторон, свидетели и эксперты не владеют языком, на котором рассматривается дело, то суд обязан пригласить переводчика и через него ставить заинтересованных лиц в известность о каждом процессуальном действии.

Документы и заявления могут быть подаваемы заинтересованными лицами на их родном языке[1].

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

10. Гражданский иск об убытках от преступления, если он не был подан и разрешен при разборе дела в уголовном порядке, может быть подан отдельно в порядке гражданского процесса.

Иск об убытках от преступного деяния может быть подан и тогда, когда обвиняемый оправдан по уголовному делу или освобожден от меры социальной защиты.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/V 1936 г. – С. З. № 14, п. 56)

11. Стороны, прокуратура, третьи лица, допущенные к участию в деле, и представители их могут во всяком положении дела обозревать подлинное производство, делать из него выписки и получать копии находящихся в деле бумаг и документов.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

Глава II

Представительство на суде

12. Стороны могут вести дела в суде лично или через своих представителей. От суда зависит признать необходимым участие прокурора; в последнем случае участие прокурора является обязательным.

13. По делам лиц, объявленных недееспособными или ограниченными в силу закона в своей дееспособности (ст. ст. 7, 8 и 9 Гражданского кодекса), иски предъявляются их законными представителями или к их законным представителям.

---

[1] На основании ст. 86 Конституции БССР, судопроизводство ведется на белорусском языке с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

Национальные камеры упразднены (пост. Президиума ЦИК БССР от 31/III 1934 г.).

14. Коллективы (государственные учреждения, государственные предприятия, кооперативы, товарищества, общества, союзы и другие объединения) предъявляют иски и отвечают по ним через установленные законом или уставом органы.

15. Представительство на суде может быть:

а) добровольно выбранным стороной;

б) законным представительством за недееспособных;

в) назначенным в порядке ст. 91 Кодекса законов о браке, семье и опеке и

г) представительством, согласно ст. 16 Гражданского кодекса.

16. Представителями сторон могут быть:

а) члены коллегии защитников[1];

б) уполномоченные профессиональных союзов по делам лип, работающих по найму (рабочих и служащих);

в) руководители и постоянные сотрудники коллективов по делам своего коллектива;

г) лица, допущенные судом, разбирающим дело, к представительству по данному делу.

17. Представители сторон должны быть снабжены соответствующими полномочиями, которые даются стороною либо в суде устно, с занесением в протокол, либо особой доверенностью, удостоверенной в установленном порядке. Вместо нотариального засвидетельствования рабочие и служащие могут удостоверить доверенность на ведение дела в своем учреждении или предприятии, красноармейцы – в своей части, трудовые землепользователи – в сельском или местечковом[2] совете.

18. Полномочие дает представителю право на совершение всех процессуальных действий, кроме окончания дела миром, передачи спора в третейский суд, признания, отказа полностью или частично от исковых требований, передачи полномочия другому лицу и получения имущества или денег. Указанные права представителя должны быть специально оговорены в полномочиях. Спор о подлоге может быть заявлен только по специальному на то полномочию по данному делу.

19. Полномочие выдается по делам, предусмотренным ст. 13, законными представителями, а по делам, предусмотренным ст. 14, установленными законом или уставом органами коллективов.

20. Не могут быть представителями сторон: а) лица, не достигшие 18 лет; б) лица, ограниченные в личных в общественных правах – по судебному приговору на все время ограничения: в) лица, состоящие под опекой; г) лица, исключенные из коллегии защитников; д) народные судьи, члены суда, следователи и прокуроры; последние кроме случаев, когда они участвуют в деле в порядке ст. ст. 2, 12 и 172 Гражданского процессуального кодекса.

---

[1] Коллегия защитников переименована в коллегию адвокатов (см. Положение об адвокатуре). В дальнейшем тексте это не оговаривается.

[2] Поселковом (см. разд. 5-й Конституции БССР).

Глава III

Подсудность[1]

21. Ведению народного суда, в составе народного судьи и двух народных заседателей, подлежат все дела, возникающие из гражданских взаимоотношений, за исключением дел, предусмотренных статьей 24.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/I 1940 г.).

Все споры колхозов между собой, а также с государственными и кооперативными организациями, возникающие из договоров и других имущественных правоотношений, подлежат рассмотрению в народных судах независимо от суммы иска по этим спорам.

Примечание. В отношении земельных споров колхозов сохраняется существующий порядок их рассмотрения, установленный законодательством Союза ССР и союзных республик.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 44)

21-а. Сессии народного суда по охране труда и производства рассматривают следующие дела:

а) конфликты, возникающие в связи с применением законов о труде, коллективных и трудовых договоров и правил внутреннего распорядка;

б) споры между Государственным банком, с одной стороны, и учреждениями, предприятиями и организациями обобществленного сектора–с другой стороны, если эти споры вытекают из операций Государственного банка;

в) споры предприятий, учреждений и организаций обобществленного сектора по договорам о пользовании коммунальными услугами и споры, вытекающие из железнодорожных, водных и воздушных перевозок, кроме споров по железнодорожным и водным перевозкам, выполняемым на основании генеральных договоров о массовых плановых перевозках;

г) все прочие имущественные споры между предприятиями, учреждениями сумму и организациями не свыше обобществленного одной тысячи рублей сектора (кроме колхозов) на сумму не свыше одной тысячи рублей[2].

(15/III 1932 г. – С. З. № 24, п. 99, 3/X 1932 г. – С. З. № 71, п. 354 и 6/VII 1935 г. – С. З. № 25, п. 136)

21-б. Дела, указанные в пункте «а» ст. 21-а настоящего Кодекса, рассматриваются сессией народного суда по охране труда и производства только в следующих случаях:

---

[1] См. ст. 32 закона о Судоустройстве СССР о подсудности гражданских дел Областному суду.

[2] Функции сессий народного суда по охране труда и производства выполняются народными судами; законом о Судоустройстве СССР эти сессии не предусмотрены.

а) если конфликт не был разрешен расценочно-конфликтной комиссией, в которую он был направлен;

б) если рабочий или служащий передал в сессию конфликт, не подлежащий обязательному рассмотрению в расценочно-конфликтных комиссиях;

в) если постановление расценочно-конфликтной комиссии было отменено органами труда в порядке надзора.

Дела, указанные в п. «г» ст. 21-а настоящего Кодекса, если ответчиком по делу является народный комиссариат или приравненное к народным комиссариатам центральное учреждение, рассматриваются сессией народного суда по охране труда и производства только в тех случаях, если дело передано в сессию специальным постановлением Верховного суда на основании ст. 24 настоящего Кодекса.

(15/III 1932 г. – С. З. № 24, п. 99)

22. Отменена.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 2/I 1940 г.)

23. Отменена.

(9/X 1933 г. – С. З. п. № 44, 280)

24. Верховному суду по гражданской судебной коллегии подсудны:

а) дела по искам к народным комиссариатам или приравненным к ним центральным учреждениям;

б) дела о несостоятельности кооперативных организаций республиканского значения, а также о несостоятельности государственных предприятий республиканского и местного значения и акционерных обществ, зарегистрированных в установленном порядке.

Из числа дел, указанных в пункте «а» настоящей статьи, Верховный суд может передавать отдельные дела или категории дел на рассмотрение народного суда.

При рассмотрении дел, указанных в пункте настоящей статьи, народными заседателями участвуют представители местных хозяйственных учреждений и предприятий, выделяемые соответствующими районными исполнительными комитетами или городскими советами по предложению Верховного суда[1].

Порядок рассмотрения дел о несостоятельности этих предприятий регулируется специальными законами Союза ССР[2].

(5/VI 1931 г. – С. З. № 25, п. 181)

25. Иски предъявляются суду, в районе которого ответчик имеет постоянное жительство или постоянное занятие.

Примечание 1. Иски о содержании (алиментах) могут быть предъявляемы также по месту жительства истца.

---

[1] См. ст. 10 закона о Судоустройстве СССР, согласно которой суды в СССР образуются на началах выборности.

[2] См. положения о несостоятельности государственных предприятий, акционерных товариществ и кооперативных организаций – С. З. СССР 1929 г., № 11, ст. ст. 100 и 101.

Примечание 2. Иски о возмещении убытков от столкновения судов предъявляются по выбору истца: по местожительству ответчика или по местонахождению судна, владелец которого должен отвечать за убытки от столкновения, или по местонахождению порта, к которому приписано данное судно.

(17/V 1928 г. – С. З. № 7, ст. 168)

26. Иски к ответчику, который находится за границей или местожительство коего неизвестно, предъявляются по месту нахождения имущества или по последнему известному месту постоянного жительства или занятий в пределах БССР; последнее известное местожительство или занятие ответчика должно быть, во всяком случае, достоверно установлено.

(28/IX 1929 г. – С. З. № 34, п. 198)

По делам о взыскании с родителей средств на содержание детей (алиментов) и об установлении отцовства, когда местопребывание ответчика неизвестно, прокуратура, по постановлению суда, делает распоряжение о производстве розыска ответчика через органы Народного комиссариата внутренних дел.

Расходы по розыску взыскиваются с ответчика одновременно с вынесением против него судебного решения.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

27. Иски к коллективам предъявляются по месту нахождения ответственного органа (ст. 14) или же по месту нахождения местного органа, если иск вытекает из сделки, заключенной с этим местным органом.

28. Иски, возникающие из договоров, в которых означено место исполнения, или исполнение которых, по их свойству, может последовать только в определенном месте, могут быть предъявлены местному по исполнению договора суду.

29. Иски о праве на строения, земельные участки, предприятия, иски об освобождении имущества от описи и продажи, иски к имуществу, оставшемуся после смерти собственника, предъявляются по месту нахождения сего имущества или основной его части.

30. Выбор между несколькими судами, которым дело подсудно, принадлежит истцу.

31. Признавая дело себе неподсудным, народный суд возвращает поданное ему исковое заявление вместе с приложениями и копией резолюции для представления в надлежащий суд. На определение суда о непринятии искового заявления по неподсудности допускается частная жалоба в Верховный[1] суд (ст. 292 настоящего Кодекса).

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

32. Верховный суд[2] может, в зависимости от особых обстоятельств дела, по просьбе стороны или по собственной инициативе, постановить о переносе разбора дела в другой суд.

---

[1] Областной – см. п. «6» ст. 33 закона о Судоустройстве СССР.

[2] И Областной суд.

33. Пререкания о подсудности между судами не допускаются.

Глава IV

Судебные расходы

34. Судебные расходы на ведение дел составляются из единой государственной пошлины и расходов на ведение дела. Плательщики пошлины разделяются на две категории:

а) первая категория: государственные и общественные учреждения, предприятия и организации;

б) вторая категория: граждане и частные юридические лица.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г. № 6, п. 46)

35. Единая государственная пошлина взимается с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях БССР:

а) с плательщиков первой категории:

1) С государственных учреждений и предприятий, состоящих на государственном или местном бюджете, а также с действующих на хозяйственном расчете коммунальных предприятий общего пользования, обслуживающих здравоохранение и благоустройство населенных мест (канализация, ассенизация, водоснабжение, освещение, дезинфекционные камеры и т.д.) и эксплуатируемых органами коммунального хозяйства без сдачи в аренду, а также с Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов и объединяемых им профессиональных союзов в размере: при цене иска до 200 руб. – 3 рубля с каждого искового заявления; при цене иска в 200 руб. и выше до 500 рублей – 5 рублей; при цене иска в 500 рублей и выше – 2 проц. от цены иска.

2) С прочих государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций в размере: при цене иска до 500 рублей по ставкам, казанным в предыдущем пункте; при цене иска в 500 рублей и выше до 5000 рублей – 2 проц. от цены иска; при цене иска в 5000 рублей и выше – 6 проц. от цены иска.

3) По снобам колхозов между собой и спорам колхозов с государственными и кооперативными организациями пошлина взимается независимо от цены иска в размере проц. цены иска;

б) с плательщиков второй категории в размере: при цене иска до 200 рублей – 3 рубля; при цене иска в 200 рублей и выше до 500 рублей – 5 рублей; при цене иска 500 рублей и выше до 5000 рублей – 2 проц. от цены иска; при цене иска в 5000 рублей и выше – 7 проц. от цены иска.

С кассационных жалоб на решения суда пошлина взимается с. плательщиков всех категорий в размере половины ставки, установленной для исковых заявлений, причем пошлина исчисляется со спорной по жалобе суммы.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 46)

36. За выдачу судебных приказов[1] пошлина взимается:

а) с плательщиков первой категории в размере: при исковой сумме до 100 тыс. руб. – 1 проц.; при исковой сумме свыше 100 тыс. руб. до 500 тыс. руб. – 1000 руб. + 0,25 проц. с суммы, превышающей 100 тыс. руб.; при исковой сумме свыше 500 тыс. руб. до 1 млн рублей – 2000 руб. + 0,1 проц. с суммы, превышающей 500 тыс. руб.; при исковой сумме свыше 1 млн руб. до 5 млн руб. – 2500 руб. + 0,05 проц. с суммы, превышающей 1 млн рублей; при исковой сумме свыше 5 млн руб. до 10 млн руб. – 4500 руб. + 0,01 проц. с суммы, превышающей 5 млн руб.; при исковой сумме свыше 10 млн руб. – 0,05 проц.;

(1/I 1934 г. – С. З. № 2, п. 5)

б) с плательщиков 2-й категории в размере 1 проц. с исковой суммы, но не меньше 1 рубля.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 46)

37. Цена иска определяется:

а) по искам о взыскании денег и об имуществе – суммой денег, требуемой истцом, или стоимостью имущества, о котором подается иск;

б) по искам, состоящим из нескольких самостоятельных исковых требований, – общей суммой всех требований;

в) по искам о срочных выдачах и платежах – путем соединения всех платежей или выдач;

г) по искам о выдаче содержания не имеющим средств и нетрудоспособным родителям, детям и супругу – путем соединения платежей и выдач за год, по искам о платежах без указания срока или выдач до смерти – за три года;

д) по искам о прекращении или возобновлении силы арендного договора – суммой арендной платы за неистекший срок силы договора;

е) по искам о разделе наследства – ценой той доли наследства, которой истец добивается;

ж) по искам о прекращении договора – суммой неисполнения по договору и убытков, которые имел истец от неисполнения договора, если об этом также подается иск.

(25/XII 1930 г. – С. З. № 44, п. 289)

38. Цена иска указывается истцом, но судья, принявший исковое заявление, может сам определить цену иска, если найдет, что указанная истцом цена не соответствует действительной стоимости требования.

Если при разрешении дела выявится, что сумма иска больше той, которая была определена первоначально, то пошлина взимается также и за выявленную сумму.

(25/XII 1930 г. – С. З. № 44, п. 289)

---

[1] Исполнительных надписей.

39. Если истец уменьшит исковые требования, то принятая от него пошлина не возвращается. Если же исковые требования увеличены истцом, то он сейчас же должен доплатить пошлину.

(25/XII 1930 г. – С. З. № 44, п. 289)

40. По делам неимущественного характера и по неисковым делам (кроме дел об удостоверении права на наследственное имущество) единая государственная пошлина взимается только с плательщиков второй категории в размере 3 рублей.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/I 1940 г.)

Заявления о выдаче удостоверений о праве на наследственное имущество (статьи 199 и 200 ГПК) оплачиваются единой государственной пошлиной только плательщиками второй категории в размере: при сумме наследственного имущества до 300 руб. – 2 рубля; при сумме наследственного имущества больше 300 рублей до 1000 рублей – 5 рублей; при сумме наследственного имущества более 1000 рублей до 3000 рублей – 10 рублей; при сумме наследственного имущества более 3000 рублей до 5000 рублей – 15 рублей; при сумме наследственного имущества больше 5000 рублей – 25 рублей.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г, № 6 п. 46)

41. За выдачу по просьбе сторон копий бумаг и документов, находящихся в деле, пошлина взимается только с плательщиков второй категории в размере 2 рублей.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938, г. № 6, п. 46)

42. За вызванными в суд свидетелями сохраняется право на получение заработной платы по месту службы или работы. Свидетель, желающий получить вознаграждение за отвлечение его от работы, должен об этом заявить суду после допроса. Размер вознаграждения устанавливается судом, но оно не может быть выше средней заработной платы в данной местности. В случае проживания свидетеля вне района данного суда ему возмещается и стоимость проезда[1].

43. Единая государственная пошлина и расходы на ведение дела не взимаются:

а) с истцов – трудящихся по делам о взыскании заработной платы и по всяким другим требованиям, вытекающим из трудовых отношений[2];

б) со всех истцов по делам о взыскании средств на содержание (алименты) и возмещении ущерба, причиненного смертью, увечьем или другим телесным повреждением;

в) с истцов – членов промысловых кооперативных товариществ (артелей), входящих в кооперативную систему, по делам о взыскании вознаграждения за работу в общих мастерских;

---

[1] См. инструкцию НКЮ СССР и Прокуратуры СССР об оплате расходов по вызову судами и органами следствия свидетелей, экспертов и переводчиков (прилож. к этой статье).

[2] Иски колхозников к колхозам о расчетах по трудодням освобождаются от оплаты государственной пошлиной (разъяснение Верхсуда СССР от 26 августа 1935 г.).

г) со всех истцов по делам о взыскании вознаграждения, вытекающего из авторского права;

д) с истцов – хозяйственного управления ЦИК СССР, Государственного банка СССР, золото- и платинопромышленных предприятий и предприятий Всесоюзного объединения «Союзредмет»;

е) с истцов – военнослужащих кадрового рядового и младшего состава срочной службы РККА (в том числе войск НКВД[1]), работников рядового и младшего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции, исправительно-трудовых учреждений и военизированной охраны;

ж) отменен;

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 46)

з) с трудящихся, признанных постановлением народного судьи или суда, разбирающего дело, не имеющими средств уплатить пошлину;

и) в прочих случаях, установленных Народным комиссариатом финансов.

(1/I 1934 г. – С. З. № 2, п. 5)

44. Вознаграждение эксперта определяется судом при его вызове[2].

45. Суммы, необходимые для вызова сторон, свидетелей, экспертов, на расходы по посылке – повесток, вознаграждение экспертов, проезд экспертов и суда при местном осмотре, вносятся вперед стороной, просившей о вызове или о местном осмотре. В случае вызова или выезда по инициативе суда деньги вносятся вперед, поровну обеими сторонами[3].

46. Все судебные издержки (ст. ст. 34 и 35)[4] по делу взыскиваются с ответчика в пользу истца пропорционально присужденной части иска. Ответчик также имеет право удержать с истца сумму судебных издержек пропорционально той части иска, которая истцу не присуждена.

Если суд найдет, что ответчик не дал для иска никаких поводов, то он может присудить ответчику специальную сумму и за потерю рабочего времени.

Кроме того, сторона, выигравшая дело, имеет право получить от другой стороны сумму в размере 5 проц. той части иска, которая ею выиграна для оплаты представителя, если он в деле участвовал.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

47. Расходы, понесенные судом по производству гражданских дел, в частности по вызову свидетелей и экспертов и уплате вознаграждения за экспертизы, подлежат взысканию в доход государства с каждой из сторон пропорционально той части иска, в отношении которой решение состоялось против нее.

---

[1] В первоначальном тексте «ОГПУ».

[2] См. ссылку ст. 42 ГПК БССР.

[3] См. ссылку ст. 42 ГПК БССР.

[4] И ст. 36 ГПК БССР.

48. На неправильное определение судом цены иска и исчисление установленных сборов может быть принесена частная жалоба (ст. 292).

Глава V

Штрафы

49. Если вызванный судом свидетель не явится по причинам, признанным судом неуважительными, то он подвергается де нежному штрафу в первый раз от трех руб. до десяти рублей, в зависимости от имущественного положения, во второй раз – принудительному приводу и денежному штрафу в двойном размере.

50. В случае отказа давать показания по причинам, признанным судом неуважительными, свидетель подвергается штрафу в размере от десяти рублей до пятидесяти рублей.

51. В случае неявки и за отказ от дачи заключений по причинам, признанным судом неуважительными, сведущее лицо подвергается штрафу от трех рублей до десяти рублей.

52. В случае отказа по требованию суда представить находящиеся у них документы, третьи лица, не участвующие в деле, подвергаются штрафу от десяти до пятидесяти рублей.

Глава VI

Процессуальные сроки

53. Назначение сроков о процессе в тех случаях, когда они не установлены законом, производится судом.

53 а. Дела об алиментах и об установлении отцовства рассматриваются судом, в случае проживания ответчика в данной местности, не позднее десятидневного срока со дня поступления дела, в других случаях не позднее двадцатидневного срока.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

54. Сроки, определенные законом или назначаемые судом, исчисляются месяцами, неделями и днями.

55. Срок, исчисляемый по месяцам, истекает в соответствующее число последнего месяца. Если конец срока, исчисляемого по месяцам, приходится в таком месяце, который соответствующего числа не имеет, то он полагается в последний день этого месяца.

56. Если срок исчисляется днями, то исчисление начинается со дня, следующего за тем днем, с которого начинается течение срока.

(9/X 1933 г.–С. З. № 44, п. 280).

57. Когда окончание срока по общему расчету пришлось бы в день нерабочий, то последним днем срока считается первый за тем рабочий день.

57-а. Если последний день срока, установленного законом или назначенного судом, приходится на один из революционных дней, на особые дни отдыха или на дни еженедельного отдыха, то для учреждений, предприятий и организаций, не перешедших еще на непрерывную производственную неделю, последним днем указанного срока считается первый за этими днями рабочий день.

(17/III 1930 г. – С. З. № 17, п. 115)

58. Предельный день срока продолжается до 12-ти часов ночи, но если в этот срок надлежало что-либо совершить в суде, где занятия заканчиваются раньше, то срок оканчивается в момент прекращения таковых занятий.

59. Срок не считается пропущенным, если жалоба или требуемая судом бумага сдана до истечения срока на почту.

60. С приостановлением производства останавливается и все текущие, но еще не истекшие по нему сроки. Приостановление сроков начинается с того события, вследствие коего приостановлено было производство.

61. Сроки, назначенные судом, могут быть по просьбе заинтересованной стороны продлены.

62. Стороне, пропустившей установленный законом или назначенный судом срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен судом.

63. Вопрос о восстановлении пропущенного срока разрешается с вызовом сторон судом, в котором должно быть совершено просроченное действие или в который надлежало подать бумагу.

64. Одновременно с просьбой о восстановлении срока должно быть совершено то действие или подана та бумага, в отношении которых возбуждается просьба.

65. Бумаги, поданные по истечении установленных для них законом сроков, оставляются без рассмотрения.

Глава VII

Вызов в суд и другие извещения суда

66. Извещения суда доставляются заказным пакетом с обратной распиской или через рассыльных; допускается передача извещений суда через подлежащий сельский совет. Кроме того, народный судья может выдать извещение на руки одной из сторон по просьбе последней для вручения другой стороне.

(30/IV 1934 г. – С. З. №17, п. 91)

67. Все сношения суда с лицами и учреждениями, находящимися за границами Союза Советских Социалистических Республик, производятся через Народный комиссариат иностранных дел.

68. Повестки о вызове в суд должны содержать:

а) наименование суда; б) указание места и времени заседания, сторон и дела, по которому производится вызов; в) предложение представить все доказательства по делу и г) указание последствий неявки.

69. Повестки и извещения суда вручаются лично вызываемым лицам. Время вручения отмечается на вручаемом извещении и на подлежащей возврату в суд расписке в получении.

Примечание. При вручении извещения, выданного одной из сторон на руки (ст. 66), подпись лица, получившего таковое, должна быть удостоверена домоуправлением или администрацией учреждения, в котором извещаемый проживает или имеет постоянное занятие, или сельским советом.

(30/IV 1934 г. – С. З. № 17, п. 91)

70. Если должностное лицо, доставляющее извещение, не застанет вызываемого, то вручает извещение кому-нибудь из совместно с ним проживающих членов семьи, администрации дома или Учреждения, в котором извещаемое лицо имеет жительство или постоянное занятие.

71. В случае отказа лица, которому доставляется извещение суда, принять таковое, доставляющий делает об этом отметку на расписке в получении.

72. При неизвестности фактического местопребывания ответчика суд не обязан ожидать извещения о действительном получении повестки вызываемым, а назначает дело к слушанию по поступлении в суд копии повестки с надписью домоуправления последнего известного местожительства ответчика о состоявшемся получении им (домоуправлением) повестки.

73. Извещение суда доставляется надлежащему лицу по адресу, указанному стороной.

74. Тяжущиеся обязаны сами уведомлять суд о перемене своего адреса во время производства дела. При отсутствии такого заявления повестка посылается по последнему, известному суду, адресу, по которому вручались повестки, и считается доставленной, хотя бы адресат по этому адресу более не проживал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСКОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Глава VIII

Предъявление иска

75. Суд приступает к разбору гражданского дела по письменному заявлению; устное заявление допускается только по делам, производящимся в народном суде.

76. Исковое заявление должно содержать в себе: а) точное наименование истца, т.е. лица, заявляющего исковое требование, а также его представителя, если исковое заявление подается им; б) точное наименование ответчика, т.е. лица, привлекаемого к ответу по иску; в) точное указание постоянного местожительства или места постоянного занятия истца и ответчика; г) изложение обстоятельств, служащих основанием иска, и указание доказательств, подтверждающих иск; д) требование истца с обозначением цены иска.

Примечание 1. Под выражением «лицо» в настоящей ст. разумеются лица как физические, так и юридические.

Примечание 2. К исковым заявлениям, поданным представителем, прилагается доверенность или уполномочие (ст. 17).

77. Словесное заявление заносится народным судьей или, по его поручению, секретарем в протокол, прочитывается истцу и подписывается судьей и заявителем.

78. По делам, подлежащим разбору в Верховном суде[1] исковые заявления и все документы представляются с копиями по количеству участников другой стороны.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

79. Представленный к делу подлинный документ может быть взят обратно с оставлением в деле копии, засвидетельствованной представившей его стороной, причем на подлиннике документа, служащего основанием иска, должна быть сделана надпись о том, что на основании его производится исковое дело, а в случае получения подлинного документа по окончании дела,– также и какое по чему решение состоялось.

80. Народный судья, а в Верховном суде – председатель или соответствующий член суда по просьбе истца или по своей инициативе может до рассмотрения дела выдавать удостоверения для получения документов или справок, а также может устанавливать список свидетелей, требовать от сторон, третьих лиц и учреждений необходимые для разбора дела документы и назначать экспертизу[2].

(2/II 1929 № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

81. Исковое заявление, без соблюдения требований, изложенных в ст. ст. 76 и 48, и неоплаченное единой государственной пошлиной, оставляется без движения, о чем суд извещает истца и предоставляет ему срок для исправления недостатков. Если в указанный срок недостатки искового заявления устранены не будут, заявление считается неподанным.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

Примечание. Все недостатки встречного искового заявления должны быть восполнены не позднее назначенного для слушания дела дня; в противном случае предъявленный встречный иск в данном процессе не рассматривается.

---

[1] И Областном суде.

[2] Единоличные действия народного судьи, председателя Областного суда и председателя Верховного суда – определены ст. ст. 28, 37 и 52 закона о Судоустройстве СССР.

Глава IX

Обеспечение иска

82. Истец имеет право просить об обеспечении иска до вступления решения в законную силу, а в случаях, когда согласно ст. ст. 187–189 решение может быть исполнено немедленно,– до вынесения решения.

Примечание. Иски, предъявляемые к государственным учреждениям и к государственным предприятиям, не обеспечиваются, кроме случаев предъявления к ним исков, возникающих из банковских операций кредитными учреждениями или кредитно-кооперативными организациями и других случаев, предусмотренных специальными законами[1].

(17/V 1928 г. – С. З. № 17, ст. 168)

83. Обеспечение иска допускается:

а) когда иск представляется достаточно обоснованным предъявленными документами;

б) когда непринятие мер обеспечения иска может повлечь: за собою для истца невозможность получить удов творение или когда по самому характеру требования промедление сделает затруднительным или невозможным исполнение решения.

83-а. По делам о взыскании алиментов народный судья, рассматривающий дело, или прокурор, у которого дело находится на расследовании, обязаны принимать меры к обеспечению иска, в виде наложения ареста на долю заработной платы ответчика, а также путем описи и ареста имущества ответчика.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

84. Суд, допуская обеспечение, может потребовать от истца, в свою очередь, представления обеспечения возможных для ответчика убытков.

85. Суд может обеспечить иск полностью или только в тех частях, которые он признает достаточно обоснованными.

86. Просьбы об обеспечении исков разрешаются народным судьей или судом, разбирающим дело, без вызова противной стороны в тот же день.

87. Обеспечение иска состоит в наложении ареста на принадлежащее ответчику, находящееся у него или у посторонних лиц, имущество.

88. При обеспечении иска, предъявленного государственным учреждением или государственным предприятием к частному предприятию, суд может допустить назначение истцом своего представителя для наблюдения за правильным ходом предприятия.

89. Суд может, по просьбе одной из сторон и, сообразуясь с возражением противной стороны, допустить замену одного вида обеспечения другим, а так-

---

[1] Слова: «или кредитно-кооперативными организациями» утратили значение в связи с ликвидацией кредитной кооперации.

же допустить несколько видов обеспечения с тем, чтобы общая их сумма не превышала суммы иска. При обеспечении денежного иска ответчик может взамен допущенного судом обеспечения внести в депозит исковую сумму.

90. Определения об обеспечении исков приводятся в исполнение в порядке, установленном для исполнения судебных решений.

91. Определения суда по делам об обеспечении исков могут быть обжалованы в частном порядке (ст. 292); если определение состоялось в отсутствии жалобщика, течение срока, предусмотренного ст. 292, начинается со дня получения повестки судебного исполнителя.

Примечание. Подача жалобы не препятствует дальнейшему рассмотрению дела.

92. Принесение жалобы не приостанавливает приведения определения об обеспечении в исполнение. Жалоба на определение об отмене принятой меры обеспечения останавливает исполнение этого определения.

93. Ответчик, в пользу которого решено дело, может отыскивать с истца причиненные ему обеспечением иска убытки.

Глава X

Разбирательство дела

94. Разбирательство дела происходит публично и устно.

95. Порядок в зале заседания поддерживается народным судьей или председателем судебного заседания.

На лиц, нарушающих порядок в суде, народный судья или председатель может наложить штраф до десяти рублей или арест до пяти дней.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

96. Когда публичное слушание дела может явиться нежелательным для охраны интересов советского государства, а также когда обстоятельства дела касаются интимной жизни одной из сторон, то суд по своей инициативе или по просьбе стороны постановляет рассмотреть дело или отдельные его части при закрытых дверях в присутствии только сторон, их представителей, свидетелей и экспертов.

Решение суда и в таких случаях объявляется публично.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

97. Приступая к разбору дела, суд выясняет, кто из вызываемых в суд лиц явился, и какие имеются сведения о причинах неявки остальных.

98. Неявка ответчика, о котором суду известно, что повестка ему вручена, не может быть препятствием для разбора дела.

Если обе стороны, которым повестки вручены, не явятся в суд без уважительных причин и если нет просьбы хотя бы одной из сторон о рассмотрении дела в ее отсутствии, то суд имеет право прекратить дело.

(18/I 1931 г. – С. З. № 4, п. 25)

99. В случае признания судом необходимости личных объяснений неявившейся стороны, он откладывает разбирательство. Вызов истца или ответчика для личных объяснений допускается и в тех случаях, когда в деле участвует их представитель.

100. В случае неявки без уважительных причин по вторичному вызову с указанием на необходимость объяснения, дело разрешается на основании имеющихся данных.

101. По делам об истребовании содержания неимущему и Нетрудоспособному супругу (алиментах) и о заработной плате суд может постановить о приводе ответчика, однако, только в случае признания судом необходимости его личной явки и после вторичного вызова с соответствующим предупреждением.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

101-а. По делам о взыскании с родителей средств на содержание детей (алиментов), а также по делам об установлении отцовства, явка в суд обязательна, В случае неявки ответчика суд выносит постановление о приводе его через органы милиции. Независимо от привода, суд, при неявке ответчика без уважительных причин, может наложить на него штраф до 100 руб. и отобрать подписку о невыезде впредь до разрешения дела. От обязательной явки в суд по этим делам ответчик может быть освобожден лишь в случае отдаленности его местожительства от суда, в производстве которого находится дело, или по другим уважительным причинам, по постановлению суда в каждом отдельном случае.

(2/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

102. До начала разбора дела по существу стороны могут делать заявления о невозможности разбирать дело в данном суде или при данном составе суда.

103. Суд может постановить перенести дело в другой суд или другое, учреждение в следующих случаях: а) если суд признает, что данный иск по обстоятельствам дела может быть с большим удобством разрешен по месту производства главнейших поверочных действий или вообще в другом суде, а не в суде, избранном истцом (ст. 30); б) если ходатайство ответчика, местожительство коего не было известно (ст. 26), о переносе дела по месту его действительного проживания, будет признано заслуживающим удовлетворения; в) если по устранении народного судьи (ст. 104), замена его в данном суде явится затруднительной; г) если суд признает, что дело подлежит ведению другого учреждения.

(25/VII 1931 г. – С. З. № 33, п. 218)

104. В случае заинтересованности в исходе дела или особых отношений с тяжущимся, судья или народный заседатель устраняется от участия в разборе дела как по заявлению сторон, так и по собственному заявлению, которое судья или заседатель обязаны сделать суду даже при отсутствии заявления сторон.

105. Рассмотрение дела начинается с доклада дела народным судьей или членом судебной коллегии. После доклада суд предлагает сторонам дать объяснение. Ответчику должна быть дана возможность ответить на каждое объяснение истца.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

106. Представление сторонами новых, доказательств после начала разбора дела допускается только в случае признания удом уважительности причин, препятствовавших своевременному представлению доказательств.

107. Откладывая дело, суд назначает срок для представления ли проверки доказательств, а также, если возможно, и день нового заседания.

108. Суд, признавая дело достаточно выясненным, прекращает судоговорение и приступает к вынесению решения.

Глава XI

О протоколах

109. О каждом заседании и о каждом отдельном судебном действии, совершенном вне заседания, составляется протокол.

110. В протоколе должны быть указаны: место и время заседания или действия, состав суда, явившиеся стороны, сущность объяснений и заявлений участвующих в деле лиц, свидетелей и сведущих лиц, частные просьбы участвующих в деле лиц, возражения по ним и постановления суда, представляемые доказательства и документы.

111. Протоколы составляются в самом заседании или при совершении отдельного действия вне заседания, подписываются свидетелями и сведущими лицами в тех частях, которые к ним относятся, а затем сторонами и судом.

112. Участвующие в деле лица допускаются к обозрению протокола и могут, не позднее трехдневного срока со дня утверждения, представлять замечания на него, От председателя зависит по поводу тех или иных замечаний на протокол внести в него соответствующие изменения.

Глава XII

Приостановление производства

113. Суд обязан приостановить производство в случае: а) смерти тяжущегося; б) в случае необходимости учреждения опеки над тяжущимися или иного ограничения в праве искать и отвечать на суде; в) прекращения существования юридического лица, являющегося стороной в деле; г) призыва тяжущегося в действующую часть Красной армии; д когда данное дело не может быть решено ранее разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, уголовном или административном порядке.

114. Сверх того, производство может быть приостановлено судом: а) по взаимному соглашению тяжущихся; б) в случае призыва одного из тяжущихся в Красную армию или для отбывания другой формы обязательной повинности.

115. В случаях, предусмотренных п. п. «а», «б» и «в» ст. 113, производство приостанавливается впредь до вступления в дело или привлечения противной стороной к делу правопреемника или законного представителя выбывшей стороны.

116. Течение давностного срока (ст. 51 Гражданского кодекса) начинается для дел, приостановленных по причинам, указанным в п. п. «а», «б» и «в» ст. 113, со дня приостановления производства, а в случае, предусмотренном п. «г» той же статьи, – с момента прекращения пребывания стороны в действующей части Красной армии.

117. В случае возобновления производства суд вызывает стороны на общих основаниях.

Глава XIII

О доказательствах

118. Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений. Доказательства представляются сторонами, а также могут быть собираемы по инициативе суда. Если представленные доказательства недостаточны, суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства.

119. Допущение тех или иных доказательств, представленных сторонами, зависит от того, найдет ли их суд существенными для дела.

120. Суд определяет, можно ли признать известное обстоятельство не нуждающимся в доказательствах.

121. Суд может, по собственной инициативе или по просьбе сторон, производить необходимые проверочные действия по представленным доказательствам с помощью осмотра на месте, вызова сведущих лиц (экспертов), вызова и допроса свидетелей и проверки письменных документов.

122. Стороны уведомляются о проверке доказательств и в том случае, когда она производится вне места судебного заседания. Если действие производится в районе данного суда, стороны вызываются обычным порядком.

Глава XIV

Обеспечение доказательств

123. Лица, имеющие основание опасаться, что представление необходимых для них доказательств сделается впоследствии невозможным или весьма затруднительным, могут просить суд об обеспечении этих доказательств как во время производства дела, так и до предъявления иска.

124. Просьба об обеспечении доказательств рассматривается тем постоянным народным судьей, в районе которого должны быть произведены действия по обеспечению доказательств.

125. Просьба об обеспечении доказательств должна заключать в себе: а) сущность и форму требуемых доказательств; б) указание обстоятельств, в подтверждение которых послужат эти доказательства; в) основание, по которому испрашивается обеспечение доказательств.

126. В случаях, не терпящих отлагательства, а также в случаях, когда нельзя определить, к кому истец может впоследствии предъявить иск, просьбы об обеспечение доказательств могут рассматриваться и обеспечение доказательств может производиться без вызова ответной стороны.

127. В определении о допущении обеспечения доказательств суд указывает порядок и способ его производства. На определения народного судьи о допущении обеспечения доказательств частная жалоба не допускается.

Глава XV

Отдельные виды доказательств

1. Свидетельские показания

128. Свидетельские показания допускаются во всех случаях, кроме тех, когда закон для определенных действий и отношений устанавливает обязательную письменную форму.

129. Никто не имеет права отказываться от свидетельства на суде, за исключением случаев, когда сообщение требуемых фактов сопряжено с нарушением государственной или служебной тайны.

130. В случае заявления стороны о заинтересованности свидетеля в исходе дела или в случае особых отношений между свидетелем и стороной, суд может не допустить допроса этого свидетеля.

131. Сторона, ссылающаяся на свидетеля, обязана указать те обстоятельства, которые он должен подтвердить, и обозначить его имя, фамилию и местожительство.

132. Свидетели допрашиваются с предварением об ответственности за ложные показания по ст. 136 Уголовного кодекса.

133. Каждый свидетель допрашивается отдельно.

134. Свидетели, не давшие еще показания, не могут присутствовать в зале заседания во время разбора дела.

135. Очередь допроса свидетелей определяется председателем суда.

136. Каждый допрошенный свидетель должен оставаться в заседании суда до окончания допроса всех свидетелей, если суд не позволит ему удалиться раньше.

137. Свидетель может быть вторично допрошен в том же или последующем заседании по собственному заявлению, по просьбе сторон или по инициативе суда.

138. Суд может назначить свидетелям очную ставку для выяснения разноречия в их показаниях.

139. Свидетели, имеющие постоянное жительство вне города, где происходит разбирательство дела, допрашиваются судом по местожительству, но в случае их явки в суд, разбирающий дело, допускаются к допросу.

II. Письменные доказательства

140. Письменные доказательства, как-то: всякие письменные акты, документы, переписка делового и частного характера, представляются в суд самими сторонами или могут быть истребованы судом.

141. Сторона, требующая через суд от другой стороны или от не участвующих в деле лиц представления документа, должна подробно означить требуемый документ и по которым она предполагает, что документ находится у противной стороны или у этих лиц, и обстоятельства, которые могут быть им установлены.

142. Документы, требуемые судом от государственных учреждений и частных лиц, направляются непосредственно в суд. Сторонам суд может выдать свидетельство на получение документов, копий и всякого рода справок от государственных учреждений и частных лиц для представления в суд.

143. Упомянутые в предыдущей статье учреждения и лица, не имеющие возможности в установленный судом срок представить требуемый документ, обязаны известить об этом суд с указанием причины. В случае неуважительности причины, а также в случае неизвещения, суд может наложить штраф, согласно ст. 52 настоящего Кодекса.

144. Если представление в суд документов является затруднительным, например, вследствие их многочисленности или вследствие того, что только часть из них имеет значение для суда, суд может потребовать представления надлежащим образом засвидетельствованных выписок или произвести осмотр документов на месте,

145. Документы, представленные на ином языке, нежели тот, на котором происходит судоговорение, представляются с надлежащим переводом.

146. Письменные доказательства могут быть оспариваемы, за исключением случаев, особо в законе указанных.

147. Отменена.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

148. В случае заявления противной стороны, что представленный к делу документ является подложным, представившая документ сторона может, отказавшись от пользования им как доказательством по делу, просить суд продолжить рассмотрение дела на основании иных доказательств.

149. Если по требованию стороны, представившей заподозренный документ (ст. 148), таковой оставляется в деле в качестве доказательства, то сторона, заявившая о подложности документа, обязана в установленный судом срок представить доказательства подложности документа.

150. В случае заявления о подложности документа суд, рассматривающий (гражданское) дело, производит проверку подлинности документа одним из следующих способов:

а) путем освидетельствования документа и сравнения его с другими документами;

б) путем допроса свидетелей, указанных в документе или на которых ссылаются стороны, а равно и вызванных судом по своей инициативе;

в) путем сличения почерка и подписи на заподозренном документе с подписью того же лица на других бесспорных документах;

г) путем экспертизы.

151. В случае, если суд придет к убеждению в подложности документа, он устраняет его из числа доказательств и возбуждает дело в уголовном порядке.

Глава XVI

Об экспертизе

152. Для разъяснения возникающих при разборе дела вопросов, требующих специальных познаний, суд может назначить экспертов.

153. Стороны могут предъявлять отвод лиц, намеченных в качестве экспертов, на тех же основаниях, как и свидетелей.

154. В определении о назначении экспертов должно быть указано, по каким обстоятельствам требуется их заключение.

155. Эксперты дают свои заключения устно или письменно по усмотрению суда. Устные заключения заносятся в протокол и подписываются экспертом. В случае дачи письменного заключения эксперты могут быть обязаны судом дать устное разъяснение своего заключения.

156. Эксперты для выяснения интересующих их обстоятельств могут задавать вопросы свидетелям и участвовать в местном осмотре и поверке доказательств.

157. Заключение экспертов должно содержать в себе обоснование всех выводов.

158. В случае необходимости дополнить исследование или разъяснить заключение экспертов, а также в случае противоречия заключения нескольких экспертов, суд может потребовать от них дополнительных объяснений или же назначить других экспертов.

159. Экспертиза производится в суде или вне суда, если это необходимо по характеру исследования или в силу затруднительности доставить предмет исследования в суд.

160. Осмотр на месте производится судом либо в полном составе, либо председательствующим в судебном заседании.

161. При местном осмотре присутствуют стороны, если они явятся.

162. О местном осмотре и совершенных во время осмотра действиях составляется протокол, подписываемый всеми участвующими в осмотре лицами. К про-

токолу прилагаются вместе с описью все составленные или сличенные при осмотре планы, чертежи, снимки и т.п.

Глава XVII

Об участии в процессе нескольких истцов или ответчиков и об участии третьих лиц

163. Иск может быть предъявлен совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам.

164. Каждый из истцов или ответчиков по отношению к противной стороне выступает в процессе самостоятельно и действия одного из соучастников по иску на суде не служат ни в пользу, ни во вред остальным, за исключением исков, вытекающих из солидарных обязательств.

165. Соучастники могут поручить ведение дела одному и соучастников, хотя бы он вообще и не имел права ведения чужих дел.

166. Если во время производства дела обнаружится, что иск предъявлен не тем лицом, которое имеет право на данный иск или не к тому лицу, которое отвечает по нему, То суд может, не прекращая дела, допустить замену выбывающего из дела первоначального истца или ответчика надлежащим истцом или ответчиком.

167. Истец и ответчик могут привлекать на свою сторон третьих лиц, если решение по делу может создать для последних права и обязанности по отношению к одной из сторон.

168. Третьи лица могут вступать в дело на стороне истец или ответчика, если решение по делу может создать для ни права и обязанности по отношению к одной из сторон.

169. Третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, вступают в дело путем предъявления иска на общих основаниях к одной из тяжущихся сторон или к обеим вместе.

170. Ходатайства сторон о привлечении третьих лиц и заявления третьих лиц о вступлении в дело на стороне истца или ответчика должны содержать в себе точные указания на основания, по которым третьи лица должны быть привлечены или допущены к делу.

171. Предъявление самостоятельных исков третьих лиц к сторонам, а также привлечение и вступление третьих лиц в производящееся дело допускается во все время производства впредь до вынесения решения по делу.

172. Если во время производства дела обнаружится, что в исходе его заинтересовано государственное учреждение или предприятие, не принимающее участия в деле, суд обязан известить о производящемся деле государственное учреждение или государственное предприятие, а также и прокурорский надзор.

173. Если в суде производится несколько дел, в которых участвуют одни и те же лица на стороне истца или ответчика, суд может соединить эти дела в одно производство и постановить о совместном разборе этих дел.

Глава XVIII

Вынесение решений

174. Решение постановляется большинством голосов. Никто из судей не может воздержаться от подачи своего голоса. Каждый судья может приложить к делу свое особое мнение.

175. Постановленное решение излагается в письменной форме и подписывается всеми судьями.

176. Постановленное решение должно содержать в себе: а) время постановления; б) состав суда и наименование тяжущихся; в) указание предмета спора; г) основания решения и законы, которыми суд руководствовался; д) содержание вынесенного по делу решения и порядок его исполнения; е) порядок обжалования; ж) распределение судебных издержек.

В случае признания ответчиком иска суд имеет право вынести решение без указания мотивов.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

177. В исключительных случаях, если, в силу сложности дела, изготовление решения требует продолжительного времени или предварительной подготовки, суд может, по особому определению, публично объявляемому, отложить объявление решения на срок не свыше трех дней.

178. Постановленное судебное решение объявляется публично. Если в силу непредвиденных обстоятельств кто-либо из членов суда не может подписать решения, то об этом делается отметка за подписью председателя.

178-а. Решения и кассационные определения по трудовым делам сообщаются сторонам в течение 3-х дней со дня их принятия.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

179. Если размер исковых требований не основан на ранее состоявшемся соглашении сторон или не определен законным порядком (вексель, договор, тариф и т.п.), то суд, вынося решение по делу; в зависимости от выяснившихся на суде обстоятельств, может выйти за пределы заявленных истцом требований.

179-а. Исключена.

(5/VI 1931 г. – С. З. № 25, п. 181)

180. В случае присуждения к передаче имущества натурой или к совершению определенных действий, суд указывает в самом решении срок для исполнения решения.

181. Каждая из сторон в течение пяти дней со дня вынесения решения может просить суд о постановлении решения в случае:

а) если по какому-либо исковому требованию, по коему стороны представляли доказательства и давали объяснения, не последовало решения суда и

б) если суд, разрешив вопрос о праве, не указал в точности размера присужденного взыскания или предмета, подлежащего передаче или истребованию.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, л. 280)

182. Исключена.

(2/11 1929 г. – С. 3.0& 4, п. 20)

183. Если решение состоялось в пользу или против нескольких соучастников процесса, суд указывает, в какой доле решение относится к каждому из них, и является ли ответственность или право взыскания солидарными.

184. Решения постановляются только судьями, участвовавшими в заседании, в котором закончено разбирательство дела.

185. Разъяснение и толкование решений принадлежит суду, которым решено дело. Подача просьб об истолковании решений никаким сроком не ограничена, если решение еще не приведено в исполнение или не утратило силы вследствие истечения давности.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

Глава XIX

О выдаче исполнительных листов

186. Решение суда подлежит исполнению по истечении срока на кассационное обжалование или в случае подачи кассационной жалобы, по утверждении решения кассационной: инстанцией, кроме случаев, указанных в ст. ст. 187 и 188.

187. Немедленному исполнению подлежат решения:

а) по трудовым делам о взыскании присужденной рабочему или служащему суммы в части, не превышающей его месячного заработка;

б) по искам об алиментах;

в) по искам, основанным на документах, перечисленных в статье 45-а «Положения о Государственном Нотариате БССР»;

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/I 1940 г.)

г) по искам или по частям иска, признанным ответчиком при рассмотрении дела в суде.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

188. Кроме того, суд может допустить по просьбе истца немедленное исполнение по решениям: а) основанным на нотариально удостоверенных документах или не удостоверенных, но признанных ответчиком, если обязательность нотариального удостоверения не установлена законом; б) по требованиям об освобожде-

нии помещений за истечением срока найма; в) когда по особым обстоятельствам дела от замедления в исполнении решения может последовать значительный и непоправимый ущерб для взыскания или самое исполнение станет невозможным; г) по трудовым делам в части, не подлежащей обязательному немедленному исполнению на основании п. «а» ст. 187 настоящего Кодекса.

В случаях, перечисленных в настоящей статье, суд может постановить об истребовании от истца обеспечения обратного требования в случае отмены решения.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

189. Немедленное исполнение решений, постановленных против всех государственных учреждений и предприятий, не допускается, кроме следующих решений: по трудовым делам, по искам о выплате авторам за полное или частичное отчуждение их авторского права, по искам граждан о взыскании платы за использование их зарегистрированных изобретений и промышленных образцов (на сумму не более шести тысяч рублей), по искам на основании опротестованных векселей, по искам кредитных учреждений и кредитно-кооперативных организаций, возникающим из банковских операций.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

189-а. Суд имеет право при вынесении решения, а также во время исполнения его отсрочить или рассрочить исполнение решения, приняв во внимание имущественное положение сторон н другие обстоятельства дела.

(2/11 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

190. Определение о допущении немедленного исполнения или об отказе в нем может быть обжаловано в порядке ст. 292 Гражданского процессуального кодекса.

191. Для приведения в исполнение судебного решения или определения об обеспечении иска по просьбе стороны суд выдает исполнительный лист.

192. Если по состоявшемуся решению подлежит передаче имущество, находящееся в нескольких местах, или если решение состоялось в пользу нескольких истцов или против нескольких ответчиков, суд может по просьбе взыскателей выдать несколько исполнительных листов с точным обозначением той части решения, которая по данному листу подлежит исполнению.

193. Взамен утерянного подлинника исполнительного листа суд, постановивший решение, может выдать дубликат; просьба о выдаче дубликата рассматривается с вызовом сторон.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕИСКОВЫЕ ДЕЛА

Глава XX

Общие положения

194. К делам, рассматриваемым судом не в исковом порядке, относятся дела:

а) об имуществе, оставшемся после умерших (ст. 201);

б) о признании лица безвестно отсутствующим и безвестно отсутствующего лица – пропавшим;

в) об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям[1];

г) по жалобам на действия нотариусов и других исполняющих нотариальные функции органов;

д) о восстановлении прав по утраченным документам на предъявителя;

е) о несостоятельности кооперативных организаций.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

195. Неисковые дела, подсудные народному суду, рассматриваются народным судом в составе народного судьи и двух народных заседателей в публичных судебных заседаниях с проверкой доказательств и с вызовом заинтересованных лиц, если таковые понадобятся.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

196. Отменена.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

Глава XXI

О распоряжениях суда по имуществу, оставшемуся после умерших

197. В случае, если судья признает необходимым назначить хранителя к оставшемуся после умершего имуществу, таковой назначается им преимущественно из числа наличных наследников.

198. В случае надобности народный судья делает распоряжение о выдаче из имущества, оставшегося после умершего, сумм на покрытие расходов: а) по погребению; б) по содержанию лиц, находившихся на иждивении покойного; в) по возмещению заработной платы, причитающейся с умершего; г) по хранению имущества и д) по управлению им.

---

[1] Пункт «в» утратил свою силу – см. ст. 3 закона о всеобщей воинской обязанности.

199. По истечении шестимесячного срока, указанного в ст. ст. 477 и 478 Гражданского кодекса[1], народный суд по просьбе заинтересованных лиц выносит определение, коим удостоверяет переход наследственного имущества к соответствующим лицам или учреждениям. В определении указывается, к какому имуществу, на какую сумму, в каких долях и кто именно является наследником, и в каком размере причитаются с каждого из них наследственные пошлины.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

200. Копия этого определения сообщается в финансовый отдел и выдается заинтересованным лицам лишь по представлении ими квитанции о взносе или рассрочке причитающейся с них пошлины.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

201. Лица, имеющие претензии к наследодателю, вправе обратиться к народному суду, в районе которого открылось наследство, с просьбой о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение их требований.

Глава XXII

О признании лица безвестно отсутствующим и безвестно отсутствующего – пропавшим

202. Производство о признании лица безвестно отсутствующим возбуждается по инициативе суда, прокуратуры, органов опеки, по просьбе других учреждений, организаций, а также лиц, имеющих право на наследство и содержание кредиторов – в случаях безвестной отлучки лица или пропажи его на войне или при других обстоятельствах, которые дают основание предполагать смерть от определенного несчастного случая.

203. Заявление о признании лица безвестно отсутствующим подается в народный суд по последнему известному месту его жительства.

При заявлении представляются документы о том, где проживал отсутствующий в последнее время, а также имеющиеся у заявителя доказательства его безвестного отсутствия.

204. Народный суд, получивший указанное в ст. 203 заявление, запрашивает близких отсутствующему лиц и соответствующие органы по его последнему местожительству о том, нет ли у них сведений о местонахождении отсутствующего. Если народный суд признает собранные им данные и представленные заявителем доказательства достаточно подкрепляющими предположение безвестного отсутствия, он выносит постановление о вызове отсутствующего путем публикации в газете «Звязда»[2] и в местной официальной газете, а также об установлении охраны его имущества.

---

[1] Номера ст. ст. 477 и 478 записаны по Гражданскому кодексу изд. 1927 г. с изменениями 1929 г. (С.З. БССР 1929 г., № 2, п. 7).

[2] В первоначальном тексте: в газете «Совецкая Беларусь».

Одновременно народный суд вывешивает в своем помещении объявление о вызове отсутствующего и посылает такое же объявление в отдел записей актов гражданского состояния по месту нахождения суда.

205. В публикации указывается: а) имя, отчество, фамилия, возраст и род занятий вызываемого; б) последнее известное место его жительства; в) предложение отсутствующему явиться в суд или сообщить о своем местопребывании; г) предложение всем знающим о местонахождении отсутствующего или о смерти заявить об этом суду.

206. Отказ народного суда о вызове отсутствующего может быть обжалован в Верховный суд[1] в порядке подачи частных жалоб (ст. 292).

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

207. Если в течение двух месяцев со дня публикации не будет получено достоверных сведений о местопребывании или о смерти вызываемого, народный суд назначает публичное заседание, на которое вызывает заявителя и указанных им свидетелей, а также лиц, которых суд считает необходимым допросить.

После допроса всех вызванных народный суд выносит определение о признании лица безвестно отсутствующим, о чем по распоряжению суда публикуется в газете «Звязда»[2], сообщается в отдел записей актов гражданского состояния, в котором сосредоточены сведения о признанном безвестно отсутствующем, а также вывешивается объявление в помещении суда. Одновременно с признанием лица безвестно отсутствующим суд постановляет об учреждении опеки над его имуществом.

П р и м е ч а н и е. Если суду неизвестно, в каком местном органе зарегистрировано лицо, признанное отсутствующим, а также если это лицо зарегистрировано в каком-либо учреждении вне Союза ССР, народный суд извещает о состоявшемся определении отдел записей актов гражданского состояния по последнему местожительству лица, объявленного отсутствующим.

208. Если по истечении установленного ст. 12 Гражданского кодекса срока со дня публикации о признании лица безвестно отсутствующим данное лицо не явится и не будет получено известий о его местопребывании, народный суд по просьбе лиц или учреждений, указанных в ст. 202, приступает к производству о признании безвестно отсутствующего пропавшим.

209. По получении заявления о признании безвестно отсутствующего пропавшим народный суд вторично публикует и запрашивает все учреждения и лиц, могущих, по мнению суда, сообщить сведения о местонахождении безвестно отсутствующего, и вывешивает объявление в помещении суда.

210. Если в течение одного месяца со времени вторичной публикации (ст. 209) не будет получено достоверных сведений о местопребывании или смерти лица,

---

[1] Областной.

[2] В первоначальном тексте: в газете «Совецкая Беларусь».

объявленного безвестно отсутствующим, народный суд рассматривает дело в публичном заседании, на которое вызывается заявитель, указанные им свидетели и лица, которых суд находит необходимым допросить.

211. После допроса всех вызванных народный суд выносит определение о признании лица пропавшим.

Определение это по вступлении его в законную силу публикуется в газете «Звязда»[1] и сообщается указанному в ст. 207 отделу записей актов гражданского состояния и органу опеки.

212. Определение народного суда о признании лица безвестно отсутствующим (ст. 207) и о признании его пропавшим (ст. 211) может быть обжаловано в Верховный суд[2] в кассационном порядке.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

213. Определение суда о признании лица безвестно отсутствующим или пропавшим должно быть отменено судебным порядком по получении достоверных сведений о месте пребывания лица, признанного безвестно отсутствующим, или о том, что лицо, объявленное пропавшим, находится в живых.

Глава XXIII

О третейских записях и решениях

214. Всякий спор о праве гражданском между частными лицами (в том числе коллективами) может быть передан по соглашению сторон на разрешение третейского суда, действующего на основании нижеследующих статей.

П р и м е ч а н и е 1. Споры, подлежащие на основании п. п., «в» и «г» ст. 3 Положения о Судоустройстве БССР ведению специальных судов и учреждений, не могут быть передаваемы на рассмотрение третейского суда.

П р и м е ч а н и е 2. Настоящие правила не распространяются на третейские суды, организуемые согласно ст. 169–171 Кодекса законов о труде[3] и изданных в развитие этих статей законов.

215. Третейский суд организуется по особому всякий раз соглашению всех участников спора. Договор о разборе третейским судом всех вообще или всех определенного рода могущих возникнуть впредь споров не лишает лиц, заключивших такой договор, права обращения к подлежащему суду, согласно общих правил Гражданского процессуального кодекса.

216. Третейский суд образуется по усмотрению сторон в составе одного судьи или же нескольких судей в одинаковом числе по выбору каждого участника про-

[1] В первоначальном тексте: в газете «Совецкая Беларусь».

[2] Областной.

[3] Ссылка на Кодекс законов о труде сделана по Кодексу о труде издания 1929 г.

цесса, имеющего самостоятельные требования, и одного по общему избранию всех судей.

217. Членами третейского суда не могут быть лица: а) пораженные в правах по суду; б) состоящие под следствием или судом; в) лишенные права занимать судебные должности в порядке судебном или дисциплинарном.

218. Соглашение о разборе дела третейским судом должно быть изложено в особом письменном акте (третейская запись), содержащем в себе: а) полное наименование и адреса участников спора; б) указание полномочий на образование третейского суда в тех случаях, когда третейская запись составляется от имени коллектива или же не самими тяжущимися; в) предмет спора, предоставляемого разрешению суда; г) точное наименование избранных судей, а также указание того, кто из них избран председателем (имя, отчество и фамилия); д) срок разрешения дела; е) место и время составления третейской записи; ж) согласие избранных членов третейского суда; з) подписи всех участников в споре и членов третейского суда.

219. Соглашение сторон о разборе спора о праве гражданском третейским судом (третейская запись) должно быть нотариально удостоверено в нотариальной конторе, а где таковой нет – народным судьей.

220. Отменена.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

221. Перемена судей до окончания дела не допускается. Тяжущийся вправе отказаться от соглашения, если докажет, что кто-либо из судей заинтересован в исходе дела и что об этом обстоятельстве ему не было известно при подписании третейской записи.

222. В случае смерти, тяжкой болезни или отъезда одного из судей от соглашения сторон зависит или предоставить разрешение спора наличному составу судей, или же избрать нового судью по назначению той стороны, которая избрала судью, выбывшего из состава суда, о чем делается надпись на самой третейской записи, подписываемая всеми остальными судьями или сторонами.

223. Участники, давшие согласие на разбор дела третейским судом, не вправе отказаться от него до истечения срока, предусмотренного третейской записью, кроме случаев, указанных в ст. 221 настоящего Кодекса. Если срок на окончание дела в третейской записи не обозначен, то разбирательство должно быть окончено в течение месяца со дня ее удостоверения.

224. Третейский суд не связан формальными правилами судопроизводства; он не может, однако, решить дела без выслушивания объяснений тяжущихся или без вызова их для дачи объяснений.

225. Третейский суд признается несостоявшимся: а) вследствие истечения срока; б) вследствие отказа кого-либо из судей или устранения такового (ст. 221); в) если при производстве дела откроется обстоятельство, дающее основание к возбуждению уголовного преследования в отношении кого-либо из тяжущихся и могущее оказать влияние на исход дела; г) в случае смерти одного из тяжущихся.

226. Решение третейского суда постановляется по большинству голосов.

227. Решение излагается в письменной форме, причем в нем обязательно должно быть указано: а) год, месяц, число и место постановления решения и состав третейского суда; б) третейская запись, на основании которой суд действовал; в) наименование всех участников спора; г) предмет спора; д) сущность решения третейского суда; е) распределение издержек производства и государственной пошлины.

228. Решение подписывается всеми судьями. Отказ кого-либо из судей от подписи и особое мнение отмечается на самом решении. Решение, подписанное большинством судей, имеет законную силу.

229. Решение объявляется тяжущимся в заседании суда, причем они расписываются на самом решении. В случае отказа стороны от подписи или ее неявки без уважительных причин в заседание суда решение считается ей объявленным, о чем на решении делается отметка председателя.

230. Решение третейского суда окончательно и обжалованию не подлежит.

231. Все производство третейского суда после окончания дела передается для хранения в нотариальную контору, удостоверившую третейскую запись.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

232. Принудительное исполнение решения третейского суда производится нотариальной конторой путем выдачи приказа об исполнении.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

233–236. Исключены.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

Глава XXIV

237–242. Отменены.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

Глава XXV

О выдаче судебных приказов по актам

243–252. Отменены.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

Глава XXV-а

О выдаче разрешения на обращение взыскания на текущие счета и вклады в кредитных учреждениях

252-а–252-в. Отменены.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

Глава XXVI

Об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям[1]

253. Граждане, принадлежащие по своему рождению и воспитанию к религиозным сектам, которые запрещают и запрещали до 1917 года отбывание военной службы с оружием в руках, если они хотят на основании раздела XV закона «Об обязательной военной службе» от 13 августа 1930 года (С.З. СССР 1930 г., № 40, ст. ст. 423 и 424) возбудить ходатайство об освобождении их от военной службы, подают об этом заявление в народный суд по месту своего жительства не позднее одного года до очередного призыва их сверстников (ст. 131 закона «Об обязательной военной службе»).

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

254. При назначении к рассмотрению дел об освобождении от обязательной военной службы по религиозным убеждениям суд должен принять во внимание, что постановление его об освобождении должно быть подано заинтересованными гражданами в призывную комиссию не ранее двух лет и не позднее шести месяцев до очередного призыва их сверстников (ст. 272 закона «Об обязательной военной службе»).

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

255. Означенные в настоящей главе дела слушаются с вызовом просителя и при непременном участии представителя прокуратуры. Участие представителя просителя по этим делам не допускается.

256. При рассмотрении дел, означенных в настоящей главе, суд вправе приглашать экспертов, а также затребовать по обстоятельствам дела заключения компетентных учреждений и лиц по вопросу о том, действительно ли данное лицо принадлежит к тому религиозному учению, которое оно указывает, и практически осуществляет его и исключает ли принадлежность к нему несение военной службы в каком бы то ни было виде.

257. В решении суда об освобождении от обязательной военной службы по религиозным убеждениям необходимо привести все мотивы освобождения заявителя от военной службы.

Копия решения суда немедленно после вхождения в законную силу выдается заявителю, а другая копия направляется судом в военный комиссариат по месту жительства заявителя.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

---

[1] Утратило значение в связи с законом о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г. («Ведомости Верховного Совета Союза ССР» № 32, 1939 г.).

Глава XXVII

Жалобы на действия нотариусов и других органов, выполняющих нотариальные действия

258. Жалобы на выполнение нотариусами, сельскими и поселковыми советами какого-либо действия, предусмотренного Положением о Государственном нотариате, или на отказ от выполнения нотариального действия, за исключением случаев, указанных в ст. 261 Гражданского процессуального кодекса, приносятся участвующими лицами и рассматриваются народным судом в составе народного судьи и двух народных заседателей с вызовом заинтересованных лиц с проверкой доказательств и с истребованием по усмотрению суда заключения областной нотариальной конторы.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

259. Жалобы могут подаваться в течение десяти дней со дня, когда жалующемуся стало известно действие нотариуса или заменяющего его органа, через те органы, действия коих обжалованы. Эти органы в трехдневный срок обязаны передать жалобу со всем производством в суд со своим заключением по существу дела.

(10/ VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

260. Определения народного суда, вынесенные в порядке ст. 258 настоящего Кодекса, не подлежат обжалованию.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

261. Отказ в учинении исполнительной надписи может быть обжалован кредиторами в порядке ст. ст. 258 и 259 настоящего Кодекса. К рассмотрению жалобы вызывается лишь жалобщик.

Требование, основанное на исполнительной надписи, может быть оспорено должником лишь в исковом порядке.

Суд в порядке обеспечения иска может приостановить взыскание по исполнительной надписи.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

Глава XXVIII

О производстве по восстановлению прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство)

262. Лицо, утратившее долговой документ на предъявителя, может в случаях, специально оговоренных в законе[1], просить народный суд в порядке вызывно-

[1] См. ст. 28 Положения о государственных трудовых сберегательных кассах Союза ССР (С. З. СССР 1929 г., № 17, ст. 140) и постановление ЦИК и СНК СССР от 14 июня 1929 г. «О восстановлении прав по утерянным квитанциям на предъявителя...» (С. З. СССР 1929 г., № 39, ст. 344).

го производства о признании документа на предъявителя уничтоженным (утратившим силу).

263. Заявление о признании документа на предъявителя уничтоженным (ст. 262) подается в народный суд по месту нахождения учреждения или лица, выдавшего документ, или же по месту платежа, если таковое означено в документе.

264. При заявлении должна быть представлена копия утраченного документа; при невозможности же представить ее в заявлении должно быть изложено наименование, содержание и отличительные признаки утраченного документа.

265. Сверх сведений, указанных в ст. 264, в заявлении должно быть указано: а) точное наименование и местожительство заявителя; б) обстоятельства, при которых произошла утрата; в) просьба о признании документа утраченным; г) подписка заявителя в том, что сообщенные им сведения правильны.

П р и м е ч а н и е. В случае обнаружения ложности сообщенных в заявлении сведений заявитель подлежит ответственности по ст. ст. 22 н 250-а УК[1].

266. Народный суд, признав на основании представленных доказательств факт утраты документа, выносит определение:

а) о вызове через публикацию держателя документа в суд в трехмесячный со дня опубликования срок;

б) о воспрещении обязанным по документам лицам производить платежи по этому документу.

П р и м е ч а н и е. Обязанные по утраченному документу лица могут вносить причитающиеся платежи в депозит суда, произведшего публикацию.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

266-а. При рассмотрении народным судом заявления об утрате квитанции на предъявителя, выданной кредитным учреждением по вкладу на хранение или по залогу ценных бумаг, в публикации устанавливается для явки держателя один год со дня публикации.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

267. Отказ народного суда в производстве вызова подлежит обжалованию в Областной суд в порядке статьи 292 Гражданского процессуального кодекса.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

268. Вызов производится путем публикации в газете «Звязда»[2] и, сверх того, в случае особой о том просьбы заявителя в местном официальном органе, если таковой имеется.

269. Публикация должна содержать:

а) имя, отчество, фамилию и местожительство заявителя;

б) наименование и отличительные признаки документов, об утрате которых в суд поступило заявление;

---

[1] Уг. Код. ред. 1928 г.

[2] В первоначальном тексте: в газете «Совецкая Беларусь».

в) указание установленного в ст. ст. 266 и 266-а срока, в течение которого держатель означенного документа должен подать в суд заявление о своих правах по этому документу;

г) воспрещение обязанным по документу лицам и учреждениям производить платеж в течение срока, указанного судом в публикации по этому документу;

д) последствия неявки по вызову.

(10/ VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

270. Держатель утраченного документа обязан в установленный ст. 266 срок подать в народный суд, вынесший определение о вызове, заявление о том, что он является держателем документа. При этом держатель документа должен представить в суд документ в подлиннике или в заверенной копии.

271. В случае, если указанное в ст. 270 заявление в установленный срок поступит в народный суд, народный судья, в особо вынесенном определении, предоставляет лицу, заявившему об утрате документа, срок на предъявление к держателю этого документа иска в общем порядке об истребовании его, о чем извещается держатель документа. Срок этот не должен превышать одного месяца.

272. Если в течение установленного ст. 266 срока заявления, указанного в ст. 270, в народный суд не поступило, народный судья выносит определение о признании всех прав по утраченному документу уничтоженными и о том, что лицо, выдавшее утраченный документ, обязано выдать заявителю новый документ взамен утраченного.

273. О слушании дела в порядке ст. ст. 271 и 272 извещаются: заявитель, учреждение или лицо, выдавшее утраченный документ, и держатель документа, если он известен, причем неявка не останавливает разрешения дела.

274. Определения народного суда, вынесенные согласно ст. ст. 271 и 272, могут быть обжалованы в Областной суд в порядке ст. 278 Гражданского процессуального кодекса БССР.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

275. В случае, если заявитель не предъявит к держателю документа иска в установленный судом срок, меры, принятые судом в порядке вызывного производства (п. «б» ст. 266), теряют силу, причем держатель документа получает право на взыскание с заявителя убытков, причиненных ему вследствие принятия судом этих мер.

276. Если держатель утраченного документа по каким-либо причинам не заявит своевременно о своих правах по этому документу (ст. 270), то держатель может предъявить в суд иск о незакономерном обогащении к лицу, за которым признано право на получение нового документа, взамен утраченного. Такой иск может быть предъявлен в суд лишь после вступления в законную силу определения суда.

277. Издержки по вызывному производству возлагаются на лицо, по заявлению которого это производство возбуждено.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЖАЛОВАНИЕ И ПЕРЕСМОТР РЕШЕНИЙ

Глава XXIX

Обжалование решений

278. На решение суда лицами, участвующими в деле, может быть подана кассационная жалоба в[1] Верховный суд. Жалоба подается в суд, постановивший решение, с приложением копий, по числу участников противной стороны.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

278-а. Отменена.

(11/II 1938 г. – С. З. № 6, п. 52)

278-б. Отменена.

(15/VIII 1936 г. – С. З. № 24, п. 115)

279. Жалоба должна содержать в себе: а) указание на решение, которое жалобщик считает неправильным (ст. 176); б) указание, в чем заключается неправильность решения; в) просьбу жалобщика о полной или частичной отмене решения.

280. Основанием для отмены решения может служить:

а) нарушение или неправильное применение закона, в частности статьи 4 настоящего Кодекса, если вследствие этого дело разрешено неправильно по существу, или

б) противоречие решения фактическим обстоятельствам, установленным судом, разрешившим дело.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

281. Жалоба на решение народного суда может быть подана в десятидневный срок со дня объявления решения.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

282. Суд препровождает поданную жалобу и все производство по делу в суд высшей инстанции не позже, как через три дня со дня ее получения и одновременно с этим препровождает копию участникам противной стороны.

283. В течение пяти дней, а при обжаловании рабочими или служащими решений по трудовым делам – в течение трех дней со дня получения копии жалобы, другая сторона может подать суд, разрешивший дело, объяснение на кассационную жалобу с копией его. Объяснение немедленно передается в суд высшей инстанции, а копия – подавшему жалобу.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

284. Соучастники в процессе могут не позже первого заседания по делу в суде высшей инстанции присоединиться к жалобе, поданной стороной, на которой они участвуют.

---

[1] Областной и.

285. О дне рассмотрения жалобы стороны извещаются[1] Верховным судом через вывешивание в помещении суда списка дел за семь дней до их рассмотрения.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

286. Неявка сторон, извещенных о дне слушания дела, не является препятствием к рассмотрению его.

287. При рассмотрении дел в кассационном порядке стороны могут приводить и такие доводы для отмены решения, какие не были приведены в кассационной жалобе.

Прокурор может дать свое заключение по делу в письменной форме или устно в судебном заседании.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

288. Суд при рассмотрении дела в кассационном порядке не должен ограничиваться основаниями, указанными в жалобе, а должен выяснить – нет ли в деле иных нарушений закона.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

289. Суд, признав кассационную жалобу неосновательной, оставляет ее без последствий.

Если жалоба будет признана основательной целиком или в части, то суд может:

а) прекратить дело, если истец не имеет права на иск, или если дело совсем не должно рассматриваться судом;

б) возвратить дело суду, разрешившему дело, для нового рассмотрения в другом составе суда, если дело разрешено при незаконном составе суда, или если сторона была лишена возможности участвовать на суде вследствие нарушения законного порядка и, в частности, вследствие невручения ей повестки, или если при рассмотрении дела допущены упущения, помешавшие всестороннему выяснению дела;

в) изменить решение или перерешить дело, если для этого не потребуется проверять доказательства и если решение можно обосновать на материале суда, разрешившего дело.

При возвращении для нового рассмотрения трудового дела суд устанавливает срок, в который дело должно быть пересмотрено.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

290. В постановлении суда должны быть указаны основания, по каким решение отменяется, изменяется или жалоба оставляется без последствий. Основания к отмене; решения обязательны для суда, которому дело направлено для нового рассмотрения.

(10/ VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

291. Отменена.

(11/II 1938 г. – С. З. № 6, п. 52)

292. Кроме кассационной жалобы могут подаваться и иные жалобы в случаях, специально предусмотренных настоящим Кодексом, а также на те постановления суда, коими заканчивается дело.

---

[1] Областным и.

Эти жалобы подаются в течение пяти дней со дня вынесения постановления, на которое подается жалоба, и рассматриваются согласно правил настоящей главы.
(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20 и 9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

Глава XXX

Пересмотр судебных решений

293. Разрешение вопроса о пересмотре, ввиду открывшихся новых обстоятельств судебных решений, по которым кассационная жалоба была оставлена без последствий или для которых истек кассационный срок, принадлежит исключительно Верховному суду[1].

(31/V 1928 г. – С. З. № 19, ст. 186)

294. Решение может быть пересмотрено лишь в следующих случаях: а) когда открылись новые обстоятельства, имеющие существенное для дела значение, которые не были известны той или иной стороне; б) когда по делу, по которому состоялось решение, установлены судебным приговором ложные показания свидетелей, преступные деяния сторон, их представителей или экспертов или преступные деяния членов суда, участвовавших в деле, и в) когда решение основано на документах, признанных впоследствии по приговору суда по уголовному делу подложными, или когда отменено постановление суда, положенное в основание данного решения.

295. Вопрос о пересмотре судебных решений может быть возбуждаем перед Верховным судом по гражданской кассационной коллегии как по просьбе стороны в процессе, так и по инициативе прокурора республики или соответствующего районного (городского) прокурора[2].

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

296. Просьбы о пересмотре судебных решений могут подаваться стороной не позднее одного месяца с того дня, когда установлены обстоятельства, служащие основанием для просьбы о пересмотре решения.

297. Прокурор республики, его помощник при Верховном суде[1], председатель Верховного суда и его заместитель имеют право истребовать из любого суда республики для просмотра в порядке надзора любое дело, решение по которому вступило в законную силу, и право приостанавливать исполнение решения по этому делу до окончания просмотра.

---

[1] И Областному суду.

[2] Законом о Судоустройстве СССР дела 2-й инстанции по жалобам и протестам (ст. ст. 33 и 48) рассматриваются гражданскими коллегиями Областного суда и Верховного суда.

Порядок обжалования и опротестования решений и определений установлен ст. ст. 15 и 16 закона о Судоустройстве СССР.

Районные (городские) прокуроры имеют право истребовать любое дело для просмотра в порядке надзора из народных судов данного района.

Если необходимо приостановить исполнение решения по истребованному районным (городским) прокурором делу, последний ходатайствует о приостановлении решения перед прокурором республики.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

298. Если в решении по истребованному делу будут выявлены особенно значительные нарушения законов или очевидное нарушение интересов государства и трудящихся, то дело направляется в следующем порядке:

а) в гражданскую кассационную коллегию Верховного суда, если дело, разрешенное народным судом, не рассматривалось в кассационном порядке Верховным судом;

б) в Президиум Верховного суда, если дело, разрешенное народным судом, рассматривалось гражданской кассационной коллегией Верховного суда, а также если дело разрешено гражданской судебной коллегией Верховного суда;

в) в пленум Верховного суда, если дело рассматривалось в Президиуме Верховного суда.

В указанных в п. «в» случаях протесты могут подаваться только прокурором республики, его помощником при Верховном суде[1], председателем Верховного суда и его заместителем.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

298-а. В случае отмены в порядке надзора решений по трудовым делам, выплаченные на основании этих решений суммы можно взыскать с трудящегося только при том условии, если отмененное решение основывалось на подложных документах, поданных в суд трудящимся, или на представленных им неправильных сведениях.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

299. Возбуждать дело в порядке надзора и подавать протесты районные (городские) прокуроры могут в течение одного со дня вступления решения в законную силу, а прокурор республики, его помощник при Верховном суде[1], председатель Верховного суда и его заместитель – без ограничения срока.

Подавать протесты на решения сессии народного суда по охране труда и производства по трудовым делам прокуратура может в течение трех месяцев и при этом только в исключительных случаях.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

---

[1] См. ссылку к ст. ст. 295 и 297 ГПК БССР.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ[1]

Глава XXXI

Общие положения

300. Исполнению в порядке, определенном нижеследующими статьями, подлежат:

а) решения судов по гражданским делам;

б) исполнительные надписи об удостоверении неплатежа, совершаемые нотариальными конторами и нотариальными столами.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

в) определение судов по неисковым делам и об обеспечении исков;

г) определения судов по гражданским делам о наложении штрафов;

д) постановления судов, вынесенные в порядке ст. ст. 121, 121-а и 459 Уголовного процессуального кодекса;

(30/ IV 1934 г. – С. З. № 17, п. 91)

е) решения Государственного арбитража и третейских судов.

(25/ VII 1931 г. – С. З. № 33, п. 218)

ж) выписки из книги регистрации прекращения браков о соглашении родителей по содержанию детей и нетрудоспособного супруга.

(2/ X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 45)

П р и м е ч а н и е. Порядок исполнения решений иностранных судов определяется специальными соглашениями с подлежащими государствами.

301. К производству исполнительных действий лицо, исполняющее судебное решение, приступает по устным и письменным заявлениям взыскателя на основании надлежаще выданных исполнительных листов.

302. Приступая к исполнению решения, судебный исполнитель доставляет должнику повестку об исполнении по общим правилам вручения повесток.

303. В том случае, когда должник принимал лично или через представителя участие в деле, повестка об исполнении может быть в течение месяца со дня решения послана по имеющемуся в деле суда адресу должника и считается врученной, хотя бы должник в этом месте и не находился.

304. Если место жительства или место занятия должника неизвестно и повестка в порядке ст. ст. 302 и 303 вручена быть не может, взыскатель может просить суд по месту исполнения о назначении официального представителя должника.

305. Если для добровольного исполнения не назначено судебным решением особого срока, судебный исполнитель одновременно с предъявлением или посылкою должнику повестки назначает ему срок не более семи дней для исполнения.

---

[1] См. инструкцию НКЮ СССР от 28/IX 1939 г. о порядке исполнения судебных решений.

306. Исполнение производится судебным исполнителем, в районе действия которого находится имущество должника, подлежащее взысканию, но в случае необходимости судебный исполнитель продолжает исполнительные действия вне своего района.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

307. По окончании исполнения судебный исполнитель возвращает исполнительный лист по принадлежности судебному учреждению с надписью на листе об исполнении.

308. При совершении исполнительных действий судебный исполнитель может, если это необходимо для производства взыскания, произвести осмотр помещения должника и его хранилищ. Означенные действия, а также вскрытие помещения и хранилищ производится в присутствии представителя домоуправления или сельского совета.

(30/ IV 1934 г. – С. З. № 17, п. 91)

309. В нерабочие дни и ночное время исполнение решений допускается лишь в случаях, не терпящих отлагательства, с разрешения народного судьи, в районе которого производится исполнение.

310. Судебный исполнитель не вправе отлагать или прекращать исполнение иначе, как по специальному определению суда или по заявлению взыскателя.

311. Если сумм, поступающих к судебному исполнителю, недостаточно для удовлетворения всех обращенных на должника взысканий, то таковые распределяются в следующем порядке:

а) к первому разряду относятся: 1) претензии рабочих и служащих, вытекающие из законодательства о труде, а равно из коллективных и трудовых договоров; 2) претензии по вознаграждению за увечье и смерть, в том числе в виде капитализированных в установленном порядке платежей; 3) претензии по алиментам; 4) претензии авторов и их наследников по вознаграждению за полное или частичное отчуждение авторского права; 5) претензии изобретателей и авторов промышленных образцов (кроме юридических лиц), а также их наследников по вознаграждению за использование зарегистрированных изобретений и промышленных образцов в части, не превышающей шести тысяч рублей[1]; 6) претензии профессиональных союзов по отчислениям на содержание фабрично-заводских и местных комитетов; 7) претензии по социальному страхованию с причитающейся пеней;

б) ко второму разряду относятся: 1) задолженность по общегосударственным и местным налогам с причитающейся пеней; 2) задолженность по тем

[1] Пунктом 5 ст. 2 литера «а» постановления ЦИК и СНК СССР от 6/II 1929 г. «Об очередности удовлетворения претензий» (С. З. СССР 1929 г., № 11, ст. 98 и 1932 г., № 24, ст. 148) установлено: «а) к первому разряду относятся... 5) претензии авторов и их наследников на вознаграждение за изобретения, на которые выданы авторские свидетельства, и за технические и организационные усовершенствования, принятые к осуществлению в обобществленном секторе; претензии авторов и их наследников на вознаграждение в части, не превышающей шести тысяч рублей, за изобретения, на которые выданы патенты, и за зарегистрированные промышленные образцы».

неналоговым доходам, на которые законом распространен порядок взыскания, установленный для налогов, с причитающейся по этой задолженности пеней; 3) претензии Государственного банка Союза ССР по его кредитным операциям; 4) претензии Госстраха и организаций взаимного кооперативного страхования по страхованию имущества обобществленного сектора;

в) к третьему разряду относятся: 1) претензии государственных учреждений и предприятий, смешанных акционерных обществ, а также акционерных обществ с преобладанием кооперативного капитала; 2) штрафы за нарушение законов о социальном страховании, а также штрафы по общегосударственным и местным налогам и все прочие штрафы, взыскиваемые государственными органами; 3) претензии профессиональных союзов, кроме указанных в п. 6 лит. «а» настоящей статьи; 4) претензии кооперативных организаций; 5) претензии всех кредитных учреждений по их кредитным операциям, кроме претензий Государственного банка по его кредитным операциям (п. 3 лит. «б»); 6) претензии вкладчиков по их срочным и бессрочным вкладам и текущим счетам в кредитных учреждениях с преобладанием государственного и кооперативного капитала; 7) предъявленные к кооперативной организации претензии ее членов;

г) к четвертому разряду относятся все остальные претензии.

Претензии, отнесенные к первому разряду, удовлетворяются из первых предназначенных к распределению сумм по мере их поступления.

Претензии каждого следующего разряда удовлетворяются после полного погашения претензий предыдущего разряда.

При недостаточности суммы, имеющейся для удовлетворения претензий какого-либо из разрядов, эти претензии погашаются по соразмерности. Однако в случае недостаточности сумм для полного удовлетворения всех претензий первого раз ряда сначала удовлетворяются по соразмерности претензии указанные в п. п. 1–6 лит. «а» настоящей статьи, и та часть претензий по социальному страхованию, которая причитается с заработной платы, невыплаченной до объявления несостоятельности, а в прочих случаях – до распределения в порядке настоящей статьи, остальная же часть задолженности по социальному страхованию удовлетворяется лишь из сумм, оставшихся после удовлетворения прочих претензий первого разряда.

При распределении сумм, вырученных от продажи заложенного имущества, прежде всего полностью удовлетворяются претензии, перечисленные в ст. 103 Гражданского кодекса, и претензии залогодержателя в порядке, определенном означенной статьей Гражданского кодекса, после чего удовлетворяются перечисленные в настоящей статье претензии, не входящие в список претензий, указанных в ст. 103 Гражданского кодекса.

Требования о возврате взносов в складочный капитал в случае ликвидации полных товариществ, товариществ на вере, товариществ с ограниченною ответственностью, синдикатов и кооперативных организаций – удовлетворяются лишь после полного погашения и обеспечения всех долгов ликвидируемого предприятия или организации.

Расчет причитающихся взыскателям сумм составляется судебным исполнителем или заменяющим его лицом в течение трех дней со дня получения денег.

(29/ VI 1929 г. – С. З. № 26, п. 147 и 7/II 1930 г. – С. З. № 9, п. 65)

П р и м е ч а н и е. Норма алиментов, подлежащих согласно ст. 311 преимущественному удовлетворению, устанавливается Народным комиссариатом юстиции по соглашению с Народным комиссариатом социального обеспечения.

312. Если в течение трех дней со дня составления расчета не поступит возражений со стороны взыскателей или со стороны должника, судебный исполнитель выдает всем взыскателям деньги согласно расчета. В случае возражений судебный исполнитель представляет расчет народному суду на утверждение. Постановление народного суда об утверждении расчета обжалованию не подлежит. Постановление об изменении расчета может быть обжаловано в семидневный срок.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

313. Суммы, предназначенные на удовлетворение взыскателей по исполнительным листам, выданным по просьбам об обеспечении иска, передаются взыскателю не ранее предъявления им исполнительного листа по решению дела. В случае отказа в иске суммы эти распределяются дополнительно в общем порядке между всеми взыскателями, участвовавшими в первоначальном распределении, или выдаются обратно должнику, если другие взыскания погашены к тому времени.

314. Все расходы по исполнению вносятся взыскателем при совершении каждого действия, а затем удерживаются из взысканных сумм и возвращаются взыскателю.

315. Жалобы на действия судебного исполнителя и иного органа, исполняющего судебное решение, подаются народному суду, в районе которого приводится в исполнение решение, в течение пяти дней со дня совершения обжалуемого действия.

Жалобы эти рассматриваются народным судом, в составе народного судьи и двух народных заседателей с вызовом, в случае необходимости, заинтересованных сторон.

На определения, выносимые по этим жалобам народным судом, могут быть приносимы жалобы в Областной суд (ст. 292).

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/1 1940 г.)

Глава XXXII

Обращение взыскания на имущество

316. Принудительное взыскание долга производится путем ареста, описи, опечатания и продажи имущества должника, кроме:

а) государственного имущества, которое согласно закона не может отчуждаться учреждениями и предприятиями, в ведении которых оно находится;

б) паев должника во всех кооперативных организациях, в обществах взаимного и сельскохозяйственного кредита, в трудовых артелях и в артелях ответственного труда[1];

---

[1] П. «б» утратил практическое значение в связи с ликвидацией кредитной кооперации, а также в связи с прекращением приема кооперативными организациями вкладов. Артели реорганизованы.

в) наличных и сумм, которые должник имеет получить от третьих лиц или которые лежат на текущих счетах и во вкладах в кредитных учреждениях, всего в размере, необходимом для выплаты заработной платы рабочим и служащим, взносов на социальное страхование, алиментов и периодических платежей за увечье или смерть за прошедшее время и за 15 дней вперед;

г) одного комплекта орудий кустарного или ремесленного труда должника, а также одного комплекта необходимых для его профессиональных занятий инструментов, разных пособий и книг;

д) сырья и топлива, необходимых для фактической работы предприятия должника в течение трех месяцев;

е) одного плуга, одной бороны, одной телеги, одних саней, одного комплекта упряжи и необходимого для крестьянского хозяйства количества мелкого инвентаря (кос, серпов, топоров, грабель, вил, лопат и пр.);

(2/II 1928 г. – С. З. № 9, ст. 68)

ж) одной коровы, одной лошади или пары волов, одной головы молодняка рабочего скота до трех лет, одного теленка до $1^1/_2$ года и корма, необходимого для выгона скота на пастбище;

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

з) семян, необходимых хозяйству должника для очередного посева;

и) одной избы, хлева и гумна, а также строительного мате риала на эти постройки, полученного от государственных органов бесплатно или на льготных условиях;

к) неснятого урожая с полей, непромысловых садов и огородов, а также урожая с промысловых садов и огородов трудовых коммун и кооперативных организаций;

л) сумм, выдаваемых должнику в порядке социального страхования или крестьянскими обществами взаимопомощи, как пособие или ссуда;

(2/II 1928 г. – С. З. № 9, п. 268)

м) необходимых должнику и его иждивенцам продуктов и топлива;

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

н) необходимых должнику и его иждивенцам одежды, белья, обуви и предметов домашнего обихода.

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

Категории и количество предметов, указанных как необходимые должнику в п. п. «ж», «з», «м» и «н» настоящей статьи, а также имущество учреждений, предприятий и организаций обобществленного сектора, на которое не может быть обращено взыскание по их долгам, определяются постановлением СНК БССР от 21 марта 1933 г. «О порядке применения ст. ст. 18, 19 и 20 Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей» (С. З. БССР 1933 г., № 13, п. 81 и 1934 г., № 46, п. 226).

(9/X 1933 г. – С. З. № 44, п. 280)

Пункты «е», «ж», «з», «и», «к» и «м» настоящей статьи не распространяются на кулацкие хозяйства, а также на лиц, облагаемых подоходным налогом по расписанию № 3 (приложение 3 к положению о подоходном налоге с частных

лиц – С. З. СССР 1934 г., № 27, ст. 211-б)[1], при взыскании с этих хозяйств и лиц их задолженности государственным, кооперативным и другим общественным учреждениям, предприятиям и организациям, а также задолженности по заработной плате и по алиментам.

(25/V 1931 г. – С. З. № 21, п. 169)

Примечание. Взыскания с авторского права воспрещаются; разрешаются взыскания только с прибылей от авторского права.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

316-а. При взыскании сумм, присужденных для оплаты за расхищенное, растраченное и присвоенное имущество государственных учреждений и предприятий, колхозов, кооперативных и общественных организаций, взыскание может быть обращено на все имущество осужденного (ответчика), кроме необходимой одежды, белья; обуви и вещей домашнего обихода в количестве, указанном ст. 3 постановления СНК БССР от 21 марта 1933 г. «О порядке применения статей 18, 19 и 20 Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей» (С. З. БССР 1933 г., № 13, пост. 81).

В случаях, указанных в этой статье, взыскание может быть обращено и на то имущество, которым осужденный (ответчик) владеет совместно с другими лицами, в том числе и на общее имущество крестьянского двора, которому принадлежит осужденный (ответчик), а также на общее имущество супругов, если по суду будет установлено, что общее имущество от преступления увеличилось.

(7/III 1935 г. – С. З. № 9, п. 47)

316-б. Не разрешается взыскивать долга профессиональных организаций:

а) с забастовочных и культурно-просветительных фондов и фондов по выдаче пособий безработным членам союза[2] и

б) со строений и оборудования, необходимого для нормальной и бесперебойной работы организаций.

(13/IV 1929 г. – С. З. № 14, п. 71)

316-в. Принудительное взыскание долга путем наложения ареста, описи, опечатания и продажи имущества, принадлежащего иностранному государству, может быть произведено лишь с предварительного в каждом отдельном случае разрешения Совета народных комиссаров Союза ССР.

Настоящее правило распространяется на имущество лишь тех иностранных государств, которые придерживаются в отношении имущества, принадлежащего Союзу ССР, начала взаимности.

(17/VIII 1929 г. – С. З. № 30, п. 176)

---

[1] Положение о подоходном налоге с частных лиц от 7/V 1934 г. (С. З. СССР 1934 г., № 27, ст. 211-б) отменено законом о подоходном налоге с населения от 4/IV 1940 г. (Ведомости Верховного Совета СССР № 12).

[2] Слова: «и фондов по выдаче пособий безработным членам союза» утратили значение в связи с ликвидацией безработицы.

316-г. На вклады, внесенные в сберегательные кассы, а также на вклады, внесенные в потребительские общества, сельскохозяйственные и промысловые кооперативные товарищества, не может обращаться взыскание и налагаться арест иначе, как согласно постановлений судебных и следственных органов по уголовным делам.

На вклады, внесенные в вышеуказанные кооперативные организации, кроме того, допускается обращать взыскание и налагать арест также и по делам о взысканиях в пользу организаций, принявших эти вклады.

(11/I 1930 г. – С. З. № 3, п. 20)

316-д. На сумму акцептованного кредитным учреждением чека не может налагаться арест и обращаться взыскание по претензиям к чекодателю до истечения законного срока действия чека.

(17/I 1930 г. – С. З. № 8, п. 53)

317. Предметы оборудования фабрик, заводов и мастерских могут подлежать аресту не в отдельности, а лишь при обращении взыскания на предприятие в целом, если по действующему законодательству на это предприятие вообще может быть обращено взыскание.

317-а. На счета хозяйственных органов по капитальному строительству кредиторы могут обращать взыскание только по тем требованиям, признанным арбитражем или судом, которые относятся к капитальному строительству.

(9/V 1936 г. – С. З. № 14, п. 56)

317-б. Указанные в ст. 317-а взыскания могут обращаться на все средства, отпущенные хозяйственным органам на капитальное строительство, независимо от того, к какому объекту относится и в какой момент возникло данное требование кредитора, если только оно не погашено давностью.

(9/V 1936 г. – С. З. № 14, п. 56)

317-в. В случае отсутствия средств на счетах по капитальному строительству кредиторы могут обращать взыскание также и на всякое иное, относящееся к капитальному строительству, имущество, за исключением того имущества, на которое по действующим законам не допускается обращение взыскания.

(9/V 1936 г. – С. З. № 14, п. 56)

317-г. На расчетные счета хозяйственных органов по эксплуатации н на прочее их имущество, не относящееся к капитальному строительству, кредиторы могут обращать взыскание только по обязательствам этих органов, возникающим из других оснований, кроме капитального строительства.

(9/V 1936 г. – С. З. № 14, п. 56)

317-д. В изъятие из ст. ст. 317-а и 317-г кредиторы – по специальным постановлениям арбитража или суда – могут обращать взыскание по требованиям, относящимся к капитальному строительству, на расчетный счет хозяйственного органа по эксплуатации и, наоборот, по требованиям, вытекающим из других оснований, на его счет по капитальному строительству. Такие постановле-

ния арбитраж и суд могут выносить в тех случаях, когда ими будет установлена задолженность одного счета хозяйственного органа другому его счету (вследствие неперечисления в установленный срок амортизационных платежей и прибылей, использования заготовленных для капитального строительства материалов на нужды эксплуатации и т.п.).

(9/V 1936 г. – С. З. № 14, п. 56)

318. Имущество, находящееся в помещении, занимаемом должником совместно с другими лицами, не подлежит аресту лишь в том случае, если оно явно принадлежит другому лицу.

319. Если арест имущества производится в отсутствии должника, обязательно должен присутствовать представитель домоуправления или сельского совета.

(30/IV 1934 г. – С. З. № 17, п. 91)

320. Арест налагается посредством совершения акта об описи имущества и объявления должнику запрета распоряжения им.

321. Опись имущества должна содержать в себе:

а) наименование лица, совершающего опись;

б) время и место составления акта;

в) основание ареста;

г) наименование взыскателя и должника;

д) наименование и описание каждого арестованного предмета;

е) отметки об особых качествах или редкости означенных предметов;

ж) оценку каждого арестованного предмета;

з) наименование хранителя (ст. 325), разъяснение обязанностей по хранению и подпись хранителя;

и) замечания сторон и лиц, присутствовавших при описи, и распоряжения по ним судебного исполнителя;

к) подпись всех присутствовавших.

322. Если во время наложения ареста третьи лица предъявляют на арестуемое имущество свои права, исключающие возможность обращения на это имущество взыскания за долги должника, то об этом делается в описи отметка.

323. Судебный исполнитель по требованию взыскателя может печатать описанные предметы, о чем упоминает в акте описи.

324. Одновременно с описью производится оценка описанного имущества судебным исполнителем по средним рыночным ценам.

В случае необходимости для оценки может быть приглашен эксперт.

325. Описанное имущество отдается на хранение должнику. В случае отказа должника от хранения или отсутствия его хранитель назначается судебным исполнителем. Судебный исполнитель может также назначить хранителя и по просьбе взыскателя, если найдет эту просьбу уважительной.

326. Хранитель, если таковым назначается не должник, полу чает за хранение вознаграждение по таксе, установленной народным комиссариатом юсти-

ции; кроме того, ему возмещаются в подлежащих случаях фактически понесенные по хранению расходы.

327. Должник, коему сдано на хранение имущество, может им пользоваться, если по свойствам охраняемого имущества пользование им не сопряжено с уменьшением ценности имущества.

Глава XXXIII

Взыскания по исполнительным листам с государственных и общественных учреждений и предприятий

328. Взыскания по исполнительным листам с государственных и общественных учреждений и предприятий производятся согласно правил, изложенных в настоящей главе.

(5/I 1933 г. – С. З. № 1, п. 1)

329. Исполнительный лист подается взыскателем или направляется по его просьбе судом в то учреждение или предприятие, которое является должником.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

330. Распорядитель кредитов учреждения или предприятия обязан не позднее одного месяца, если судом не установлен более короткий срок, выполнить решение суда. За неисполнение решения суда распорядитель кредитов несет имущественную и дисциплинарную ответственность.

При взысканиях по трудовым делам установленный настоящей статьей срок уменьшается до двух недель.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

330-а. Взыскания по исполнительным листам или другим исполнительным документам (судебным приказам[1], приказам Государственного арбитража и т.п.) на сумму свыше 500 руб. по спорам между организациями и учреждениями обобществленного сектора могут обращаться непосредственно на средства должника в кредитных учреждениях. В этих случаях исполнительный документ представляется взыскателем непосредственно кредитному учреждению.

Взыскания по исполнительным документам на сумму не свыше 500 руб. обращаются непосредственно к должнику. Обращение этих взысканий на счета должника в банке допускается не иначе, как только в случае отсутствия какого-либо иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме средств на счету в банке.

При обращении взыскания на средства в кредитных учреждениях ст. ст. 302, 305, 307 и 332 настоящего Кодекса указанными учреждениями не применяются.

Если при взыскании возникает вопрос, разрешение которого выходит за пределы компетенции Госбанка и других кредитных учреждений, то соответствую-

[1] Исполнительным надписям (Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/I 1910 г.).

щее кредитное учреждение направляет исполнительный лист судебному исполнителю для взыскания в общем порядке.

(6/VII 1935 г. – С. З. 25, п. 136)

330-б. С государственных учреждений, состоящих на государственном или местном бюджете, взыскание по исполнительным листам и другим исполнительным документам, выданным государственным, кооперативным и общественным учреждениям, предприятиям и организациям, а также взыскание по заработной плате производится за счет ассигнований по смете этих учреждений.

В этих случаях исполнительные документы приравниваются к платежным документам по расходованию ассигнованных по смете сумм и направляются в подлежащее учреждение Государственного банка через Народный комиссариат финансов СССР, Народный комиссариат финансов союзной или автономной республики или местный финансовый орган по принадлежности (в зависимости от того, на каком бюджете состоит учреждение-ответчик) для указания ими бюджетного подразделения сметы, за счет которого должно быть произведено взыскание по исполнительному документу.

Установленный этой статьей порядок взысканий не распространяется на специальные и иные внебюджетные средства Учреждений, состоящих на государственном и местном бюджете. Взыскание с бюджетных учреждений за счет этих средств производится в общем порядке.

(17/X 1937 г. – С. З. 1938 г., № 6, п. 47)

331. Если государственное учреждение, находящееся на бюджете, не выплачивает по исполнительному листу в установленный статьей 330 срок, то взыскатель имеет право подать на распорядителя кредитов, которому поручено исполнение, жалобу согласно ст. 315.

Суммы в пользу трудящихся, профессионального союза и для выплаты авторского гонорара могут взыскиваться со всяких средств учреждения, независимо от того, по каким статьям и параграфам сметы они указаны.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

332, Если исполнительный лист выдан для взыскания с общественного учреждения или государственного предприятия, состоящего на хозяйственном расчете, то народный судья, наблюдающий за исполнением (ст. 315), после истечения указанного в статье 330 срока может поручить судебному исполнителю немедленно произвести арест и продажу имущества должника.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

332-а. При взыскании по решениям органов Государственного арбитража соблюдаются правила, изложенные в Положении о Государственном арбитраже.

(5/I 1933 г. – С. З. № 1, п. 1)

Глава XXXIV

Удержание из заработной платы рабочих и служащих

333. Все учреждения и предприятия – государственные, кооперативные, общественные и частные, а также отдельные граждане должны по требованию суда или судебного исполнителя в указанный ими срок извещать суд или судебного исполнителя о том, находится ли должник в указанных учреждениях и предприятиях на службе и какая следует ему в текущем месяце сумма заработка всех видов.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

334. В случае нахождения должника на службе в государственном или общественном учреждении или предприятии суд передает исполнительный лист для взыскания непосредственно администрации учреждения или предприятия.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

335. В случае нахождения должника на работе у частного лица или в частном предприятии судебный исполнитель или соответствующий орган после получения извещения (ст. 333) немедленно обязует лицо или предприятие, в котором работает должник, удерживать необходимые суммы и передавать их органу, получившему это исполнение.

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

336. Удержания из заработной платы производятся на следующих основаниях:

I) воспрещается удерживать из части заработной платы, равной общеобязательному минимуму, установленному согласно Кодекса о труде;

II) из части заработной платы, превышающей общеобязательный минимум, разрешается удерживать:

а) не свыше 25 проц. для взыскания: 1) задолженности рабочих и служащих за утраченное или присвоенное ими имущество предприятия или учреждения (спецодежду, инструменты и т. д.); 2) штрафа, наложенного на работников учреждения и управленческого аппарата хозяйственных органов за нарушение правил общей и противопожарной охраны служебных зданий и помещений и правил хранения служебных документов (С. З. СССР 1932 г., № 53, ст. 319); 3) с работников сберегательных касс сумм в возмещение причиненного сберегательным кассам ущерба (С. З. СССР 1933 г., № 44, ст. 264);

б) не свыше 50 проц. для взыскания: 1) средств на содержание членов семьи; 2) неотработанных авансов, стоимости оплаченного нанимателем проезда к месту работы и полученной спецодежды с рабочих, ушедших с сезонных работ государственных органов ранее установленного в договоре срока или выполнения обусловленного в договоре задания; 3) ущерба от хищений, растрат и присвоения имущества государственных учреждений и предприятий, колхозов, кооперативных и общественных организаций.

Для всех остальных видов взысканий не может удерживаться более 20 проц. той части заработной платы, которая превышает общеобязательный минимум.

При одновременном удержании на содержание членов семьи и по другим претензиям воспрещается удерживать более 50 проц. заработной платы.

Указанные в п. п. I и II ограничения не распространяются на вознаграждения, установленные специальными законами.

(20/VIII 1933 г. – С. З. № 35, п. 238 и 7/III 1935 г. – С. З. № 9, п. 47)

336-а. С персональных пенсий, пенсий по инвалидности и пособий при временной утрате трудоспособности, а также с авторского гонорара и с сумм, присужденных за нарушение авторского права, разрешается взыскание только на содержание членов семьи и притом в размере не свыше 50 проц. с выдаваемых органами социального страхования пособий по безработице взыскания по исполнительным листам не допускаются[1].

(2/II 1929 г. – С. З. № 4, п. 20)

336-б. За невыполнение обязанностей, предусмотренных статьями 333–335, распорядитель кредитов учреждения или предприятия, а также частные лица несут ответственность перед взыскателем в размере подлежавшей удержанию суммы, о че народный суд выносит определение по рассмотрению заявления взыскателя.

В случае неудержания из заработной платы ответчика сумм, причитающихся с него по исполнительному листу или акту соглашения об алиментах (статья 34 Кодекса законов о браке, семье и опеке БССР), а также в случае несообщения исполнительным органам требуемых по закону сведений о перемене адреса ответчика или о его заработной плате, народный суд вправе вынести определение о наложении на виновное должностное лицо штрафа до 100 руб.

(Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21/I 1940 г.)

336 в. Согласно правил ст. ст. 333, 334 и 335 взыскание производится по исполнительным листам также и с заработка член сельскохозяйственной артели, причем за невыполнение обязанностей, предусмотренных указанными статьями, ответственность несет согласно ст. 336-6 настоящего Кодекса председатель правления артели или лицо, его заменяющее.

Если к исполнению предъявляется исполнительный лист взыскание алиментов на, содержание лиц, указанных ст. ст. 63–68 Кодекса законов о браке, семье и опеке, то правление артели должно произвести отчисление с заработка член артели.

(15/V 1930 г. – С. З. № 22, п. 149)

Глава XXXV

Обращение взыскания на денежные суммы и имущество должника, находящееся у государственных учреждений и частных лиц

[1] Слова: «с выдаваемых органами социального страхования пособий по безработице взыскания по исполнительным листам не допускаются» утратили значение в связи с ликвидацией безработицы.

337. При обращении взыскания на денежные суммы и имущество должника, находящееся у частных лиц и государственных учреждений, судебный исполнитель посылает указанному лиц или учреждению запрос о том, имеется ли у него какое-либо имущество должника, на каком основании л на какой срок он передано в распоряжение, с указанием, что с момента получения этого запроса на имеющееся у них имущество и суммы налагается арест в сумме взыскания и что все следуемые с них платежи до полного погашения взыскиваемой сумм они обязаны вносить не должнику, а судебному исполнителю.

338. Промышленные, кредитные, торговые и всякие другие учреждения и предприятия, государственные, кооперативные общественные и частные, а также и частные лица обязаны дать отзыв в назначенный судебным исполнителем срок о том, какие у них имеются суммы, ценности и другое имущество, принадлежащее должнику, и со дня получения запроса не имеют права без разрешения судебного исполнителя возвращать имущество и выдавать должнику денежные ценности в пределах наложенного ареста.

339. По получении отзыва о наличности имущества у третьих лиц судебный исполнитель производит опись указанного имущества и ценностей, причем передача денег или продажа имущества с публичного торга назначается в зависимости от тех условий, на которых они у них находились. В случае же нахождения имущества или ценностей ответчика у государственных учреждений и государственных предприятий опись судебным исполнителем не производится и передача денег или продажа имущества может иметь место исключительно с момента, когда это имущество подлежало бы передаче учреждением должнику в его распоряжение.

340. За уклонение от дачи отзыва может быть наложен штраф по определению народного суда по месту исполнения до 100 рублей.

Глава XXXVI

Обращение взыскания на строение и право застройки

341. При обращении взыскания на строения и право застройки соблюдаются, кроме общих правил, нижеследующие статьи.

342. Одновременно с посылкой повестки должнику судебный исполнитель посылает повестку в коммунальный отдел, причем требует оттуда представления справки о принадлежности должнику строения или права застройки, на которые обращается взыскание, а также выписку из реестровой книги коммунального отдела.

343. Вместе с тем судебный исполнитель посылает в нотариальную контору) по месту нахождения имущества запрещение с требованием представления сведений о числящихся уже на этом имуществе запрещениях.

344. Сумма взысканий, означенная в запрещении, обязательна для всех лиц, которые приобретут те или иные права на подвергшееся запрещению строе-

ние и право застройки после отметки запрещения в реестре нотариальной конторы[1].

Глава XXXVII

Продажа арестованного имущества

345. Описанное имущество, за исключением случаев, предусмотренных ст. ст. 345-а, 345-б и 345-в, продается с публичных торгов согласно правил, установленных в настоящем разделе.

(27/IV 1930 г. – С. З. № 21, п. 135)

345-а. Описанные фондовые ценности, изделия из драгоценных металлов и камней и жемчуг передаются лицом, исполняющим постановление, в местную контору Госбанка: фондовые ценности по существующим официальным курсам, а жемчуг и изделия из драгоценных металлов и камней – по покупным ценам, определяемым Народным комиссариатом финансов.

(27/IV 1930 г. – С. З. № 21, п. 135)

345-б. Описанные хлебные продукты передаются за наличный расчет государственным и кооперативным хлебозаготовительным организациям по заготовительной цене, существующей в день передачи в данной местности.

Описанные семена обязательно передаются на таких же условиях колхозам или комитетам крестьянских обществ взаимопомощи.

Описанный скот передается за наличный расчет акционерному обществу «Белмясо» или его местным органам по заготовительным ценам.

(27/IV 1930 г. – С. З. № 21, п. 135 и 15/IV 1931 г. – С. З. № 17, п. 137)

345-в. Описанные товары, согласно списка, устанавливаемого, Народным комиссариатом торговли, передаются за наличный расчет соответствующим кооперативным организациям по ценам, установленным Народным комиссариатом торговли.

(27/IV 1930 г. – С. З. № 21, п. 135)

346. Продажа арестованного имущества с торгов производится в том месте, где находится имущество.

347. Перевозка имущества и перенесение продажи допускается только в случае обоюдного согласия взыскателя и должника, при условии внесения необходимых на расходы сумм за их счет и под их ответственность.

348. Срок продажи назначается судебным исполнителем. Между арестом и продажей должен быть промежуток времени не менее семи дней и не более одного месяца за исключением предметов скоропортящихся.

---

[1] Нотариальные конторы освобождены от регистрации арестов на строения и право застройки (пост. ЦИК и СНК БССР от 25/V 1931 г. – С. З. БССР г., 21, ст. 170) – таковые выполняются коммунальными отделами или сельскими (поселковыми) советами.

349. О предстоящей продаже с публичных торгов судебный исполнитель объявляет не позднее, чем за три дня в местной официальной газете, а по просьбе взыскателя или должника – и в других газетах. Объявление о продаже вывешивается также в месте, где должны состояться торги, и в канцелярии судебного исполнителя не позднее, чем за три дня до продажи.

При взыскании на сумму не свыше трехсот рублей публикация не обязательна.

(10/VIII 1929 г. – С. З. № 29, п. 173)

350. Если имущество заложено, о дне продажи извещается также залогодержатель. О дне продажи права застройки извещается коммунальный отдел.

351. Публикация должна содержать в себе указания:

а) продаваемого имущества (перечисление) с указанием, чье имущество продается, и о его оценке;

б) места и времени продажи (город, улица и дом).

352. Должник имеет право указывать очередь, в какой имущество должно продаваться. В случае поступления от продажи части имущества суммы, достаточной на удовлетворение взыскателя и покрытие всех расходов по взысканию, дальнейшая продажа прекращается.

353. Покупщик обязан внести немедленно вслед за оставлением за ним продаваемого предмета сумму не ниже первоначальной оценки, а остальную часть – не позднее следующего дня. Покупщик, не внесший немедленно означенной суммы, устраняется от дальнейшего участия в торгах.

354. Каждое лицо, желающее принять участие в торгах на строение, обязано представить судебному исполнителю справку коммунального отдела, что ни оно, ни его супруг, ни его несовершеннолетние дети не владеют в данной местности каким-либо строением, а также дать подписку о том, что ни оно, ни вышеуказанные члены семьи не владеют строениями в какой-либо другой местности (ст. 184 Гражданского кодекса).

355. Кроме указанных в предыдущей статье справок и подписок, желающие торговаться вносят залог в сумме 10 проц. оценки строения или права застройки, что не распространяется, однако, на государственные учреждения и предприятия.

356. Залог, внесенный лицом, за которым осталось проданное строение или право застройки, зачисляется в счет покупной суммы. Остальным участвовавшим в торгах лицам залог возвращается немедленно по окончании торгов. Если покупщик не внесет следуемой с него суммы в течение семи дней, залог поступает в доход казны.

357. Купившему с публичных торгов строение или право застройки выдается копия с акта о продаже с публичных тортов. На основании этой копии составляется нотариально-удостоверяемый акт приобретения строения или права застройки с обязательной последующей регистрацией акта в коммунальном отделе.

358. Из полученной от продажи суммы покрываются расходы по аресту и продаже имущества, а остаток поступает на удовлетворение обращенных на имущество взысканий.

359. Торги признаются несостоявшимися: 1) если никто не явится торговаться; 2) если из явившихся никто не сделает надбавки против оценки, или 3) если покупщик не внесет в срок задатка или остальной суммы (ст. 353).

360. В случае, если торги не состоялись, взыскатели в течение трех дней могут заявить об оставлении продаваемого иму щества за ними, согласно оценке и в порядке очереди, соответ ствующей размеру их претензий.

361. Когда торги не состоятся и никто из взыскателей не оставит имущество за собой, судебный исполнитель назначает вторичные торги не ранее, чем через неделю, с соблюдением порядка, установленного для первых торгов, причем вторичные торги начинаются с оценочной или первой предложенной суммы.

ИНОСТРАННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

НАРУШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА КАК ОСНОВАНИЕ ОТКАЗА В ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ В СТРАНАХ ЕАЭС

Е.В. КУДРЯВЦЕВА,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.А. КУРОЧКИН,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-54-225-246

Статья посвящена одному из оснований отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – нарушению публичного порядка. Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. Рассмотрены нормы законодательных актов, регламентирующих понятие «публичный порядок», так как в некоторых странах законодатель сформулировал легальную дефиницию публичного порядка. В других странах понимание публичного порядка сформировалось в доктрине и судебной практике. Применительно к России отмечено, что при оценке арбитражных решений и последствий их исполнения под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свобо-

ды частных лиц. На основе проведенного исследования авторы делают вывод, что унификация подходов к применению норм Нью-Йоркской конвенции 1958 г. на пространстве ЕАЭС, единое понимание публичного порядка как правового механизма защиты правовых систем, опирающихся на единые ценности, благотворно скажутся на развитии системы взаимного признания юрисдикционных актов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; публичный порядок; нарушение публичного порядка; Нью-Йоркская конвенция 1958 г.

VIOLATION OF PUBLIC ORDER AS A BASIS FOR REFUSAL TO RECOGNIZE AND ENFORCE ARBITRAL AWARDS IN THE EAEU COUNTRIES

E.V. KUDRYAVTSEVA,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Civil Procedure, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University

S.A. KUROCHKIN,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University

The article is devoted to one of the grounds for refusal to recognize and enforce arbitral awards in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) – violation of public order. The member States of the Eurasian Economic Union are the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. The norms of legislative acts regulating the concept of public order have been considered, since in some countries the legislator has formulated a legal definition of public order. In other countries, the understanding of public order has been formed in doctrine and judicial practice. In relation to Russia, it is noted that when assessing arbitration decisions and the consequences of their execution, public order refers to fundamental legal principles that are highly imperative, universal, especially socially significant and form the basis for building the economic, political, and legal system of the state. Such principles, in particular, include the ban to commit of actions directly prohibited by the super-mandatory norms of the legislation of the Russian Federation, if these actions damage the sovereignty or security of the state, affect the interests of large social groups, violate the constitutional rights and freedoms of individuals. Based on the conducted research, the authors conclude that the unification of approaches to the application of the norms of the 1958 New York Convention in the EAEU space, a common understanding of public order as

a legal mechanism to protect of legal systems based on common values, will have a beneficial effect and help to develop a system of mutual recognition of jurisdictional acts.

Keywords: Eurasian Economic Union; public order; violation of public order; 1958 New York Convention.

1. Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанным в 2014 г. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация[1].

Государства – члены ЕАЭС, являясь и участниками Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.)[2], признают иностранные арбитражные решения как обязательные и приводят их в исполнение в соответствии с нормами процессуального законодательства. Как известно, уже на начальном этапе формирования ЕАЭС наиболее актуальными вопросами стали создание благоприятных условий и эффективных механизмов для развития внешней и взаимной торговли, упрощение процедур торговли, повышение конкурентоспособности товаров стран ЕАЭС, обеспечение адекватной защиты рынка[3]. Формирование и наладка системы признания и приведения в исполнение арбитражных решений, унификация подходов к применению основополагающих документов в этой сфере, прежде всего Нью-Йоркской конвенции 1958 г., – это важная составляющая работы по развитию внешней торговли, облегчению трансграничного оборота арбитражных решений по коммерческим спорам.

2. Оговорка о публичном порядке

Необходимость интеграции в национальный правопорядок вынесенных за пределами государственной судебной системы юрисдикционных актов – иностранных

[1] http://www.eaeunion.org/#about

[2] Далее – Нью-Йоркская конвенция 1958 г. или Нью-Йоркская конвенция.

[3] См.: Евразийская экономическая интеграция: теория и практика. М.: Проспект, 2023. С. 18.

арбитражных решений потребовала создания защитного механизма, позволяющего оградить основные начала правовой системы от возможных искажений. Во многих странах таким механизмом защиты стал институт публичного порядка.

Законодатели стран ЕАЭС единодушны в том, что норма иностранного права, подлежащая применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку). В таком виде оговорка о публичном порядке содержится в ст. 1258 Гражданского кодекса Республики Армения, ст. 1099 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ст. 1090 Гражданского кодекса Республики Казахстан, ст. 1173 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, ст. 1193 Гражданского кодекса РФ.

Принято считать, что публичный порядок представляет собой наличие основополагающих и продуцирующих целостность социальной общности правил, требований, норм, имеющих морально-нравственную платформу и рассматриваемых как критерий баланса между частными и публичными интересами[1]. «Публичный порядок – это защитный механизм в праве, режим исключения, призванный защищать те основы правопорядка, которые сложились на определенный момент времени, являются эффективными и необходимыми для функционирования данного общества; это юридический механизм разрешения конфликтов, коллизий между двумя источниками юридических норм»[2].

В некоторых странах законодатель сформулировал легальную дефиницию публичного порядка. Так, в соответствии со ст. 2 Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» публичный порядок Республики Казахстан (далее также – РК) – основы правопорядка, закрепленные в законодательных актах Республики Казахстан. В других странах понимание публичного порядка сформировалось в доктрине и судебной практике. Так, в Республике Беларусь (далее также – РБ) под публичным порядком понимаются основы правопорядка Республики Беларусь, под которыми необходимо понимать основополагающие принципы международного права, нормы Конституции Республики Беларусь, положения международных договоров Республики Беларусь, основные принципы основополагающих отраслей права. Под основами правопорядка не могут пониматься нравственные, религиозные, культурные, экономические принципы построения общественной жизни[3].

---

[1] См.: *Богатина Ю.Г.* Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. С. 58.

[2] *Крохалев С.В.* Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 51.

[3] См. п. 98 постановления Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2013 г. № 25 «Об утверждении Методических рекомендаций о некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц и оказания правовой помощи».

Механизм публичного порядка не ограничивает свое действие такой формой реализации права, как использование, и получил распространение в сфере правоприменения. В исключительных случаях оговорка о публичном порядке становится барьером на пути признания и приведения в исполнение арбитражных решений.

3. Нормативная основа применения категории публичного порядка при рассмотрении дел о признании и приведении в исполнение арбитражных решений

Определяющее влияние на построение системы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в странах ЕАЭС оказала Нью-Йоркская конвенция 1958 г. Заложенные в ней конструкции интегрированы в процессуальное и арбитражное законодательство Армении, Белоруссии, России, Казахстана и Киргизии.

Так, в Казахстане суд отказывает в признании и (или) приведении в исполнение арбитражного решения независимо от того, в какой стране оно было вынесено, если установит, что признание и (или) приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречит публичному порядку Республики Казахстан (п. 2 ч. 1 ст. 57 Закона РК от 8 апреля 2016 г. № 488-V ЗРК «Об арбитраже»). Решение международного коммерческого арбитража отменяется судом в случае определения, что арбитражное решение противоречит публичному порядку Республики Казахстан (п. 1 ч. 2 ст. 52 Закона РК от 8 апреля 2016 г. № 488-V ЗРК «Об арбитраже»). Стоит отметить, что процессуальное законодательство РК не дифференцирует порядок приведения в исполнение решений внутренних и международных арбитражей. Основания отказа и порядок принудительного исполнения определены гл. 20 ГПК РК. Суд выносит определение об отказе в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения, если установит, что приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречит публичному порядку Республики Казахстан (п. 2 ч. 1 ст. 255 ГПК РК).

В Кыргызской Республике (далее также – КР) решения международных и иностранных арбитражей должны быть легализованы в порядке, установленном законодательством Кыргызской Республики (ст. 41 Закона КР от 30 июля 2002 г. № 135 «О третейских судах в Кыргызской Республике»). В признании и приведении в исполнение решения иностранного (международного) арбитража может быть отказано, если суд Кыргызской Республики установит, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку Кыргызской Республики (п. 2 ч. 2 ст. 439 ГПК КР). Стоит отметить, что аналогичным образом зачастую строится система экзекватуры иностранных судебных решений. Так, например, суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части в случае, если исполне-

ние решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Кыргызской Республики (ст. 432 ГПК КР).

Важную роль в построении законодательства об арбитраже сыграл Типовой закон ЮНСИТРАЛ, его положения стали основой национальных законов о международном коммерческом арбитраже в России (1993), Белоруссии (1999), Армении (2006). Модельный закон предусматривает как возможность отмены состоявшегося решения по мотиву его противоречия публичному порядку (только в отношении внутренних решений – ст. 34 Модельного закона), так и возможность отказа в приведении в исполнение (как для внутренних решений, так и для «решений, не являющихся внутренними») на основании противоречия последствий приведения в исполнение таких решений публичному порядку государства суда (ст. 36). Данные положения, по своей сути, являются продолжением положений Нью-Йоркской конвенции.

Однако как Нью-Йоркская конвенция, так и Модельный закон не содержат определения публичного порядка. В то же время соответствующие конструкции этих актов повлияли на формирование системы экзекватуры арбитражных решений в странах. Так, в Белоруссии в признании или приведении в исполнение иностранного арбитражного решения может быть отказано, если суд найдет, что признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Республики Беларусь (ст. 11 Приложения 4 к ГПК РБ). Следует отметить, что положения Нью-Йоркской конвенции имеют приоритет над национальным белорусским законодательством, в отличие, например, от Киргизии.

В Армении основания для отказа в признании и принудительном исполнении решения иностранного арбитража предусмотрены Законом Республики Армения «О коммерческом арбитраже» (ст. 329 ГПК Армении). В соответствии со ст. 36 Закона Республики Армения от 22 января 2007 г. № ЗР-55-Н «О коммерческом арбитраже» в признании или принудительном исполнении решения арбитражного трибунала, которое вынесено на территории Республики Армения или на территории какого-либо другого государства – члена Нью-Йоркской Конвенции о признании и исполнении иностранных арбитражных решений, может быть отказано, если суд выяснит, что такое решение противоречит публичному порядку Республики Армения. Аналогичное основание применяется при рассмотрении заявлений о признании недействительным арбитражного решения (ст. 34 Закона Республики Армения «О коммерческом арбитраже»).

В России в признании или приведении в исполнение иностранного арбитражного решения может быть отказано в случаях, если суд *ex officio* определит, что признание и приведение в исполнение арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации.

Вслед за Россией законодатели некоторых стран ЕАЭС стали применять нормативные конструкции, аналогичные категории публичного порядка, прежде всего понятие *основополагающих принципов права*. Так, например, в Белорус-

сии суд, рассматривающий экономические дела, отказывает в выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение решения международного арбитражного (третейского) суда, третейского суда, иного постоянного арбитражного органа, если установит, что решение международного арбитражного (третейского) суда, третейского суда, иного постоянного арбитражного органа нарушает основополагающие принципы права Республики Беларусь (ст. 260 Хозяйственно-процессуального кодекса РБ).

4. Практика применения категории публичного порядка

Государственные суды отменяют арбитражные решения, отказывают в их признании и приведении в исполнение тогда, когда такие решения противоречат публичному порядку. В Российской Федерации судьями в настоящее время применяются рекомендации, отраженные в постановлении Пленума ВС РФ от 10 декабря 2019 г. № 53, а также в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156)[1]. Включенные в Обзор дела стали ориентиром в развитии судебной практики, системно развивают положения, являющиеся базовыми принципами современной экзекватуры.

Проведенная в России реформа третейского разбирательства 2015 г. затронула и процессуальное законодательство, в результате изменений которого противоречие публичному порядку РФ стало общим основанием как для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, так и для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или международного коммерческого арбитража, принятого на территории РФ, а также отмены решения третейского суда[2]. В настоящее время в судебной практике есть примеры отмены решений внутренних арбитражей в связи с нарушением публичного порядка в разных аспектах его интерпретации[3].

В Казахстане суды ориентируются на поддержанные Верховным судом РК рекомендации Круглого стола «Некоторые вопросы применения Закона Республики Казахстан «Об арбитраже»» (г. Астана, 30 июня 2017 г.), а также на Обоб-

---

[1] См., напр., определение ВС РФ от 28 декабря 2015 г. № 308-ЭС15-16274 по делу № А53-30998/2014 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Молчанов В.В.* Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 5. С. 142–143.

[3] См., напр.: определения ВС РФ от 25 февраля 2020 г. № 305-эс19-19555, от 22 февраля 2023 г. № 305-ЭС22-22860; постановления АС Московского округа от 3 декабря 2020 г. по делу № А40-87750/20, от 5 октября 2022 г. по делу № А40-38916/2022, от 10 октября 2022 г. по делу № А40-110024/2022, от 18 ноября 2022 г. по делу № А40-68502/2022, АС Северо-Западного округа от 9 февраля 2022 г. по делу № А42-8598/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

щение судебной практики о признании, исполнении и отмены арбитражных решений за 2019–2022 годы, подготовленное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РК.

Стоит отметить, что во всех странах ЕАЭС при рассмотрении дел о признании и приведении в исполнение арбитражных решений, применении такого основания, как нарушение публичного порядка, суды принимают во внимание практику, наработанную по делам о приведении в исполнение иностранных судебных решений[1]. Такой подход представляется оправданным, поскольку основывается на универсальном характере рассматриваемой категории.

В России при оценке арбитражных решений и последствий их исполнения под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц[2].

Основанием публичного порядка являются фундаментальные нормы, правовые императивы, а содержанием – соответствующее таким правилам состояние, результат правомерного поведения. Верховный Суд РФ разъяснил, что для отмены или отказа в принудительном исполнении арбитражного решения по мотиву нарушения публичного порядка суд должен установить совокупное наличие двух признаков: во-первых, нарушение фундаментальных принципов построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации, которое, во-вторых, может иметь последствия в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп либо нарушать конституционные права и свободы физических или юридических лиц[3].

5. Составляющие публичного порядка и его содержание

В теории при раскрытии содержания публичного порядка принято говорить о *национальном и международном публичном порядке. Национальный публичный порядок – это элемент международной системы защиты прав и основных сво-*

---

[1] См.: *Скобелев В.П.* Решение иностранного суда и публичный порядок Республики Беларусь // Судебная и арбитражная практика. 2020. № 10. С. 16–22.

[2] Пункт 1 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке…

[3] См. п. 51 постановления Пленума ВС РФ от 10 декабря 2019 г. № 53.

бод человека, гарант ее эффективного действия на уровне государства. Важнейшей частью национального публичного порядка является его международный компонент. Термином «*международный публичный порядок*» принято обозначать совокупность признаваемых государством принципов и правил, которые по своей природе могут послужить основанием для отказа в признании и приведении в исполнение решения, вынесенного международным коммерческим арбитражем, в случаях, когда признание и приведение в исполнение такого решения повлекут нарушение указанных принципов по причинам, связанным как с процедурой, примененной при вынесении решения (процессуальный международный публичный порядок), так и с его содержанием (материальный международный публичный порядок)[1].

Международный публичный порядок включает: фундаментальные принципы, составляющие содержание справедливости и морали, которые государство считает необходимым защищать, даже в тех случаях, когда это прямо не закреплено; правовые нормы, ориентированные на обеспечение важнейших политических, социальных или экономических интересов государства, также известные как *lois de police* или сверхимперативные нормы, а также обязанность государства соблюдать принятые обязательства перед другими государствами или международными организациями[2]. В качестве примера фундаментального принципа материального характера Ассоциация международного права предлагает рассматривать запрет злоупотребления правом. Примером процессуального фундаментального принципа является требование о том, чтобы состав арбитров был беспристрастным. Иллюстрацией сверхимперативных норм являются правила антимонопольного законодательства. В качестве примера международных обязательств предлагается рассматривать резолюции Организации Объединенных Наций о применении санкций[3]. Проведенный анализ показал, что среди стран ЕАЭС такие подходы содержит практика российских судов[4].

Международный публичный порядок является более узкой категорией по отношению к национальному публичному порядку. *Международный публичный порядок – основа публичного порядка национального*. Правило, которое не является частью национального публичного порядка, не может рассматриваться как относящееся к международному публичному порядку[5]. Практически полезен

---

[1] Final Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards / International Law Association. Rec. 1(c) // ila-hq.org.

[2] Ibid. Rec. 1(d).

[3] Ibid. Rec. 1(e).

[4] Постановления Президиума ВАС РФ от 22 мая 2012 г. по делу № А50-5130/2011, от 26 октября 2004 г. по делу № 3351/04 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Fouchard P., Gaillard E., Goldman B.* On International Commercial Arbitration. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 954.

и обратный вывод. Как отмечается, национальный публичный порядок должен не ограничиваться защитой лишь внутренних интересов, но равным образом служить защите универсальных ценностей, признаваемых мировым сообществом, когда эти ценности составляют фундаментальные основы и внутреннего права[1]. Эти обстоятельства необходимо принимать во внимание при оценке тех или иных обстоятельств в качестве составляющих публичного порядка.

6. Публичный порядок и принцип законности

Одним из ключевых начал, определяющих построение правовых систем стран – участниц ЕАЭС, является принцип законности. Вполне закономерно при рассмотрении дел о признании и приведении в исполнение арбитражных решений встал вопрос о соотношении категории публичного порядка и принципа законности. Ученые неоднократно обращали внимание на важность разграничения публичного порядка и законности при рассмотрении дел указанной категории[2].

Оценка последствий исполнения арбитражного решения на предмет нарушения публичного порядка не должна вести к его пересмотру по существу. Этим правилом определяются условия действия принципа законности при оценке наличия оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Как известно, принцип законности в гражданском судопроизводстве выражается в обязанности суда и других участников процесса строго выполнять законы. Обязанность соблюдать законы вытекает прежде всего из сущности норм права как обязательных правил поведения, обеспечивающих важнейшие интересы общества и личности[3]. Закономерно суды стран ЕАЭС (например, в России) стали исходить из узкого, сугубо инструментального понимания законности как совокупности требований, связанных с отношением к законам и проведению их в жизнь: точно и неуклонно соблюдать законы всеми, кому они адресованы; соблюдать иерархию законов и иных нормативных актов.

По оценкам специалистов, в казахстанской судебной практике понятие публичного порядка нередко отождествляется с законностью. «Дело в том, что в Казахстане в отношении третейских судов долгое время существовал риск отмены государственным судом решения, вынесенного третейским судом. Речь шла о пресловутом

---

[1] См.: *Крохалев С.В.* Указ. соч. С. 170.

[2] См.: *Скрябин С.В.* Противоречие публичному порядку как основание отмены судами Республики Казахстан решений арбитражей: некоторые теоретические и практические вопросы // Взаимодействие государственных судов и арбитражей в сфере альтернативного разрешения споров: материалы научно-практического семинара (Алматы, 12 октября 2018 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов, А.Е. Дуйсенова. Алматы: НИИ частного права КОУ, 2019. С. 143–169.

[3] См.: *Авдюков М.Г.* Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 43.

принципе законности»[1]. В Белоруссии на построение системы признания иностранных арбитражных решений неизбежно влияет правило ч. 3 ст. 460 ГПК РБ, обязывающее суд проверить законность решения внутреннего третейского суда при выдаче исполнительного листа (не проверяя его при этом по существу).

Однако публичный порядок и законность как требование о соблюдении всех правовых норм – явления нетождественные. Не должны служить основанием для отказа в признании и приведении в исполнение внешних по отношению к национальной судебной системе юрисдикционных актов нарушения законодательства, не посягающие на основные устои общества, системообразующие элементы и связи правовой системы. Отметим также, что доводы о нарушении решением формальной законности фактически направлены на пересмотр выводов решения арбитража, сделанных при разрешении спора по существу[2]. Подчеркнем, законодательство стран ЕАЭС не допускает пересмотра арбитражных решений по существу.

Подобный подход согласуется с современной международной практикой. В развитых странах узкая концепция формальной законности уступила место развернутой естественно-правовой ее трактовке. Так, Ассоциацией международного права было указано, что нарушение арбитражным решением простых императивных норм (т.е. норм, которые являются императивными, но не становятся частью публичного порядка государства так, чтобы в обязательном порядке применять их в деле, которое является предметом рассмотрения) не должно становиться основанием для отказа в его признании или приведении в исполнение, даже если такие нормы являются частью права места рассмотрения дела, права, регулирующего отношения сторон, возникающие из контракта, права места исполнения контракта или права места арбитража[3].

В Российской Федерации суды в целом признают, что неправильное применение норм материального права само по себе не может расцениваться как основание для отмены решения третейского суда по мотиву нарушения основополагающих принципов российского права[4]. Основываясь на практике судов своей страны, казахстанские ученые настаивают, что применение категории публичного порядка возможно только в «исключительных случаях», каждый такой случай должен серьезно обосновываться и не может сводиться к любому нарушению, пусть даже и серьезному, норм национального права[5].

---

[1] *Сулейменов М.К., Дуйсенова А.Е.* Роль государства в защите гражданских прав в современных условиях // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36310373&pos=6;-108#pos=6;-108.

[2] Постановление АС Московского округа от 10 июня 2003 г. по делу № КГ-А40/3039-03 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Final Report on Public Policy... Rec. 3(a).

[4] Постановления АС Московского округа от 27 июня 2007 г., 4 июля 2007 г. по делу № А40-2314/07-13-23, от 31 января 2006 г. по делу № КГ-А40/13368-05, АС Восточно-Сибирского округа от 16 октября 2006 г. по делу № А58-2103/05 // СПС «КонсультантПлюс»

[5] *Сулейменов М.К., Дуйсенова А.Е.* Взаимодействие судов и арбитражей: проблемы теории и практики // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2019. № 2. С. 66.

Тот факт, что правовая аргументация, лежащая в основе арбитражного решения, или поведение состава арбитража небезупречны, не нарушает публичный порядок, если такой изъян не затрагивает фундаментальных представлений о морали и справедливости той правовой системы, где испрашивается принудительное исполнение, т.е. не нарушает международного публичного порядка[1].

Подчеркнем важность связи нарушения фундаментальных правовых предписаний и фактического искажения правового порядка, состояния. Верховный Суд РФ отметил, что применение третейским судом норм иностранного права, не имеющих аналогов в российском праве, неучастие ответчика в третейском разбирательстве, незаявление должником возражений против принудительного исполнения третейского решения сами по себе не свидетельствуют о нарушении публичного порядка Российской Федерации[2]. Верховный суд РК указал: «при рассмотрении заявлений о признании и исполнении арбитражных решений суд не должен проверять соответствие содержания такого решения публичному порядку Республики Казахстан. Проверке подлежит лишь вопрос соответствия публичному порядку самого факта признания и исполнения арбитражного решения публичному порядку»[3]. Аналогичным образом развивается судебная практика в Республике Беларусь – на соответствие публичному порядку проверяется не сама сущность иностранного судебного решения, а именно последствия признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения[4].

7. Применение категории публичного порядка судами

В теории принято говорить о материальных и процессуальных составляющих публичного порядка. Отметим, что требования публичного порядка, касающиеся существа спора, за рубежом крайне редко становятся основанием для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений. Практика российских судов и стран ЕАЭС развивается динамичнее. Так, например, особенностью Республики Беларусь в части вопросов признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений является тенденция к широкому толкованию концепции публичного порядка национальными судами, что предоставляет широкие возможности использования правоприменительного усмотрения в решении вопросов признания и приведения в исполнение ино-

---

1 Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции 1958 г.: пособие для судей / Международный совет по коммерческому арбитражу. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 93–94.

2 См. п. 51 постановления Пленума ВС РФ от 10 декабря 2019 г. № 53.

3 См. Обобщение судебной практики о признании и исполнении, отмене арбитражных решений (утв. Верховным судом РК. 2019).

4 Пункт 111 постановления Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2013 г. № 25.

странных арбитражных решений[1]. В России основы гражданского законодательства – равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты – последовательно признаются частью публичного порядка[2]. В таком же качестве судами рассматриваются: добросовестность и равенство сторон, вступающих в частные отношения; соразмерность мер гражданско-правовой ответственности виновному правонарушению. Фундаментальный характер указанных принципов, их особая роль в формировании системы правового регулирования отношений гражданского оборота не вызывают сомнения.

В Белоруссии составляющими публичного порядка наряду с конституционными правоположениями закономерно признаются основные принципы отраслей права. В 2013 г. Высший Хозяйственный Суд РБ разъяснил, что под основными принципами различных отраслей права, за исключением принципов, отраженных в Конституции Республики Беларусь, следует понимать: (1) в гражданском праве – принципы, содержащиеся в ст. 2 ГК РБ: принцип верховенства права; принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности; принцип приоритета общественных интересов; принцип равенства участников гражданских отношений; принцип неприкосновенности собственности; принцип свободы договора; принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений; принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела; принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты; (2) в процессуальных отраслях права – принципы, отраженные в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: (3) принципы осуществления судебной власти только судами; самостоятельности судебной власти; признания обязательного исполнения на всей территории Республики Беларусь судебных постановлений, вступивших в законную силу; законности при осуществлении правосудия; равенства граждан и организаций перед законом и судом; права граждан и организаций на судебную защиту; государственного языка судопроизводства и делопроизводства в судах; обязательности судебных постановлений и требований судьи. При нарушении всех вышеуказанных принципов и норм может применяться оговорка о публичном порядке[3].

---

[1] Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / под ред. Р.О. Зыкова. М.: Арбитражная Ассоциация, 2019 (авторы – Т.В. Сысуев, А.Ф. Храпуцкий).

[2] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 7 сентября 2012 г. по делу № А45-15770/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. п. 101, 102 постановления Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2013 г. № 25.

В Российской Федерации нарушениями публичного порядка сегодня признаются:

– создание в преддверии банкротства видимости частноправового спора с отнесением его на рассмотрение третейского суда для получения в дальнейшем формальных оснований для упрощенного включения необоснованной задолженности в реестр требований кредиторов должника в целях влияния на ход дела о банкротстве[1];

– осуществление защиты отсутствующего права по ничтожной сделке[2];

– вынесение третейским судом решения на основе подложных документов, недобросовестное поведение стороны в виде злоупотребления правом[3];

– обход законодательства о регистрации прав на недвижимое имущество, которое устанавливает гарантии прочности и стабильности гражданского оборота, обеспечивает неприкосновенность собственности[4].

Нарушения могут касаться основополагающих принципов как материального, так и процессуального права. В качестве нарушений процессуального публичного порядка расценивается повторное рассмотрение третейским судом спора, ранее рассмотренного другим юрисдикционным органом в установленном законом порядке (тождественного иска)[5]. Арбитражное решение будет признано противоречащим публичному порядку Российской Федерации, если процедура арбитражного разбирательства не обеспечивала соблюдение гарантий независимости и беспристрастности арбитров.

Важной функцией правосудия, являющейся элементом публичного порядка государства, является защита охраняемых законом интересов третьих лиц. Поэтому при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка государства исполнения[6]. Элементом публичного порядка является право каждого на суд и возможность ограничить это право по собственной воле путем обраще-

---

[1] Пункт 25 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 г.).

[2] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28 февраля 2006 г. по делу № Ф04-439/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Президиума ВАС РФ от 26 октября 2004 г. по делу № 3351/04 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление АС Поволжского округа от 27 ноября 2012 г. по делу № А65-18208/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление АС Уральского округа от 12 октября 2005 г. по делу № Ф09-2110/05-С6 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] См. п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 13 апреля 2016 г.).

ния к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж[1].

В мировой практике процессуальные нарушения публичного порядка принято делить на три группы в зависимости от стадии арбитражного разбирательства. На первой стадии, при назначении арбитров и рассмотрении отводов, основополагающие требования процедуры должны гарантировать независимость и беспристрастность арбитров. На стадии рассмотрения дела равное отношение к сторонам, надлежащее уведомление и справедливая возможность представить свою позицию по делу могут быть определены как процессуальные требования, включаемые в содержание публичного порядка. В третьем случае при уважительном отношении к арбитражному решению нарушения публичного порядка могут возникнуть в результате неправильного толкования норм материального права, несоблюдения требований к форме решения и необходимости приведения мотивов его вынесения[2]. Очевидно, что в большинстве случаев речь идет о наиболее общих императивах, формирующих основы правовой системы, пронизывающих весь массив отраслевого законодательства. Не могут в рассматриваемом качестве квалифицироваться формальные нарушения норм специальных.

Основное внимание при решении вопроса о нарушении иностранным арбитражным решением публичного порядка необходимо уделять вопросам реализации права на справедливое судебное разбирательство, установленного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В России право на судебную защиту гарантировано ст. 46 Конституции РФ права на судебную защиту. Очевидно, что соблюдение требований справедливой юрисдикционной процедуры при разрешении дела и вынесении решения должно стать основным условием его признания и приведения в исполнение. Такого рода требования образуют процессуальный международный публичный порядок, и их полноценная реализация является международным обязательством стран – участниц ЕАЭС. В этом аспекте оправданным является стремление судов признавать в качестве нарушений публичного порядка:

– приведение в исполнение решения третейского суда, принятого на основании третейских соглашений, подписанных неуполномоченным лицом[3];

– создание и финансирование третейского суда одним из контрагентов по гражданско-правовому договору (или аффилированным с ним лицом) с одновременной возможностью рассмотрения споров, вытекающих из этого догово-

---

[1] Обзор судебной практики ВС РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 27 декабря 2017 г.).

[2] *Schwebel S., Lahne S.* Public Policy and Arbitral Procedure // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / Ed. by P. Sanders. Deventer: Kluwer, Law and Taxation Publishers, 1987. P. 209, 216, 223.

[3] Постановление АС Уральского округа от 29 августа 2012 г. по делу № А60-16009/12 // СПС «КонсультантПлюс».

ра, в таком третейском суде, с учетом того, что другая сторона лишена возможности выполнять подобные действия[1];

– разрешение третейским судом при принятии решения вопроса о правах и обязанностях лиц, которые не участвовали в третейском разбирательстве и не давали на него согласия[2].

Российскими судами последовательно формируется практика, нацеленная на укрепление национального юрисдикционного суверенитета, повышение эффективности функционирования российской судебной системы. Так, элементом публичного порядка Российской Федерации обоснованно признается правило о том, что вступившие в законную силу постановления судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации[3]. Аналогичных подходов придерживаются и суды Республики Беларусь. Перспектива появления на территории Российской Федерации судебных актов равной силы, содержащих взаимоисключающие выводы, в результате признания и приведения в исполнение арбитражного решения нарушает принцип обязательности судебных актов российских судов, являющийся неотъемлемой частью публичного порядка[4]. Весьма последовательны в этом и суды Республики Беларусь. Так, в случае принятия решений иностранными арбитражными судами по спорам, сторонами в которых являются только лица, местонахождение или местожительство которых находится в Республике Беларусь, в признании и приведении в исполнение на территории Республики Беларусь этих решений должно быть отказано в связи с отнесением споров в силу закона к компетенции хозяйственных судов. Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь подчеркнул, что удовлетворение ходатайства о признании и приведении в исполнение таких решений будет противоречить публичному порядку Республики Беларусь[5]. Подобная практика заслуживает поддержки. Подходы об обязательности судебных актов национальных судов и юрисдикционном суверенитете именно как элементе публичного порядка должны получить последовательное развитие.

---

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 22 мая 2012 г. по делу № А50-5130/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление АС Поволжского округа от 28 июня 2012 г. по делу № А65-2944/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 5 декабря 2011 г. по делу № А27-781/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление АС Московского округа от 27 августа 2012 г. по делу № А40-56571/12-141-521 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Пункт 116 постановления Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2013 г. № 25.

Нарушение публичного порядка может касаться не только самого арбитражного решения, но и способа его исполнения. Решение может быть признано противоречащим публичному порядку Российской Федерации тогда, когда в результате его исполнения будет нарушено правовое состояние – совершены действия либо прямо запрещенные законом, либо наносящие ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагивающие интересы больших социальных групп, являющиеся несовместимыми с принципами построения экономической, политической, правовой системы государств, затрагивающие конституционные права и свободы граждан, а также противоречащие основным принципам гражданского законодательства, таким как равенство участников, неприкосновенность собственности, свободы договора[1]. Заявление о принудительном исполнении иностранного арбитражного решения удовлетворяется в случаях, если предусмотренный в резолютивной части способ исполнения решения не противоречит публичному порядку Российской Федерации[2], в противном случае в признании и приведении в исполнение арбитражного решения должно быть отказано. Однако на практике масштабной угрозой суверенитету или безопасности государства, затрагивающей интересы больших социальных групп, несовместимой с принципами построения экономической, политической, правовой системы государства, арбитражному суду показалось исполнение решения третейского суда в виде взыскания стоимости вклада в уставный капитал совместного предприятия без решения вопроса о судьбе акций, выданных в оплату этого вклада, а также о судьбе имущества, находящегося за пределами Российской Федерации[3].

В теории распределение бремени доказывания принято ставить в зависимость от существующей модели экзекватуры. Первая из них предполагает, что признание иностранных решений осуществляется через установление соблюдения условий их признания в национальном правопорядке. Второй режим, отражая состояние современной модели экзекватуры, исходит из презумпции соответствия иностранного решения условиям его признания. Поэтому отказ в выдаче экзекватуры может иметь место лишь в случае, когда по инициативе сторон либо суда будет установлено наличие как минимум одного из оснований для отказа[4]. Анализ законодательства и правоприменительной практики показал, что в странах ЕАЭС воспринята вторая модель, поэтому суды должны исходить из презумпции соответствия иностранного арбитражного решения условиям его признания.

---

[1] Определение ВАС РФ от 6 декабря 2007 г. по делу № А40-694/07-68-7; постановления АС Московского округа от 1 ноября 2007 г. по делу № А41-К1-9573/07, АС Восточно-Сибирского округа от 22 января 2007 г. по делу № А58-5134/06-Ф02-7285/06-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Пункт 31 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов.

[3] Там же, п. 29.

[4] См.: *Крохалев С.В.* Указ. соч. С. 280–282, 333.

Во всех странах ЕАЭС государственные суды отказывают в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений не только по ходатайству заинтересованной стороны, но также и *sua sponte*, по собственной инициативе, в случаях, если установят, что такие признание и приведение в исполнение противоречат публичному порядку. Примечательно, например, что в Республике Беларусь такое основание может быть применено не только судом, рассматривающим дело о признании и приведении в исполнение арбитражного решения, но и вышестоящим судом, пересматривающим определение по такому делу[1]. В России суд при рассмотрении дела о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений может выйти за пределы доводов участвующих в деле лиц и отказать в признании и приведении в исполнение, если установит *ex officio*, что такие признание и приведение в исполнение противоречат публичному порядку Российской Федерации. Применение судом по своей инициативе подп. «b» п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ – это право, а не обязанность суда. Именно сторона, заявляющая о противоречии признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения публичному порядку, должна обосновать наличие такого противоречия.

Противоречие публичному порядку как основание отказа в приведении в исполнение решения третейского суда применяется судом в исключительных случаях, не подменяя специальных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение, предусмотренных международными договорами и нормами процессуального законодательства. Так, нарушение порядка извещения стороны, против которой принято решение, о времени и месте рассмотрения дела, повлекшее невозможность представления ею в суд своих объяснений, является самостоятельным основанием для отмены или отказа в принудительном исполнении такого решения, в связи с этим необходимость использования механизма оговорки о публичном порядке ввиду ее экстраординарного характера отсутствует[2]. Специальные основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, связанные с нарушением процедурных требований, обеспечивают соблюдение минимальных стандартов справедливого разбирательства. Образующие их правовые императивы обладают не только особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения юрисдикционной системы конкретного государства, но являются также в полной мере универсальными. Минимальные стандарты справедливого судебного (арбитражного) разбирательства – это элемент уже не столько национального, сколько и международного публичного порядка. Недопустимость подмены пред-

[1] См. п. 16 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 23 декабря 2014 г. № 18 «О применении судами законодательства о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений».

[2] См. п. 51 постановления Пленума ВС РФ от 10 декабря 2019 г. № 53; п. 4 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке...

усмотренных международными договорами Российской Федерации и нормами процессуального законодательства специальных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений обусловлена установленными правилами распределения между сторонами обязанностей по доказыванию, а также мерой активности суда.

Государственный суд не может ограничиться простым указанием на нарушение, а при вынесении определения об отказе в признании и выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение иностранного арбитражного решения должен указать, нарушения каких именно основных принципов российского законодательства были допущены[1]. Аналогичный подход реализован в Казахстане: «судам при отмене решения по данному основанию следует мотивировать, какой конкретно публичный порядок нарушен и каким образом решение арбитража противоречит публичному порядку»[2], а сделать это без обращения к правовой доктрине крайне трудно. Справедлив также и тезис Высшего Хозяйственного Суда РБ – применение оговорки о публичном порядке должно носить строго мотивированный и обоснованный характер, так как подробное изложение мотивов и оснований для отказа в признании или приведении в исполнение содействует развитию более последовательной практики в выработке единого мнения относительно принципов и правил, которые могут считаться частью публичного порядка[3].

Практика применения судами стран ЕАЭС категории публичного порядка как основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений отличается разной интенсивностью. Суды некоторых стран накопили значительный опыт применения соответствующих норм, в других странах количество дел рассматриваемой категории остается небольшим. Представляется, что унификация подходов к применению норм Нью-Йоркской конвенции 1958 г. на пространстве ЕАЭС, единое понимание публичного порядка как правового механизма защиты правовых систем, опирающихся на единые ценности, благотворно скажутся на развитии системы взаимного признания юрисдикционных актов.

---

[1] См., напр., постановление АС Уральского округа от 13 марта 2006 г. по делу № Ф09-1495/06-С6 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Пункт 6 Рекомендаций Круглого стола «Некоторые вопросы применения Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» (г. Астана, 30 июня 2017 г.).

[3] Пункт 106 постановления Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2013 г. № 25.

Список использованной литературы

Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 203 с.

Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. 408 с.

Евразийская экономическая интеграция: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 648 с.

Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 472 с.

Молчанов В.В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 5. С. 142–158.

Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / под ред. Р.О. Зыкова. М.: Арбитражная Ассоциация, 2019. 999 с.

Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции 1958 г.: пособие для судей / Международный совет по коммерческому арбитражу. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 156 с.

Скобелев В.П. Решение иностранного суда и публичный порядок Республики Беларусь // Судебная и арбитражная практика. 2020. № 10. С. 16–22.

Скрябин С.В. Противоречие публичному порядку как основание отмены судами Республики Казахстан решений арбитражей: некоторые теоретические и практические вопросы // Взаимодействие государственных судов и арбитражей в сфере альтернативного разрешения споров: материалы научно-практического семинара (Алматы, 12 октября 2018 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов, А.Е. Дуйсенова. Алматы: НИИ частного права КОУ, 2019. С. 143–169.

Сулейменов М.К., Дуйсенова А.Е. Взаимодействие судов и арбитражей: проблемы теории и практики // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2019. № 2. С. 57–67.

Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / Ed. by P. Sanders. Deventer: Kluwer, Law and Taxation Publishers, 1987. 402 p.

Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. On International Commercial Arbitration. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 1280 p.

References

Avdiukov M.G. *Printsip zakonnosti v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Principle of Legality in Civil Proceedings]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1970. 203 p. (In Russ.)

Bogatina Iu.G. *Ogovorka o publichnom poriadke v mezhdunarodnom chastnom prave: teoreticheskie problemy i sovremennaia praktika* [Public Policy Clause in Private Inter-

national Law: Theoretical Problems and Current Practice]. Moscow: Statut, 2010. 408 p. (In Russ.)

Evraziiskaia ekonomicheskaia integratsiia: teoriia i praktika [Eurasian Economic Integration: Theory and Practice]. Moscow: Prospekt, 2023. 648 p. (In Russ.)

Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. On International Commercial Arbitration. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 1280 p.

Krokhalev S.V. *Kategoriia publichnogo poriadka v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse* [The Category of Public Policy in International Civil Proceedings]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 472 p. (In Russ.)

Molchanov V.V. *Protivorechie publichnomu poriadku Rossiiskoi Federatsii kak osnovanie dlia otmeny resheniia treteiskogo suda i otkaza v vydache ispolnitel'nogo lista* [Conflict with the Public Policy of the Russian Federation as a Ground for Setting Aside an Arbitral Award and Refusing to Issue a Writ of Execution]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 142–158. (In Russ.)

Rukovodstvo MSKA po tolkovaniiu N'iu-Iorkskoi konventsii 1958 g.: posobie dlia sudei [ICCA Guide to the Interpretation of the 1958 New York Convention: Textbook for Judges]. Moscow: Infotropic Media, 2012. 156 p. (In Russ.)

Sanders P. (ed.). Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration. Deventer: Kluwer, Law and Taxation Publishers, 1987. 402 p.

Skobelev V.P. *Reshenie inostrannogo suda i publichnyi poriadok Respubliki Belarus'* [Foreign Court Decision and Public Policy of the Republic of Belarus]. *Sudebnaia i arbitrazhnaia praktika – Judicial and Arbitration Practice*, 2020, no. 10, pp. 16–22. (In Russ.)

Skriabin S.V. *Protivorechie publichnomu poriadku kak osnovanie otmeny sudami Respubliki Kazakhstan reshenii arbitrazhei: nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy* [Contradiction to Public Policy as a Ground for Annulment of Arbitration Awards by the Courts of the Republic of Kazakhstan: Some Theoretical and Practical Issues]. In Suleimenov M.K., Duisenova A.E. (eds.). *Vzaimodeistvie gosudarstvennykh sudov i arbitrazhei v sfere al'ternativnogo razresheniia sporov: materialy nauchno-prakticheskogo seminara (Almaty, 12 oktiabria 2018 g.)* [Interaction Between State Courts and Arbitration Tribunals in the Field of Alternative Dispute Resolution: Materials of the Scientific and Practical Seminar (Almaty, 12 October 2018)]. Almaty: Research Institute of Private Law of the Caspian Public University, 2019, pp. 143–169. (In Russ.)

Suleimenov M.K., Duisenova A.E. *Vzaimodeistvie sudov i arbitrazhei: problemy teorii i praktiki* [Interaction of Courts and Arbitration Courts: Problems of Theory and Practice]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii RK – Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2019, no. 2, pp. 57–67. (In Russ.)

Zykov R.O. (ed.). *Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh reshenii v Rossii i stranakh byvshego SSSR* [Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and Former USSR Countries]. Moscow: Arbitrazhnaia Associatsiia, 2019. 999 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Кудрявцева Е.В. (Москва, Россия) – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); e-mail: evkud@yandex.ru).

Курочкин С.А. (Екатеринбург, Россия) – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; e-mail: kurochkin@e1.ru).

Information about the authors

E.V. Kudryavtseva (Moscow, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Civil Procedure, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University (1, Bldg. 13 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; e-mail: evkud@yandex.ru).

S.A. Kurochkin (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University (21 Komsomolskaia St., Yekaterinburg, 620066, Russia; e-mail: kurochkin@e1.ru).

Для цитирования

Кудрявцева Е.В., Курочкин С.А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 225–246. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-225-246

Recommended citation

Kudryavtseva E.V., Kurochkin S.A. *Narushenie publichnogo poriadka kak osnovanie otkaza v priznanii i privedenii v ispolnenie arbitrazhnykh reshenii v stranakh EAES* [Violation of Public Order as a Basis for Refusal to Recognize and Enforce Arbitral Awards in the EAEU Countries]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 225–246. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-225-246

ВОЗБУЖДЕНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

А.Г. МХИТАРЯН,

старший специалист Центра частного права
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
магистрант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-54-247-258

Апелляционное производство направлено на устранение судебной ошибки, допущенной судом нижестоящей инстанции. Несмотря на очевидную направленность этого института на проверочную деятельность, в правоприменительной практике встречаются случаи подачи апелляционной жалобы единственно с целью заключения мирового соглашения. При этом намерение сторон заключить мировое соглашение не является основанием для возбуждения проверочного производства. Насколько допустима ситуация, позволяющая при отсутствии законодательных механизмов возбудить производство в суде апелляционной инстанции исключительно для заключения мирового соглашения, каковы причины ее возникновения в контексте доступности иных способов урегулирования конфликта после принятия решения судом первой инстанции? Эти и другие вопросы рассматриваются в данной статье. Автором предлагаются пути совершенствования действующего законодательства, направленные на регламентацию правоприменительной практики в случае возникновения соответствующей потребности.

Ключевые слова: гражданский процесс; арбитражный процесс; апелляционное производство; право апелляционного обжалования; апелляционная жалоба; примирение; мировое соглашение.

INITIATION OF APPEAL PROCEEDINGS FOR THE PURPOSES OF A SETTLEMENT: RAISING THE ISSUE

A.G. MKHITARYAN,

Senior Specialist, Department of Private Law,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Master Student, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University

The appellate procedure is aimed at correcting a lower court's judicial error. Despite the obvious focus of this institution on review, there are occasions in appellate courts when appeal is filed solely for the purpose of reaching a settlement. However the intention of the parties to conclude a settlement is not a basis for initiating review proceedings. To what extent is the initiation of proceedings in the appellate court solely for the purpose of reaching a settlement permitted in the absence of legislative mechanisms, what are the reasons for this in the context of the availability of using other means of dispute resolution after making the decision of trial court? These and other issues are discussed in this article. The author proposes some ways of improving the existing legislation and regulating the practice in case it is needed.

Keywords: civil procedure; commercial procedure; appellate proceedings; right of appeal; appeal; conciliation; settlement agreement.

Основываясь на содержании ст. 46 Конституции РФ, КС РФ, ВС РФ неоднократно обращали внимание на то, что право каждого на судебную защиту, право на обжалование судебного акта предполагают предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления допущенных судами ошибок при наличии таковых. Для этого существует предусмотренный федеральными законами порядок апелляционной, кассационной, надзорной проверки законности и (или) обоснованности судебных актов. В судебной практике последних лет наблюдается ситуация, когда право, например, на апелляционное обжалование реализуется не с целью исправления судебной ошибки, а с целью заключения мирового соглашения.

Так, в апелляционных определениях Московского городского суда указывается: «до начала рассмотрения дела по существу [представители истца и ответчика. – *А.М.*] заявили ходатайство об утверждении заключенного между сторонами мирового соглашения и прекращении производства по делу»[1]. В таком

[1] Апелляционные определения Московского городского суда от 2 мая 2023 г. по делу № 33-15043/2023, от 16 мая 2023 г. по делу № 33-18835/2023.

случае мировое соглашение фактически заключается после принятия решения судом первой инстанции, но до рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (что прямо следует из некоторых судебных постановлений[1]). Аналогична практика и арбитражных апелляционных судов[2]. Иногда подписанное мировое соглашение представляется сразу в качестве приложения к апелляционной жалобе[3]. Очевидно, что в таких случаях действия сторон не направлены на проверку законности и обоснованности судебного решения. Возникает вопрос: возможно ли апелляционное обжалование судебного решения для иных, не связанных с защитой нарушенного или оспоренного права целей?

Для лиц, уже получивших судебную защиту, но желающих окончить дело миром, законом предусмотрена возможность обращения к примирительным процедурам или заключение мирового соглашения в ходе исполнительного производства.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации может применяться после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства; согласно ч. 5 ст. 12 медиативное соглашение в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа.

Исходя из положений ст. 43 и ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» заключение мирового соглашения, соглашения о примирении между должником и взыскателем допускается до окончания исполнительного производства. Суды на этом основании делают правильный вывод о том, что «на стадии исполнения судебного постановления стороны не лишены права заключить мировое соглашение»[4], «если участники дела достигнут соглашения о порядке урегулирования спора путем заключения мирового соглашения на стадии после вступления решения суда по делу в законную силу, это не препятствует им обратиться для его утверждения в суд первой инстанции»[5].

Стороны не ограничены в выборе варианта поведения, они вольны избрать приемлемый из доступных для них способ достижения своей цели – урегулировать спор даже после его разрешения. Между тем, не отвечая на вопрос о правильности выбранного участниками процессуальных отношений пути (возбуж-

---

1 Апелляционные определения Московского городского суда от 20 июля 2022 г. по делу № 33-23111/2022, от 2 мая 2023 г. по делу № 33-11062/2023.

2 Постановления 9 ААС от 8 августа 2023 г. № 09АП-43401/2023, 09АП-43403/2023 по делу № А40-23393/2023, 10 ААС от 31 июля 2023 г. № 10АП-7286/2023 по делу № А41-1123/2023.

3 Постановление 9 ААС от 10 июля 2023 г. № 09АП-25085/2023-ГК по делу № А40-287568/2022.

4 Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июня 2023 г. № 33-25814/2023.

5 Апелляционное определение Московского городского суда от 8 июня 2023 г. № 33-24494/2023.

дения апелляционного производства), отметим, что рассматриваемая ситуация находит свое рациональное обоснование.

Признавая, что в ходе судебной деятельности может быть допущена ошибка, законодатель предусмотрел механизм ее устранения посредством проверки принятых судебных постановлений[1]. Еще Е.В. Васьковский писал: «как бы хорошо ни были подготовлены к своей деятельности судьи, как бы добросовестно и внимательно они ни относились к исполнению своих обязанностей, во всяком случае, они не могут быть вполне гарантированы от промахов и ошибок»[2]. Вместе с тем, несмотря на очевидную направленность инстанционной проверки на исправление судебных ошибок, следует признать, что мотивов, по которым решение суда обжалуется, может быть множество.

Представляется, что поводом для появления судебной практики, в соответствии с которой податель жалобы обращается в суд апелляционной инстанции не за защитой своего права, а для заключения мирового соглашения, являются следующие обстоятельства:

1) на стадии апелляционного обжалования проверке подлежит еще не вступившее в законную силу, а значит, не приобретшее соответствующие свойства (в частности, исполнимость) решение суда. Из этого вытекает невозможность обращения за принудительным исполнением такого решения в порядке исполнительного производства. Из положений ч. 13 ст. 153.10 ГПК РФ (ч. 13 ст. 141 АПК РФ) следует, что утверждение мирового соглашения в суде апелляционной инстанции по предмету заявленных требований влечет за собой отмену судебного акта и прекращение производства по делу.

В случае вступления решения в законную силу и последующего примирения сторон над одной из них «дамокловым мечом» висит право другой обратиться к судебным приставам за принудительным исполнением постановления суда. Теми же нормами процессуальных кодексов установлено, что утверждение мирового соглашения, заключенного в процессе исполнения судебного акта, влечет за собой прекращение исполнения этого судебного акта при оставлении его в силе. Таким образом, когда по результатам рассмотрения и разрешения дела принято судебное решение, после вступления его в силу становится возможным отказаться только от его исполнения;

2) прекращение производства по делу при отмене судебного постановления, являющееся следствием утверждения судом мирового соглашения, влечет за собой дальнейшую невозможность повторного обращения в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям;

---

[1] См.: *Борисова Е.А.* Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2006; *Она же.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2019.

[2] *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. Т. 1. М.: Бр. Башмаковы, 1913. С. 172.

3) утверждение судом мирового соглашения гарантирует его соответствие требованиям законодательства, что является для сторон дополнительной гарантией;

4) мировое соглашение, как и судебное решение, может быть исполнено принудительно;

5) для участников арбитражного судопроизводства мировое соглашение, заключенное до вступления судебного решения в силу, может приобретать дополнительную ценность по причине необходимости сохранения деловой репутации и партнерских отношений. Неслучайно содействие их становлению и развитию закреплено в АПК РФ в качестве задачи судопроизводства в арбитражных судах. Наличие вступившего в законную силу судебного постановления в отношении проигравшей стороны может негативно сказаться на ее деятельности, равно как и на сотрудничестве с другими участниками оборота, которые рассматривают принятое решение как обоснованное сомнение в добросовестности потенциального контрагента.

Желание выявить подобные (а также и другие) мотивы на стадии подачи апелляционной жалобы и разграничить их с теми, которые предполагаются должными при обжаловании, так же очевидно, как и практически нереализуемо. Тем не менее существование рассматриваемой ситуации диктует необходимость формулирования ответов на возникшую потребность возбуждения проверочного производства для целей заключения мирового соглашения.

В процессуальных кодексах заключение мирового соглашения является распорядительным правом, названным в числе иных, предусмотренных на стадии апелляционного обжалования. Сторона не может быть ограничена в его реализации, примирение возможно на любой стадии процесса (ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 138 АПК РФ).

В случае допущения практики возбуждения апелляционного производства с целью заключения мирового соглашения необходимо сначала задаться вопросом: возможно ли такое обжалование, а затем, в случае дачи положительного ответа, – задуматься о допустимых законодательных путях ее «закрепления».

Для осуществления права апелляционного обжалования необходимо (среди прочего) соблюдение ряда формальных предварительных условий. Одним из них является условие о соответствии жалобы определенным в законе реквизитам.

Часть 1 ст. 322 ГПК РФ закрепляет, что в содержание апелляционной жалобы должны быть включены:

1) наименование суда, в который подаются апелляционные жалоба, представление;

2) наименование лица, подающего жалобу, представление, его место жительства или адрес;

3) номер дела, присвоенный судом первой инстанции, указание на решение суда, которое обжалуется;

4) требования лица, подающего жалобу, или требования прокурора, приносящего представление, а также основания, по которым они считают решение суда неправильным;

5) перечень прилагаемых к жалобе, представлению документов.

Аналогичные требования предъявляются к жалобе, подаваемой в арбитражный апелляционный суд (ч. 2 ст. 260 АПК РФ).

Не имея возможности проверить мотивы совершения лицами процессуальных действий и стремясь исключить возбуждение апелляционного производства в не предусмотренных для этого целях, законодатель установил вышеназванные требования к апелляционной жалобе, одним из которых является необходимость указания на основания к отмене или изменению судебного постановления. С учетом того, что только при соблюдении установленных предпосылок обжалования податель может рассчитывать на проверку принятого нижестоящим судом решения, предполагается, что такое установление должно исключить все случаи ее подачи по таким поводам, которые не отвечают условиям необходимости устранить «ошибочность решения».

Соответственно, положения действующего законодательства не предусматривают формальную возможность обратиться в вышестоящую инстанцию исключительно с целью заключения мирового соглашения.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 326.1 ГПК РФ мировое соглашение, совершенное после принятия апелляционной жалобы, должно быть выражено в поданном суду апелляционной инстанции заявлении в письменной форме. В случае, если условия мирового соглашения сторон были заявлены в судебном заседании, такие условия заносятся в протокол судебного заседания и подписываются соответственно истцом, ответчиком, сторонами мирового соглашения. Таким образом, с одной стороны, указанная норма не создает препятствий для заявления соответствующего ходатайства одновременно с подачей апелляционной жалобы, с другой стороны, проверка судебных актов – это гарантия права на судебную защиту, предусмотренная в строго определенных целях: исправление допущенной, по мнению заявителя, ошибки и, как следствие, обеспечение правильного разрешения дела[1].

При желании сторон заключить мировое соглашение после принятия судебного решения, законность и обоснованность которого не подвергается сомнению, целесообразно было бы рассмотреть вариант, предусматривающий право обращения не в суд проверочной инстанции, а в суд первой инстанции.

Во-первых, суд первой инстанции является тем судом, в рамках которого находилось производство по делу. Принятым им решением была внесена ясность в материальные правоотношения сторон.

---

[1] Несмотря на отсутствие в АПК РФ отдельной регламентации порядка заключения мирового соглашения в суде апелляционной инстанции, к совершению данного процессуального действия применяются общие правила ст. 49 АПК, предусматривающей право сторон закончить дело мировым соглашением, а также ст. 139 АПК, устанавливающей, что мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного процесса.

Во-вторых, защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов определяется как цель судопроизводства первоначально именно в первой инстанции. На этой стадии должны быть предприняты все необходимые усилия для ее достижения путем выполнения задачи по своевременному и правильному рассмотрению дела[1].

Посредством мирового соглашения также достигается цель судопроизводства. Оно, как и судебное решение, позволяет модифицировать материальные правоотношения в процессуальной форме, является «договорным способом разрешения судебного спора»[2]. В этом случае суд как субъект способствует, реализуя возложенные на него обязанности по содействию мирному урегулированию спора, и контролирует, проверяя мировое соглашение на соответствие закону и соблюдение прав и законных интересов других лиц. Общая задача судопроизводства достигается, таким образом, в рамках гражданской процессуальной формы в суде первой инстанции, что не требует возбуждения проверочного производства. В.М. Жуйков, отмечая исключительную важность деятельности суда по примирению сторон в процессе, пишет: «Эта деятельность должна осуществляться судьей с самого начала производства по делу – уже в стадии его подготовки к судебному разбирательству – и (в случае незавершенности) продолжаться в ходе всего рассмотрения дела в суде первой инстанции; она может быть продолжена и в суде апелляционной инстанции… где также допускается возможность заключения мировых соглашений между истцами и ответчиками»[3].

Практическим тезисом, подтверждающим правильность возложения функции по утверждению мирового соглашения, заключенного после принятия решения, а соответственно прекращения производства по делу в суде первой инстанции, может послужить ч. 1 ст. 153.10 ГПК РФ, устанавливающая, что в случае, если мировое соглашение заключено в процессе исполнения судебного акта, оно представляется на утверждение суда, рассмотревшего дело в качестве суда первой инстанции. Согласно ч. 1 ст. 141 АПК РФ мировое соглашение представляется на утверждение арбитражного суда первой инстанции по месту исполнения судебного акта или в арбитражный суд, принявший указанный судебный акт. Такой подход понятен: судебный контроль в рамках исполнительного производства возлагается на суд, принявший решение, которое и подлежит исполнению на этой стадии. Устанавливая дополнительную возможность утвердить мировое соглашение в арбитражном суде по месту исполнения судебного акта, законодатель неслучайно приоритетным оставляет «функциональный» (суд первой инстанции), а не территориальный (по месту исполнения) критерий.

---

[1] См.: *Жилин А.Г.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000.

[2] *Гукасян Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970.

[3] *Жуйков В.М.* Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019. № 9. С. 24–30.

Однако вновь следует констатировать, что для заключения мирового соглашения в суде первой инстанции отсутствуют законные основания, позволяющие повторно возбудить производство по делу.

Таким образом, можно предположить, что анализируемая правоприменительная практика есть не что иное, как ответ на последствия неурегулированности этого вопроса в законодательстве и запрос на его теоретическое осмысление с последующими предложениями *de lege ferenda*.

Рассмотрим возможность внесения изменений в ст. 325.1 ГПК РФ. Действующая редакция данной нормы закрепляет право суда апелляционной инстанции вернуть дело в суд первой инстанции в следующих случаях: не рассмотрены заявление о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы, представления; замечание на протокол судебного заседания или заявление о вынесении дополнительного решения. Если судом первой инстанции не было изготовлено мотивированное решение, это обстоятельство также является основанием для возвращения дела с апелляционной жалобой в суд первой инстанции (ч. 2 ст. 325.1 ГПК РФ). В п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» приведенный перечень дополнен еще одним основанием: несоответствие апелляционной жалобы требованиям ч. 1–3 и п. 2 ч. 4 ст. 322 ГПК РФ. При этом судебной практикой этот перечень не рассматривается как исчерпывающий[1].

Подобная деятельность суда первой инстанции охватывается понятием «самоконтроль»[2]. Процессуальные действия в рамках самоконтроля суд совершает после окончания стадии судебного разбирательства, т.е. после принятия итогового решения по делу, но до передачи дела в суд апелляционной инстанции. Представляется, что к их числу может быть отнесен и вопрос о заключении мирового соглашения и его утверждении судом первой инстанции. Несмотря на то что у суда отсутствовала обязанность совершать подобное действие, возможность возвращения дела в рассматриваемом случае в суд первой инстанции видится целесообразной.

Дополнение ст. 325.1 новой (третьей) частью, регламентирующей возвращение дела, поступившего с апелляционной жалобой, в первую инстанцию в случае заявления ходатайства подателя жалобы и согласия противоположной стороны, не потребует возбуждения апелляционного производства. Такое подход имеет следующие положительные стороны:

---

[1] *Борисова Е.А.* Возвращение дела, поступившего с апелляционной жалобой, в суд первой инстанции // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова / под ред. В.В. Молчанова. М.: Зерцало-М, 2022. С. 59.

[2] См.: *Зайцев И.М.* Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 18–20.

1) сохраняется теоретико-практическое понимание сущности апелляционного производства как производства по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных постановлений суда первой инстанции путем вторичного рассмотрения дела по существу;

2) обеспечивается решение судом первой инстанции задачи мирного урегулирования спора без задействования для этого иных механизмов;

3) удовлетворяется потребность сторон в заключении мирового соглашения после принятия решения, но до вступления его в силу.

Вместе с тем считаем, что данное предложение требует дальнейшего обсуждения.

Рассматриваемый вопрос напрямую связан и с тем, насколько такая практика необходима не только лицам, участвующим в деле, но и государству. Примирение является предпочтительным способом урегулирования спора для сторон по причине возможности сохранения ими дружеских и партнерских отношений (что прямо названо в числе задач арбитражного судопроизводства)[1], для государства – по причине сокращения нагрузки на судебную систему и, как следствие, уменьшения расходов на нее. Более того, с закреплением в процессуальном законодательстве задачи содействия мирному урегулированию споров правосудие, будучи традиционным механизмом разрешения спора, мыслится теперь еще и как способ взаимодействия суда и участников процесса, направленный на его мирное окончание.

Если государство заинтересовано в развитии примирительных процедур, которые пока не получили широкого распространения, значит, для регламентации рассматриваемой ситуации, сложившейся в правоприменительной практике, необходимо принять меры. Права Т.В. Сахнова, указывающая, что «юридическая жизнеспособность тех или иных примирительных процедур зависит от того, насколько они вписаны в существующий (или реформируемый, желаемый) концепт процесса. Ибо главное в процессе – методы; именно методами творится юридическая цель процесса, и они – методы и цели – должны концептуально коррелировать друг другу»[2].

Диспозитивные начала в публичном процессе могут увеличить потенциал примирительных процедур, в частности мирового соглашения – единственной судебной. И если участники процесса нацелены на использование именно судебных процедур[3], то, быть может, следует сместить фокус с несудебных (т.е. утверждения судом в процессе результатов внепроцессуальных процедур)

---

[1] См.: *Печегина П.Д.* Задачи гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

[2] *Сахнова Т.В.* О концепте примирительных процедур и их ценностных ориентирах // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 15.

[3] Из 12 млн дел искового и приказного производства всего 362 были урегулированы посредством процедур медиации и судебного примирения, в свою очередь 34 221 – завершены заключением мирового соглашения или соглашения о примирении сторон (см.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года // http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096).

и дать сторонам возможность пользоваться иными путями, которые в таком случае необходимо регламентировать и совершенствовать.

Список использованной литературы

Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2019. 368 с.

Борисова Е.А. Возвращение дела, поступившего с апелляционной жалобой, в суд первой инстанции // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова / под ред. В.В. Молчанова. М.: Зерцало-М, 2022 (СПС «КонсультантПлюс»).

Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2006. 303 с.

Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М.: Бр. Башмаковы, 1913. 691 с.

Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. 190 с.

Жилин А.Г. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 70 с.

Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019. № 9. С. 24–30.

Зайцев И.М. Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 18–20.

Печегина П.Д. Задачи гражданского судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 201 с.

Сахнова Т.В. О концепте примирительных процедур и их ценностных ориентирах // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 12–28.

References

Borisova E.A. *Apelliatsiia, kassatsiia, nadzor po grazhdanskim delam: uchebnoe posobie* [Appeal, Cassation, Supervision in Civil Cases: Textbook]. 3rd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2019. 368 p. (In Russ.)

Borisova E.A. *Proverka sudebnykh aktov po grazhdanskim delam* [Verification of Judicial Acts in Civil Cases]. Moscow: Gorodets, 2006. 303 p. (In Russ.)

Borisova E.A. *Vozvrashchenie dela, postupivshego s apelliatsionnoi zhaloboi, v sud pervoi instancii* [Return of the Case Filed with the Appeal to the Court of First Instance]. In Molchanov V.V. (ed.). *Uchenie o grazhdanskom protsesse: nastoiashchee i budushchee: sbornik dokladov na I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati M.K. Treushnikova* [The Doctrine of Civil Procedure: Present and Future: Collection of Reports at the

I International Scientific Conference in Memory of M.K. Treushnikov]. Moscow: Zertsalo-M, 2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Gukasian R.E. *Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave* [The Problem of Interest in Soviet Civil Procedural Law]. Saratov: Volga Region Book Publishing House, 1970. 190 p. (In Russ.)

Pechegina P.D. *Zadachi grazhdanskogo sudoproizvodstva: dis. … kand. iurid. nauk* [Objectives of Civil Proceedings: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2022. 201 p. (In Russ.)

Sakhnova T.V. *O kontsepte primiritel'nykh protsedur i ikh tsennostnykh orientirakh* [On the Concept of Conciliation Procedures and Their Value Orientations]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 12–28. (In Russ.)

Vaskovskii E.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa. T. 1* [Civil Procedure Course. Vol. 1]. Moscow: Bashmakovy Brothers Publ., 1913. 691 p. (In Russ.)

Zaitsev I.M. *Samokontrol' suda pervoi instantsii v grazhdanskom protsesse* [Self-Control of the Court of First Instance in Civil Procedure]. *Rossiiskaia iustitsiia – Russian Justic*e, 1998, no. 12, pp. 18–20. (In Russ.)

Zhilin A.G. *Tseli grazhdanskogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiia v sude pervoi instantsii: avtoref. dis. … dokt. iurid. nauk* [Objectives of Civil Proceedings and Their Realization in the Court of First Instance: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Moscow, 2000. 70 p. (In Russ.)

Zhuikov V.M. *Rol' suda v primirenii storon po grazhdanskim delam* [The Role of the Court in Reconciliation of the Parties in Civil Cases]. *Rossiiskii sud'ia – Russian Judge*, 2019, no. 9, pp. 24–30. (In Russ.)

Информация об авторе

Мхитарян А.Г. (Москва, Россия) – старший специалист Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, магистрант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); e-mail: ag.mkhtr@gmail.com).

Information about the author

A.G. Mkhitaryan (Moscow, Russia) – Senior Specialist, Department of Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Master Student, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University (1, Bldg. 13 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; e-mail: ag.mkhtr@gmail.com).

Для цитирования

Мхитарян А.Г. Возбуждение апелляционного производства для целей заключения мирового соглашения: постановка вопроса // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 247–258. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-247-258

Recommended citation

Mkhitaryan A.G. *Vozbuzhdenie apelliatsionnogo proizvodstva dlia tselei zakliucheniia mirovogo soglasheniia: postanovka voprosa* [Initiation of Appeal Proceedings for the Purposes of a Settlement: Raising the Issue]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 247–258. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-247-258

ТЕНДЕНЦИИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Т.И. МЕТШИН,

соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанского (Приволжского) федерального университета

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-259-272

В статье подчеркивается актуальность разграничения инвестиционных договоров с иными, которая отмечается и в исследованиях 2023 г. и прослеживается из анализа конкретных судебных решений, на основе которых формируются тенденции в рассмотрении споров, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере. Доказывается, что на практике такие споры тенденциозно связаны с решением вопросов о квалификации договоров, о праве собственности на объекты недвижимого имущества, созданного по инвестиционному договору. Исследуются положения, которым суды уделяют повышенное внимание, в частности цели сторон, их конкретные действия, которые позволяют отличить предпринимательскую деятельность от инвестиционной и определить, имел ли заказчик право на заключение инвестиционного договора в соответствии с законодательством об инвестиционной деятельности. Также рассматриваются обстоятельства, при которых в первую очередь учитываются условия самого инвестиционного договора или договора, таковым не поименованного, но обладающего всеми его признаками. Анализируются случаи, при которых суд может обязать одну из сторон подписать акт о реализации инвестиционного проекта, признавая это надлежащим способом защиты нарушенного имущественного права, а также спорные ситуации о возникновении права собственности, в том числе у соинвесторов.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность; инвестиционный договор; будущая недвижимость; споры в строительной сфере.

TRENDS IN THE CONSIDERATION OF DISPUTES ARISING FROM INVESTMENT ACTIVITIES IN THE CONSTRUCTION SECTOR

T.I. METSHIN,

Researcher, Department of Business and Energy Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

The article emphasizes the relevance of differentiating investment agreements from other agreements, which is also noted in the studies of 2023 and which is seen based on the analysis of specific court decisions, on the basis of which trends in the consideration of disputes arising from investment activities in the construction sphere are formed. It is proved that in practice such disputes are tendentiously connected with the solution of questions on qualification of contracts, on the right of ownership of real estate objects created under the investment agreement. The provisions to which the courts pay increased attention are studied, in particular, the purposes of the parties, their specific actions, which allow to distinguish entrepreneurial activity from investment activity and to determine whether the customer had the right to conclude an investment agreement in accordance with the legislation on investment activity. The circumstances in which the conditions of the investment agreement itself or the agreement not named as such, but possessing all its features, are taken into account in the first place, are also considered. The article analyzes cases in which the court may oblige one of the parties to sign an act on the implementation of the investment project, recognizing this as a proper way to protect the violated property right, as well as disputable situations on the emergence of ownership rights, including those of co-investors.

Keywords: investment activity; investment agreement; future real estate; disputes in construction sphere.

Инвестиционная деятельность как социальная практика известна давно. В правовом поле оформление признаков, законодательно обеспеченных в качестве подспорья для предмета инвестиционных договоров, произошло с принятием Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»[1] (далее – ФЗ № 39), в ст. 1 которого дается легальное определение такому виду деятельности. Так, инвестиционная деятельность – вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или)

[1] СПС «КонсультантПлюс».

достижения иного полезного эффекта. Схожие подходы высказывают Н.Г. Доронина[1], Д.С. Ратникова[2], А.В. Майфат[3], М.Ю. Тихомиров[4] и др. При этом сама инвестиция есть денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Необходимость правового регулирования инвестиций и инвестиционной деятельности позволяет изучать эти явления более досконально, отмечая их схожесть с предпринимательской деятельностью. Здесь же можно отметить и особый контроль как раз за субъектами предпринимательской деятельности, которые для целей законодательства и практики поименованы инвесторами, зарегистрированными в установленном законом порядке и осуществляющими «операции с цифровыми активами на организованных рынках»[5]. Потому еще в первом десятилетии нашего века в специализированной экономической литературе подчеркивалась связь инвестиционной деятельности с государственной политикой, конечной целью которой служит обеспечение нормального уровня благосостояния общества[6].

Значимость инвестиционной деятельности предопределяет ее распространенность, что находится в прямой корреляции с необходимостью защиты прав и охраняемых законом интересов, а равно и наличием споров. Переходя к основному вопросу настоящего исследования, отметим, что ключевой в спорах, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере, остается вариативность правового оборота инвестиций, которые, как отмечает Р.С. Бевзенко, «с юридической точки зрения могут быть опосредованы самыми разными (по своей юридической природе) конструкциями: займом (инвестиции в облигации; финансовый лизинг); арендой (возвратный лизинг); корпорацией (приобретение акций)»[7]. Это порождает неопределенность гражданско-правовой ква-

---

1 *Доронина Н.Г.* Комментарии к Закону об иностранных инвестициях. М.: Юстицинформ, 2000. С. 20–27.

2 *Ратникова Д.С.* Правовое регулирование инвестиционной деятельности в РФ: теоретические основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

3 *Майфат А.В.* Гражданско-правовые конструкции инвестирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9.

4 Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1998. С. 181.

5 Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019.

6 *Волосов А.И.* Теория и методология государственного управления инвестиционной деятельностью: дис. ... докт. экон. наук. СПб., 2008. С. 43.

7 *Бевзенко Р.С.* Квалификация и последствия сделок с будущей недвижимой вещью. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 84–105.

лификации инвестиционных договоров, устранить которую не взялся и Пленум ВАС РФ, который в своем постановлении от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» сделал открытым перечень правовых квалификаций, которые суды могут давать договорам о будущей недвижимости, названным сторонами инвестиционными[1].

При этом, как отмечается авторами «Комментария практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики)», если до 2011 г. суды традиционно принимали инвестиционные договоры за сделки особой правовой природы, то с принятием разъясняющих правоположений споры, связанные с инвестиционной деятельностью, должны разрешаться по правилам гл. 30, 37 и 55 ГК РФ, т.е. «суды обязаны определять правовую природу спорных отношений, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, и квалифицировать их с применением норм ГК РФ о договорах купли-продажи, подряда, простого товарищества и т.д.»[2]. И в данном случае правовое регулирование инвестиционной деятельности нередко осуществляется отраслевым законодательством, к примеру, согласно п. 3 ст. 1041 ГК РФ особенности заключаемого для совместной инвестиционной деятельности договора простого товарищества устанавливаются Федеральным законом «Об инвестиционном товариществе»[3].

Актуальность разграничения инвестиционных договоров с иными отмечается и в исследованиях 2023 г., так как, несмотря на положения ст. 8 ФЗ № 39 о том, что между субъектами инвестиционной деятельности осуществляются на основе договора и (или) государственного контракта, заключаемых между ними в соответствии с ГК РФ, в самом ГК РФ «инвестиционный договор» отсутствует как конкретный вид, а потому принадлежит к непоименованным (к примеру, инвестиционные договоры, по которым застройщик обязуется внести в пользу публичного образования взнос на развитие социальной, инженерной или транспортной инфраструктуры)[4] или в отдельных случаях к смешанным[5] (например,

---

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25.

[3] Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Президиума ВАС РФ от 24 сентября 2013 г. № 4606/13 по делу № А75-4586/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См. подробнее об этом: *Огородов Д.В., Челышев М.Ю.* Конструкция смешанного договора в гражданском (частном) праве // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей. М.: Статут, 2008. С. 310–355.

договор инвестирования, по условиям которого сторона, построившая здание, имеет право в качестве оплаты получить в собственность помещения в нем)[1]. Кроме прочего, правоотношения по финансированию строительных работ регулируются нормативными актами разных сфер действия[2].

Обратимся к примерам из практики. Так, в постановлении 18 ААС от 18 июня 2019 г. № 18АП-5361/2019 по делу № А76-25655/2018 прямо указано на то, что «инвестиционный договор не является видом договора в смысле ГК РФ, а представляет собой особый правовой режим, установленный ФЗ № 39, применение которого к классическим договорным отношениям, в частности к договору подряда, обусловлено осуществлением в их рамках деятельности, являющейся в соответствии с законом инвестиционной»[3]. При этом суд отмечает, что для каждого конкретного случая требуется определить правовую природу соответствующего договора для разрешения спора. Именно поэтому существенными являются условия о предмете договора инвестирования, кроме прочего, стороны при заключении инвестиционного договора могут согласовать те условия, которые будут признаваться существенными для данного конкретного договора.

В зависимости от того, как участники отношений понимают сущность заключенного договора, как суд квалифицирует их договор, зависит, какие нормы подлежат применению, в какой момент возникает право собственности, а потому крайне важно проанализировать конкретные судебные решения, на основе которых формируются тенденции в рассмотрении споров, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере. Остается справедливым и актуальным замечание В.А. Трапезникова о том, что до настоящего момента «в числе договоров на строительство закреплены договоры подряда (строительного; на выполнение проектных и изыскательских работ; договоры на подрядные работы для государственных нужд и договоры участия в долевом строительстве). Но при этом остались в стороне договоры на инвестирование строительства (инвестиционные контракты), которые до начала и в период строительства заключаются между застройщиком и инвестором (инвесторами), а также между застройщиком и администрацией территории, на которой предполагается осуществить строительство»[4].

---

[1] Пункт 6 постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 СПС «КонсультантПлюс»; *Челышев М.Ю.* Основы правового режима самовольно построенных многоквартирных жилых домов // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 202–206.

[2] См. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление 18 ААС от 18 июня 2019 г. № 18АП-5361/2019 по делу № А76-25655/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Трапезников В.А.* Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о

Так, например, в постановлении АС Восточно-Сибирского округа от 14 декабря 2017 г. № Ф02-7042/2017 по делу № А78-2131/2017 суд, ссылаясь на п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 (далее – ПП ВАС РФ № 54), приходит к выводу, что суды первой и апелляционной инстанций правильно квалифицировали договор инвестиционной деятельности как смешанный, регулирование которого осуществляется нормами гл. 55 ГК РФ («Простое товарищество»). В обоснование своей позиции Арбитражный суд указывает: «договор об инвестиционной деятельности № 5 от 14.01.2009 был заключен сторонами с целью предоставления инвестором (истцом) застройщику (ответчику) земельного участка в аренду для строительства подземной автостоянки боксового типа с устройством на эксплуатируемой кровле спортивной площадки, отдельно стоящего здания спортивного зала и проведения работ по благоустройству территории школы № 38 – 1-я очередь строительства, указанный земельный участок принадлежит городскому округу «Город Чита», иных обязательств истец на себя не принимал, застройщик взял на себя обязательства осуществить своими средствами строительство, а результатом инвестиционной деятельности истца предусмотрена передача в собственность объекта инвестиций – вновь построенного теплого спортивного зала, футбольного поля»[1].

Схожую практику находим в другом округе. В постановлении АС Центрального округа от 13 июня 2023 г. № Ф10-879/2023 по делу № А09-11082/2021, в котором содержится отсылка на п. 4 и 6 ПП ВАС РФ № 54, проанализированы все условия заключенного сторонами контракта и, в частности, п. 2.2 сделан следующий вывод: «инвестиционный контракт является смешанным договором, содержащим в себе элементы договора купли-продажи и договора подряда...»[2].

В другом судебном решении обязательства органа местного самоуправления, прописанные в инвестиционном контракте, ВС РФ признает публично-правовыми и связанными с выполнением властно-распорядительных функций, потому само соглашение (т.е. инвестиционный контракт), по которому муниципальное образование подтверждает наличие у него обязанностей исполнять предписания публичного законодательства, не квалифицирует как гражданско-правовую сделку и в удовлетворении требования о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о включении требований органа местного самоуправления в реестр требований кредиторов должника отказывает[3].

внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020.

[1] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 14 декабря 2017 г. № Ф02-7042/2017 по делу № А78-2131/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление АС Центрального округа от 13 июня 2023 г. № Ф10-879/2023 по делу № А09-11082/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение ВС РФ от 23 августа 2023 г. № 305-ЭС23-14275 по делу № А40-97155/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи вспоминается правоположение, установленное п. 47 постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее – ПП ВС РФ № 49): при квалификации договора прежде всего учитываются существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом. При этом наименование договора, обозначения его сторон, способ исполнения и т.д., указанные сторонами, не играют роли[1]. Именно потому, что иной подход – правомочие сторон предопределять правовую квалификацию их соглашения названием договора – позволил бы пренебрегать императивными нормами законодательства, в каждом конкретном решении суд подчеркивает разную сущность договорных конструкций. В определении ВАС РФ от 23 ноября 2011 г. № ВАС-13552/11 по делу № А40-34876/10-82-292, А40-79663/10-160-666 отмечается, что «согласно букве и смыслу ПП ВАС РФ № 54 правовая природа инвестиционного договора должна определяться судами, исходя из оценки существа принятых на себя сторонами такого договора обязательств (их взаимных прав и обязанностей) и сопоставления этих обязательств с характером и существом обязательств сторон по тем или иным видам гражданско-правовых договоров, указанных в ГК РФ»[2].

Постановлением Президиума ВАС РФ от 2 июля 2013 г. № 1039/13 по делу № А51-11274/2012 указано на ошибочность вывода суда кассационной инстанции о том, «что право на приватизацию испрашиваемого земельного участка у общества отсутствует, так как оно не является инвестором и на него не распространяются положения ч. 4 ст. 28 Закона о морских портах». В обоснование своей позиции суд прямо указывает, что такой вывод суда кассационной инстанции был сделан без учета толкования ВАС РФ понятий «инвестиции» и «инвестор», а также без учета использования законодателем этих понятий для обозначения целой группы различных гражданско-правовых сделок и без выявления гражданско-правовой природы договора, именуемого сторонами как «инвестиционные»[3]. Другим примером служит определение ВАС РФ от 31 октября 2012 г. № ВАС-13778/12 по делу № А60-20631/2011, которое подтверждает выявленное ранее судами отличие договора инвестирования от договора участия в долевом строительстве. Так, целью первого договора является «получение или достижение полезного эффекта, цель второго – возникновение у участников долевого строи-

---

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение ВАС РФ от 23 ноября 2011 г. № ВАС-13552/11 по делу № А40-34876/10-82-292, А40-79663/10-160-666 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Президиума ВАС РФ от 2 июля 2013 г. № 1039/13 по делу № А51-11274/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

тельства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме». В данном деле суды квалифицировали договор как инвестиционный, потому как в соответствии с условиями соглашения инвестор обязался передать компании денежные средства и поручает компании эффективно использовать их с целью инвестирования в строительство дома[1]. Такой анализ крайне важен для правоприменительной практики, так как на определенные отношения могут не распространяться нормы отраслевого законодательства (к примеру, п. 3 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ).

Как можем заметить, выявить правовую природу договора об инвестиционной деятельности, который при этом не может быть признан инвестиционным, помогают цели сторон. Если целью заключения соглашения, к примеру, является переход права собственности на объекты для переоформления застройщиком права аренды, что выражается в отсутствии намерения контрагента достраивать объекты, в которые было «инвестировано», и неинвестиционной природы денежных средств, выделенных для финансирования строительства, то сделка не имеет статуса инвестиционного вложения[2]. Другим примером можем указать определение ВС РФ от 21 октября 2019 г. № 309-ЭС19-18558 по делу № А76-24405/2018. В силу того, что объекты незавершенного строительства были в дальнейшем уничтожены ООО «Гринфлайт», суды пришли к выводу: они изначально не представляли ценности для общества, а стороны «не имели намерения преобразовать, улучшить, увеличить стоимость вносимого имущества». Потому говорить о том, что заключенный инвестиционный договор индивидуальным предпринимателем (далее – ИП) Корниловой А.С. и ООО «Гринфлайт» ставил цель инвестиционную деятельность в виде использования внесенного ИП инвестиционного вклада, не приходится. Данный вывод повлиял на налоговые отношения, в частности суд согласился с выводами налогового органа и признал, что «имела место реализация принадлежащего предпринимателю недвижимого имущества, доходы от которой подлежат налогообложению в порядке ст. 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации»[3]. Практике известны и другие подобные судебные решения[4].

Правильная квалификация договора влияет и на определение прав и обязанностей сторон, на что прямо указано в постановлении АС Северо-Западного округа от 10 ноября 2022 г. № Ф07-13721/2022 по делу № А56-34034/2021: «Поскольку

---

[1] Определение ВАС РФ от 31 октября 2012 г. № ВАС-13778/12 по делу № А60-20631/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение ВС РФ от 29 марта 2019 г. № 309-ЭС19-2316 по делу № А76-5758/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение ВС РФ от 21 октября 2019 г. № 309-ЭС19-18558 по делу № А76-24405/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См. определение ВС РФ от 6 августа 2019 г. № 309-ЭС19-12388 по делу № А76-19111/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Договор был заключен в рамках осуществления Компанией и Управлением инвестиционной деятельности, судам следовало оценить условия инвестиционного договора, учесть их при определении прав и обязанностей сторон в настоящем деле»[1]. Так это не было учтено судами, дело направленно на новое рассмотрение. Другим примером можем назвать определение ВС РФ от 19 октября 2020 г. № 305-ЭС20-14954 по делу № А40-37658/2019. Суды пришли к выводу о том, что инвестиционный контракт по своей природе является договором простого товарищества, в силу чего на дольщиков распространяются условия договора на управление домом, следовательно, у сторон возникло право долевой собственности, а в удовлетворении требования о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании договора на управление многоквартирным домом ничтожным, не порождающим юридических последствий в части, касающейся взаимоотношений сторон, отказано[2].

Иногда на практике прослеживается взаимосвязь поименованных ГК РФ договоров с непоименованными либо смешанными, в таких случаях могут возникать определенные правовые последствия, которые влияют на объем исполнения обязательств. Важно верно определить, существует ли эта взаимосвязь. Так, например, в удовлетворении требования о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании недействительным договора аренды земельного участка отказано в силу «отсутствия оснований для признания спорной сделки недействительной по мотиву взаимосвязи договора аренды и договора об инвестиционной деятельности (являющегося ничтожной сделкой), поскольку обязательства сторон по договору аренды, заключенному ранее с истцом в порядке, установленном земельным и гражданским законодательством, не поставлены в зависимость от исполнения инвестиционного договор»[3].

Кроме вопросов, связанных с правильной и полной квалификацией договоров, которые должны признаваться инвестиционными, на практике возникают проблемы и иного порядка. Как мы ранее оговаривали, это момент возникновения права собственности и вопросы правомочий собственника.

Так, к примеру, в определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13 сентября 2016 г. № 5-КГ16-57 рассматривалось требование о признании права собственности на нежилые помещения, об истребовании имущества из чужого незаконного владения. Из материалов дела видим, требования истца мотивируются тем, что Общество на основании инвестиционного договора, заключенного с застройщиком, как инвестор осуществило капитальные вложения в строитель-

---

[1] Постановление АС Северо-Западного округа от 10 ноября 2022 г. № Ф07-13721/2022 по делу № А56-34034/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение ВС РФ от 19 октября 2020 г. № 305-ЭС20-14954 по делу № А40-37658/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение ВС РФ от 21 июля 2022 г. № 309-ЭС22-11420 по делу № А76-4082/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

ство гаражного комплекса, и объект капитальных вложений до определенного момента находился с собственности инвесторов (истца и ответчика). Но истцу стало известно, что право собственности на введенный в 2002 г. в эксплуатацию гаражный комплекс без ведома и согласия истца было в полном объеме зарегистрировано за ответчиком, в результате чего произошло совершено хищение результатов капитальных вложений истца. По мнению истца, на основании инвестиционного контракта он имеет право на долю в спорном здании, отчужденную помимо его воли, в том числе на индивидуально-определенные помещения, а также на долю в общем имуществе и вправе истребовать данное имущество из незаконного владения ответчиков. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, посчитав, что права истца как инвестора на созданный объект капитального строительства подлежат защите, указала: «регистрацией права собственности на объект капитальных вложений только за одним инвестором, доля финансового участия которого составляет 5,1%, нарушено право долевой собственности истца на созданный объект инвестиционной деятельности, существовавшее в силу приведенных выше положений закона, при том, что доля инвестиций истца составила 94,9%. В случае незаконного отчуждения объекта капитальных вложений были нарушены не только обязательственные права инвестора как стороны инвестиционного договора, но и его вещные права на результат инвестиционной деятельности»[1]. Таким образом, дело направлено на новое рассмотрение.

Другим примером необходимости учитывать условия инвестиционного договора, которые содержат положения о праве собственности, может служить определение ВС РФ от 14 сентября 2023 г. № 301-ЭС23-15931 по делу № А79-4480/2021. Так, п. 2.1 и 2.4 инвестиционного договора предусматривалось право инвестора получить в собственность созданные за свой счет электросетевые объекты. Данные пункты не были учтены судом округа, что помешало учесть и тот факт, что из условий инвестиционного договора не следует возникновение долевой собственности муниципального образования с инвестором на переданные в пользование трансформаторные подстанции. Таким образом, при новом рассмотрении дела суду было указано на необходимость «определить заключалось ли сторонами соглашение о распределении вновь созданного имущества и оформлялись ли соответствующие акты после реализации инвестиционных программ»[2].

Условия договора должны учитываться не только судом, но и самими участниками отношений, ведь именно они в не поименованных ГК РФ договорах являются важным основанием для возникновения прав и обязанностей. Так, между Правительством (администрацией) и Министерством (заказчиком) был заключен инвестиционный контракт, предметом которого являлась реализация инвести-

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13 сентября 2016 г. № 5-КГ16-57 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение ВС РФ от 14 сентября 2023 г. № 301-ЭС23-15931 по делу № А79-4480/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

ционного проекта по комплексной застройке микрорайона Никулино-2. Отдельные положения договора предусмотрели, что по результатам реализации проекта все построенные или реконструированные объекты инженерного и коммунального назначения оформляются в государственную собственность города Москвы в лице Департамента. То есть на основании актов по результатам реализации инвестиционного проекта (после сдачи объекта в эксплуатацию и выполнения обязательств по контракту) происходит оформление имущественных прав. Если одна из сторон отказывается от подписания акта о результатах реализации (что является обязанностью сторон), то невозможно зарегистрировать участниками инвестиционных отношений права собственности на инвестиционный объект. С учетом такого положения суд удовлетворил требование Правительства Москвы об обязании подписать акт о результатах реализации инвестиционного проекта по инвестиционному контракту[1].

Иными словами, обязание подписать акт о реализации инвестиционного проекта, согласно инвестиционному контракту, является надлежащим способом защиты нарушенного права, поскольку сторонам инвестиционного договора должна быть предоставлена возможность зарегистрировать право собственности на созданные объекты недвижимости, а уклонение одной из сторон контракта приводит к невозможности оформить имущественные права на возведенный объект. К таким выводам приходит суд и в определении ВС РФ от 19 апреля 2022 г. № 305-ЭС19-23391(17) по делу № А40-107097/2018[2].

Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживают права соинвесторов, особенно истцов, которые выступают в данном статусе. Так, п. 17 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утв. Президиумом ВС РФ 4 декабря 2013 г.[3], указывает, что вывод суда второй инстанции о том, что выполнение истцом как соинвестором обязательств по финансированию инвестора влечет возникновение лишь права требовать от инвестора передачи находящейся в его собственности индивидуально-определенной части в объекте инвестиций, является неверным, так как выполнение истцом обязательств по оплате указанной в договоре суммы влечет возникновение права требовать от инвестора передачи находящейся в его собственности индивидуально-определенной части как в объекте инвестиций, так и в самом объекте недвижимости.

Таким образом, можем отметить, что рассмотрение споров, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере, чаще всего на практике связано с решением вопросов о квалификации договоров, о праве собственно-

---

[1] Определение ВС РФ от 15 июня 2022 г. № 305-ЭС22-8519 по делу № А40-67150/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение ВС РФ от 19 апреля 2022 г. № 305-ЭС19-23391(17) по делу № А40-107097/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] СПС «КонсультантПлюс».

сти на объекты недвижимого имущества, созданного по инвестиционному договору. В обоих случаях наряду с нормами законодательства, правоположениями отраслевого регулирования должны учитываться условия самого инвестиционного договора или договора, таковым не поименованного, но обладающего всеми его признаками. На практике же особое внимание также уделяется и целям сторон, их конкретным действиям, которые позволяют просто предпринимательскую деятельность отличить от инвестиционной и определить, имел ли заказчик право на заключение инвестиционного договора в соответствии с законодательством об инвестиционной деятельности.

Список использованной литературы

Бевзенко Р.С. Квалификация и последствия сделок с будущей недвижимой вещью. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 84–105.

Волосов А.И. Теория и методология государственного управления инвестиционной деятельностью: дис. ... докт. экон. наук. СПб., 2008. 280 с.

Доронина Н.Г. Комментарии к Закону об иностранных инвестициях. М.: Юстицинформ, 2000. 75 с.

Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25. 240 с.

Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 40 с.

Огородов Д.В., Челышев М.Ю. Конструкция смешанного договора в гражданском (частном) праве // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей. М.: Статут, 2008. С. 310–355.

Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

Ратникова Д.С. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в РФ: теоретические основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.

Трапезников В.А. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 624 с.

Челышев М.Ю. Основы правового режима самовольно построенных многоквартирных жилых домов // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 202–206.

Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1998. 525 с.

References

Bevzenko R.S. *Kvalifikatsiia i posledstviia sdelok s budushchei nedvizhimoi veshch'iu. Kommentarii k Postanovleniiu Plenuma VAS RF ot 11 iiulia 2011 g. N 54 «O nekotorykh voprosakh razresheniia sporov, voznikaiushchikh iz dogovorov po povodu nedvizhimosti, kotoraia budet sozdana ili priobretena v budushchem»* [Qualification and Consequences of Transactions with Future Real Estate. Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 11 July 2011 No. 54 "On Some Issues of Resolving Disputes Arising from Contracts Regarding Real Estate That Will Be Created or Acquired in the Future"]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2012, no. 3, pp. 84–105. (In Russ.)

Chelyshev M.Iu. *Osnovy pravovogo rezhima samovol'no postroennykh mnogokvartirnykh zhilykh domov* [Basics of the Legal Regime of Unauthorized Apartment Buildings]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – Herald of Economics, Law and Sociology*, 2012, no. 4, pp. 202–206. (In Russ.)

Doronina N.G. *Kommentarii k Zakonu ob inostrannykh investitsiiakh* [Comments to the Law on Foreign Investments]. Moscow: Iustitsinform, 2000. 75 p. (In Russ.)

Iakovlev V.F. (ed.). *Kommentarii praktiki rassmotreniia ekonomicheskikh sporov (sudebno-arbitrazhnoi praktiki). Vyp. 25* [Commentary on the Practice of Consideration of Economic Disputes (Judicial and Arbitration Practice). Issue 25]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontrakt, 2019. 240 p. (In Russ.)

Maifat A.V. *Grazhdansko-pravovye konstruktsii investirovaniia: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Civil Law Constructions of Investment: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Yekaterinburg, 2006. 40 p. (In Russ.)

Ogorodov D.V., Chelyshev M.Iu. *Konstruktsiia smeshannogo dogovora v grazhdanskom (chastnom) prave* [Construction of a Mixed Contract in Civil (Private) Law]. In *Sdelki: problemy teorii i praktiki: sbornik statei* [Transactions: Problems of Theory and Practice: Collection on Articles]. Moscow: Statut, 2008, pp. 310–355. (In Russ.)

Ratnikova D.S. *Pravovoe regulirovanie investitsionnoi deiatel'nosti v RF: teoreticheskie osnovy: avtoref. dis. … kand. iurid. nauk* [Legal Regulation of Investment Activity in the Russian Federation: Theoretical Foundations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2011. 27 p. (In Russ.)

Tikhomirov M.Iu. *Iuridicheskaia entsiklopediia* [Legal Encyclopedia]. Moscow: Iurinformtsentr, 1998. 525 p. (In Russ.)

Trapeznikov V.A. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 30 dekabria 2004 g. N 214-FZ «Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inykh ob"ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»*

(postateinyi) [Commentary to the Federal Law of 30 December 2004 No. 214-FZ "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation" (Article-by-Article)]. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2020. 624 p. (In Russ.)

Vaipan V.A., Egorova M.A. (eds.). *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii v sovremennykh usloviiakh razvitiia tsifrovoi ekonomiki: monografiia* [Legal Regulation of Economic Relations in Modern Conditions of Digital Economy Development: Monograph]. Moscow: Iustitsinform, 2019. 376 p. (In Russ.)

Volosov A.I. *Teoriia i metodologiia gosudarstvennogo upravleniia investitsionnoi deiatel'nost'iu: dis. … dokt. ekon. nauk* [Theory and Methodology of State Management of Investment Activity: Thesis for a Doctor Degree in Economical Sciences]. St. Petersburg, 2008. 208 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Метшин Т.И. (Казань, Россия) – соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: TIMetshin@kpfu.ru).

Information about the author

T.I. Metshin (Kazan, Russia) – Researcher, Department of Business and Energy Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia; e-mail: TIMetshin@kpfu.ru).

Для цитирования

Метшин Т.И. Тенденции рассмотрения споров, вытекающих из инвестиционной деятельности в строительной сфере // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 259–272. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-259-272

Recommended citation

Metshin T.I. *Tendentsii rassmotreniia sporov, vytekaiushchikh iz investitsionnoi deiatel'nosti v stroitel'noi sfere* [Trends in the Consideration of Disputes Arising from Investment Activities in the Construction Sector]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 259–272. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-259-272

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ В РОССИИ И ШВЕЦИИ*

А.В. ГАВРЮСОВ,

аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, консультант по правовым вопросам Консалтинговой компании *UKey*

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-273-300

В статье исследуется проблема реакции суда на различные проявления процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, при рассмотрении гражданских дел в России и Швеции. Во введении автором обоснована необходимость исследования единообразного понимания реакции суда на процессуальное бездействие лиц, участвующих в деле, в России, учитывая параллельное сосуществование системы судов общей юрисдикции и системы арбитражных судов, а также имеющуюся диспропорцию в правоприменении отдельных норм о бездействии в указанных системах. Целью исследования является выявление единых закономерностей (общих подходов) развития процессуальных систем Швеции и России к регламентации последствий бездействия лиц, участвующих в деле; задачей является сравнение на микроуровне процессуальных кодексов двух стран, а также норм, регулирующих последствия процессуального бездействия, в том числе в контексте их толкования и применения судебной практикой. Методом исследования выступает синхронное синоптическое нормативное сравнение с применением функционального метода; объекты исследования – процессуальные кодексы России и Швеции, регулирующие цивилистический процесс, в том числе в контексте их толкования и применения судебной практикой. Результаты исследования и краткие выводы: выявлены общие закономерности развития реакции суда на процессуальное бездействие сторон в процессе; такие общие закономерности

* Автор выражает благодарность Фонду содействия развитию российско-шведских отношений им. Сверкера Острема (*The Sverker Åström Foundation*) за предоставленную возможность изучения опыта шведских коллег в сфере цивилистического процесса по интересующей автора области исследования.

выделены в четыре основные группы (общие процедурные нормы, нормы о преклюзиях, нормы о доказательственном значении процессуального бездействия и нормы об ответственности за виновное процессуальное бездействие); выявлены также сущностные особенности шведского процессуального права, которые, по мнению автора, скрыты в юридической технике, качество которой на фундаментальном уровне влияет на обеспеченность реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: бездействие; гражданский процесс; процессуальный кодекс; Россия; Швеция; сравнительное правоведение.

CONSEQUENCES OF PARTY'S FAILURES TO ACT IN CIVIL PROCEDURE: APPROACHES TO LEGAL REGULATION IN RUSSIA AND SWEDEN

A.V. GAVRYUSOV,

Postgraduate Student, Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure,
Law Faculty, Perm State National Research University,
Legal Advisor at *UKey* Consulting Company

The author puts efforts to examine the problem of determining the reaction of the court to various demonstrations of the party's failures to act during court trials. Two civil procedural systems are analyzed – Russian and Swedish. In the introduction, the author puts emphasis on revealing the need to examine a common understanding of the reaction of the court to the party's failures to act in Russia, taking into account the parallel coexistence of the system of courts of general jurisdiction and the system of economic courts, as well as the identified disproportions in the law enforcement of certain norms on failures to act of these systems. The purpose of the study is to identify common patterns (approaches) in the development of procedural systems in Sweden and Russia to regulating the consequences of party's failures to act in the civil process trials; the tasks are to compare at the micro level the procedural codes of the two countries, as well as the rules governing such the consequences, taking into account the context of their interpretation and application by judicial practice. The research method is a synchronous synoptic normative comparison using the functional method; the objects of research are the procedural codes of Russia and Sweden, which regulate the civil process' trials, taking into account the context of their interpretation and application by judicial practice. Results of the study and conclusion: general patterns of development of the court's reaction to party's failures to act in the civil process trials were identified; such general patterns are divided into four main groups (general procedural rules, rules on preclusions, rules on the evidentiary value of procedural failures to act and

rules on liability for guilty procedural failures to act); essential features of the Swedish procedural law are also revealed, that, according to the author, are hidden in the legal technique, which at a fundamental level affects the provision of the right to a fair trial.

Keywords: failure to act; civil procedure; code of procedural; Russia; Sweden; comparative law.

1. Введение

В Швеции действует Единый процессуальный кодекс (*Rättegångsbalk* (1942:740) от 18 июля 1942 г. в ред. от 15 июля 2022 г.[1]) (далее также – Процессуальный кодекс Швеции), регулирующий одновременно как гражданское, так и уголовное судопроизводство. Особенности реакции суда на процессуальное бездействие стороны в гражданском процессе в Швеции изучаются автором в целях оценки возможностей унификации имеющихся конструкций в российских процессуальных кодексах, регламентирующих цивилистический процесс, а также привнесения конструкций отсутствующих.

Об унификации, гармонизации и в целом сближении арбитражных и гражданских процессуальных норм ученые-процессуалисты пишут давно, излагая различные, иногда полярные, мнения по данному вопросу[2]. Учитывая свойства детальности и императивности процессуальной формы[3], единые правила применения процессуальных норм, посвященные одним и тем же объектам (процессуальное бездействие стороны в процессе), судами общей юрисдикции и арбитражными судами должны предотвращать разрыв в обеспечении права на судебную защиту граждан и предпринимателей.

В целях обозначения остроты проблемы правоприменения по определению верной реакции на конкретное процессуальное бездействие стороны в процессе в России обратимся к примеру. Применяя ч. 2 ст. 268 АПК РФ[4], арбитражные суды в одном из дел разрешили предпринимателю представить доказательства в суд

---

[1] Указанный нормативный правовой акт, в том числе в переводе на английский язык, опубликован в открытом доступе: Rättegångsbalk (1942:740) Svensk författningssamling 1942:1942:740 t.o.m. SFS 2022:1215 – Riksdagen // https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740.

[2] См., напр.: *Борисевич Г.Я.* Продолжение судебной реформы во благо Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 445–452; *Голубцов В.Г.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: от дифференциации к унификации // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 18–19 нояб. 2016 г.) / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 243–245.

[3] *Решетникова И.В.* Унификация процессуального законодательства. Ждать ли революций?! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 6.

[4] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

второй инстанции, напрямую признав в тексте судебного акта неуважительность причин их непредставления в суд первой инстанции (т.е. неуважительность причин бездействия), мотивировав это тем, что суд, исходя из задач арбитражного процесса, должен принять по делу обоснованный судебный акт (постановление АС Уральского округа от 1 августа 2018 г. по делу № А60-44238/2017[1]). Вследствие принятия доказательств дело было пересмотрено, что свидетельствует о минимизации судами имущественного ущерба виновного бездействия предпринимателя, хотя формальных оснований (юридического состава) у судов для этого не было. В системе судов общей юрисдикции, например, Седьмым кассационным судом рассматривался спор из договора займа (дело № 88-1564/2022), в котором суды проверочных инстанций, действуя точно по букве закона (ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ[2]), сфокусировали внимание только на обосновании невозможности заявить ходатайство о приобщении рассматриваемых документов в суде первой инстанции. Влияние новых доказательств на результат разрешения спора не оценивалось судами[3]. В рассмотренных двух случаях бездействие лица, участвующего в суде первой инстанции, было идентично, но суды разных систем диаметрально подошли к решению вопроса об определении последствия процессуального бездействия. Отсутствие единства правоприменения в рассматриваемом вопросе приводит к тому, что с типичным формализмом может столкнуться ординарный гражданин, тогда как с пониманием судьи отнесутся к предпринимателю, социально (имущественно) более защищенному. При этом возможны и ситуации *vice versa*. Об отсутствии единства в понимании верного последствия конкретного процессуального бездействия у отечественных судов свидетельствуют многочисленные примеры, что показывает важность выявленной проблемы и попытки ее решения[4].

Используя арсенал сравнительного правоведения на примере шведского процессуального права, имеющего ряд отличительных особенностей среди европейских законодательств, возможно привнести новый взгляд на работу привычных российских юридических конструкций гражданского процесса, и, что немаловажно, необязательно исключительно в сторону заимствования.

Помимо прочего, следует отметить и бэкграунд шведского правосудия. Согласно опросу Европейской комиссии, посвященному восприятию широкой

---

[1] Постановление АС Уральского округа от 1 августа 2018 г. по делу № А60-44238/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2022 г. по делу № 88-1564/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См., напр.: *Гаврюсов А.В.* Скрытые формы минимизации судом негативного влияния последствий частного процессуального бездействия на примере новых доказательств в суде второй инстанции // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В.Г. Голубцов, Д.Н. Латыпов. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2023. С. 35–39.

общественностью независимости национальных систем правосудия в ЕС в Швеции, на вопрос «как бы вы оценили систему правосудия в Швеции с точки зрения независимости судов и судей?» 71% опрошенных ответили «отлично» (22%) и «достаточно хорошо» (49%), тогда как общий уровень по странам ЕС составил 54%, где «отлично» 9% и «достаточно хорошо» 45%[1].

Ввиду изложенных обстоятельств шведское процессуальное законодательство и практика его применения в части реакции суда на процессуальное бездействие сторон(ы) в процессе стали объектом данного исследования.

2. Методология

Исследование построено на синхронном сравнении конкретных норм права (микроуровень) в сфере цивилистического процесса (нормативное сравнение, которое позволило выявить общее в предмете исследования и особенное[2]) с применением функционального метода, посредством которого объясняются способы разрешения социальной проблемы процессуального бездействия стороны в процессе в целях необходимости рассмотрения дела в разумные сроки и обеспечения активной стороне доступа к правосудию, а именно какие механизмы применяются и какой эффект ими достигается[3].

Для сравнения избраны правовые системы России и Швеции. Таким образом, компаративистское исследование является синоптическим (*synoptic*)[4]. Выбор правовой системы Швеции обусловлен рядом факторов.

Во-первых, в Швеции действует Единый процессуальный кодекс, принятый в 1942 г., объединяющий регулирование гражданского и уголовного судопроизводств в судах всех инстанций. В России, отталкиваясь от классической формулировки цивилистического процесса[5], реакцию суда на процессуальное бездействие регулируют по крайней мере два процессуальных кодекса – АПК РФ и ГПК РФ.

Во-вторых, Швеция с 1995 г. применяет Европейскую конвенцию по правам человека[6], что привело к изменению в подходе судов к исследованию процессуального бездействия как доказательства. Толкование норм о процессуальном без-

---

1 Perceived independence of the national justice systems in the EU among the general public // https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2272.

2 *Малиновский А.А.* Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 17.

3 *Ван Хук М.* Методология сравнительно-правовых исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 3. С. 125, 129.

4 *Rheinstein M.* Teaching Comparative Law // University of Chicago Law Review. 1937. Vol. 5. P. 616.

5 *Загидулин М.Р.* О содержании понятия «цивилистический процесс» // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 123.

6 *Sallander D.* The European Convention on Human Rights in Sweden: Legal Practice and Legal Theory Analysed. 2018 // http://lup.lub.lu.se/student-papers/record/8952872.

действии изменялось в результате их развития, что представляет научный интерес, так как в России, по убеждению автора, развитие некоторых конструкций происходило аналогичным образом.

В-третьих, в литературе отмечают Швецию как «хороший пример для подражания», говоря, в частности, что финский законодатель использует шведский опыт в сфере права как базу для решения собственных социальных проблем (или же, как испытательную лабораторию)[1], однако полностью распространить процессуальные правила одной страны на все страны нордической семьи (в настоящей работе термин использован только для условного обозначения региона) представилось невозможным. «Нордичность» процессуального права, по замечаниям М.А. Хьорт (*M.A. Hjort*), может произрастать не из-за усилий по кооперации стран по унификации законодательства, но из-за одинаковости в приверженности общеправовым ценностям[2]. Общие подходы, однако, могут приводить к различным конструкциям, эффективность, цели и функции которых также могут быть разнохарактерными.

В-четвертых, полезным видится взглянуть на имеющиеся отечественные конструкции в сфере процессуального права, «активирующиеся» в ответ на процессуальное бездействие сторон в процессе, с точки зрения зарубежных правопорядков (по крайней мере в одном из) для того, чтобы критически посмотреть на привычные механизмы и по-новому оценить их.

В-пятых, материал для настоящего исследования собран в результате стажировки в 2021 г., грант для которой предоставлен Фондом содействия развитию Российско-Шведских отношений им. Сверкера Острема (*The Sverker Åström Foundation*).

В данной работе юридические конструкции российского цивилистического процесса, включающие процессуальное бездействие лиц, участвующих в деле, будут раскрыты постольку, поскольку того требует их сравнение со шведскими аналогами.

3. Общая характеристика цивилистических процессов России и Швеции

Упущением было бы не указать на общую характеристику гражданского процесса Швеции в сравнении с российской моделью, так как каких-либо обзоров первого в российской доктрине обнаружено не было.

В России в настоящее время цивилистический процесс регулируют два кодекса – АПК РФ и ГПК РФ (оба приняты в 2002 г.). Первичный анализ отдельных норм, определяющих последствия процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, из-за невыполнения процессуальных обязанностей (например, затя-

---

[1] *Ervo L.* Culture and Mentality in East-Nordic Courts // Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice. 2021. Vol. 90. P. 98.

[2] *Hjort M.A.* Sources of Inspiration of Nordic Procedural Law: Choices and Objectives of the Legal Reforms // Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice. 2021. Vol. 90. P. 87.

гивание систематической неявкой, непредставление истребуемых судом доказательств, отказ отвечать на вопросы суда и пр.), позволяет сказать, что полного единства в правовых подходах нет.

Если ч. 2 ст. 111 АПК РФ устанавливает механизм отнесения всех судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, то ГПК РФ в ст. 99 предусмотрена компенсация за фактическую потерю времени.

Примечательно, что российские арбитражные суды рассматривают споры предпринимателей, которые обращаются в суд с заявлениями о компенсации за фактическую потерю времени, прося суд применить норму ГПК РФ по аналогии закона. Автору известно по крайней мере три подхода о взаимодействии арбитражного процесса и ст. 99 ГПК РФ. Позиции судов колеблются от признания невозможности применения аналогии с ГПК РФ до признания возможности применения норм ГПК РФ при условии доказанности юридического состава, указанного в ст. 99 ГПК РФ[1].

Конечно, в ГПК РФ и АПК РФ есть одинаковые механизмы, которые позволяют суду реагировать на процессуальное бездействие (например, суд может оставить исковое заявление без рассмотрения в случае повторной неявки лица в процесс при условии, что (1) неявка (процессуальное бездействие) неуважительна, а (2) ответчик не просит рассмотреть дело по существу).

Процессуальный кодекс Швеции, принятый в 1942 г., в свою очередь, является уже единым кодексом для уголовного и гражданского судопроизводства, включающим в себя как общие для обоих видов судопроизводства нормы, так и главы, посвященные исключительно определенному виду судопроизводства.

Нормы, регулирующие гражданский процесс, а также некоторые общие для обоих видов судопроизводства нормы в Процессуальном кодексе Швеции внутренне классифицируются по одному основанию, а именно в зависимости от того, возможно ли разрешить процессуальный вопрос соглашением сторон[2]. Нормы соответствуют двум видам судебных споров – диспозитивные споры (*dispositiva tvistemål*) и недиспозитивные споры (*indispositiva tvistemål*). Практикующие адвокаты отмечают, что из Кодекса неясно, какие споры являются диспозитивными или императивными; придание какому-либо делу определенного статуса зависит от того, насколько государство заинтересовано в урегулировании спора (например, дела о разводе, об опеке над детьми, об установлении отцовства не подлежат урегулированию сторонами, так как государство может быть заинтересовано в соблюдении принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка)[3].

---

[1] См. постановления АС Центрального округа от 4 августа 2017 г. по делу № А83-834/2016, АС Уральского округа от 13 октября 2021 г. по делу № А76-38585/2019, АС Поволжского округа от 27 июля 2021 г. по делу № А55-5076/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Bylander E.* Evidence in Civil Law – Sweden. Maribor: Institute for Local Self-Government and Public Procurement, 2015. P. 13.

[3] Vilka typer av mål är indispositiva? // https://lawline.se/answers/vilka-typer-av-mal-ar-indispositiva.

Деление норм, равно как и осуществление судопроизводства, базируется на действии двух принципов гражданского процесса, прямо не закрепленных в кодексе. Это сочетание принципов диспозитивности и *ex officio*. В правовой доктрине дистанция между двумя противоположными и абсолютизированными принципами описывается принципом автономии воли, который наделяет сторону такими правомочиями, которые в своем итоге имеют обязательный для суда характер, но в зависимости от нахождения на этой дистанции обязательность правомочий будет варьироваться[1].

Внутреннее деление норм на два вида имеет практическое значение, поэтому оно возведено шведскими процессуалистами в разряд основ процессуального права. Например, законодатель устанавливает ограничения в полномочиях судов, исходя из наличия у спора свойства диспозитивности. Секция 15 гл. 42 Процессуального кодекса Швеции: «Если дело может быть урегулировано сторонами вне (без) суда [в Кодексе законодатель демаркирует два вида судебных споров путем указания на то, что дело может или не может быть урегулировано сторонами вне суда. – *А.Г.*], стороне может быть предписано окончательно определить свою позицию по иску или позицию защиты и указать доказательства, на которые она ссылается, если это требуется с учетом того, как во время рассмотрения дела такая сторона определяла свои действия и бездействия. По истечении срока для такого заявления сторона не может ссылаться на какие-либо новые обстоятельства или какие-либо новые доказательства, если она обоснованно не докажет, что у нее была уважительная причина для того, чтобы ранее не ссылаться на это обстоятельство или доказательства». В данном случае речь идет о преклюзии, которая, по мнению авторов проекта «Глобальный доступ к правосудию» (секция «Нордические страны»), служит целям противодействия тактики затягивания судебных процессов сторонами, путем неоднократного представления новых требований, доказательств[2], что в принципе соответствует классической немецкой модели преклюзии[3].

В современных АПК РФ и ГПК РФ нет подобного рода ограничений полномочий судов.

Отечественная теория гражданского процесса уже в начале XX в. активно обсуждала действие вышеотмеченных принципов (диспозитивность и *ex officio*) при разрешении споров. Профессор Е.В. Васьковский в «Курсе гражданского процесса» (1913 г.) обсуждает соотношение починов сторон и суда в процессе, выделяя чистое действие сторон в процессе, исключительную активную деятельность суда и различное соотношение между ними в европейских процессуальных кодексах[4].

---

[1] *Bylander E.* Op. cit. P. 13.

[2] Global Overview – Sweden – Global Access to Justice Project // https://globalaccesstojustice.com/global-overview-sweden/.

[3] См., напр.: *Веде Ю.В.* Преклюзия в гражданском процессе Германии: значение, перспективы, риски // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 43–47.

[4] *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 423–429.

Говоря о современной доктрине цивилистического процесса России, отметим, что в ней также плодотворно обсуждаются вопросы пределов активности суда при разрешении споров. Так, например, М.Ш. Пацация в обзорной статье рассуждает о соотношении принципов процессуальной активности суда и судебного руководства процессом, соотнося их, соответственно, с достижением целей гражданского процесса в виде установления материальной (объективной) истины и процессуальной (формальной) истины[1].

Как дореволюционные, так и современные процессуалисты отмечают, что законодательно действие принципов *ex officio* и диспозитивности в отечественном процессе (того времени и нашего) не введено, но их действие прослеживается сквозь конкретные полномочия сторон и суда. Например, в ГПК РФ в ст. 272 (ч. 3) прямо закреплено, что суд может «затребовать» у органа опеки и попечительства все документы, которые посчитает необходимыми для разрешения спора в порядке гл. 29.

Критерии отнесения конкретного полномочия суда к его полномочиям «в силу занимаемой должности» (*ex officio*) или только лишь к возможности оценки в рамках принципа состязательности сторон в российском цивилистическом процессе подлежат дополнительному и углубленному исследованию, так как напрямую в нормативном массиве они не закреплены, а в литературе, по замечанию М.Ш. Пацации, раскрываются лишь в обзорных статьях[2].

Непосредственное указание в Процессуальном кодексе Швеции пределов полномочий суда, например, по сбору доказательств (см., например, секцию 6 гл. 35, в которой закреплено, что представление доказательств является ответственностью сторон, но при этом, если дело не подлежит внесудебному урегулированию сторонами, сам суд также может собирать доказательства по делу[3]), с виду представляется правильным решением, так как позволяет суду адекватно воспринимать пределы своих полномочий, а вышестоящим судам более объективно оценивать совершенные нижестоящим судом действия/бездействия по делу. Вопрос о необходимости таких же ориентиров в отечественном цивилистическом процессе, как видится, является открытым и актуальным.

Так, суды в России фактически наделены полномочиями по собиранию доказательств, а пределы такого полномочия крайне размыты; суды первой инстанции не связаны правовой квалификацией, представленной сторонами[4]; они вправе проверять судебные акты «в интересах законности», несмотря на прямой запрет для определенных судов[5]. Все это возможно по любой категории дел. Ни из зако-

---

1 См.: *Пацация М.Ш.* Принцип процессуальной активности суда или принцип судебного руководства процессом? // Закон. 2016. № 1. С. 63–75.

2 Там же. С. 64.

3 *Bylander E.* Op. cit. P. 3.

4 См., напр., определение ВС РФ от 6 октября 2020 г. по делу № 4-КГ20-37-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

5 См., напр., постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 июня 2016 г. по делу № А65-18749/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

на, ни из судебной практики напрямую не вытекают границы полномочий суда, что делает судебные акты непредсказуемыми. Свойство непредсказуемости современного цивилистического процесса России отмечают и в специальной сравнительно-правовой литературе (см., например, работу А.В. Аргунова[1]).

Ранее было указано, что в Швеции суды в делах, подлежащих внесудебному урегулированию, не вправе собирать доказательства. Похожим способом, т.е. через указание на дела, разрешение которых невозможно вне суда, решен вопрос с полномочием суда первой инстанции при рассмотрении дела не связывать себя основанием иска и возражениями ответчика (секция 3 гл. 17 Процессуального кодекса Швеции), а также по вопросу о последствиях неявки истца в суд (если спор диспозитивный, то это может привести к заочному решению; а если спор недиспозитивный, то это может привести к прекращению дела) (положения гл. 44 Процессуального кодекса Швеции).

Общее построение норм шведского Кодекса как практического руководства для процесса, таким образом, отличается от российского цивилистического процесса как наличием общей с гражданским процессом части также и для уголовного процесса, так и делением норм исключительно о гражданском процессе на две системообразующие категории. Отметим, что такое построение не является чисто техническим, а опосредует сущностные отличительные признаки шведского процессуального права.

Сходные подходы в двух странах можно усмотреть, например, в отношении к непредставлению доказательств в суд первой инстанции и к возможности представления «новых» (дополнительных) доказательств в суды проверочных инстанциях (в Швеции, помимо специализированных судов, два уровня проверочных судов по гражданским делам – окружные апелляционные суды и Верховный суд). В Швеции стороны при представлении новых доказательств в суд апелляционной инстанции, опять же только в делах, подлежащих внесудебному урегулированию, должны указать достаточное основание (*probable cause*) невозможности сослаться на такое доказательство в суде первой инстанции или веские оправдания (*valid excuse*) для того, чтобы не сделать этого (секция 25 гл. 50 Процессуального кодекса Швеции).

Отличительной чертой Шведской модели представления «новых» доказательств в судах проверочных инстанций является то, что стороны имеют возможность представить «новые» доказательства в Верховный суд (секция 13 гл. 55 Процессуального кодекса Швеции), что в литературе также названо «преклюзией»[2] (речь идет, скорее всего, о блокировании права при отсутствии условий для принятия доказательств)[3]. Кроме того, в Верховном суде Швеции возможна процессуальная защита ответчика в форме заявления о зачете (*set-off defense*); однако

---

[1] См.: *Аргунов А.В.* Гражданский процесс России и Франции: принципы состязательности и диспозитивности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1. С. 43–51.

[2] *Lindell B.* Civil Procedure in Sweden. Uppsala: Iustus förlag, 2021. P. 88.

[3] *Bylander E.* Op. cit. P. 3.

такая защита может быть отклонена судом, если она не может быть применена «без неудобств» (также секция 13 гл. 55). Например, в одном из дел Верховный суд Швеции устанавливал значительность такого нового обстоятельства, как всеобщее заблуждение (как суда, так и сторон) в фактических обстоятельствах спора, вскрывшееся уже после рассмотрения дела[1]. Обратим внимание на то, что Верховный суд Швеции в данном деле определил учитывать заблуждение по крайней мере истца и суда в фактических обстоятельствах дела как основание для его пересмотра. При этом один из судей судебного состава в особом мнении указал на необходимость, в первую очередь, оценивать уважительность причин неисправления ошибки ранее (в суде первой инстанции). Вполне прослеживается корреляция с проблемой представления «новых» доказательств в суды апелляционной инстанции в России.

Эту особенность процедуры проверки судебных актов Верховным судом Швеции можно соотнести с утверждением профессора Университета Уппсалы Пер Хенрика Линдблома (*Per Henrik Lindblom*) о том, что как такового кассационного суда («*cour de cassation*») в Швеции нет, а Верховный суд в целом можно охарактеризовать как суд апелляционной инстанции. При этом ступень апелляции в обжаловании судебных актов также есть в Швеции, и стоит она между судами первой инстанции и Верховным судом[2]. Утверждение П.Х. Линдблома озвучено в контексте правомочий Верховного суда на рассмотрение дела по существу при обнаружении оснований для отмены решения. Как известно, кассационная проверка в ее сравнении с ревизией сводится к направлению решения, при наличии оснований для его отмены, в нижестоящий суд на новое рассмотрение[3]. При этом Верховный суд Швеции может как отменить решение и направить дело на новое рассмотрение, так и рассмотреть вопрос по существу (секция 12 гл. 55 Процессуального кодекса Швеции).

В целом же функции Верховных судов в Скандинавии, в Швеции в том числе, сводятся к обеспечению баланса публичного и частного интересов, а именно к балансу между установлением «руководящего начала» для будущей судебной практики (*guidance*) и предоставлением проигравшей стороне возможности повторного рассмотрения дела в целях вынесения окончательного решения, которое согласуется со справедливостью в соответствии с законом (*individual justice*)[4]. Поэтому Верховный суд Швеции трудно назвать только апелляционным судом или кассационным, так как имеются признаки как апелляции (возможность принятия и исследования доказательств), так и кассации (подробно описаны выше).

---

1 NJA 1987 s. 766 // https://lagen.nu/dom/nja/1987s766.

2 *Lindblom P.* The Role of the Supreme Courts in Scandinavia // Scandinavian Studies in Law. 2000. Vol. 39. P. 328.

3 *Борисова Е.А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016. С. 294.

4 *Lindblom P.* Op. cit. P. 359.

Из сферы доказательственного права стоит отметить, что в Швеции укоренен подход к сбору доказательств сторонами, как к их праву, основанному на принципе состязательности[1]. При этом для третьих лиц представление доказательств является уже обязанностью[2]. В российском цивилистическом процессе можно столкнуться с позицией законодателя о том, что представление отзыва (доказательств) является обязанностью ответчика, что даже на доктринальном уровне подвергается сомнению[3].

Заслуживает внимания одна интересная особенность подготовки к основному судебному заседанию в Швеции. Во время подготовки основного слушания суду в соответствии с секцией 16 гл. 42 Процессуального кодекса следует подготовить письменное изложение претензий и возражений сторон таким образом, каким они были поняты судом, если это «полезно» для рассмотрения дела. Сторонам при этом предоставляется возможность высказать свои мнения по такому резюме. На практике автору удалось увидеть, что стороны активно используют такие резюме при проведении основного слушания в судах. Стороны понимают, как суд определил, какие доказательства есть в деле, а также как он их воспринял.

На законодательном уровне в России отсутствуют подобного рода правила. Однако это не означает, что судьи не пользуются такими приемами ведения судебного процесса. Например, в России по одному из дел «с учетом сложности спора, суд сознательно, в промежуточном судебном акте по обособленному спору, подробно отразил обстоятельства дела таким образом, каким они были первоначально восприняты, чтобы стороны могли своевременно представить пояснения и уточнения в целях наиболее полного и достоверного отражения обстоятельств дела и позиций участвующих в нем лиц в итоговом судебном акте по существу спора»[4]. Такую судебную практику и метод ведения процесса необходимо оценить как «прогрессивные».

Еще одним отличием шведского гражданского процесса от российского, о чем нельзя не упомянуть, является качество открытости судебных процессов. В рассматриваемых странах согласно их конституциям (в Швеции основополагающих закона четыре, два из которых представляют собой законы о свободе информации; все вместе они образуют Конституцию Швеции[5]) судебные процессы являются открытыми. Если в России слушатель может только воспринимать внеш-

---

[1] *Bylander E.* Op. cit. P. 3.

[2] Ibid. P. 14.

[3] Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017 (СПС «КонсультантПлюс»).

[4] Определение АС Пермского края от 30 декабря 2021 г. по делу № А50-17399/2014 // https://ras.arbitr.ru/.

[5] См.: The Constitution of Sweden the fundamental laws and the riksdag act // https://www.riksdagen.se/globalassets/07.-dokument--lagar/the-constitution-of-sweden-160628.pdf.

ние составляющие процесса (выступления сторон, поведение суда), то в Швеции слушатели также имеют возможность «исследовать» материалы дел[1], так как они транслируются судом на экране, обращенном к слушателям.

В целом процессы двух стран очень похожи. Их фундамент составляют (для России – составляли) нормы Европейской конвенции по правам человека 1953 г., в том числе о праве на справедливое судебное разбирательство в его толковании Европейским судом по правам человека. Инициирование процесса, подготовка дела к судебному заседанию, институт доказательственного права (в том числе принципы оценки доказательств), порядок вынесение судебного акта, порядок обжалования судебных актов в Швеции – все указанное крайне похоже на российский процесс.

В силу того, что исследование двух процессуальных систем не является самоцелью работы, отметив наиболее сущностные отличия двух процессов, как они восприняты автором, следует перейти к непосредственному сравнению выделенных объектов исследования.

4. Непосредственно сравнение объектов исследования

В качестве объекта исследования использованы нормы процессуального права, относящиеся к процессуальному бездействию, в их квалификационном разнообразии; обозначим четыре группы норм, которые будут компарированы: 1) общие нормы процедурного характера (наступление последствия при наличии соответствующего юридического состава бездействия, например при неявке стороны в процесс); 2) нормы-преклюзии (о несвоевременном заявлении довода об отсутствии компетенции; о несвоевременном заявлении отвода судьи; о пропуске срока на заявление о судебных расходах и пр.); 3) нормы о доказательственном значении процессуального бездействия; 4) нормы об ответственности за виновное процессуальное бездействие.

Сформулируем исследовательский вопрос: есть ли сущностные отличия установленных процессуальными кодексами последствий бездействия сторон в двух странах?

Прежде всего отметим наличие в Процессуальном кодексе Швеции отдельной гл. 44 «Последствия отсутствия стороны в процессе и подобные тому случаи», регулирующей правоотношения только в области гражданского процесса. Глава посвящена достаточно незначительному количеству вопросов, но степень детализации поведения суда при появлении такого процессуального факта как бездействие стороны в процессе, очень высокая.

Указанная глава устанавливает подробные последствия неявки как обеих сторон, так и истца либо ответчика, а равно правила вынесения заочных реше-

[1] *Edelstam H.* Offentlighet och sekretess i rättegång: principen om förhandlingsoffentlighet (Stockholm: Norstedts Juridik). 2011. Цит. по: *Bylander E.* Op. cit. P. 7.

ний. Некоторые правила различаются, исходя из того, имеется ли в деле публичный интерес.

С учетом того, что гл. 44 Процессуального кодекса Швеции достаточно подробно описывает последовательные шаги суда при выявлении конкретного бездействия стороны в процессе, можно предположить, что суды в Швеции сталкиваются с вопросами бездействия иного качества, нежели чем определение верного его последствия (с учетом четкой регламентации закона).

В практике судов Швеции были интересные случаи, связанные с разграничением бездействия стороны и ее действий, практически равным бездействию. Так, один из районных судов рассматривал спор, в котором истец со своим представителем явился в процесс, в котором представитель истца просил заседание отложить из-за болезни истца. Суд ходатайство отклонил, но после оглашения резолюции суда истец и его представитель покинули зал заседаний. По правилам Процессуального кодекса при неявке стороны на разбирательство и, если другая сторона требует вынесения заочного решения, такое решение должно быть вынесено против бездействующей стороны. Если же другая сторона не требует разрешения спора по существу, то дело подлежит прекращению (секция 2 гл. 44). В российском гражданском процессе (подчеркнем, что именно согласно правилам ГПК РФ, а не АПК РФ, несмотря на упоминание в Конституции обоих видов судопроизводства) действуют аналогичные правила, за исключением последствия неполучения судом согласия истца на вынесение заочного решения (ст. 233 ГПК РФ). В деле, рассмотренном шведским судом, суд дело прекратил, а в дальнейшем истец просил решение районного суда отменить и вернуть дело на новое рассмотрение, так как, по его мнению, он явился на судебное разбирательство, что бездействием не является. Апелляционный суд, используя арсенал достижений науки, что нередко практикуется судами в целом[1], с одной стороны, поддержал районный суд в выводах о приравнивании неявки стороны в процесс к ее появлению, но отсутствию от нее позиции по делу. С другой стороны, апелляционный суд указал, что законодатель отдельно предусмотрел истолкование решения не в пользу стороны как последствие непредставления такой стороной позиции по делу. Поэтому, несмотря на то, что истец пришел на процесс, но удалился потом, его нельзя было назвать бездействующим и применить соответствующие правила кодекса о последствиях неявки. Следовало применять нормы о толковании такого поведения стороны против нее самой[2].

В Процессуальном кодексе Швеции следует выделить следующие группы правил, регулирующих последствия процессуального бездействия лиц, участвующих в деле: 1) общие нормы процедурного характера (наступление последствия

---

[1] См.: Swedish Legal System / Ed. by M. Bogdan. Stockholm: Norstedts juridic, 2010. P. 37; *Carlson L.* The Fundamentals of Swedish Law. 3rd ed. Lund: Studentlitteratur AB, 2019 (http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:su:diva-179305).

[2] RH 2005:19 // https://lagen.nu/dom/rh/2005:19.

при наличии соответствующего юридического состава бездействия); 2) преклюзивные нормы (о несвоевременном заявлении возражений о компетенции; о несвоевременном заявлении об отводе судьи; о пропуске срока на заявление о судебных расходах и пр.); 3) нормы о доказательственном значении процессуального бездействия; 4) нормы об ответственности за виновное процессуальное бездействие.

Рассмотрим процедурные нормы общего характера (группа 1). Выделим лишь несколько, так как уже было отмечено, что Процессуальный кодекс Швеции предельно четко устанавливает факты и последствия их наступления.

Обращаясь к вопросам последствия неявки сторон в судебное заседание, сравним базовые нормы кодексов (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение базовых норм кодексов о процессуальном бездействии и его последствиях в России и Швеции

Процессуальный кодекс Швеции	**АПК РФ**	**ГПК РФ**
Секции 1 и 2 гл. 44	Статья 156 (ч. 3)	Статья 167
Если обе стороны не явятся на заседание для устной подготовки, дело подлежит прекращению. Если спорный вопрос подлежит внесудебному урегулированию и если сторона не явилась на заседание для устной подготовки и ей было предписано явиться с учетом того, что в противном случае бы против нее могло быть вынесено заочное решение, по просьбе явившейся стороны такое решение должно быть вынесено. Если заочное решение не запрашивается, дело подлежит прекращению	При неявке в судебное заседание арбитражного суда истца и (или) ответчика, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного разбирательства, суд вправе рассмотреть дело в их отсутствие	Суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными

В результате сопоставления приведенных норм права можно заключить, что Процессуальный кодекс Швеции жестче подходит к вопросам установления причинно-следственных связей, четко сформулированы нормы по типу «гипотеза-диспозиция-санкция»; устанавливаются обязанности суда. Отечественные кодексы предоставляют суду лишь право рассмотреть дело в отсутствие стороны. Если, например, в ГПК РФ есть нормы о заочном производстве, что уже было упомянуто, то в АПК РФ таких норм нет и суды принимают на себя роль администраторов процессов, в каждом из которых могут по-разному подойти к решению и одного и того же вопроса.

Приведем пример на основе двух дел. В одном из дел, рассмотренных АС Республики Башкортостан, истец не явился в предварительное судебное заседание четыре раза подряд (при этом до этих судебных заседаний представитель истца принимал участие в пяти заседаниях по спору). Для всех четырех судебных процессов явка истца была признана обязательной и только в четвертом по счету судебном процессе суд оставил иск без рассмотрения на основе п. 9 ч. 1 ст. 148 АПК РФ. Арбитражный суд Уральского округа признал такой подход правильным, дополнительно указав на ошибочный подход суда апелляционной инстанции по делу, признавшего подлежащим доказыванию также факт утраты истцом интереса к спору[1]. В другом деле, несмотря на то, что истец также четыре раза не явился в судебное заседание, суд рассмотрел спор по существу, признав, что «суд должен быть твердо убежден в том, что истцом утрачен интерес к спору» для применения соответствующей нормы ст. 148 АПК РФ[2].

Таким образом, следует признать, что шведский закон яснее устанавливает последствия неявки сторон в процесс и правила применения норм о последствиях процессуального бездействия, нежели российский. Практика российских судов не определяет ту грань, то количество судебных заседаний, после которого необходимо оставлять иск без рассмотрения. О формализме процесса в соотношении с материальной истиной по делу писал профессор Е.В. Васьковский: «…законодатель, с одной стороны, должен устанавливать только такие формальности, без которых решительно невозможно обеспечить нормальное движение процесса, и, с другой стороны, предоставить судам право допускать исправление тяжущимися извинительных упущений»[3]. На данный момент по отношению к российскому закону видится верным отметить, что правовая определенность норм о последствиях процессуального бездействия, что является «первым условием упорядоченной общественной жизни»[4], явно уступает четкому формализму шведского Процессуального кодекса, который к тому же оставляет шансы сторонам добиться справедливого судебного процесса.

Перейдем к анализу преклюзивных норм (группа 2). В Кодексе Швеции представлено множество норм-преклюзий (если говорить более точно, то норм о «лишении права на совершение действия при определенных фактических обстоятельствах»[5]). Уже было отмечено, что, например, блокирование права на представление новых доказательств в суды проверочных инстанций при отсутствии оснований шведские ученые также называют преклюзией. В России тео-

[1] Постановление АС Уральского округа от 20 сентября 2022 г. по делу № А07-6816/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление 7 ААС от 2 апреля 2019 г. по делу № А45-33203/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Васьковский Е.В.* Указ. соч. С. 351.

[4] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стереотип. М.: Статут, 2013. С. 91.

[5] *Веде Ю.В.* Указ. соч. С. 44.

рия о преклюзивных процессуальных нормах (чаще, можно встретить положения судебной практики о преклюзивных материальных нормах) активно развивается сейчас судебной практикой[1], а также учеными-процессуалистами[2]. Можно найти примеры как в АПК РФ, так и в ГПК РФ. Так, заявить об оставлении иска без рассмотрения на основании п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ можно только лишь не позднее дня представления стороной первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции. Иные преклюзивные нормы могут быть и не так очевидны.

В Процессуальном кодексе Швеции содержатся более строгие, как кажется на первый взгляд, правила о сроках представления доказательств, если сравнивать их с российским цивилистическим процессом (классическая немецкая преклюзия). Так, в секции 15 гл. 42 Процессуального кодекса Швеции указано: «По истечении срока, установленного судом для представления доказательств, сторона не может ссылаться не какие-либо новые доказательства или обстоятельства, если она, с точки зрения разумности, не докажет, что у нее была уважительная причина непредставления их в срок».

В одном из дел Верховного суда Швеции прослеживается, что это правило применяется тогда, когда сторона неоднократно изменяет свой иск, представляя новые доказательства по каждому из таких изменений. С учетом сложности и масштабности некоторых дел, рассматриваемое правило процессуального кодекса Швеции позволяет суду эффективно управлять делом, не допуская его затягивание, путем неоднократного изменения позиции по делу[3]. Представляется, что практика применения норм АПК РФ и ГПК РФ существенно изменилась бы, если бы суды в России могли устанавливать такие преклюзивные сроки; например, по одному из дел суд признал последствием неоднократного изменения иска истцом – возложение на него судебных расходов по делу[4], а по другому констатировал, что такие действия являются злоупотреблением процессуальным правом, без применения каких-либо санкций[5].

В Процессуальном кодексе Швеции множество норм, сходных по своей сущности с преклюзией в доказательственном праве. На уровне закона установлены, например, преклюзивные сроки для отвода судьи (секция 14 гл. 4). В АПК РФ и ГПК РФ также можно усмотреть сроки для заявления об отводе судьи (по обще-

---

[1] Постановление АС Уральского округа от 4 октября 2022 г. по делу № А76-7058/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См., напр.: *Малахиров Б.М.* Эстоппель и преклюзия в цивилистическом процессе: общее и особенное // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 3–7.

[3] NJA 2006 s. 326 // https://lagen.nu/dom/nja/2006s326.

[4] Постановление 10 ААС от 11 декабря 2013 г. по делу № А41-24159/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Определение Суда по интеллектуальным правам от 8 августа 2022 г. по делу № СИП-1053/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

му правилу, до начала рассмотрения дела по существу). Однако существенным недостатком АПК РФ и ГПК РФ видится отсутствие последствия в виде пропуска такого срока, тогда как в Процессуальном кодексе Швеции прямо указано, что последствием такого бездействия является потеря права на возражение. Аналогичные последствия установлены, например, для заявлений о неподсудности дела суду. В свою очередь, упомянутые недостатки АПК РФ и ГПК РФ восполняются судебной практикой. Например, по вопросу о противоречивом поведении стороны по делу, решившей упомянуть о неподсудности только в судах проверочных инстанций и при этом участвовавшей в рассмотрении дела по существу в первой инстанции, один из окружных арбитражных судов отметил, что такое поведение свидетельствует о признании им компетенции суда, а также влечет утрату права на возражение (эстоппель)[1]. Судебная практика разрабатывает собственные инструменты противодействия виновному бездействию стороны в процессе, восполняя пробелы в части санкций норм АПК РФ и ГПК РФ. Правда, как уже было неоднократно отмечено, происходит это в различных формах под тенью процессуальных гарантий.

О доказательственном значении процессуального бездействия (группа 3). В секции 4 гл. 35 Процессуального кодекса Швеции сформулировано следующее правило: «Если сторона не реагирует на приказы суда (распоряжения) предстать перед судом или совершить какое-то процессуальное действие в ходе разбирательства или отказывается отвечать на вопрос суда, имеющий отношение к предмету доказывания, суд должен определить, с учетом всех обстоятельства дела, доказательственное значение такого поведения стороны».

Важность учета конкретных обстоятельств дела еще раз подчеркивается в судебной практике шведских судов. Например, один из апелляционных судов Швеции указал, что виновная неявка в суд должна расцениваться как признание стороной обстоятельств, на которые ссылается другая сторона, или же толковаться в наиболее неблагоприятном ключе для такой стороны; в случае отсутствия ответа на требования со стороны ответчика суд не «просто» использует информацию от другой стороны в качестве основы для оценки доказательств, но должен отклонить требование другой стороны, если она не выполнила свое бремя доказывания[2].

Действие в России аналогичного механизма в сфере доказательственного права, т.е. ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, а в ГПК РФ, например, ч. 1 ст. 68, активно обсуждается на протяжении всего периода существования этих норм.

В России была попытка ВАС РФ реализовать такое толкование ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, которое приводило к тому, что суды не могли отклонять представлен-

---

[1] Постановление АС Уральского округа от 19 декабря 2018 г. по делу № А07-11030/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] RH 2010:42 // https://lagen.nu/dom/rh/2010:42.

ные истцом доказательства в условиях процессуального бездействия ответчика. В настоящее время ученые отмечают, что практика пошла по иному пути, более сходному со шведским толкованием – при процессуальном бездействии ответчика бремя доказывания истцом обстоятельств, на которые он ссылается, не отпадает[1].

Роль рассматриваемого правила шведского процессуального права не исчерпывается только лишь обязыванием суда (а в статье сформулирована именно обязанность суда) оценить виновное бездействие и его последствия (а равно влияние) на исход дела. Повышенный интерес к нему вызван тем, что это правило равно применимо и в уголовном процессе, так как гл. 35 Процессуального кодекса Швеции является общей для двух видов судопроизводства. Соответственно, бездействовать может уже обвиняемый по уголовному делу, поэтому из этого правила вводится исключение, возникшее в результате применения Европейской конвенции по правам человека. Тот факт, что подозреваемый или обвиняемый предпочитают хранить молчание или иным образом уклоняются от участия в деле, не может, согласно сложившейся практике в судах Швеции, использоваться в качестве доказательства против него. До присоединения Швеции к Европейской конвенции не существовало обстоятельств, ограничивающих право суда исследовать доказательственное значение бездействия ответчика[2]. Все указанное связывается с действием презумпции невиновности, перераспределяющей бремя доказывания таким образом, что актором доказывания обвиняемый может и вовсе не быть, но при неудаче обвинения первый может и не быть привлечен к уголовной ответственности.

Мнение о том, что молчание обвиняемого не имеет доказательственной силы, является ошибочным. Неучастию подсудимого в деле в какой-либо части может придаваться определенное значение с точки зрения доказательств, что видно из нормы секции 4 гл. 35 Процессуального кодекса Швеции. Согласно работам шведских юристов, которые опираются на прецедентную практику ЕСПЧ, право на молчание не нарушается, когда вывод суда не используется в качестве единственного или основного доказательства против обвиняемого[3]. Иммунитет обвиняемого в виде запрета суду обосновывать привлечение к уголовной ответственности, основываясь только факте молчания, не может и не должен препятствовать

---

[1] См.: *Глащенко В.Д.* Институт молчаливого признания обстоятельств в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ): результаты правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 21–27.

[2] Om oskuldspresumtionen och rätten att närvara vid rättegången – Genomförande av EU:s oskuldspresumtionsdirektiv. Statens offentliga utredningar 2017:17 // https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/statens-offentliga-utredningar/om-oskuldspresumtionen-och-ratten-att-narvara-vid_H5B317/htm.

[3] *Wong C.* Overview of Swedish Criminal Procedure. 2012 // https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_85/pdfs/24.pdf.

тому, чтобы молчание обвиняемого в ситуациях, явно требующих от него объяснений, учитывалось при оценке убедительности доказательств, представленных стороной обвинения[1].

Оценивая действие одной и той же нормы о праве на бездействие и доказательственную силу реализации такого права в гражданском и уголовном процессах в Швеции, интересно транслировать эти особенности на цивилистический процесс России. Современное толкование и применение судами уже упомянутой ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ[2] приводит к тому, что, по мнению автора, размывается граница между достижением стандарта доказывания и освобождением одной стороны от опровержения аргументов другой стороны, по крайней мере в разрезе оценки судебных актов. Например, достаточно посмотреть на любое дело, в котором упоминается предшествовавшая практика применения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, сформированная ВАС РФ в начала 2010-х гг. Так, в деле А65-22170/2020 арбитражный суд первой инстанции признал истца не доказавшим определенные факты, положенные в основу иска, но уже суд апелляционной инстанции, сославшись на практику ВАС, указал на порочность такого подхода, так как ответчиком в деле эти факты не оспорены[3]. Из таких судебных актов не видно, где сторона, действительно, представила доказательства, соответствующие определенной степени убежденности суда в доказанности фактов, а где суд посчитал, что сторона определенный факт не доказала даже при полном неучастии другой стороны в процессе. Отдельным блоком стоят вопросы о том, где в сходной процессуальной ситуации суд, отказывающий в иске, ищет аргументы в мотивы своего решения, если мнение ответчика он не знает.

Возвращаясь к оценке процессуального бездействия сторон в Швеции, нельзя не отметить юридическую технику, с помощью которой построена норма секции 4 гл. 35 Процессуального кодекса Швеции. Закон в Швеции *обязывает* суд отразить в судебном акте результат влияния процессуального бездействия стороны в процессе на сам процесс, т.е. определить его доказательственное значение. Согласно последним исследованиям неопределенность диспозиции – права или обязанности – в большинстве случаев создает коррупциогенные факторы[4]. Например, согласно ч. 1 ст. 68 ГПК РФ в случае, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объ-

---

[1] *John Murray v. The United Kingdom* // https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57980.

[2] См.: *Глащенко В.Д.* Указ. соч. С. 21–27.

[3] Постановление АС Поволжского округа от 30 апреля 2021 г. по делу № А65-22170/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Поляков С.Б.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: технологические основы: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. С. 30, 47.

яснениями другой стороны. Но суд равным образом вправе и не делать этого. Закон в Швеции обязывает суд отразить влияние бездействия на решение по делу, не оставляя суду вариантов обойти это правило.

Проанализируем такое последствие бездействия, как юридическая ответственность (группа 4). Общее правило (если его таковым можно назвать) о последствиях бездействия можно найти в секции 6 гл. 32 Процессуального кодекса Швеции: «Если лицо, обязанное явиться в суд или совершить иное процессуальное действие согласно приказу суда, не выполняет такой приказ и есть основания полагать, что у него есть законное оправдание к этому (legal excuse), за его несоблюдение не налагается никаких санкций (sanctions) и не должно быть влияния этого факта на производство в целом».

Но при виновном бездействии возможна ответственность в виде неординарного распределения судебных расходов по делу. В секции 6 гл. 18 Процессуального кодекса Швеции (о судебных издержках) содержится правило, достаточно схожее с правилом АПК РФ, содержащимся в ч. 2 ст. 111 (суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, независимо от того, как судебные расходы были бы распределены по общим основаниям, если виновная неявка стороны или невыполнение приказа суда, предъявление им иска или возражения, которые были необоснованными, о чем он знал или должен был знать, или его небрежность или недальновидность привели к отложению рассмотрения дела).

Эффективность данной нормы Процессуального кодекса Швеции необходимо оценивать в совокупности с карающим эффектом такой санкции имущественного характера. Уже в 2007 г. примерная стоимость услуг адвокатов по гражданским спорам в делах о взыскании убытков оценивалась независимыми экспертами в Швеции в 250 тыс. шведских крон[1]. По курсу шведской кроны к рублю (согласно данным открытых источников по состоянию на начало 2007 г. курс кроны к рублю составлял – «1 шведская крона = 3,78 рублей») стоимость услуг адвокатов в то время составляла примерно 945 тыс. руб., что даже по субъективным оценкам настоящего времени достаточно тяжелое бремя для сторон в России.

Для примера можно сравнить два судебных дела, рассмотренных судами Швеции и России, посвященных восстановлению работника на работе. Из одного шведского дела следует, что час работы адвоката по трудовым вопросам составляет в среднем (с учетом исследования затрат истца и ответчика) 3200 шведских крон, что в пересчете на рубли по среднегодовому курсу 2016 г. («1 шведская крона – 7,82 рублей») составляет 25 024 руб.[2] К слову, общая сумма, взысканная судом с проигравшей стороны, составляла 41 800 шведских крон за 13 часов работы адвоката, что составляет 100% от заявленной суммы. Автором, путем слу-

[1] Study on the Transparency of Costs of Civil Judicial Proceedings in the European Union // https://e-justice.europa.eu/37/EN/costs?SWEDEN&member=1.

[2] AD 2016 nr 44 // https://lagen.nu/dom/ad/2016:44.

чайно выборки из Справочной правовой системы «Консультант Плюс», выбрано дело 2016 г., рассмотренное одним из московских судов, где за процесс по восстановление работника на работе суд взыскал с проигравшей стороны 20 тыс. руб.[1] Указанная информация приведена для оценки карающего воздействия норм об ответственности, в том числе за виновное бездействие.

В секции 6 гл. 18 Процессуального кодекса Швеции (рассмотренной в контексте действия в России ч. 2 ст. 111 АПК РФ) установлена гарантия для сторон по делу на случай обнаружения судом законного оправдания бездействия стороны: «Если лицо не выполнило обязанности согласно вышеуказанному пункту (первый абзац секции 6 гл. 18), но в силу каких-либо особых обстоятельств можно предположить, что у него есть законное оправдание к этому, суд должен предоставить ей возможность представить объяснения причины невыполнения обязанностей согласно приказу суда. Следовательно, суд должен отложить вопрос о наложении санкции или другой меры как результат невыполнения обязанностей, установленных приказом суда». Видна логика законодателя и развития процесса в целом. Суд обязывают совершать действия, как руководителя процессом, исходя из полной структуры нормы – гипотеза, диспозиция, санкция. При этом при наличии юридического состава в деле суд опять же должен отложить рассмотрение вопроса, а не вправе это сделать. Вышестоящий суд сможет проверить соблюдена ли обязанность суда. При формулировании в отечественном праве правонаделяющих норм вышестоящий суд сам вправе оценить дело иным образом, но также вправе и не делать этого, что порождает, по мнению автора, хаос в правоприменении.

Имущественная ответственность в виде штрафа также предусмотрена в Швеции за бездействие, но четко установлены случаи, когда суд может назначить штраф за неисполнение обязанности. Как уже было указано, сфера доказательственного права находится под полным контролем тяжущихся, поэтому штрафы за непредставление доказательств, которые на практике суды применяют в России в качестве санкции за неуважение к суду[2], не могут быть наложены шведскими судами[3].

5. Заключение

Проведенное исследование позволило выявить единые закономерности развития процессуальных систем Швеции и России в виде похожих подходов к регламентации последствий бездействия лиц, участвующих в деле, ситуативно различающихся, но, в сущности, обладающих общей идеей (помимо того, что шведский

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 18 апреля 2016 г. по делу № 33-13584/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018 (СПС «КонсультантПлюс»).

[3] *Bylander E.* Op. cit. P. 13.

Процессуальный кодекс является единым ориентиром для гражданского и уголовного судопроизводства).

Так, обе процессуальные системы содержат: 1) общие нормы процедурного характера (наступление последствия при наличии соответствующего юридического состава бездействия, например при неявке стороны в процесс); 2) нормы-преклюзии (о несвоевременном заявлении о том, что суд, рассматривающий дело, не является компетентным судом; о несвоевременном заявлении об отводе судьи; о пропуске срока на заявление о судебных расходах и пр.); 3) нормы о доказательственном значении процессуального бездействия; 4) нормы об ответственности за виновное процессуальное бездействие.

С учетом сформулированной нами ранее гипотезы, таким образом, сущностных различий не выявлено. Конечно, стоит признать, что две страны различным образом точечно регламентируют, что *надлежит* сделать суду (или что суд *вправе* предпринять) при определенном виде бездействия. Например, в России сторона, участвующая в гражданском деле, в суде общей юрисдикции несет дополнительный риск принятия против нее заочного решения при неявке в процесс, что больше напоминает шведскую практику, тогда как в арбитражных судах суд может многократно откладывать дело даже при признании явки стороны обязательной.

В представлении автора, сущностные отличия подходов в правовом регулировании двух избранных стран находятся в сфере юридической техники. Если адресатом норм, закрепляющих последствия процессуального бездействия, в Швеции является суд, то в России адресата выявить затруднительно, так как неясно, относится ли норма к праву суда или к обязанностям сторон. Юридическая техника, на наш взгляд, является одним из ключевых элементов в обеспечении справедливой реализации права на судебную защиту, что в условиях существования в России двух систем судов, разрешающих гражданские споры, видится еще более актуальным, так как в отечественной судебной практике в подходах к решению вопросов процессуального бездействия сторон обнаружены следы отсутствия единства по самым разным вопросам цивилистического процесса, что является еще одним основанием продолжать исследование вопросов унификации гражданского процесса в России.

Список использованной литературы

Анишина В.И. Дискреционные полномочия судов как гарантия самостоятельности и эффективности судебной власти // Мировой судья. 2008. № 3. С. 8–12.

Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 443 с.

Аргунов А.В. Гражданский процесс России и Франции: принципы состязательности и диспозитивности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1. С. 43–51.

Борисевич Г.Я. Продолжение судебной реформы во благо Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 445–452.

Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016. 352 с.

Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 3. С. 121–147.

Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

Веде Ю.В. Преклюзия в гражданском процессе Германии: значение, перспективы, риски // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 43–47.

Гаврюсов А.В. Скрытые формы минимизации судом негативного влияния последствий частного процессуального бездействия на примере новых доказательств в суде второй инстанции // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В.Г. Голубцов, Д.Н. Латыпов. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2023. С. 35–39.

Глащенко В.Д. Институт молчаливого признания обстоятельств в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ): результаты правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 21–27.

Голубцов В.Г. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: от дифференциации к унификации // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 18–19 нояб. 2016 г.) / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 243–245.

Гук П.А., Коршунова П.В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–118.

Демиева А.Г., Васькевич В.П. Некоторые особенности использования сравнительно-правового метода в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2. № 2. С. 319–339.

Загидуллин М.Р. О содержании понятия «цивилистический процесс» // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 120–130.

Кузнецова О.А. Сравнительно-правовой метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2. № 2. С. 183–214.

Малахиров Б.М. Эстоппель и преклюзия в цивилистическом процессе: общее и особенное // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 3–7.

Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 7–22.

Пацация М.Ш. Принцип процессуальной активности суда или принцип судебного руководства процессом? // Закон. 2016. № 1. С. 63–75.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стереотип. М.: Статут, 2013. 384 с.

Поляков С.Б. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: технологические основы: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. 164 с.

Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 480 с.

Решетникова И.В. Унификация процессуального законодательства. Ждать ли революций?! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 3–9.

Bylander E. Evidence in Civil Law – Sweden. Maribor: Institute for Local Self-Government and Public Procurement, 2015. 54 p.

Carlson L. The Fundamentals of Swedish Law. 3rd ed. Lund: Studentlitteratur AB, 2019. 501 p.

Ervo L. Culture and Mentality in East-Nordic Courts // Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice. 2021. Vol. 90. P. 89–106.

Hjort M.A. Sources of Inspiration of Nordic Procedural Law: Choices and Objectives of the Legal Reforms // Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice. 2021. Vol. 90. P. 69–88.

Lindblom P. The Role of the Supreme Courts in Scandinavia // Scandinavian Studies in Law. 2000. Vol. 39. P. 325–365.

Lindell B. Civil Procedure in Sweden. Uppsala: Iustus förlag, 2021. 259 p.

Rheinstein M. Teaching Comparative Law // University of Chicago Law Review. 1937. Vol. 5. P. 615–624.

Swedish Legal System / Ed. by M. Bogdan. Stockholm: Norstedts juridic, 2010. 562 p.

References

Anishina V.I. *Diskretsionnye polnomochiia sudov kak garantiia samostoiatel'nosti i effektivnosti sudebnoi vlasti* [Court's Discretionary Powers as a Guarantee of Independence and Effectiveness of the Judiciary]. *Mirovoi sud'ia – Magistrate Judge*, 2008, no. 3, pp. 8–12. (In Russ.)

Argunov A.V. *Grazhdanskii protsess Rossii i Frantsii: printsipy sostiazatel'nosti i dispozitivnosti* [Civil Procedure in Russia and France: Principles of Adversarial and Optionality]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pravo – Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 2022, no. 1, pp. 43–51. (In Russ.)

Bogdan M. (ed.). Swedish Legal System. Stockholm: Norstedts juridic, 2010. 562 p.

Borisevich G.Ia. *Prodolzhenie sudebnoi reformy vo blago Rossiiskoi Federatsii* [Prolongation of Judicial Reform in the Best Interests of the Russian Federation]. *Permskii iuridicheskii al'manakh – Perm Law Almanac*, 2018, no. 1, pp. 445–452. (In Russ.)

Borisova E.A. *Apelliatsiia, kassatsiia, nadzor po grazhdanskim delam: uchebnoe posobie* [Appeal, Cassation, Supervision of Civil Cases: Tutorial] 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2016. 352 p. (In Russ.)

Bylander E. Evidence in Civil Law – Sweden. Maribor: Institute for Local Self-Government and Public Procurement, 2015. 54 p.

Carlson L. The Fundamentals of Swedish Law. 3rd ed. Lund: Studentlitteratur AB, 2019. 501 p.

Demieva A.G., Vaskevich V.P. *Nekotorye osobennosti ispol'zovaniia sravnitel'no-pravovogo metoda v tsivilisticheskikh issledovaniiakh* [Some of the Features of the Comparative Legal Method in Civil Law Studies]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanii – Methodological Problems of Civil Law Studies*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 319–328. (In Russ.)

Ervo L. Culture and Mentality in East-Nordic Courts. *Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*, 2021, vol. 90, pp. 89–106.

Gavriusov A.V. *Skrytye formy minimizatsii sudom negativnogo vliianiia posledstvii chastnogo protsessual'nogo bezdeistviia na primere novykh dokazatel'stv v sude vtoroi instantsii* [Hidden Forms of Mitigation by the Court of the Negative Impact of the Consequences of Private Procedural Inaction on the Example of New Evidence in the Court of Appeal]. In Golubtsov V.G., Latypov D.N. (eds.). *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava, grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa: sbornik nauchnykh statei (ezhegodnik)* [Urgent Issues of the Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration: Collection of Academic Articles (Annual Issue)]. Perm: Perm State National Research University, 2023, pp. 35–39. (In Russ.)

Glashchenko V.D. *Institut molchalivogo priznaniia obstoiatel'stv v arbitrazhnom protsesse (ch. 3.1 st. 70 APK RF RF): rezul'taty pravoprimenitel'noi praktiki* [Tacit Recognition of Circumstances in the Economic Proceedings (Part 3.1 of Article 70 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation): Results of Law Enforcement Practice]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitration and Civil Procedure*, 2022, no. 3, pp. 21–27. (In Russ.)

Golubtsov V.G. *Kontseptsiia edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa: ot differentsiatsii k unifikatsii* [The Concept of a Unified Civil Procedure Code: From Differentiation to Unification]. In Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Sed'moi permskii kongress uchenykh-iuristov: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Perm', PGNIU, 18–19 noiab. 2016 g.)* [The Seventh Perm Congress of Legal Scientists: Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference (Perm, Perm State National Research University, 18–19 November 2016)]. Perm: Perm State National Research University, 2016, pp. 243–245. (In Russ.)

Guk P.A., Korshunova P.V. *Edinstvo sudebnoi praktiki kak osobaia tsennost' pravosudiia* [Homogeneity of Judicial Practice as a Special Treasure of Justice]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Russian Law Journal*, 2020, no. 12, pp. 103–118. (In Russ.)

Hjort M.A. Sources of Inspiration of Nordic Procedural Law: Choices and Objectives of the Legal Reforms. *Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*, 2021, vol. 90, pp. 69–88.

Iarkov V.V. (ed.). *Arbitrazhnyi protsess: uchebnik* [Economic Proceedings: Tutorial]. 7th ed. Moscow: Statut, 2017. 443 p. (In Russ.)

Kuznetsova O.A. *Sravnitel'no-pravovoi metod v tsivilisticheskikh dissertatsiiakh* [Comparative Legal Method in Civil Law Thesis]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanii – Methodological Problems of Civil Law Research*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 183–214. (In Russ.)

Lindblom P. The Role of the Supreme Courts in Scandinavia. *Scandinavian Studies in Law*, 2000, vol. 39, pp. 325–365.

Lindell B. Civil Procedure in Sweden. Uppsala: Iustus förlag, 2021. 259 p.

Malakhirov B.M. *Estoppel' i prekliuziia v tsivilisticheskom protsesse: obshchee i osobennoe* [Estoppel and Preclusion in Civil Procedure: Common and Special]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitration and Civil Procedure*, 2019, no. 10, pp. 3–7. (In Russ.)

Malinovskii A.A. *Metodologiia sravnitel'nogo pravovedeniia* [Methodology of Comparative Law]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGIuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 3, pp. 7–22. (In Russ.)

Patsatsiia M.Sh. *Printsip protsessual'noi aktivnosti suda ili printsip sudebnogo rukovodstva protsessom?* [The Principle of Procedural Activity of the Court or the Principle of Court Management of the Trial?]. *Zakon – Law*, 2016, no. 1, pp. 63–75. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Civil Law Main Problems]. 6th ed. Moscow: Statut, 2013. 384 p. (In Russ.)

Poliakov S.B. *Antikorruptsionnaia ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: tekhnologicheskie osnovy: uchebnoe posobie* [Anti-Corruption Examination of Legal Acts and Legal Acts Draft: Technological Foundations: Textbook]. Perm: Perm State National Research University, 2017. 164 p. (In Russ.)

Reshetnikova I.V. (ed.). *Praktika primeneniia Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Practice of Enforcement of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. 5th ed. Moscow: Iurait, 2018. 480 p. (In Russ.)

Reshetnikova I.V. *Unifikatsiia protsessual'nogo zakonodatel'stva. Zhdat' li revoliutsii?!* [Harmonization of Procedural Law. Should We Expect Revolution?!]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analyze, Practice*, 2015, no. 3, pp. 3–9. (In Russ.)

Rheinstein M. Teaching Comparative Law. *University of Chicago Law Review*, 1937, vol. 5, pp. 615–624.

Van Khuk M. *Metodologiia sravnitel'no-pravovykh issledovanii* [Methodology of Comparative Legal Research]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie – Higher Education System's News. Jurisprudence*, 2013, no. 3, pp. 121–147. (In Russ.)

Vaskovskii E.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniia i deistviia* [Civil Procedure Course: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions]. Moscow: Statut, 2016. 624 p. (In Russ.)

Vede Iu.V. *Prekliuziia v grazhdanskom protsesse Germanii: znachenie, perspektivy, riski* [Preclusion in Civil Procedure of Germany: Significance, Future and Risks]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu – Electronic Attachment to Russian Law Journal*, 2020, no. 2, pp. 43–47. (In Russ.)

Zagidullin M.R. *O soderzhanii poniatiia «tsivilisticheskii protsess»* [On the Content of the Concept of "Civil Procedure"]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Russian Law Journal*, 2020, no. 5, pp. 120–130. (In Russ.)

Информация об авторе

Гаврюсов А.В. (Пермь, Россия) – аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, консультант по правовым вопросам Консалтинговой компании *UKey* (614000, г. Пермь, ул. Советская, д. 67; e-mail: gavryusov@mail.ru).

Information about the author

A.V. Gavryusov (Perm, Russia) – Postgraduate Student, Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Law Faculty, Perm State National Research University, Legal Advisor at *UKey* Consulting Company (67 Sovetskaia St., Perm, 614000, Russia; e-mail: gavryusov@mail.ru).

Для цитирования

Гаврюсов А.В. Последствия процессуального бездействия лиц, участвующих в цивилистическом процессе: подходы к правовому регулированию в России и Швеции // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 273–300. httpS://DOI.ORG/10.24031/2226-0781-2023-13-5-273-300

Recommended citation

Gavryusov A.V. *Posledstviia protsessual'nogo bezdeistviia lits, uchastvuiushchikh v tsivilisticheskom protsesse: podkhody k pravovomu regulirovaniiu v Rossii i Shvetsii* [Consequences of Party's Failures to Act in Civil Procedure: Approaches to Legal Regulation in Russia and Sweden]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 273–300. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-273-300

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАКТИКА

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В.Н. КОВАЛЬ,

доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Севастопольского государственного университета, Заслуженный юрист Украины, Заслуженный юрист Республики Крым

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-301-314

В статье исследуются особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Отмечаются факторы, влияющие на особенности рассмотрения указанной категории дел: наличие иностранного элемента в материальном правоотношении, из которого возник спор; правовая природа самого материального правоотношения (перевозка, буксировка, агентирование, страхование и т.д.); характер правонарушения (порча груза; причинение вреда здоровью пассажира; простой судна и непредставление груза для перевозки) и др. Разграничиваются внутригосударственный частный морской спор и международный частный морской спор. В статье определены обстоятельства, подлежащие доказыванию по искам о взыскании штрафа за сверхнормативный простой судна (демереджа). Проанализированы содержание категории «невозможность исполнения»; сущность экономической санкции как препятствия в исполнении договорных обязательств.

Ключевые слова: морское право; международное частное морское право; иностранный элемент; внутригосударственный частный морской спор; международный частный морской спор; договор морской перевозки груза; демередж; договор буксировки; экономическая санкция.

FEATURES OF THE CONSIDERATION OF CASES ON THE EXECUTION OF PRIVATE LAW CONTRACTS IN THE FIELD OF MARINE TRANSPORT OPERATION IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

V.N. KOVAL,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Director, Law Institute,
Sevastopol State University, Honored Lawyer of Ukraine,
Honored Lawyer of the Republic of Crimea

The article discusses the specifics of the consideration of cases on the execution of private law contracts in the field of maritime transport operation in civil and arbitration proceedings. The factors influencing the specifics of the consideration of this category of cases are noted: the presence of a foreign element in the material legal relationship from which the dispute arose; the legal nature of the material legal relationship itself (transportation, towing, agency, insurance, etc.); the nature of the offense (damage to the cargo; injury to the passenger's health; idle time of the vessel and failure to present the cargo for transportation), etc. An intra-State private maritime dispute and an international private maritime dispute are distinguished. The article defines the circumstances to be proved in claims for the recovery of a fine for excessive idle time of the vessel (demurrage). The content of the category "impossibility of execution" is analyzed; the essence of economic sanctions as obstacles in the performance of contractual obligations.

Keywords: maritime law; international private maritime law; foreign element; domestic private maritime dispute; international private maritime dispute; contract for the carriage of cargo by sea; demurrage; towing contract; economic sanction.

Обеспечение стабильности гражданского оборота является важнейшим фактором поступательного развития всех сфер жизнедеятельности общества, выступает основой формирования правосознания общества и его правовой культуры. Стабильность гражданского оборота обеспечивается наличием в государстве действенного механизма защиты субъективных прав. При этом основополагающим началом осуществления гражданских прав и их судебной защиты является принцип диспозитивности. Осуществление принципа диспозитивности обусловлено автономным характером гражданских прав[1]. Участники гражданских правоот-

[1] *Вавилин Е.В.* Принцип диспозитивности как основополагающее начало осуществления гражданских прав и их судебной защиты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 96.

ношений действуют своей волей и в своем интересе, т.е. самостоятельно выбирают вариант правомерного поведения, в том числе при исполнении договорных обязательств. С учетом того, что наиболее распространенным основанием возникновения гражданских правоотношений является договор, особую роль в обеспечении стабильности гражданского оборота играет надлежащее исполнение частноправовых договоров, в том числе, в сфере эксплуатации морского транспорта. В связи с тем, что морские перевозки в России составляют подавляющее большинство перевозок (по сравнению с другими видами транспорта), исследование особенностей рассмотрения возникающих из них споров представляется весьма актуальным. В связи с обширной дифференциацией сферы эксплуатации морского транспорта в настоящей статье ограничимся изучением особенностей рассмотрения споров, возникающих в связи с эксплуатацией морского транспорта исключительно в сфере торгового мореплавания.

Как следует из п. 2 ст. 1 Кодекса торгового мореплавания (далее – КТМ)[1], имущественные отношения, возникающие из торгового мореплавания и основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, регулируются в соответствии с ГК РФ[2].

Однако среди всей массы имущественных отношений, опосредуемых нормами гражданского права, отношения в сфере торгового мореплавания обладают особой спецификой. Специфика указанных отношений обусловлена прежде всего тем, что деятельность по эксплуатации морского транспорта в большинстве случаев выходит за пределы сферы влияния одного государства, вследствие чего она подвержена влиянию иностранных правовых систем. Поэтому в данной сфере возникают коллизии законов, правил и обычаев.

Специфика отношений торгового мореплавания проявляется как в их правовом регулировании, так и в разрешении вытекающих из них споров.

Для правового регулирования отношений торгового мореплавания применяются нормы морского права, характеризующиеся следующими особенностями:

– наличие большого количества принципов и норм международного права;
– наличие коллизионных норм;
– наличие заимствований из правовых систем других государств;
– наличие институтов, отсутствующих в других отраслях права;
– применение специфических терминов и документов и др.

Как указывает А.С. Скаридов, по субъектному составу, порядку принятия и иным характеристикам нормы морского права можно разделить на три группы:

1) нормы международного морского публичного права;
2) нормы международного морского коммерческого права;
3) нормы внутреннего законодательства государства[3].

---

[1] Кодекс торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] *Скаридов А.С.* Морское право: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2016. С. 43.

В то же время при рассмотрении комплекса правовых норм, регулирующих имущественные отношения в сфере торгового мореплавания, осложненные иностранным элементом, через призму системы международного частного права, указанный комплекс следует идентифицировать как подотрасль международного частного права – международное частное морское право.

При этом авторы единодушно определяют три вида иностранных элементов, которыми могут быть осложнены имущественные отношения в сфере торгового мореплавания:

1) физические и юридические лица иностранных государств, например отправитель груза;

2) имущество (в том числе имущественные права), находящееся в другом государстве, например груз;

3) юридические факты, если они имели место на территории другого государства, например, получение увечья российским моряком на борту иностранного судна, в связи с чем возникает обязательство о возмещении вреда[1].

Исходя из широкой концепции международного частного права в состав международного частного морского права входят не только унифицированные и внутренние коллизионные нормы, унифицированные и внутренние материальные нормы, но также унифицированные процессуальные нормы и внутренние процессуальные нормы[2].

Как отмечает Ю.Б. Шубников, отдельные процессуальные особенности применения мер ответственности определены в КТМ: претензионный порядок урегулирования спора в связи с перевозкой груза в каботаже (п. 1 ст. 403); закрепление помимо возможности применения общего срока исковой давности также и специальных сроков исковой давности (по обязательствам из договора перевозки груза, договоров буксировки, морского агентирования, морского посредничества, тайм-чартера, бербоут-чартера, при общей аварии – 1 год; из договора перевозки пассажира – 2 года и др.); установлена процедура обеспечения доказательств для защиты нарушенных прав путем осуществления морского протеста и др.[3]

Особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта зависят прежде всего от наличия иностранного элемента в материальном правоотношении, из которого возник спор. Кроме того, их можно дифференцировать в зависимости от правовой природы самого материального правоотношения (перевозка, буксировка, агентирование, страхование и т.д.), а также от характера правонарушения (порча груза; причинение вреда здоровью пассажира; простой судна и непредставление груза для перевозки).

---

[1] *Тверская С.Е.* Морское право: учебное пособие. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2013.

[2] *Гуцуляк В.Н.* Российское и международное морское право (публичное и частное). М.: Граница, 2017.

[3] *Шубников Ю.Б.* Некоторые особенности защиты гражданских прав при осуществлении торгового мореплавания (историко-теоретический анализ) // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4(50). С. 106–114.

В зависимости от наличия иностранного элемента в материальном правоотношении, из которого возник спор, споры, вытекающие из частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта, можно разделить на две группы:

1) внутригосударственный частный морской спор;

2) международный частный морской спор (возникающий из отношений, осложненных иностранным элементом).

Внутригосударственные частные морские споры рассматриваются в арбитражных судах и судах общей юрисдикции в соответствии с их компетенцией, а также в МАК и третейских судах. При этом суды общей юрисдикции рассматривают мизерное количество указанных споров. Исходя из содержания ст. 22 ГПК РФ суды общей юрисдикции рассматривают внутригосударственные частные морские споры только в случаях, если объект морского транспорта принадлежит физическому лицу и спор не имеет экономического основания; а также рассматривают требования о возмещении вреда, причиненного жизни (здоровью) человека в результате деятельности морского транспорта.

Поскольку основная масса внутригосударственных частных морских споров связана с экономической и иной предпринимательской деятельностью, они рассматриваются в основном в арбитражных судах. В последние годы преобладают арбитражные споры, связанные с защитой прав при неисполнении обязательств из частноправовых договоров.

Одними из наиболее распространенных споров являются споры по искам о взыскании сумм задолженности и неустойки по договору морской перевозки груза. Характерным является решение АС Камчатского округа от 24 марта 2022 г. по делу № А24-6303/2021 по иску ГУП (перевозчик) к ООО (грузоотправитель) о взыскании сумм задолженности по долгосрочному договору морской перевозки в каботаже (без условия предоставления для морской перевозки груза всего судна, части его или определенных судовых помещений (чартер) и неустойки).

По делу судом установлено, что между перевозчиком и грузовладельцем на основании ст. 118 КТМ РФ заключен долгосрочный договор об организации морских перевозок грузов; грузоотправитель передал перевозчику груз, что подтверждается коносаментом, а перевозчик осуществил перевозку груза согласно условиям договора. Однако ответчиком не была внесена плата за перевозку груза в установленные договором сроки.

Договором морской перевозки предусмотрено, что в случае неуплаты фрахтовых и прочих платежей по перевозке в указанные договором сроки, грузоотправитель уплачивает неустойку в размере 0,5% за каждый день просрочки от неуплаченной суммы.

Однако оценивая размер неустойки, суд принял во внимание, что он чрезмерно высок и превышает сумму основного долга более чем в два раза. Суд при вынесении решения руководствовался содержанием п. 73, 75 постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7, в которых разъяснено, что бремя доказывания

несоразмерности неустойки и необоснованности выгоды кредитора возлагается на ответчика. Несоразмерность и необоснованность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ). Задача суда состоит в устранении явной несоразмерности штрафных санкций. Поэтому суд счел возможным уменьшить размер пени до размера суммы основного долга, что соответствует принципу соблюдения балансов интересов сторон и недопущению явной несоразмерности и необоснованности размера неустойки по отношению к нарушенному ответчиком договорному обязательству и удовлетворил иск частично[1].

Также российскими арбитражными судами рассматривается большое количество споров по искам о взыскании штрафа за сверхнормативный простой судна – демереджа (ст. 132 КТМ РФ).

Так, ООО 1 обратилось к ООО 2 с иском о взыскании суммы неосновательного обогащения, перечисленной платежным поручением с назначением платежа: «частичная оплата по договору морской перевозки…». ООО 2 обратилось к ООО 1 со встречным иском о взыскании суммы задолженности по оплате демереджа и перевозке груза и суммы неосновательного обогащения в виде сбереженных средств на оплату расходов по перешвартовке. Суды квалифицировали заключенные сторонами договоры как договоры морской перевозки, применив к спорным правоотношениям положения КТМ РФ (ст. 129–132).

Статьей 130 КТМ РФ закреплено, что срок, в течение которого перевозчик предоставляет судно для погрузки груза и держит его под погрузкой груза без дополнительных к фрахту платежей (сталийное время), определяется соглашением сторон, при отсутствии такого соглашения сроками, обычно принятыми в порту погрузки. В соответствии со ст. 129 КТМ РФ при перевозке груза по чартеру перевозчик обязан в письменной форме уведомить фрахтователя или отправителя, если он указан фрахтователем, о том, что судно готово или будет готово в определенное время к погрузке груза. Исходя из ст. 130 КТМ РФ, разд. 6 «Дженкон-94» значение уведомления о готовности судна к грузовым операциям (нотис) определяется тем, что с моментом его подачи связывают начало отсчета сталийного времени. По правилам ст. 132 КТМ РФ за простой судна в порту по окончании стали перевозчику причитается плата (демередж), размер которой определяется соглашением сторон, а при отсутствии соглашения – согласно ставкам, обычно принятым в соответствующем порту.

По окончании течения сталийного времени начинает течь контрсталийное время (время задержки судна под разгрузкой), а у перевозчика возникает право на оплату сумм демереджа. По правовой природе демередж представляет собой

[1] Решение АС Камчатского края от 24 марта 2022 г. по делу № А24-6303/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

возмещение судовладельцу убытков от расходов по содержанию судна на стоянке под грузовыми операциями (ст. 131 КТМ РФ).

Суды, оценив с позиции ст. 71 АПК РФ представленные доказательства, с учетом того, что нотисы о готовности судна не содержат данных об их вручении фрахтователю, а нотис о готовности судна по договору от 5 мая 2017 г. в материалы дела вообще не представлен, и, учитывая условия договоров морской перевозки о подаче нотисов в соответствии с «Дженкон-94» (п. 9), установили, что ООО 1 не было уведомлено о готовности судна к погрузке (выгрузке), в связи с чем сталийное время и, соответственно, контрсталийное время не начинает течь без нотисов готовности судна.

Из приведенного судебного решения можно сделать следующие выводы:

– если сторонами договора морской перевозки груза дата подачи судна под погрузку по условиям договоров определена периодом времени, а не конкретной датой, возрастает значимость подачи нотисов о готовности судна к погрузке (выгрузке). Если нотисы о готовности судна не содержат данных об их вручении фрахтователю, он считается не уведомленным о готовности судна к погрузке (выгрузке), в связи с чем сталийное и контрсталийное время не начинают течь, вследствие чего иск перевозчика о взыскании демереджа не подлежит удовлетворению;

– таймшит (лист учета грузовых операций) не подтверждает надлежащее извещение фрахтователя о готовности судна под погрузку (выгрузку);

– перевозчик утрачивает право требовать от фрахтователя суммы, которые тот должен был уплатить по договору морской перевозки при наличии двух условий: груз выдан получателю, и перевозчик не доказал, что он не смог осуществить право удержания груза по не зависящим от него обстоятельствам;

– стороны должны доказать факт досудебного (претензионного) порядка урегулирования спора, предусмотренного законом или договором[1].

Актуальными для судебной практики являются и проблемы соотношения договорной и деликтной ответственности при рассмотрении частноправовых споров в сфере эксплуатации морского транспорта. Так, например, при разрешении споров, вытекающих из договора морской или портовой буксировки по поводу причинения ущерба буксирующему или буксируемому судну, с учетом норм ст. 393, 1064 ГК РФ, а также ст. 225, 229, 230 КТМ, возникает вопрос конкуренции исков. В законодательстве указанный вопрос прямо не урегулирован; есть отдельные нормы, устанавливающие иерархию оснований ответственности, как, например, ст. 800 ГК РФ, которой определяется деликтная ответственность перевозчика по правилам гл. 59 ГК РФ.

Как отмечает Е.М. Данилин, в случаях, если вред причинен нарушением обязанностей стороны по договору, преобладающей среди авторов является пози-

[1] Постановление АС Дальневосточного округа от 5 декабря 2018 г. № Ф03-5380/2018 по делу № А37-2657/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ция приоритета договорной ответственности перед деликтной. Однако в установленных законом случаях в виде исключения из правила применяется деликтная ответственность, когда ее правила устанавливают ответственность в большем объеме, нежели договорная. Судебная практика, как правило, также исходит из недопустимости конкуренции исков[1]. Например, по делу № А51-6395/2020 по иску ФГБУ к АО о взыскании задолженности по договору буксировки, встречному иску о взыскании убытков, причиненных затоплением буксируемого объекта, суд удовлетворил встречные исковые требования на основании ст. 229 КТМ РФ, ст. 15 и п. 1 ст. 393 ГК РФ[2].

Тем не менее встречаются и иные примеры судебной практики, когда при наличии между сторонами договорных отношений суды одновременно применяют правила и договорной, и деликтной ответственности. Например, из определения ВАС РФ от 3 апреля 2014 г. № ВАС-3461/14 по делу № А53-32899/2012 усматривается, что по иску ОАО к ЗАО о взыскании убытков, связанных с ремонтом платформы в целях устранения повреждений, полученных платформой при переходе, суды признали, что договор между сторонами содержит элементы договора буксировки и частично удовлетворили иск со ссылкой на п. 1 ст. 229 КТМ РФ, применив в то же время и п. 2 ст. 1083 ГК РФ[3].

Международный частный морской спор – это спор между частными лицами (физическими и юридическими), связанный с морской деятельностью. Одной из его сторон может быть и государство. В настоящее время не существует универсального международного суда, который бы рассматривал международные частные споры в общем и международные частные морские споры в частности, кроме того, не существует и общепризнанной международной процедуры[4].

Международные частные морские споры рассматриваются как в международном коммерческом арбитраже (в России это Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате МАК), так и в национальных судах, в зависимости от соглашения сторон о выборе суда и компетенции судов.

Однако в связи с введением за границей мер ограничительного характера в отношении российских граждан и юридических лиц арбитражная оговорка, указанная в договоре, чаще всего становится неисполнимой. В связи с затруднительностью рассмотрения в международных коммерческих арбитражах на территории иностранных государств споров, вытекающих из исполнения частно-

---

[1] *Данилин Е.М.* Конкуренция исков о возмещении ущерба, причиненного при осуществлении морской или портовой буксировки // Транспортное право. 2022. № 2. С. 30–32.

[2] Постановление 5 ААС от 10 июня 2021 г. № 05АП-3199/2021 по делу № А51-6395/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение ВАС РФ от 3 апреля 2014 г. № ВАС-3461/14 по делу № А53-32899/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Гуцуляк В.Н.* Указ. соч.

правовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта, в данной сфере возросла роль российских арбитражных судов.

Для защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в отношении которых за границей введены санкции, принят Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» (далее – Закон)[1].

В результате внесенных Законом изменений в АПК РФ (ч. 4 ст. 248.1) российским федеральным арбитражным судам предоставлена исключительная компетенция по рассмотрению споров, если соглашение сторон об их рассмотрении в иностранном суде или арбитраже неисполнимо из-за применения в отношении одной из сторон соглашения санкций, препятствующих доступу к правосудию. То есть при неисполнимости юрисдикционного соглашения арбитражный суд РФ, руководствуясь ч. 4 ст. 248.1, обязан рассмотреть спор.

Как справедливо отмечает А.И. Щукин, норма ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ сходна с правилом ст. 6 Гаагской конвенции в отношении соглашений о выборе суда 2005 г., содержащей три основания, по которым суд вправе принять к рассмотрению гражданское дело вопреки имеющемуся в соглашении условию об исключительном рассмотрении дела в суде другого государства:

– если исполнение пророгационного соглашения приведет к явному нарушению принципа справедливости;

– если таковое будет явно противоречить публичному порядку государства, суд которого рассматривает дело;

– если в силу исключительных причин пророгационное соглашение в разумных пределах не может быть надлежащим образом исполнено[2].

Анализируя судебную практику иностранных судов, А.И. Щукин отмечает, что невозможность исполнения охватывает ситуации, когда по исключительным причинам, которые не зависят от сторон, не может быть разумно исполнено условие о выборе суда. Причем в качестве невозможности рассмотрения дела в выбранном суде могут выступать следующие ситуации: нахождение стра-

---

[1] Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Щукин А.И.* Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (часть 2) // Закон. 2021. № 2. С. 132.

ны в состоянии войны и прекращение деятельности судов; прекращение существования указанного в соглашении сторон суда либо его изменение настолько, что он уже не будет являться тем же судом, и др.[1]

Поскольку категория «невозможность исполнения» в нормах международного частного права четко не определена, применение указанного в ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ основания для рассмотрения международного частного морского спора порождает неоднозначность судебной практики.

В контексте правоприменения можно выделить два подхода к категории экономических санкций:

1) они представляют собой элемент факта, а не права;

2) они не являются фактическими обстоятельствами, а имеют юридическую природу (охватываются категорией преобладающих императивных норм).

В судебной практике преобладает второй подход. Арбитражные суды рассматривают экономическую санкцию в качестве препятствия исполнения договорных обязательств: она ограничивает договорную свободу участников, или является элементом применимого права, либо является сверхимперативной нормой. Характерным примером указанного подхода является определение АС Красноярского края от 18 июня 2019 г. по делу № А33-17899/2018, которым отказано корейской фирме в признании и исполнении на территории России решения иностранного суда о взыскании с российского Общества с ограниченной ответственностью суммы долга по договору перестрахования. В обоснование отказа арбитражный суд указал, что исполнение иностранного арбитражного решения противоречит публичному порядку РФ, так как согласно указу Президента РФ от 14 октября 2017 г. № 484 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2321 от 30 ноября 2016 года» запрещено исполнять требование об оплате любого контракта, предъявленное любым физическим или юридическим лицом в КНДР[2].

В этой связи представляется обоснованной позиция А.И. Щукина о целесообразности разрешения конфликта посредством государственного правосудия при наличии возможности отказа от третейского соглашения из-за риска неисполнения решения третейского суда в связи с санкциями[3].

Таким образом, на основании приведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Исходя из широкой концепции международного частного права в состав международного частного морского права входят не только унифицированные и внутренние коллизионные нормы, унифицированные и внутренние матери-

---

[1] *Щукин А.И.* Указ. соч. С. 135.

[2] Определение АС Красноярского края от 18 июня 2019 г. по делу № А33-17899/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Щукин А.И.* Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (часть 2) // Закон. 2021. № 2. С. 136.

альные нормы, но также унифицированные процессуальные нормы и внутренние процессуальные нормы.

2. Свойство диспозитивности присуще отношениям в сфере торгового мореплавания в значительно большей степени, чем иным имущественным отношениям, регулируемым нормами гражданского права. Ряд процессуальных норм, применяемых при рассмотрении споров, вытекающих из частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта, также обладают свойством диспозитивности.

3. Особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта зависят от наличия иностранного элемента в материальном правоотношении, из которого возник спор; правовой природы самого материального правоотношения (перевозка, буксировка, агентирование, страхование и т.д.); характера правонарушения (порча груза; причинение вреда здоровью пассажира; простой судна и непредставление груза для перевозки) и др.

4. В зависимости от наличия иностранного элемента в материальном правоотношении, споры, вытекающие из частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта, можно разделить на две группы: внутригосударственный частный морской спор и международный частный морской спор.

5. Суды общей юрисдикции рассматривают частные морские споры только в случаях, если объект морского транспорта принадлежит физическому лицу и спор не имеет экономического основания; а также рассматривают требования о возмещении вреда, причиненного жизни (здоровью) человека в результате деятельности морского транспорта.

6. Основная масса частных морских споров рассматриваются в арбитражных судах. Наиболее распространенными являются споры по искам о взыскании сумм задолженности и неустойки по договору морской перевозки груза. Как правило, по указанной категории споров арбитражные суды по заявлению ответчика уменьшают размер неустойки до размера суммы основного долга, что соответствует принципу соблюдения балансов интересов сторон и недопущению явной несоразмерности и необоснованности размера неустойки по отношению к нарушенному ответчиком договорному обязательству.

7. Арбитражными судами рассматривается большое количество споров по искам о взыскании штрафа за сверхнормативный простой судна (демереджа). Перевозчик должен доказать: наличие договора морской перевозки груза; надлежащее исполнение встречных обязательств по договору; простой судна и непредставление груза для перевозки; наличие вины грузоотправителя в простое судна; размер демерджа; факт соблюдения претензионного порядка, предусмотренного законом или договором.

8. Если нотисы о готовности судна не содержат данных об их вручении фрахтователю, он считается не уведомленным о готовности судна к погрузке (выгрузке),

в связи с чем сталийное и контрсталийное время не начинают течь, вследствие чего иск перевозчика о взыскании демереджа не подлежит удовлетворению.

9. Наличие неоднозначной судебной практики при разрешении споров, вытекающих из договора морской или портовой буксировки по поводу причинения ущерба буксирующему или буксируемому судну (возникает вопрос конкуренции договорного и деликтного исков). При наличии между сторонами договорных отношений приоритетным является применение судами норм о договорной ответственности, однако по отдельным делам суды одновременно применяют правила и договорной, и деликтной ответственности.

10. Частью 4 ст. 248.1 АПК РФ арбитражным судам предоставлена исключительная компетенция по рассмотрению споров, если соглашение сторон об их рассмотрении в иностранном суде или арбитраже неисполнимо из-за применения в отношении одной из сторон соглашения санкций, препятствующих доступу к правосудию. Арбитражные суды рассматривают экономическую санкцию в качестве препятствия исполнения договорных обязательств.

11. В связи с происходящими в мире стремительными изменениями действительности особую роль приобретает правовое регулирование последствий изменившихся обстоятельств – оно становится одним из общих принципов не только договорного права, но также и процессуального права.

Список использованной литературы

Вавилин Е.В. Принцип диспозитивности как основополагающее начало осуществления гражданских прав и их судебной защиты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 96–101.

Гуцуляк В.Н. Российское и международное морское право (публичное и частное). М.: Граница, 2017. 448 с.

Данилин Е.М. Конкуренция исков о возмещении ущерба, причиненного при осуществлении морской или портовой буксировки // Транспортное право. 2022. № 2. С. 30–32.

Скаридов А.С. Морское право: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2016. 647 с.

Тверская С.Е. Морское право: учебное пособие. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2013. 157 с.

Шубников Ю.Б. Некоторые особенности защиты гражданских прав при осуществлении торгового мореплавания (историко-теоретический анализ) // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4(50). С. 106–114.

Щукин А.И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (часть 2) // Закон. 2021. № 2. С. 131–149.

References

Danilin E.M. *Konkurentsiia iskov o vozmeshchenii ushcherba, prichinennogo pri osushchestvlenii morskoi ili portovoi buksirovki* [Competing Claims for Damages Caused by Maritime or Harbor Towing Activities]. *Transportnoe pravo – Transportation Law*, 2022, no. 2, pp. 30–32. (In Russ.)

Gutsuliak V.N. *Rossiiskoe i mezhdunarodnoe morskoe pravo (publichnoe i chastnoe)* [Russian and International Maritime Law (Public and Private)]. Moscow: Granitsa, 2017. 448 p. (In Russ.)

Shchukin A.I. *Sovershenstvovanie rossiiskogo sudoproizvodstva v usloviiakh ekonomicheskikh sanktsii: neispolnimost' iurisdiktsionnogo soglasheniia i antiiskovyi zapret (chast' 2)* [Improving Russian Legal Proceedings Under Economic Sanctions: Unenforceability of Jurisdictional Agreement and Anti-Suit Injunction (Part 2)]. *Zakon – Law*, 2021, no. 2, pp. 131–149. (In Russ.)

Shubnikov Iu.B. *Nekotorye osobennosti zashchity grazhdanskikh prav pri osushchestvlenii torgovogo moreplavaniia (istoriko-teoreticheskii analiz)* [Some Peculiarities of Civil Rights Protection in the Course of Merchant Shipping (Historical and Theoretical Analysis)]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal – Leningrad Law Journal*, 2017, no. 4(50), pp. 106–114. (In Russ.)

Skaridov A.S. *Morskoe pravo: uchebnik* [Marine Law: Textbook]. Moscow: Iurait, 2016. 647 p. (In Russ.)

Tverskaia S.E. *Morskoe pravo: uchebnoe posobie* [Marine Law: Textbook]. Sevastopol: SevNTU Publishing House, 2013. 157 p. (In Russ.)

Vavilin E.V. *Printsip dispozitivnosti kak osnovopolagayushchee nachalo osushchestvleniia grazhdanskikh prav i ikh sudebnoi zashchity* [The Principle of Dispositiveness as the Fundamental Basis for the Exercise of Civil Rights and Their Judicial Protection]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Russia*, 2019, no. 1(45), pp. 96–101. (In Russ.)

Информация об авторе

Коваль В.Н. (Севастополь, Россия) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Севастопольского государственного университета, Заслуженный юрист Украины, Заслуженный юрист Республики Крым (299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33; e-mail: v.n.koval@sevsu.ru).

Information about the author

V.N. Koval (Sevastopol, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Professor, Director, Law Institute, Sevastopol State University, Honored Lawyer of Ukraine, Honored Lawyer of the Republic of Crimea (33 Universitetskaia St., Sevastopol, 299053, Russia; e-mail: v.n.koval@sevsu.ru).

Для цитирования

Коваль В.Н. Особенности рассмотрения дел по исполнению частноправовых договоров в сфере эксплуатации морского транспорта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 301–314. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-301-314

Recommended citation

Koval V.N. *Osobennosti rassmotreniia del po ispolneniiu chastnopravovykh dogovorov v sfere ekspluatatsii morskogo transporta v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Features of the Consideration of Cases on the Execution of Private Law Contracts in the Field of Marine Transport Operation in Civil and Arbitration Proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 301–314. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-301-314

СУДЕБНАЯ КУЛЬТУРА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

М.Н. ЗАРУБИНА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-315-337

В настоящей статье автор обращается к теме судебной культуры в цивилистическом процессе как многогранной научной категории, нуждающейся в терминологической конкретизации и рационально-просветительском подходе. Историческое развитие правосудия, его принципов и институциональной организации стремительно шло по пути демократизации судопроизводственных начал и автономности судебной власти. Деятельность судов априори защищает ценности общества, пропагандирует закон, справедливость и правопорядок. Судебная культура как сегмент правовой культуры выполняет роль регулятора поведения участников судопроизводства и гармонизирует отношения суд-личность. Реализация целей и задач правосудия зависит от многих факторов, в том числе от уровня судебной культуры конкретного суда, в котором происходит разбирательство по делу. Содержание судебной культуры обусловлено предусмотренной государством процессуальной формой и зиждется на трех составляющих: универсальности каждого судебного процесса, нравственном начале судопроизводственной деятельности и полезном результате – понятном и эффективном судебном акте. Изучение поведенческой модели участников процесса и характерные черты ее проявления в зависимости от выбранной тактики, формирование целесообразного профессионально-этического руководства для судей, балансирующих и направляющих свои действия на поиск истины в рамках состязательных начал, речевое и коммуникативное восприятие получаемой юридически значимой информации, воспитательные средства воздействия на правонарушителя – основные содержательные компоненты судебной культуры, имеющей в отличие от других видов правовой культуры исключительно положительный эффект с прицелом на создание атмосферы доверия и уважения к закону и суду.

Ключевые слова: судебная культура; гражданский процесс; состязательность; правонарушение; профессиональная этика.

JUDICIAL CULTURE IN CIVIL PROCEDURE: STATEMENT OF THE PROBLEM AND PROSPECTS OF TRANSFORMATION

M.N. ZARUBINA,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil Procedural Law,
North Western Branch of Russian State University of Justice

In this article, the author addresses the topic of judicial culture in the civil process as a multifaceted scientific category that needs terminological concretization and a rational and educational approach. The historical development of justice, its principles and institutional organization rapidly followed the path of democratization of the judiciary principles and the autonomy of the judiciary. The activities of the courts a priori protect the values of society, promote law, justice and the rule of law. Judicial culture, as a segment of legal culture, acts as a regulator of the behavior of participants in legal proceedings and harmonizes the court-personality relationship. The implementation of the goals and objectives of justice depends on many factors, including the level of judicial culture of a particular court in which the case is being tried. The content of judicial culture is determined by the procedural form provided by the state and is based on three components: the universality of each judicial process, the moral beginning of legal proceedings and a useful result – an understandable and effective judicial act. The study of a typical behavioral model of participants in the process and its characteristic manifestations depending on the chosen tactics, the formation of appropriate professional and ethical guidance for judges who balance and direct their actions to the search for truth within the framework of adversarial principles, verbal and communicative perception of legally significant information received, educational means of influence on offender – the main content components of the judicial culture, which, unlike other types of legal culture, has an extremely positive effect with an eye to creating an atmosphere of trust and respect for the law and the court.

Keywords: judicial culture; civil procedure; competitiveness; offense; professional ethics.

Суд, в известном отношении, есть школа для народа,
из которой, помимо уважения к закону,
должны выноситься уроки служения правде
и уважения к человеческому достоинству.

А.Ф. Кони

1. Введение

Становление правового демократического государства охватывает все сферы человеческой жизни, а особенно те, которые призваны охранять и защищать провозглашаемые ценности и нормы. Смеем полагать, что мораль и право самым тесным образом связаны в тугой узел позитивного мировоззрения в обществе и сублимируются в созидающий контент социально-приемлемых конструкций и механизмов, направленных на защиту прав и интересов как отдельного индивида, так и групп, корпораций, публичных органов власти. Суд как уникальный и исторически организованный институт призван выявлять и устранять деструктивные элементы в обществе, абсолютизировать доминанту справедливости и морали, руководствуясь законом и внутренним убеждением. Как бы ни уходили ученые-правоведы, процессуалисты от темы нравственности при отправлении правосудия, данный вопрос пронизывает красной нитью все судебное пространство. Воспитательное значение судопроизводственной деятельности нельзя недооценивать, однако какой-либо единой и структурированной концепции, которая бы объединяла в себе идейно-мировоззренческую среду взаимодействия суд-личность, по сей день нет. Между тем в дореволюционных и советских трудах встречаются отдельные мысли и представления о необходимости говорить не только о верховенстве права в судебном процессе, но и о морально-этической составляющей как русле реки, дающей направление ее течению. В настоящей статье предпринимается попытка показать значение судебной культуры в цивилистическом процессе, выявляются содержательные компоненты исследуемой категории в различных аспектах распространения на отдельные виды, стадии судопроизводства, обозначаются тенденции сохранения традиционности и потенциальной трансформации в современных условиях развития общества и государства. В этих целях важно начать с исторического анализа появления судебной культуры в российском правосудии.

2. Исторический аспект судебной культуры

Культура судебного процесса, а позднее судебная культура как более обобщающее и структурированное явление возникли не сразу, т.е. не с того самого момента, когда человечество осмыслило необходимость в специальных людях, способных решать чужие споры, разбираться в виновности или невиновности

нарушителей социального порядка. Как верно отмечает Т.С. Коваленко, судебная власть претерпела огромный исторический путь становления от разрозненных и сословных судов (церковный суд, суд общин, князь, бояре и т.д.) до единой, автономной от других публичных органов судебной системы[1]. Подобная разрозненность долгое время способствовала тому, что какого-либо унифицированного порядка отправления правосудия не было, и способы контроля за действием судейских чиновников зависели не столько от законоположения, сколько от степени родства, служебной подчиненности от лиц высшего сословия или статуса.

Некоторые исследователи наблюдают прямую зависимость истоков правовой культуры в государстве от качественного и независимого правосудия, от гуманистического преимущества и нравственно обоснованных судебных решений. Контекст божественного и созидательного начал, предправовой материи выражался в обычаях и традициях конкретного народа, в связи с чем стабильная тенденция к поиску истины в конфликтах перевешивала сухой формализм в достижении результата. С.С. Алексеев видит естественную связь между правом объективным и правом, обретающим смысл, содержание (субъективном праве) при установлении конкретных обстоятельств[2]. Движение от формы к содержанию облекается в культурную трансформацию, придающую ценностный смысл оцениваемого юридически значимого поведения.

В.Г. Ярославцев в своем фундаментальном труде «Нравственное правосудие и судейское правотворчество»[3] затрагивает очень важную веху в становлении правосудия – древнегреческие размышления по поводу того, каким должен быть судья, как устроен суд, что такое закон и правопорядок и т.д. Именно в этот период зародилось четкое представление о судье как о субъекте – творце права. Судить по закону и творить суд – не одно и то же согласно логике античных мыслителей, и в этом заложена социальная природа судебной власти, синтезирующей два начала – публичное и частное, когда благодаря процедурным инструментам учитывается при применении закона воля спорящих сторон, выразившаяся через их состязание и противоборство.

Таким образом, культура как неотъемлемый атрибут правосудия аккумулировалась благодаря выработке идеи о применении разумного, нравственного закона и, как следствие, принятие справедливого судебного решения. Процессуальный порядок должен обеспечивать, а не противодействовать реализации этой задачи, регламентируя последовательность действий всех участников судебного разбира-

---

[1] См.: *Коваленко Т.С.* Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 262.

[2] *Алексеев С.С.* Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: НОРМА, 1999. С. 43.

[3] *Ярославцев В.Г.* Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М.: Юстицинформ, 2007. С. 62.

тельства. Судье отведено особое место в этой цепочке – через поиск истины определять смысл закона, толковать его через призму культурной экстраполяции.

Древние римляне мечтали о свободном суде и придумали сразу несколько принципов и аксиом, оставшихся ориентирами до сих пор. Самым передовым из них стал принцип *aequitas* – принцип равенства всех перед законом и судом. Его реализация, согласно выводам Ю.С. Гамбарова, и есть воплощение справедливости как общего блага, защищаемого судом[1]. Другой исследователь римского права видит такой подход узким и включает в содержание указанного принципа также моральные установки в обществе и социальную политику[2]. Такого же нельзя сказать о третейских судах, у которых приоритетом является устранение спора, гармонизация отношений спорящих сторон. Упрощенность третейского разбирательства, примитивность процедуры рассмотрения спора и зависимость не от закона, а от обоюдного волеизъявления частных лиц означали отстраненность государства от некоторых видов правоотношений. Римляне провозгласили арбитраж вспомогательной юрисдикцией в Кодексе Юстиниана, чьи Дигесты регулировали вопросы назначения арбитров и даже допускали вероятность неисполнения решения в случае, если «третейский судья постановил что-либо нечестное»[3]. Видимо, создатели законов намечали тенденцию сближения разных форм осуществления правосудия, предлагали варианты культурного консенсуса для их использования, что получилось довольно неплохо и остается актуальным и в наши дни.

Культура правосудия стремилась быть независимой от политических и социальных изменений в обществе, однако не всегда так получалось из-за причины давления властных структур и коррупционных нарушений. Незыблемыми оставались принципы и регламент, благодаря которым сохранялись целостность и относительная неприкосновенность судебной власти.

В Российском государстве с принятием христианства огромное влияние имели византийское право и сохранившиеся церковные догмы, правила морали. Именно они повлияли на формирование судебной культуры в ближайшие столетия (например, присяга путем целования креста). В отличие от античных представлений здесь наблюдается непоследовательность, закостенелость в адаптации культурных ценностей к государственной политике, что предопределило низкий уровень упорядочивания судебной деятельности, отсутствие дифференцированных форм и процедур. В обществе отводилась божественная роль судье, что негативно сказалось на восприятии правосудия в целом. Пословицы и поговорки обличали подкуп и обман со стороны судебной власти («Подпись судейская,

---

[1] *Гамбаров Ю.С.* Как не следует понимать справедливость у римских юристов // Русская мысль. 1895. Кн. 12. С. 152–172.

[2] *Покровский И.А.* История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. С. 134–136.

[3] Римские законы о третейском суде. Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана // http://www.bibliotekar.ru/2-8-19-zakony-12-tablic-rimskoe-pravo/87.htm.

а совесть лакейская», «Где суд, там и неправда» и т.д.). Эти факторы, безусловно, не усиливали роль культуры в правосудии, а лишь способствовали принятию ряда пресекательных норм – санкций за недобросовестное поведение. Особенно это прослеживается в Русской Правде – первом кодифицированном источнике права. Известный митрополит Иларион, современник Владимира Мономаха, в своих трудах проповедует правду как воплощение закона, включающего нравственную мотивацию[1], но на деле без установленного порядка происходило самоуправство, сопровождающееся массой недовольных и не доверяющих власти лиц. С другой стороны, этика Православия закоренилась в дореволюционном процессуальном законодательстве вплоть до советского времени, что так или иначе оказывало воспитательное воздействие особенно на низшие сословия, вырабатывая покорность государственной воле.

С появлением письменного процесса (Псковская судная грамота XIV–XV вв.)[2] контроль за действиями судей ужесточался, а их поведение оценивалось и осуждалось повсеместно. В Московских Судебниках 1497 г. и 1550 г.[3] впервые провозглашались принципы производства в судах (например, равенство всех субъектов перед законом), появилась ответственность за судебные ошибки и, в том числе, даже за те, которые возникли вследствие добросовестного заблуждения. Инстанционность добавляла строгости в процесс отправления правосудия, однако отсутствие централизованного судебного органа и юрисдикционной определенности сводило на нет многие положительные тенденции, лишь укрепляя позиции отдельного князя. Важно отметить, что в российском судебном процессе не приживался принцип состязательности при рассмотрении гражданских споров. Розыск был единственным методом установить истину на протяжении еще нескольких столетий за исключением периода судебных реформ 1861 г. Следственный процесс по имущественным спорам предполагал жестокое воздействие на участников, дестабилизируя государственный порядок в целом. Истребление наместничества, перераспределение мзды в казну, а не лично судьям, установление регламента проведения заседаний постепенно формировали имидж суда как социального института. Особенно суд стал востребован в эпоху абсолютизма, когда Петр I старался искоренить религиозные нормы и сделать правосудие светским. В специальном указе 1723 г. «О форме суда» было восстановлено состязательное начало гражданского процесса, а суд проходил по форме, то есть словесно с соблюдением всех необходимых сроков[4]. Однако словесные перепалки,

[1] См.: *Ярославцев В.Г.* Указ. соч. С. 207.

[2] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 321.

[3] См.: *Бабенко В.Н.* Судебная система России: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 69.

[4] См.: *Захаров В.В.* «Суд по форме» как особый порядок российского гражданского судопроизводства в первой половине XIX столетия: нормативная модель и ее практическое осуществление // Ученые записки. 2008. № 2(6). С. 95–104.

формализм в принятии иска уничтожали судебную культуру на корню. В то же время зачатки делопроизводства в судах, которые встречаются в упомянутом документе, безусловно, стали дальнейшей основой будущей гражданской процессуальной формы и сподвигли авторов судебных реформ опираться на общепринятые стандарты.

Еще долго действующее Соборное уложение 1649 г. в гл. X «Суд» акцентировало внимание на нравственном аспекте правосудия: судьи не могли никому мстить, иметь собственный интерес в чьем-либо деле, ничего домысливать за стороны, а выполнять одну единственную функцию – защищать интересы обиженного. Кроме того, предусматривалось обжалование действий судьи, преступившего порог морали, но в тоже время за напрасную клевету челобитчик наказывался «нещадно»[1].

Во второй половине XVIII в. с внедрением сословного принципа формирования судебной власти, с дифференциацией уголовного и гражданского процесса изменилось отношение к пониманию обязанностей судьи, к его самовыражению, профессионализму, специализации. Все вместе – это важные звенья культуры правосудия, поскольку доверие народа не может быть самопроизвольным и не зависеть от внешних и внутренних обстоятельств, изменяющих убежденность масс в авторитете власти.

XIX в. назовем культурным веком правосудия. Появилась плеяда известных ученых – юристов, мыслителей, судей и государственных деятелей, пропагандирующих нравственную сторону гражданского судопроизводства, правильность и обоснованность судейской мысли, рациональное судоустройство. В одном из учебников Е.В. Васьковского встречаются интересные утверждения о несовершенстве закона и специальных качествах судей, способных любые, даже невидимые с первого взгляда, правотворческие дефекты нейтрализовать и защитить нарушенное право. Но для того, чтобы выполнить свою основную функцию, судья должен обладать беспристрастностью и независимостью, а также житейским опытом и авторитетом среди народа[2]. Отделение судейского корпуса от других публичных органов выявило необходимость в системе юридической ответственности судей (гражданская, уголовная и дисциплинарная), которая устанавливалась уставами и применялась в соответствии с особым порядком. Главенствующими факторами внедрения новой культуры в мир правосудия стали формализация и дифференциация производств, внедрение принципов гласности и состязательности, образование адвокатуры как связующего звена между судом и народом. Число обращений в суд стремительно росло, целесообразность проводимых реформ все более ощущалась. Как цитируют известного юриста

---

[1] Соборное уложение 1649 г. // https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_10.

[2] См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1917. С. 18–20.

А.Х. Гольмстена современные процессуалисты: «Гражданский процесс – одна из тех счастливых областей законодательства, которые стоят вдали от всяких политических и социальных веяний, злоб и вожделений»[1]. Однако любая идеализация приводит к разочарованию и краху. В частности, Е.А. Данилова писала о скрытых недостатках местных судов и недовольствах даже самых консервативных слоев населения[2], в связи с чем понадобилось проведение многочисленных контрреформ, штрихующих несовершенства законов и системы правосудия. В любом случае общественность, ученые, юридические институты и факультеты работали очень много в направлении совершенствования законов, написано немало трудов, довольно разнообразных по своим подходам и приоритетам. Бóльшая часть из них опиралась на немецкую классическую философию, ставшую популярной среди правоведов, транслирующих право как механизм обеспечения свободы[3]. Всеобщей заинтересованностью пронизывалась вся эпоха и каждое сословие. Приведем слова Е. А. Нефедьева: «…то, чего не могли достигнуть ни строгие указы, ни ревизии, и что могло казаться лишь недостижимой мечтой, то было достигнуто судебной реформой: как по мановению жезла исчезли прежние пороки нашего судебного дела, и вместо медленного и продажного суда вселился правый и скорый суд, вселивший в обществе уверенность, что честь, имущественные и личные права его членов утверждаются на законах, а не зависят от произвола его исполнителей»[4].

С приходом советской идеологии утратились достижения дореволюционного судопроизводства, на смену пришла жесткая централизация всех ветвей власти при одновременном сохранении их видов, декларировалось беспрекословное исполнение законов во благо социалистического строя. По мнению известного государственного деятеля Д.И. Курского, советский суд был пронизан революционными идеями и устранял инородные элементы, противоестественные пролетарскому коммунистическому праву[5]. Между тем внедрение практически в любую сферу человеческой жизни марксистко-ленинской идеологии, установление границ дозволенного и недозволенного поведения, усложнение теории права выработали новую социально-полезную модель правовой культуры. Девиантное поведение искоренялось и порицалось, даже если это не было прямым нарушением закона. В 1967 г. в постановлении Пленума ВС РФ № 35 «Об улучше-

---

1 Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 68 (автор главы – Е.А. Борисова).

2 *Данилова Е.* Реформа русскага гражданскага процесса. М., 1914. С. 2.

3 См.: *Негодаева Е.Г.* Роль представителей немецкой классической философии (И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Гегеля) в создании особой концептуальной модели гражданского права // Философия права. 2019. № 4(91). С. 27.

4 *Нефедьев Е.А.* Основные начала гражданского судопроизводства. Казань, 1895. С. 2.

5 См.: *Курский Д.И.* Избранные статьи и речи. М.: Госюриздат, 1948. С. 56.

нии организации судебных процессов и повышении культуры их проведения»[1] впервые систематизированы и преданы публичной огласке типичные нарушения судей (плохая подготовка к рассмотрению дела, волокита, упрощенность и непоследовательность в проведении судебного заседания и т.д.). Данный документ актуален и сегодня, а работа над ошибками проводится с переменным успехом. И прежде чем переходить к современному пониманию судебной культуры, стоит разобраться в терминологии и смежных понятиях.

3. Судебная культура и смежные категории

В аспекте изучаемой темы интерес представляет соотношение таких понятий, как правовая культура, судебная культура, культура судебного процесса, профессиональная культура.

В теории права правовая культура как категория занимает центральное место и традиционно определяется как часть общей культуры общества или личности[2]. Будучи ценностным мерилом происходящих в стране событий, правовая культура по своей сути не может быть однородна и субстантивна только лишь потому, что состоит из множества элементов, определяющих уровень правосознания в обществе и различных социальных группах. Государству также важно знать, как отдельная личность воспринимает и оценивает правовую действительность, достаточно ли правовых, социальных, экономических, политических гарантий для соблюдения прав конкретного субъекта. Правовая культура – это связующее звено между государством и обществом, представляет собой знание о правовых установках, ценностях, уровне правосознания каждого отдельного члена, совершающего юридически значимые действия для удовлетворения собственных благ. Без юридической практики и конкретных результатов сложно судить, насколько уровень правовой культуры высок или низок. Более того, через правоприменительную деятельность происходит реализация принципов права, являющихся ценностными ориентирами. Анализ позиций и подходов к определению правовой культуры показал, что практически все они включают правовую деятельность в состав ее элементов. Последние исследования в этой области свидетельствуют о целесообразности, с одной стороны, определять правовую культуру как совокупность правового менталитета, правосознания, правовой деятельности и всей системы правовых актов[3] (т.е. акцентировать внимание на содержании понятия), с другой стороны, обозначать главную функцию категории с перечис-

---

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» // БВС РСФСР. 1967. № 4.

[2] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004.

[3] См.: *Орехова Н.Л.* Соотношение понятий «правовая культура» и «правовой менталитет» // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 1(3). С. 64.

лением практически таких же по содержанию признаков. Например, Н.А. Славова называет правовую культуру определенно-качественным состоянием правовой жизни общества и ценностно-нормативной системой, ориентированной на идеалы, существующие в обществе. Одним из способов ее выражения также называется правоприменительная и правореализационная деятельность[1].

Действительно, в материалах судебной практики часто встречаются объяснения справедливости, гуманизма, законности применительно к конкретным спорам. Так, в одном из определений ВС РФ обозначил необходимость соответствия любых ограничений прав владения, пользования и распоряжения имуществом требованиям справедливости[2]. В другом решении суд пояснил проявление принципа гуманизма в спорных трудовых отношениях, если работодатель представит доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен, а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду[3].

В специальной литературе встречаются разные классификации правовой культуры, но исходя из сказанного нам представляется наиболее рациональным судебную культуру рассматривать как разновидность правовой культуры по нескольким причинам:

1) судебная культура затрагивает конкретную сферу общественных отношений, связанных с отправлением правосудия;

2) ее границы охватывают как внешнюю, так и внутреннюю стороны судебной системы, формируя у общества и отдельной личности единое представление о правовых, организационных и этических основах судебной власти. По данным Высшей квалификационной коллегии судей РФ, за 2020 г. от граждан поступило 11 346 обращений на неправомерные действия судей, а в 2019 г. – 10 858 обращений[4] по вопросам волокиты, несоблюдения отдельных принципов судопроизводства, особенно равноправия сторон, предвзятом отношении к участникам процесса. Увеличение числа жалоб – плохой показатель судебной культуры, свидетельствующий о необходимости искоренять подобные ситуации в будущем, в том числе посредством привлечения судей к дисциплинарной ответственности;

3) в отличие от других видов правовой культуры уровень судебной культуры выявляется, анализируется, повышается с помощью процессуальных и делопро-

---

[1] См.: *Славова Н.А.* Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 54.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 20 апреля 2021 г. № 18-КГ21-5-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 1 июля 2019 г. № 5-КГ19-81 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] http://vkks.ru/publication/82292/

изводственных инструментов. Ведение судебной статистики приводит обычно к прогнозированию и предотвращению потенциальных нарушений, ради чего предпринимаются профилактические меры со стороны судебных департаментов и председателей судов;

4) нормативность и обязательность судебной культуры черпают себя из процессуальной формы и совокупности источников права. Правовая культура основывается на общем понимании зрелости индивида, его отношении к правовым реалиям, и чаще всего не имеет четко выработанных правил и регламента.

В литературе встречаются и другие понятия – «культура судебного процесса»[1], «культура правосудия»[2], «культура судопроизводства»[3], «культура процессуальной деятельности»[4]. Их авторы сосредоточили внимание только на одном виде судебной деятельности, хотя и ключевом, – осуществлении правосудия по гражданским, административным, уголовным делам, создании условий для состязательной и равноправной борьбы, соблюдении судебного этикета на протяжении всего судебного разбирательства. Другие авторы приравнивают культуру судебного процесса и судебную культуру[5]. На наш взгляд, оба варианта не совсем удачны и современны.

В зарубежной специальной литературе встречается много интересных подходов к оценке разницы перечисленных правовых категорий, но один из них заслуживает особого внимания. Д. Кумар пытается создать концептуальную модель соотношения правовой культуры, судебной культуры и культуры суда[6]. Дифференциация опирается на содержательные композиции трех величин: первая относится к исторически сложившемуся отношению к правовой системе в целом, вторая раскрывает все, что связано с культурой устройства судебной системы, а третья обозначает культурную характеристику поведения в рамках осуществления правосудия.

Судебная культура как категория носит междисциплинарный характер[7] и включает в себя не только процессуальный аспект, но и касается всей судебной системы целиком. В противном случае возникает предметное противоречие: незаслуженно

---

1 Информационно-методическое письмо ВАС РФ «Некоторые вопросы организации и культуры судебного процесса // СПС «КонсультантПлюс».

2 См.: *Ликас А.Л.* Культура правосудия. М.: Юрид. лит., 1990.

3 *Панова И.В.* Судопроизводство в контексте российской правовой культуры // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 74–84.

4 *Кобликов А.С.* Юридическая этика: учебник. 3-е изд., изм. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2012. Гл. IX.

5 *Макарова З.В.* Культура судебного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 162.

6 *Kumar D.* The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture // Psychology and Law. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 174.

7 *Баринов П.С.* Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 131.

заостряется внимание только на судопроизводственном компоненте. Между тем данный вид культуры затрагивает сферу коммуникации судебной власти и личности вне рамок судебного процесса, институциональную целостность судебной системы, участие всех судебных органов, аппарата суда, должностных лиц, работников технического и автоматизированной информационной системы обслуживания судов, которые целостно воздействуют на правосознание населения, создавая ценностное представление о духе закона и тех, кто его применяет.

Немаловажное значение, безусловно, имеет профессионализм судей и судейского персонала, что дало основание некоторым ученым рассуждать об особом виде правовой культуры, связанном с конкретной профессией. Компетентностный и этический аспекты профессиональной культуры отличаются набором должностных инструкций и правил поведения и более касаются внутренней деятельности организации, планов относительно повышения квалификации работников, профилактических и организационных совещаний и прочего. Например, как верно пишет О.А. Капустин, требуются постоянное усовершенствование профессиональных компетенций судебных кадров в цифровой среде, обучение по обеспечению сохранности персональных данных, устранению технических проблем, применению технологий искусственного интеллекта[1]. В нашем случае профессиональная культура судейского корпуса может рассматриваться как необходимое условие эффективного функционирования судебной культуры наряду с доступностью правосудия и информационно-коммуникативной средой.

Профессиональная этика судьи – непреложная система правил поведения служителя Фемиды, имеющая свою нормативную основу (Кодекс судейской этики[2], Закон «О статусе судей в Российской Федерации»[3]). Зачастую СМИ публикуют неприглядную информацию о личной жизни отдельных судей, их замешательстве в коррумпированных схемах, прямой заинтересованности в предмете спора и т.д. Все это негативным образом сказывается не только на их репутации, но и на доверии граждан к правосудию. Добросовестность в жизни, на работе, в отношениях с друзьями, коллегами и общественностью, безусловно, косвенно ограничивает свободу человека и запрещает вольное проявление своих чувств, эмоций, но является самых благонадежным качеством профессионала. Формальное отношение к делу следует считать извращенным выражением добросовестности, а дежурная вежливость – это еще не подлинная нравственность, по меткому замечанию Б.И. Пружинина[4]. В профессионализм судьи входит помимо выполнения возложенных трудовых функций и контроль за добросовестным

[1] См.: *Капустин О.А.* Цифровые компетенции как элемент профессиональных статусов судей и работников аппарата суда // Администратор суда. 2021. № 2. С. 18.

[2] Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

[3] Российская газета. 1992. № 170.

[4] *Пружинин Б.И.* Наука как профессия и как феномен культуры // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 8.

поведением аппарата (секретарем судебного заседания и помощником), участников разбирательства, особенно тех, кто в силу своей компетенции и полномочий совершает процессуальные действия (прокуроров, адвокатов, судебных представителей). За невыполнение этой обязанности судья привлекается к дисциплинарной ответственности. Согласно решению Дисциплинарной коллегии ВС РФ от 10 марта 2022 г. № ДК22-17[1] ненадлежащий контроль за ведением делопроизводства работниками аппарата суда, размещением судебных актов на официальном сайте суда в сети «Интернет» с нарушением установленного срока и с искажением даты публикации умаляет авторитет судебной власти и причиняет ущерб репутации судьи.

Доступность правосудия – многогранная тема для обсуждения и дискуссий. В ракурсе судебной культуры, представляется, корректным употреблять этот принцип как условие распространения ценностей правосудия в обществе, придающий истинный смысл конституционным гарантиям прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Тем не менее стоит отметить зависимость содержательной наполняемости данного принципа от политической обстановки в стране и толкования органом конституционного контроля. Например, в соответствии с постановлением КС РФ от 9 ноября 2018 г. № 39-П доступность правосудия включает в себя территориальную и транспортную доступность, технические возможности видеоконференцсвязи, судебные издержки и др.[2] Другая позиция выражает отношение государства к разумным ограничениям доступности правосудия, когда они обусловлены публичными интересами (определение КС РФ от 27 мая 2021 г. № 888-О).

В информационно-коммуникативной среде происходит взращивание и распространение судебной культуры. Согласимся с определением этого понятия, предложенным Д.А. Фурсовой: «синтез онлайн и офлайн сред, в котором основообразующим «веществом» можно считать информацию»[3]. Сегодня информация распространяется с огромной скоростью, и судебной системе очень важно успевать за техническим прогрессом. Мощный рывок в информатизации судопроизводства пришелся на период пандемии в 2019–2020 гг. Получение информации о деятельности судов и судебном заседании, проведение онлайн заседаний, обращение в суд и получение копий материалов дела в системе ГАС Правосудие или через канцелярию, коммуникация с работниками судебных учреждений, направление запросов или внепроцессуальных обращений[4] и получение ответов по ним – все названное

---

[1] https://legalacts.ru/sud/reshenie-distsiplinarnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-10032022-n-dk22-17/

[2] СЗ РФ. 2018. № 47. Ст. 7316.

[3] *Фурсова Д.А.* К проблеме определения понятия «информационно-коммуникативная среда» // Вестник МГУКИ. 2020. № 2(94). С. 165.

[4] Например, в п. 2.2 приказа Судебного департамента при ВС РФ от 20 ноября 2019 г. № 263 «Об утверждении Примерного положения о приемной федерального суда общей юрисдикции и Типо-

и составляет микроклимат судебной власти. Мощнейшим катализатором достижения функций судебной культуры в информационно-коммуникативной среде следует назвать общественный мониторинг судебных процессов[1], позволяющий гражданам принимать участие в отправлении правосудия, проводить анализ работы сайтов судов, фиксировать обнаруженные нарушения. А.В. Разин видит большую пользу в распространении практики принятия решений при привлечении непрофессионалов с тем, чтобы максимально достичь объективности и преодолеть профессиональную ограниченность (деформацию)[2].

4. Функции и содержание судебной культуры в цивилистическом процессе

Проведенное историческое исследование возникновения культурной традиции в правосудии показало следующее:

1) размышления философов по поводу того, какие личностные характеристики должны быть у судьи, чтобы вершить справедливое правосудие, возникли еще задолго до самого суда как независимого и самостоятельного органа государственной власти;

2) древнеримские принципы правосудия – первоисточники судебной культуры – сформировали основное представление о способах поиска правды и стали конвой для будущего процессуального законодательства;

3) в русском праве православные религиозные ритуалы и обряды долгое время определяли правила поведения участников спора в суде;

4) главными причинами низкой судебной культуры стали волокита и взяточничество;

5) краеугольным камнем судопроизводства в России всегда были нравственность и справедливость, а не формальность и архаичность.

Функции современной судебной культуры в цивилистическом процессе прогрессируют с каждым днем и продиктованы целями и задачами судопроизводства, некоторые из них нам представляются наиболее важными:

1. Организационная функция предполагает не хаотичное, а последовательное проявление судебной культуры в различных сферах судебной деятельности, на каждом этапе производства по делу, при использовании сайтов судов, при обще-

---

вого регламента организации деятельности приемной федерального суда общей юрисдикции» говорится о том, что прием граждан осуществляется ежедневно в течение всего рабочего времени суда в порядке очередности // Бюллетень актов по судебной системе. 2020. № 6.

[1] См.: *Зарубина М.Н.* О проблемах активизации защиты общественных интересов в гражданском и административном судопроизводстве: правовой мониторинг // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3(32). С. 43–47.

[2] См.: Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права: монография / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. М.: РГ-Пресс, 2021.

нии с аппаратом суда, в приемной председателя. Данная функция реализуется на трех уровнях: государственном – понятная и слаженная судебная система с выраженной иерархией и простой структурой; уровне конкретного суда – организация рабочего процесса, делопроизводства председателем суда; в рамках судебного заседания председательствующий осуществляет руководство процессом, создает обстановку, благоприятствующую всестороннему и полному рассмотрению дела, привлекает к ответственности правонарушителей.

2. Регулятивная функция означает особое правовое регулирование пропаганды культурных ценностей правосудия, направлений развития судебной системы[1], подробные и удобные инструкции для пользования автоматизированными системами, этические руководства для судей, адвокатов, прокуроров, дискреционные полномочия судей по управлению ходом процесса в отсутствие четких процессуальных правил. Однако встречаются и крайности, парализующие все положительные свойства судебной культуры, – нетактичное поведение судьи, позиционирующего себя как властную личность, не представляющего возможности представителю или стороне по делу обосновать и доложить свою позицию[2].

Включение судебной культуры в предмет правового регулирования процессуальных отраслей права детерминируется положением ст. 75.1 Конституции РФ, которая гласит, что в Российской Федерации должны создаваться условия для взаимного доверия государства и общества. Судебная культура – проводник такого доверия и ее роль в правоприменительной деятельности очевидна.

3. Благодаря стабилизирующей функции судебная культура воздействует на общество, устраняя на пути все помехи и иррациональные элементы, порицаемые в конкретном обществе (коррупцию, недобросовестное поведение сторон, нецензурную лексику[3] и пр.), исправляет отношение каждой отдельной личности к суду и закону, гармонизирует поведение участников судопроизводства.

4. Воспитательная функция напрямую связана с правосознанием населения, заставляет активно участвовать в правовой жизни и получать знания, умения и навыки, способные удовлетворить потребности члена общества правомерным путем. Судебная атрибутика, профессионализм судей, понятные и качественные (структурно-логические) законы культивируют правовой долг и совесть. В судах встречаются также инструкции о правилах пребывания посетителей в судебном учреждении, которые, несмотря на то, что по своей сути носят ознакомительный

---

[1] Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

[2] См.: *Яковлев В.Ф.* Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013.

[3] Информационное письмо комиссии Совета судей Российской Федерации по этике «О недопустимости нарушения требований Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» при изготовлении текстов судебных постановлений // http://ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/44321.

(информационный) характер, предназначены для обеспечения порядка в судебном заседании[1]. Судебная культура проявляется и в негативном аспекте, когда виновное лицо требуется привлечь к процессуальной ответственности. Так, по делу о выселении ответчики более двух раз предупреждались о применении к ним ч. 2 ст. 159 ГПК РФ, однако продолжили нарушать порядок судебного заседания, игнорируя все распоряжения председательствующего и не желая соблюдать регламент суда, вследствие чего были правомерно удалены из зала судебного заседания (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2020 г. № 88-24516/2020).

5. Коммуникативная функция судебной культура выражается в возможности получать юридическую значимую информацию о судах, о ходе судебного разбирательства, о судебных актах, принятых по рассматриваемому делу. Ядром такой коммуникации нужно считать деловое (официальное) общение, когда в установленном порядке, без нарушения сроков заявителю станут известны интересующие его факты. Исследователи коммуникативной теории права углубляют знание о судебной коммуникации полагая, что ее значение состоит в преобразовании правового текста в норму права, подлежащую применению в конкретном деле[2]. Юристы-практики негативно относятся к плагиату в судебных решениях, шаблонным мотивировочным их частям, которые по своему функциональному предназначению должны быть уникальны и написаны для конкретного дела, иначе теряется творческая составляющая процесса, а норма права становится абстрактной и бездушной.

6. Аксиологическая функция судебной культуры воспроизводится в каждом судебном процессе и актах правосудии. Ценности права вырабатывались исторически и закладывались в правовой режим каждого государства. Некоторыми авторами сделано предложение о введении в процессуальное законодательство (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ) морально-нравственных ценностей: гуманность, достоинство личности, справедливость, честь, долг, добросовестность[3]. Оценочные понятия сообразно мерилам, весам правосудия обличают защищаемые ценности, дают свободу судейскому усмотрению. Без них мысль судьи становится пресной и не обогащенной рассуждениями по существу спора, а толкования права как такового не происходит. Обратимся к авторитетному мнению О.А. Папковой, считающей свободу судейского усмотрения достоинством, позволяющим быстро реагировать на меняющиеся социальные условия, ставить в приоритет право над законом[4].

---

[1] Правила пребывания в Московском городском суде // https://mos-gorsud.ru/mgs/rules.

[2] См.: *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 110.

[3] См.: *Макарейко Н.В., Липинский Д.А.* Проблемы установления пределов процессуальной ответственности // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 1. С. 107–118.

[4] *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М.: Статут, 2005.

На основании вышеизложенного под судебной культурой следует понимать осуществляемую судебной системой государства и отдельным судьей деятельность по формированию нравственно-правовых ценностей в обществе с использованием инструментов, разрешенных законом. В зависимости от сферы, в которой происходит взаимодействие суд-личность, набор инструментов различается. Соответственно судебная культура имеет свои особенности в цивилистическом, уголовном, административном процессе, в делопроизводстве, но зачастую носит междисциплинарный характер.

В содержание судебной культуры в цивилистическом процессе входят, на наш взгляд, следующие компоненты:

– изучение поведенческой модели участников процесса и характерные черты ее проявления в зависимости от выбранной тактики с дальнейшей перспективой оценки и регулирования. Личность обращается в суд с уже сформированным правосознанием, правовыми установками, приобретенными как в течение всей своей социальной жизни, так и скороспело от своего представителя, от знакомых, близких людей, из Интернета в связи с возникшим конфликтом. Задача суда состоит в том, чтобы выявить в таком поведении отклонения и повлиять, исправить или хотя бы нейтрализовать их, а также определить дальнейший план судебного процесса: пресечь злоупотребления, применив меры процессуальный ответственности (защиты), обозначить готовность сторон к примирению, выбрать активную позицию при установлении юридически значимых фактов в случае установления недостоверности, противоречивости имеющихся в деле доказательств, вынести частные определения и т.д. В последнее время встречаются работы о юридической этологии – изучении поведения людей в обычной и конфликтной (агрессивной) среде[1]. Возможно, имеющиеся у данной науки методики помогут сблизить право с нравственностью и моралью, сделав сам по себе судебный процесс приобретенной ценностью человека;

– формирование целесообразного профессионально-этического руководства для судей, балансирующих и направляющих свои действия на поиск истины в рамках состязательных начал. Данный компонент судебной культуры вытекает из предыдущего и внутренне обогащает его, так как связан с поведением самого судьи, надлежащей подготовкой к судебному процессу, опрятному внешнему виду, спокойным восприятием получаемой информации и умением быть гибким, последовательным в своих действиях, грамотно и органично координируя работу с аппаратом суда;

– речевое и коммуникативное восприятие получаемой юридически значимой информации. Как уже было сказано выше, качественная судебная коммуникация – важный показатель судебной культуры. Обмен информацией про-

[1] См.: *Меликян М.А.* Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. Вып. 1–2 (13–14). С. 118–133.

исходит несколькими способами – устно, письменно и в электронном виде. Во исполнение принципа гласности судопроизводства речь судьи и вопросы должны быть понятны, логичны, конструктивны и ориентированы на создание условий состязательности. Филологи называют речевое поведение судьи способом реализации власти, влияющим на общую ситуацию в зале суда и меняющуюся в зависимости от изменений ситуации, вызванных речевым поведением других участников[1]. Письменная форма коммуникации происходит путем принятия правильных, законных и справедливых судебных актов. С.А. Курочкин вводит такое требование к судебному решению, как эффективность, что заслуживает особого внимания, поскольку под ним автор понимает акт правосудия, имеющий перспективное действие на волю и сознание субъектов общественных отношений[2]. Эффективное судебное решение основывается не только на нормах права, но и на интересах сторон, чем дважды усиливает культурную составляющую правосудия и олицетворяет диалог с судебной властью по поводу авторитетного мнения о рассмотренных требованиях;

– воспитательные средства воздействия на правонарушителя выражают отношение государства к виновному поведению участника судопроизводства. К сожалению, в процессуальном законодательстве недостаточно уделено вниманию этой задаче правосудия, особенно в гражданском процессе, в связи с чем возникает множество вопросов. В нашем представлении воспитательный эффект правосудия возможен только благодаря тщательной организации судебного процесса, включая техническое обеспечение и быстрое исправление неполадок, ограничение всяческого рода злоупотреблений, озвучивание наказания виновного в процессуальном нарушении лица и объяснение причин примененных мер воздействия, устное разъяснение мотивов вынесения судебного решения сразу же после оглашения резолютивной части.

5. Заключение

Представленная на обсуждение тема требует дальнейшего изучения и анализа. Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о влиянии искусственного интеллекта на функциональность судебной культуры, внедрении новых средств воздействия на правосознание человека. Модернизация процессуальных конструкций неизбежна, и требуется полноценное изучение правовой реальности для увеличения значения культуры в цивилистическом процессе, в том числе с учетом особенностей социально значимых категорий дел.

---

[1] См.: *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2010. С. 11.

[2] См.: *Курочкин С.А.* Эффективное судебное решение // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 64–88.

Список использованной литературы

Алексеев С.С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: НОРМА, 1999. 329 с.

Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2007. 263 с.

Баринов П.С. Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 129–133.

Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1917. 429 с.

Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. 544 с.

Гамбаров Ю.С. Как не следует понимать справедливость у римских юристов // Русская мысль. 1895. Кн. 12. С. 152–172.

Данилова Е. Реформа русского гражданского процесса. М., 1914. 15 с.

Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. … докт. филол. наук. Саратов, 2010. 41 с.

Зарубина М.Н. О проблемах активизации защиты общественных интересов в гражданском и административном судопроизводстве: правовой мониторинг // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3(32). С. 43–47.

Захаров В.В. «Суд по форме» как особый порядок российского гражданского судопроизводства в первой половине XIX столетия: нормативная модель и ее практическое осуществление // Ученые записки. 2008. № 2(6). С. 95–104.

Капустин О.А. Цифровые компетенции как элемент профессиональных статусов судей и работников аппарата суда // Администратор суда. 2021. № 2. С. 17–20.

Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник. 3-е изд., изм. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2012. 165 с.

Коваленко Т.С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 259–262.

Курочкин С.А. Эффективное судебное решение // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 64–88.

Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Госюриздат, 1948. 330 с.

Ликас А.Л. Культура правосудия. М.: Юрид. лит., 1990. 176 с.

Макарейко Н.В., Липинский Д.А. Проблемы установления пределов процессуальной ответственности // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 1. С. 107–118.

Макарова З.В. Культура судебного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 158–162.

Меликян М.А. Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. Вып. 1–2 (13–14). С. 118–133.

Негодаева Е.Г. Роль представителей немецкой классической философии (И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Гегеля) в создании особой концептуальной модели гражданского права // Философия права. 2019. № 4(91). С. 24–29.

Нефедьев Е.А. Основные начала гражданского судопроизводства. Казань, 1895. 50 с.

Орехова Н.Л. Соотношение понятий «правовая культура» и «правовой менталитет» // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 1(3). С. 58–65.

Панова И.В. Судопроизводство в контексте российской правовой культуры // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 74–84.

Папкова О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 411 с.

Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. 560 с.

Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУ, 2017. 468 с.

Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права: монография / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. М.: РГ-Пресс, 2021. 408 с.

Пружинин Б.И. Наука как профессия и как феномен культуры // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 5–9.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.

Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 48–55.

Фурсова Д.А. К проблеме определения понятия «информационно-коммуникативная среда» // Вестник МГУКИ. 2020. № 2(94). С. 163–168.

Яковлев В.Ф. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013. 976 с.

Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М.: Юстицинформ, 2007. 304 с.

Kumar D. The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture // Psychology and Law. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 169–179.

References

Alekseev S.S. *Filosofiia prava: istoriia i sovremennost'. Problemy. Tendentsii. Perspektivy* [Philosophy of Law: History and Modernity. Problems. Trends. Prospects]. Moscow: NORMA, 1999. 329 p. (In Russ.)

Artemov V.M., Rybakov O.Iu. (eds.). *Professiona'naia etika i nravstvennaia filosofiia: sblizhenie v paradigme ochelovechivaniia prava* [Professional Ethics and Moral Philosophy: Convergence in the Paradigm of the Humanization of Law]. Moscow: RG-Press, 2021. 408 p. (In Russ.)

Babenko V.N. *Sudebnaia sistema Rossii: istoriia i sovremennost'* [Judicial System of Russia: History and Modernity]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2007. 264 p. (In Russ.)

Barinov P.S. *Kategorii iuridicheskoi nauki i praktiki: poniatie, klassifikatsiia i prednaznachenie* [Categories of Legal Science and Practice: Concept, Classification and Purpose]. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn' – Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 4, pp. 129–133. (In Russ.)

Borisova E.A. (ed.). *Velikaia reforma: K 150-letiiu Sudebnykh ustavov: v 2 t. T. 1: Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The Great Reform: To the 150th Anniversary of Judicial Charters. In 2 vols. Vol. 1: Charter of Civil Procedure]. Moscow: Iustitsinform, 2014. 544 p. (In Russ.)

Danilova E. *Reforma russkogo grazhdanskogo protsessa* [Reform of Russian Civil Procedure]. Moscow, 1914. 15 p. (In Russ.)

Dubrovskaia T.V. *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Judicial Discourse: Speech Behavior of a Judge: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Philological Sciences]. Saratov, 2010. 41 p. (In Russ.)

Fursova D.A. *K probleme opredeleniia poniatiia «informatsionno-kommunikativnaia sreda»* [On the Problem of Defining the Concept of "Information and Communication Environment"]. *Vestnik MGUKI – Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2020, no. 2(94), pp. 163–168. (In Russ.)

Gambarov Iu.S. *Kak ne sleduet ponimat' spravedlivost' u rimskikh iuristov* [How Justice Should Not Be Understood by Roman Lawyers]. *Russkaia mysl' – Russian Thought*, 1895, book 12, pp. 152–172. (In Russ.)

Iakovlev V.F. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3: Arbitrazhnye sudy: stanovlenie i razvitie* [Selected Works. In 3 vols. Vol. 3: Arbitration Courts: Formation and Development]. Moscow: Statut, 2012. 976 p. (In Russ.)

Ianin V.L. (ed.). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols. Vol. 1: Legislation of Ancient Russia]. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1984. 430 p. (In Russ.)

Iaroslavtsev V.G. *Nravstvennoe pravosudie i sudeiskoe pravotvorchestvo* [Moral Justice and Judicial Lawmaking]. Moscow: Iustitsinform, 2007. 304 p. (In Russ.)

Kapustin O.A. *Tsifrovye kompetentsii kak element professional'nykh statusov sudei i rabotnikov apparata suda* [Digital Competences as an Element of Professional Statuses of Judges and Court Staff]. *Administrator suda – Court Administrator*, 2021, no. 2, pp. 17–20. (In Russ.)

Koblikov A.S. *Iuridicheskaia etika: uchebnik dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti «Iurisprudentsiia»* [Legal Ethics: Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in the Specialty "Jurisprudence"]. 3rd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2012. 165 p. (In Russ.)

Kovalenko T.S. *Istoricheskii put' zarozhdeniia, stanovleniia i razvitiia sudebnoi vlasti v Rossii* [The Historical Path of the Origin, Formation and Development of the Judiciary in Russia]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova – Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University*, 2016, no. 5, pp. 259–262. (In Russ.)

Kumar D. The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture. *Psychology and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 169–179.

Kurochkin S.A. *Effektivnoe sudebnoe reshenie* [An Effective Judicial Decision]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 3, pp. 64–88. (In Russ.)

Kurskii D.I. *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected Articles and Speeches]. Moscow: Gosiurizdat, 1958. 330 p. (In Russ.)

Likas A.L. *Kul'tura pravosudiia* [The Culture of Justice]. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1990. 176 p. (In Russ.)

Makareiko N.V., Lipinskii D.A. *Problemy ustanovleniia predelov protsessual'noi otvetstvennosti* [Problems of Establishing the Limits of Procedural Responsibility]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 107–118. (In Russ.)

Makarova Z.V. *Kul'tura sudebnogo protsessa* [Culture of the Judicial Process]. *Sudebnaia vlast' i ugolovnyi protsess – Judicial Power and Criminal Procedure*, 2017, no. 4, pp. 158–162. (In Russ.)

Melikian M.A. *Etologiia global'nogo cheloveka* [Ethology of the Global Human]. *Noosfernye issledovaniia – Noospheric Research*, 2016, issue 1–2 (13–14), pp. 118–133. (In Russ.)

Nefediev E.A. *Osnovnye nachala grazhdanskago sudoproizvodstva* [Fundamentals of Civil Litigation]. Kazan, 1895. 50 p. (In Russ.)

Negodaeva E.G. *Rol' predstavitelei nemetskoi klassicheskoi filosofii (I. Kanta, I.G. Fikhte, F. Gegelia) v sozdanii osoboi kontseptual'noi modeli grazhdanskogo prava* [The Role of Representatives of German Classical Philosophy (I. Kant, I.G. Fichte, F. Hegel) in Creating a Special Conceptual Model of Civil Law]. *Filosofiia prava – Philosophy of Law*, 2019, no. 4 (91), pp. 24–29. (In Russ.)

Orekhova N.L. *Sootnoshenie poniatii «pravovaia kul'tura» i «pravovoi mentalitet»* [Correlation Between the Concepts of "Legal Culture" and "Legal Mentality"]. *Teoreticheskaia i prikladnaia iurisprudentsiia – Theoretical and Applied Jurisprudence*, 2020, no. 1(3), pp. 58–65. (In Russ.)

Panova I.V. *Sudoproizvodstvo v kontekste rossiiskoi pravovoi kul'tury* [Litigation in the Context of Russian Legal Culture]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2012, no. 1, pp. 74–84. (In Russ.)

Papkova O.A. *Usmotrenie suda* [The Discretion of the Court]. Moscow: Statut, 2005. 411 p. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Istoriia rimskogo prava* [History of Roman Law]. St. Petersburg: Publishing House "Letnii sad". 1998. 560 p. (In Russ.)

Poliakov A.V., Timoshina E.V. *Obshchaia teoriia prava: uchebnik* [General Theory of Law: Textbook]. 3rd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2017. 468 p. (In Russ.)

Pruzhinin B.I. *Nauka kak professiia i kak fenomen kul'tury* [Science as a Profession and as a Phenomenon of Culture]. *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*, 2019, no. 8, pp. 5–9. (In Russ.)

Slavova N.A. *Pravovaia kul'tura: poniatie i funktsii* [Legal Culture: Concept and Functions]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Bulletin of V.N. Tatishchev Volga University*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 48–55. (In Russ.)

Vaskovskii E.V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure]. Moscow: Bashmakovy Brothers Publ., 1917. 429 p. (In Russ.)

Zakharov V.V. «*Sud po forme» kak osobyi poriadok rossiiskogo grazhdanskogo sudoproizvodstva v pervoi polovine XIX stoletiia: normativnaia model i ee prakticheskoe osushchestvlenie* ["Court by Form" as a Special Order of Russian Civil Proceedings in the First Half of the 19th Century: Normative Model and its Practical Implementation]. *Uchenye zapiski – Academic Notes*, 2008, no. 2(6), pp. 95–104. (In Russ.)

Zarubina M.N. *O problemakh aktivizatsii zashchity obshchestvennykh interesov v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: pravovoi monitoring* [On the Problems of Activating the Protection of Public Interests in Civil and Administrative Proceedings: Legal Monitoring]. *Monitoring pravoprimeneniia – Law Enforcement Monitoring*, 2019, no. 3(32), pp. 43–47. (In Russ.)

Информация об авторе

Зарубина М.Н. (Санкт-Петербург, Россия) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5; e-mail: 17mz84@mail.ru).

Information about the author

M.N. Zarubina (Saint Petersburg, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil Procedural Law, North Western Branch of Russian State University of Justice (5 Alexandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russia; e-mail: 17mz84@mail.ru).

Для цитирования

Зарубина М.Н. Судебная культура в цивилистическом процессе: постановка проблемы и перспективы трансформации // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 315–337. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-315-337

Recommended citation

Zarubina M.N. *Sudebnaia kul'tura v tsivilisticheskom protsesse: postanovka problemy i perspektivy transformatsii* [Judicial Culture in Civil Procedure: Statement of the Problem and Prospects of Transformation]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 315–337. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-315-337

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

М.Р. ЗАГИДУЛЛИН,

доктор юридических наук, доцент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

А.А. ФАХРУТДИНОВ,

аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-338-351

В статье обоснована необходимость выделения процесса несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в отдельную категорию, рассмотрены некоторые юридические аспекты и особенности несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных предприятий, предусмотренные в § 3 гл. IX Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», также проведен анализ проблем практического применения отдельных положений вышеуказанного Закона, устанавливающих критерии отнесения юридических лиц к сельскохозяйственным организациям, признаков и особенностей процедур их банкротства. С целью дальнейшего улучшения процедур несостоятельности (банкротства) были предложены варианты решения этих вопросов.

Ключевые слова: несостоятельность; банкротство; сельскохозяйственная организация; должники; наблюдение; финансовое оздоровление; внешнее управление; конкурсное производство.

TOPICAL PROBLEMS OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS

M.R. ZAGIDULLIN,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure, Law Faculty,
Kazan (Volga Region) Federal University

A.A. FAKHRUTDINOV,

Postgraduate Student, Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure,
Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University

The article explains the necessity to distinguish insolvency (bankruptcy) procedures of agricultural organizations from similar procedures of other legal entities, deals with some legal aspects and features of insolvency (bankruptcy) of agricultural organizations reflected in paragraph 3, Chapter IX, of the Federal Law of 26 October 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" and looks at problems of practical application of certain provisions of the Law which establish criteria for classification of legal entities as agricultural organizations and features of their bankruptcy due to certain specifics of agricultural production. In order to reduce the number of errors and omissions in the process of insolvency (bankruptcy) of agricultural organizations new proposals have been put forward with a view of improving existing legislation.

Keywords: insolvency; bankruptcy; agricultural organization; debtors; supervision; financial improvement; external management; bankruptcy procedure.

Благополучие и безопасность населения страны напрямую зависят от эффективной деятельности предприятий и организаций в стратегических отраслях экономики. Сельское хозяйство является одним из основных элементов экономики и выступает важным базисом всей системы национальной безопасности России в связи с тем, что удовлетворяет жизненно важную потребность человека и всей окружающей его экосистемы в продовольствии.

По данным Всемирной продовольственной программы ООН, кризисы, вызванные климатическими потрясениями, конфликтами и экономическим давлением, увеличили число голодающих людей во всем мире с 282 млн до 345 млн только за первые месяцы 2022 г.[1] В 2020 г. здоровое питание не могли позво-

[1] ВПП: срочные меры необходимы для предотвращения рекордного по своим масштабам голода // https://news.un.org/ru/story/2022/10/1433417.

лить себе почти 3,1 млрд человек, что на 112 млн больше, чем в 2019 г.[1] Подобное состояние дел с обеспечением продовольствием не способствует стабильности в мире, приводит к массовой миграции, вооруженным конфликтам за ресурсы и иным социальным потрясениям. С целью предотвращения указанных последствий в ноябре 2022 г. Президент РФ Владимир Путин и глава Минсельхоза РФ Дмитрий Патрушев озвучили готовность России четыре месяца безвозмездно поставлять беднейшим странам до 500 тыс. тонн зерновых[2].

Согласно предварительным данным Росстата производство сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации по итогам 2022 г. составило 8850,9 млрд руб.[3] с долей сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства 4,3% в общем объеме валового внутреннего продукта России[4]. Сравнительный анализ прошлых лет указывает на относительно стабильный и на первый взгляд незначительный процент, который занимает сельское хозяйство в общем объеме валового внутреннего продукта страны. Однако ранее приведенные цифры о голодающих говорят о существенной роли сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности. Подобное мнение разделяют и другие исследователи вопросов банкротства сельскохозяйственных организаций. В частности, О.А. Рущицкая и О.Е. Рущицкая указывают, что «развитие сельских территорий, сельскохозяйственных организаций заключается в первую очередь в сохранении территориальной целостности государства и политической стабильности в стране. А крепкая и динамично развивающаяся экономика села – это залог сохранения продовольственной безопасности страны»[5].

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года[6] в качестве основных задач по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, указываются: 1) снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, связанных с возможностью использования формальных поводов для ее остановки,

---

1 https://www.who.int/ru/news/item/06-07-2022-un-report--global-hunger-numbers-rose-to-as-many-as-828-million-in-2021

2 Путин заявил о готовности в любом случае поставлять зерно беднейшим странам // https://ria.ru/20221102/zerno-1828732989.html.

3 Росстат. Продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах (предварительные данные, значение показателя за год) // https://lk.agropoliya.ru/analytics/digest/promejutochnoe-podvedenie-itogov-raboti-otrasley-jivotnovodstva-rastenievodstva-mehanizatsii-finansovo-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-2022-godu#_ftnref1.

4 Росстат. О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 году // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/55_07-04-2023.html.

5 *Рущицкая О.А., Рущицкая О.Е.* Социальные аспекты несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Аграрный вестник Урала. 2014. № 8(126). С. 101–104.

6 Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Гарант».

а также недопущение избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности; 2) профилактика, предупреждение и предотвращение рейдерских захватов, иных преступных и противоправных действий в хозяйственно-финансовой сфере; 3) предотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности.

В 2022 г. количество корпоративных банкротств снизилось на 12,2% по сравнению с 2021 г. и составило 9055, число наблюдений также снизилось на 39%, до 5227. При этом следует отметить, что с 1 апреля по 1 октября 2022 г. действовал мораторий на подачу кредиторами заявлений о банкротстве всех лиц за исключением застройщиков. Однако после завершения моратория значительного всплеска числа банкротств юридических лиц не произошло, в 4 квартале 2022 г. несостоятельными были признаны 1828 компаний (уменьшение на 37,2% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.)[1]. В 2022 г. общее количество банкротств (заявленных конкурсных производств) юридических лиц в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства составило 260 и снизилось на 33,8% по сравнению с 2021 г.[2] Таким образом, в 2022 г. доля сельскохозяйственных предприятий в общей массе объявленных несостоятельными юридических лиц составила 2,87%.

Различные аспекты несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в разное время были предметом исследования таких ученых, как Е.П. Будалин[3], В.А. Власов[4], М.В. Елизаров[5], Л.А. Лысенко[6], Г.А. Мантул[7], В.Н. Ткачев[8]

---

1 Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса // https://fedresurs.ru/news/d569ceb1-1f1a-44dd-bec2-e11c8eb5ddac.

2 Банкротства по отраслям (таб. 7). Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса // https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%202022.pdf.

3 *Будалин Е.П.* Правовые проблемы регулирования несостоятельности в России (в аспекте сельскохозяйственных организаций и иных отдельных категорий должников): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

4 *Власов В.А.* О противоречивости правового регулирования категории «сельскохозяйственный товаропроизводитель» // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 128–134.

5 *Елизаров М.В.* Особенности банкротства некоторых отдельных категорий юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

6 *Лысенко Л.А.* Проблемы несостоятельности (банкротства) субъектов предпринимательства сферы сельскохозяйственного производства по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

7 *Мантул Г.А.* Особенности осуществления права собственности юридическими лицами при применении к ним процедур банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

8 *Ткачев В.Н.* Теоретические и практические проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) особых категорий субъектов конкурсного права: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.

и А.А. Туркина[1]. Однако многие из указанных работ были написаны более 10 лет назад или затрагивают отдельные аспекты банкротства сельскохозяйственных организаций. В связи с этим теоретико-практические исследования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций с учетом существующего санкционного давления представляются весьма актуальными.

Принятый в 2002 г. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2] отдельно регулирует процедуру банкротства некоторых категорий должников – юридических лиц, в перечне которых присутствуют сельскохозяйственные организации. Федеральный закон № 127-ФЗ уделяет банкротству сельскохозяйственных организаций три небольшие статьи. Ознакомление с текстом статей дает основание утверждать о потенциальной возможности усовершенствования процедуры несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций.

Некоторые вопросы, связанные с несостоятельностью сельскохозяйственных организаций, регулируются нормами иных нормативных актов. Банкротству сельскохозяйственных кооперативов посвящены п. 4–6 ст. 42 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»[3], а финансовому оздоровлению сельскохозяйственных товаропроизводителей посвящен Федеральный закон от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей»[4]. Нормативная регламентация вышеуказанных законов преследует цель установить: в первом случае – особенности деятельности органов сельскохозяйственных кооперативов в случае возникновения установленных законодательством признаков несостоятельности (банкротства) кооператива, а во втором – правовые основы и условия реструктуризации долгов сельскохозяйственных товаропроизводителей в целях улучшения их финансового состояния до применения процедур банкротства.

В Федеральном законе № 127-ФЗ сельскохозяйственные организации понимаются в узком смысле. В российском законодательстве предусмотрено схожее с «сельскохозяйственной организацией» понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель»[5,6], однако эти два понятия также имеют существенные различия. Сельскохозяйственными товаропроизводителями могут выступать

---

1 *Туркина А.А.* Институт несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных товаропроизводителей в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

2 СПС «КонсультантПлюс».

3 СПС «КонсультантПлюс».

4 СПС «КонсультантПлюс».

5 Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ст. 346.2) // СПС «КонсультантПлюс».

6 Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СПС «КонсультантПлюс».

не только юридические лица, а также физические лица, ведущие личное подсобное хозяйство или зарегистрированные в качестве главы крестьянского (фермерского) хозяйства, сельскохозяйственные производственные и потребительские кооперативы. Изучив понятия «сельскохозяйственная организация» и «сельскохозяйственный товаропроизводитель», выявляется необходимость их четкого отграничения друг от друга.

Согласно п. 1 ст. 177 Федерального закона № 127-ФЗ сельскохозяйственными организациями, на которые распространяются особенности банкротства, могут являться исключительно юридические лица, в качестве основных видов деятельности которых выступают производство либо производство вместе с переработкой сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой составляет не менее чем 50% общей суммы выручки такого юридического лица. В соответствии с п. 2 указанной статьи к сельскохозяйственным организациям также относятся рыболовецкие артели (колхозы), выручка которых от реализации произведенной или произведенной и переработанной сельскохозяйственной продукции и уловов водных биологических ресурсов составляет не менее чем 70% общей суммы их выручки. Таким образом, законодатель исключает отнесение к сельскохозяйственным организациям юридических лиц, занимающихся исключительно переработкой сельскохозяйственной продукции: мясокомбинатов, молокозаводов, ликеро-водочных предприятий, сахарных заводов и других предприятий.

Для определения необходимости включения в понятие «сельскохозяйственная организация» юридических лиц, занимающихся исключительно переработкой сельскохозяйственной продукции, обратим внимание на то, что целью выделения процедуры несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в отдельную категорию в рамках Федерального закона № 127-ФЗ является обеспечение продовольственной безопасности страны путем проведения процедур несостоятельности (банкротства) с минимально возможным снижением выпуска продуктов питания. С этой позиции различия между переработчиками и производителями сельскохозяйственной продукции отсутствуют, так как указанные категории занимаются обеспечением населения продуктами питания.

Возможно также рассмотреть вопрос о включении в понятие «сельскохозяйственная организация» юридических лиц, занимающихся реализацией и сбытом продуктов питания (магазины, супермаркеты, оптовые базы, рынки). На наш взгляд, в этом нет необходимости, так как для обеспечения населения продуктами питания ключевым фактором является их наличие, а не возможность доставки.

В п. 1 ст. 177 Федерального закона № 127-ФЗ понятие «выручка» является одним из основополагающих критериев отнесения юридического лица к сельскохозяйственной организации. При определении выручки организации необходимо учитывать период, в течение которого производится расчет. Как правило,

выручка рассчитывается за месяц, квартал, год или несколько лет. Соотношение выручки от сельскохозяйственной деятельности к общей выручке организации может значительно меняться в зависимости от учитываемого периода. Например, выручка юридического лица от реализации сельскохозяйственной продукции может быть менее 50% в II квартале календарного года во время сбора урожая и превышать 50% в III квартале при реализации выращенной сельскохозяйственной продукции. На основе анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что арбитражные суды самостоятельно и не единообразно определяют указанный период времени[1]. Мы считаем, что вопрос об определении расчетной единицы времени при исчислении процента выручки от сельскохозяйственной деятельности для отнесения юридического лица к сельскохозяйственной организации требует проработки.

Также следует разделить мнение О.В. Ждановой[2], М.Д. Ковальчука и С.В. Тычинина[3], которые утверждают, что специфика предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве должна быть связана с использованием земель сельскохозяйственного назначения в качестве основного средства производства.

Важным элементом банкротства сельскохозяйственных организаций является определение признаков их несостоятельности. В п. 5 и 6 ст. 177 Федерального закона № 127-ФЗ в качестве таковых указаны размер требований, составляющих в совокупности сумму не менее 500 тыс. руб., и просрочка их исполнения не менее чем на три календарных месяца.

Вышеуказанные значения вероятнее всего не менялись с момента их введения Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»[4] и, на наш взгляд, не соответствуют сегодняшней ситуации в сельскохозяйственной отрасли. В качестве сравнения отметим, что такие же параметры установлены в п. 2 ст. 213.3 Федерального закона № 127-ФЗ в отношении банкротства физических лиц. Для подтверждения несоразмерности установленных значений следует указать на то, что очень часто текущие расходы сельскохозяйственной организации многократно превышают указанную сумму. К примеру, капитальный ремонт популярного среди сельхозтоваропроизводителей колесного трактора Беларус

---

1 Определение АС Ярославской области по делу № А82-10679/2019; постановления АС Северо-Кавказского округа по делу № А61-170/2008, 10 ААС по делу № А41-62895/22.

2 *Жданова О.В.* Банкротство сельскохозяйственных предприятий: актуальные проблемы современности // Вестник АПК Ставрополья. 2011. № 2(2). С. 65–67.

3 *Ковальчук М.Д., Тычинин С.В.* К вопросу о несовершенстве правового регулирования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в России // Эпомен. 2020. № 40. С. 201–207.

4 Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»».

1221.2, год выпуска: 2011, составляет около 800 тыс. руб.[1] Как правило, количество таких тракторов в одной сельскохозяйственной организации исчисляется десятками единиц. Например, в процессе рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве) № А65-8603/2019 сельскохозяйственной организации ООО «Агрофирма «Кулон» было установлено, что в собственности у предприятия имелось 120 различных транспортных средств, в том числе пять колесных тракторов одной марки[2]. В связи с большой продолжительностью цикла растениеводства в России (как правило, с осени предыдущего года по осень текущего года) и сложностью точного прогнозирования расходов возникает высокая вероятность сезонных неплатежей среди сельскохозяйственных организаций до сбора и реализации урожая.

При рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) сельскохозяйственных организаций общие процедуры наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управление и конкурсного производства подлежат применению с учетом особенностей, установленных § 3 гл. IX Федерального закона № 127-ФЗ. Законодатель стремился учесть таким образом зависимость сельскохозяйственной деятельности в области производства и переработки сельскохозяйственной продукции от природно-климатических условий и сезонности.

В ходе процедуры наблюдения временный управляющий составляет план внешнего управления с обоснованием возможности восстановления платежеспособности сельскохозяйственной организации в том числе за счет будущих доходов от ее деятельности. Однако составить относительно точный прогноз доходов и платежеспособности сельскохозяйственной организации является проблематичным, так как доходность существенно зависит от системных проблем сельского хозяйства: неурожаи, падеж скота, снижение закупочных цен на произведенную сельскохозяйственную продукцию при одновременном повышении цен на удобрения и энергоносители.

На наш взгляд, стоит отдельно обратить внимание на вопросы, которые возникают в процедурах несостоятельности (банкротства) занимающихся животноводством организаций. В ходе их проведения необходимо учитывать связанные с кормлением и уходом за животными ежедневные расходы, источники финансирования по которым прямо не предусмотрены в Федеральном законе № 127-ФЗ. В связи с этим арбитражные управляющие в сжатые сроки вынуждены принимать решения о сохранении и последующей продаже животных в живом виде либо их продаже на убой.

С одной стороны, кредиторы, вероятнее всего, будут заинтересованы в быстрой реализации животных путем их продажи на мясо, особенно в слу-

---

[1] Архив ЗАО «Кулон» за 2022 г. Смета на ремонт трактора колесного Беларус 1221.2, 2011 год выпуска, заводской номер № Е12002062, регистр знак 1977 АМ16.

[2] Определение АС Республики Татарстан от 17 июня 2021 г. по делу № А65-8603/2019.

чаях отсутствия средств на содержание. С другой стороны, интересы общества требуют серьезно задуматься о социальных и экономических последствиях принятия такого решения кредиторами. Значительная часть жителей населенного пункта часто являются работниками одного животноводческого предприятия. Некоторые авторы[1] ссылаются на то, что в случае продажи животных на убой и ликвидации должника-работодателя многие сотрудники потеряют и не сумеют быстро найти новую работу.

В качестве примера можно также рассмотреть ситуацию, при которой сдача значительного количества дойных коров на мясо в ходе процедур несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций приведет к снижению производства и росту цен на молоко. Важно отметить, что на восстановление дойного стада понадобится большое количество времени и значительные финансовые вложения. Например, стоимость одной племенной коровы сычевской породы составляет 148 тыс. руб.[2] В случае репродукции дойного стада из племенных животных с момента рождения телки до ее становления в качестве дойной коровы проходит около 18 месяцев.

Учет вышеперечисленных факторов представляет для арбитражного управляющего сложную задачу, в особенности если он не является специалистом в области сельского хозяйства и плохо знаком со спецификой региона, в котором находится сельскохозяйственная организация – должник, на что обращают внимание отдельные исследователи[3].

В этой связи хотелось бы отметить, что риск ухудшения финансового состояния сельскохозяйственной отрасли может быть снижен путем возмещения сельскохозяйственным организациям части их затрат на уплату страховой премии по договорам сельскохозяйственного страхования, предусмотренными Федеральным законом от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» и Федеральным законом от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»[4]. Статья 3 последнего из указанных законов предусматривает возмещение государством расходов на страхование в размере от 50 до 80% страховой премии или суммы, рассчитанной как произведение страховой суммы, указанной в договоре сельскохозяйственного страхования, и предельного размера ставки для расчета размера субсидии по такому объекту сельскохозяйственного страхования и событию на период с 2021 по 2025 г.

---

[1] *Рущицкая О.А., Рущицкая О.Е.* Указ. соч.

[2] Архив ООО «Кулон Агро». Товарная накладная № 14 от 28 октября 2021 г.

[3] *Ковальчук М.Д., Тычинин С.В.* Указ. соч.

[4] СПС «КонсультантПлюс».

Специфика сельскохозяйственной деятельности также учитывается в процедурах финансового оздоровления и внешнего управления сельскохозяйственных организаций путем увеличения сроков проведения процедур. Указанная особенность предусмотрена п. 2 и 3 ст. 178 Федерального закона № 127-ФЗ.

При определении срока финансового оздоровления сельскохозяйственной организации учитываются сроки окончания периода сельскохозяйственных работ и время, которое необходимо для реализации произведенной или произведенной и переработанной сельскохозяйственной продукции. Существует также возможность продлить срок финансового оздоровления на год в случае ухудшения финансового состояния сельскохозяйственной организации в результате стихийных бедствий, эпизоотий или иных чрезвычайных обстоятельств.

Аналогичные нормы применяются при определении сроков процедуры внешнего управления. При этом следует отметить, что законом допускается превышение срока внешнего управления относительно установленного совокупного двухлетнего срока финансового оздоровления и внешнего управления на срок не более трех месяцев, а продление срока внешнего управления на год возможно также при наличии оснований для оказания государственной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям, предусмотренных ст. 8 Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»».

По нашему мнению, указанные нормы права не в полной мере могут гарантировать достижение цели максимального сохранения целостности сельскохозяйственного бизнеса в ходе процедур финансового оздоровления и внешнего управления. Увеличение сроков процедуры финансового оздоровления требует обязательного согласования с кредиторами сельскохозяйственной организации-должника путем внесения соответствующих изменений в график погашения задолженности. Наиболее вероятной представляется ситуация, при которой интересы кредиторов и сельскохозяйственной организации-должника по продлению сроков проведения процедуры финансового оздоровления не совпадут, так как в первую очередь кредиторы заинтересованы вернуть предоставленные должнику средства в максимально короткие сроки. На наш взгляд, указанные нормы права не дают серьезных дополнительных возможностей сельскохозяйственным организациям для исполнения своих обязательств перед кредиторами.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

На сегодняшний день обеспечение населения продовольствием становится одной из ключевых проблем, оказывающих дестабилизирующее воздействие на современное общество. В связи с этим в процессе законотворческой деятельности в отношении несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций приоритетным является стратегический общественный интерес в обеспечении продовольственной безопасности.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что практически единственным источником правового регулирования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций являются статьи § 3 «Банкротство сельскохозяйственных организаций» гл. IX Федерального закона № 127-ФЗ.

Считаем целесообразным сформулировать следующее определение «сельскохозяйственной организации»: юридическое лицо, основными видами деятельности которого является производство, *переработка* или производство и переработка сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой составляет не менее чем 50% от общей суммы выручки *за последние три календарных года*. На наш взгляд, логичным выглядит принять за расчетную единицу времени три календарных года. В соответствии с ч. 1 ст. 6 и ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ юридические лица обязаны составлять годовую бухгалтерскую (финансовую) отчетность. При этом расчет среднего значения выручки за последние три календарных года даст возможность получить более объективное представление о наличии сельскохозяйственной направленности в деятельности сельскохозяйственной организации.

Обоснованным будет также установление размера выручки *не менее 50%* от общей суммы выручки за последние три календарных года в отношении рыболовецких артелей (колхозов), так как указанная величина свидетельствует о существовании сельскохозяйственной направленности в деятельности юридического лица.

С целью защиты интересов общества в обеспечении экономической и продовольственной безопасности государства считаем целесообразным выдвинуть условие о наличии высшего образования и опыта работы в сельскохозяйственной сфере арбитражных управляющих, привлекаемых для проведения процедур несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций.

Для соблюдения разумного баланса интересов сельскохозяйственной организации, ее кредиторов и общества считаем нужным определить в ст. 178 Федерального закона № 127-ФЗ перечень исключительных случаев, при которых продление сроков процедур финансового оздоровления и внешнего управления возможно вне зависимости от волеизъявления кредиторов сельскохозяйственной организации.

Список использованной литературы

Будалин Е.П. Правовые проблемы регулирования несостоятельности в России (в аспекте сельскохозяйственных организаций и иных отдельных категорий должников): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 190 с.

Власов В.А. О противоречивости правового регулирования категории «сельскохозяйственный товаропроизводитель» // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 128–134.

Елизаров М.В. Особенности банкротства некоторых отдельных категорий юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 253 с.

Жданова О.В. Банкротство сельскохозяйственных предприятий: актуальные проблемы современности // Вестник АПК Ставрополья. 2011. № 2(2). С. 65–67.

Ковальчук М.Д., Тычинин С.В. К вопросу о несовершенстве правового регулирования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в России // Эпомен. 2020. № 40. С. 201–207.

Лысенко Л.А. Проблемы несостоятельности (банкротства) субъектов предпринимательства сферы сельскохозяйственного производства по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 175 с.

Мантул Г.А. Особенности осуществления права собственности юридическими лицами при применении к ним процедур банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 207 с.

Рущицкая О.А., Рущицкая О.Е. Социальные аспекты несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Аграрный вестник Урала. 2014. № 8(126). С. 101–104.

Ткачев В.Н. Теоретические и практические проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) особых категорий субъектов конкурсного права: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 429 с.

Туркина А.А. Институт несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных товаропроизводителей в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 215 с.

References

Budalin E.P. *Pravovye problemy regulirovaniia nesostoiatel'nosti v Rossii (v aspekte sel'skohoziaistvennykh organizatsii i inykh otdel'nykh kategorii dolzhnikov): dis. … kand. iurid. nauk* [Legal Problems of Insolvency Regulation in Russia (Aspects of Agricultural Organizations and Other Certain Categories of Debtors): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2001. 190 p. (In Russ.)

Elizarov M.V. *Osobennosti bankrotstva nekotorykh otdel'nykh kategorii iuridicheskikh lits: dis. … kand. iurid. nauk* [Peculiarities of Bankruptcy of Some Separate Categories of Legal Entities: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Vladivostok, 2002. 253 p. (In Russ.)

Kovalchuk M.D., Tychinin S.V. *K voprosu o nesovershenstve pravovogo regulirovaniia nesostoiatel'nosti (bankrotstva) sel'skokhoziaistvennykh organizatsii v Rossii* [On the Imperfection of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) of Agricultural Organizations in Russia]. *Epomen – Epomen*, 2020, no. 40, pp. 201–207. (In Russ.)

Lysenko L.A. *Problemy nesostoiatel'nosti (bankrotstva) sub"ektov predprinimatel'stva sfery sel'skohoziaistvennogo proizvodstva po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: dis. … kand. iurid. nauk* [Problems of Insolvency (Bankruptcy) of Business Entities in the

Sphere of Agricultural Production Under the Legislation of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Rostov-on-Don, 2003. 175 p. (In Russ.)

Mantul G.A. *Osobennosti osushchestvleniia prava sobstvennosti iuridicheskimi litsami pri primenenii k nim protsedur bankrotstva: dis. … kand. iurid. nauk* [Peculiarities of Exercising the Right of Ownership by Legal Entities When Bankruptcy Procedures Are Applied to Them: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Krasnodar, 2006. 207 p. (In Russ.)

Rushchitskaia O.A., Rushchitskaia O.E. *Sotsial'nye aspekty nesostoiatel'nosti sel'skohoziaistvennykh predpriiatii* [Social Aspects of Insolvency of Agricultural Enterprises]. *Agrarnyi vestnik Urala – Agricultural Bulletin of the Urals*, 2014, no. 8(126), pp. 101–104. (In Russ.)

Tkachev V.N. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravovogo regulirovaniia nesostoiatel'nosti (bankrotstva) osobykh kategorii sub"ektov konkursnogo prava: dis. … dokt. iurid. nauk* [Theoretical and Practical Problems of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) of Special Categories of Subjects of Bankruptcy Law: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Moscow, 2008. 429 p. (In Russ.)

Turkina A.A. *Institut nesostoiatel'nosti (bankrotstva) sel'skohoziaistvennykh tovaroproizvoditelei v rossiiskom prave: dis. … kand. iurid. nauk* [Institute of Insolvency (Bankruptcy) of Agricultural Commodity Producers in Russian Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2003. 215 p. (In Russ.)

Vlasov V.A. *O protivorechivosti pravovogo regulirovaniia kategorii «sel'skohoziaistvennyi tovaroproizvoditel'»* [On the Inconsistency of Legal Regulation of the Category of "Agricultural Commodity Producer"]. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn' – Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 2, pp. 128–134. (In Russ.)

Zhdanova O.V. *Bankrotstvo sel'skohoziaistvennykh predpriiatii: aktual'nye problemy sovremennosti* [Bankruptcy of Agricultural Enterprises: Urgent Problems of Our Time]. *Vestnik APK Stavropol'ia – Agricultural Bulletin of the Stavropol Region*, 2011, no. 2(2), pp. 65–67. (In Russ.)

Информация об авторах

Загидуллин М.Р. (Казань, Россия) – доктор юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: Zagidullin.mr@yandex.ru).

Фахрутдинов А.А. (Казань, Россия) – аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: aidarf1979@mail.ru).

Information about the authors

M.R. Zagidullin (Kazan, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure, Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia; e-mail: Zagidullin.mr@yandex.ru).

A.A. Fakhrutdinov (Kazan, Russia) – Postgraduate Student, Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure, Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia; e-mail: aidarf1979@mail.ru).

Для цитирования

Загидуллин М.Р., Фахрутдинов А.А. Актуальные проблемы несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 5. С. 338–351. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-338-351

Recommended citation

Zagidullin M.R., Fakhrutdinov A.A. *Aktual'nye problemy nesostoiatel'nosti (bankrotstva) sel'skokhoziaistvennykh organizatsii* [Topical Problems of Insolvency (Bankruptcy) of Agricultural Organizations]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 338–351. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-338-351

PERSONALIA

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК КУЗЬМЫ ИВАНОВИЧА КОМИССАРОВА

100 YEARS FROM THE BIRTH OF DOCTOR OF LEGAL SCIENCES KUZMA IVANOVICH KOMISSAROV

Кузьма Иванович Комиссаров родился 26 октября 1923 г. в д. Сикияз-Тамак Саткинского района Челябинской области.

В феврале 1942 г. был призван в ряды Красной Армии. С 18 марта 1942 г. служил в 1096-м артполку РГК, с 10 июня 1944 г. – в 141-й пушечно-артиллерийской Новгородской бригаде во 2-м дивизионе. В начале 1943 г. 1096-й артполк РГК придан Волховскому фронту, принимал участие в прорыве блокады города-героя Ленинграда. Днем и ночью артиллерийский разведчик К.И. Комиссаров засекал огневые точки противника на переднем крае и в глубине обороны, наносил полученные сведения на крупномасштабные карты. Благодаря умелой корректировке огня Комиссаровым артиллеристы-снайперы действовали весьма успешно – изо дня в день, нанося противнику непоправимый урон. При прорыве вражеской обороны под Ленинградом и Новгородом в январе–марте 1944 г. 59-я армия Волховского фронта наступала на главном направлении. 6-му стрелковому корпусу этой армии была придана 141-я пушечно-артиллерийская бригада РГВК. Самыми дорогими наградами за войну, которую закончил красноармеец К.И. Комиссаров в Прибалтике, были для него медаль «За оборону Ленинграда» и Орден Красной Звезды. Их артиллеристу К.И. Комиссарову вручил лично начальник артиллерии Волховского фронта генерал Г.Е. Дегтярев.

Уже после окончания войны, в конце 1940-х гг., Кузьма Иванович Комиссаров окончил правовую школу, а в 1951 г. – Свердловский юридический институт.

В 1962 г. в диссертационном совете при Всесоюзном институте юридических наук К.И. Комиссаров защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Полномочия суда второй инстанции в советском гражданском процессе».

В 1971 г. в диссертационном совете при Свердловском юридическом институте К.И. Комиссаров защищает диссертацию на соискание ученой степени док-

тора юридических наук на тему «Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства».

В 1951–1962 гг. К.И. Комиссаров являлся членом Свердловского областного суда. С 1963 г. К.И. Комиссаров занимал должность исполняющего обязанности доцента кафедры гражданского процесса Свердловского юридического института. С 1964 г. К.И. Комиссаров занимал должность доцента, а с 1972 г. – профессора кафедры гражданского процесса Свердловского юридического института. Постоянно являлся членом диссертационных советов по защите докторских диссертаций при СЮИ – УрГЮА.

В 1976–1977 гг. К.И. Комиссаров занимал должность декана судебно-прокурорского факультета Свердловского юридического института. Доктор юридических наук, профессор К.И. Комиссаров является автором нескольких монографий, ответственным редактором и соавтором учебников по гражданскому и арбитражному процессу и многих межвузовских сборников научных трудов Свердловского юридического института. Всего он опубликовал более 200 научных работ. Кузьма Иванович Комиссаров имел почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Основные направления научной деятельности: гражданский процесс; проблемы судебного усмотрения; правоприменительная деятельность в гражданском процессе; проблемы гражданского процессуального правоотношения; производства по пересмотру судебных актов.

Доктор юридических наук, профессор Кузьма Иванович Комиссаров скончался на 86-м году жизни 30 апреля 2009 г. Похоронен в г. Екатеринбурге.

Основные научные труды:

Арбитраж в СССР: учебник / авт. кол.: В.П. Воложанин, А.Ф. Козлов, К.И. Комиссаров и др.; отв. ред. К.С. Юдельсон. М.: Юрид. лит., 1984.

Гражданский процесс: учебник для вузов / отв. ред. Ю.К. Осипов. М.: БЕК, 1995.

Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1971.

Организация работы районного (городского) народного суда: учебное пособие / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1977.

Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1961.

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА АВДЮКОВА

100 YEARS FROM THE BIRTH OF DOCTOR OF LEGAL SCIENCES MIKHAIL GRIGORIEVICH AVDYUKOV

Родился 30 декабря 1923 г. в с. Полховский Майдан Вознесенского района Горьковской области. Родители – Григорий Алексеевич и Елизавета Павловна работали в колхозе и занимались художественным промыслом: вытачивали и расписывали деревянные игрушки. Григорий Алексеевич был известным плотником и столяром, организатором местного художественного промысла. В семье было пятеро детей. Михаил Григорьевич с 1-го по 7-й класс учился в сельской школе, а с 8-го по 10-й класс – в г. Вознесенске. В июне 1941 г. окончил среднюю школу г. Вознесенска с аттестатом отличника.

13 января 1942 г. был призван в Советскую Армию и зачислен курсантом в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. По окончании военного училища в сентябре 1942 г. ему было присвоено воинское звание – лейтенант и он был направлен в 125-й пушечный артиллерийский полк. С декабря 1942 г. в должности командира взвода управления батареи участвовал в боях на Брянском и Центральном фронтах. 20 июля 1943 г. в боях на Орловско-Курской дуге был тяжело ранен в ноги и находился на излечении в эвакогоспитале до 22 октября 1943 г. По выздоровлении два месяца был в резерве, после чего была направлен в 13-й отдельный гвардейский воздушно-десантный истребительно-противотанковый дивизион 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии на должность начальника разведки дивизиона. С января по август 1944 г. участвовал в боях на 2-м Украинском фронте. В июне 1944 г. был награжден Орденом Красной Звезды. 30 августа 1944 г. в Румынии при уничтожении Ясско-Кишиневской вражеской группировки получил тяжелое ранение в левую руку, в результате которого рука была ампутирована. В ноябре 1944 г. был демобилизован из Советской Армии в звании лейтенанта и возвратился на родину.

В 1945 г. поступил на юридический факультет МГУ и в 1950 г. окончил его с отличием, был рекомендован в аспирантуру. Кандидатскую диссертацию на тему «Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе» защитил в 1954 г. под научным руководством А.Ф. Клейнмана. В 1970 г. защитил

докторскую диссертацию на тему «Принцип законности в гражданском судопроизводстве». В декабре 1962 г. Михаил Григорьевич был утвержден в ученом звании доцента. Он преподавал на дневном и вечернем отделениях факультета, читал курс гражданского процесса, спецкурсы «нотариат», «арбитраж».

Скончался 4 июня 1975 г.

Основные научные труды:

Виды судопроизводства в советском гражданском процессуальном праве // Вестник МГУ. 1956. № 2.

Исполнение судебных решений. М.: Госюриздат, 1960.

Нотариат в СССР: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

Обращение в суд по гражданским делам. М.: Госюриздат, 1962.

Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959.

90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ТРИФОНОВИЧА АРАПОВА

90 YEARS FROM THE BIRTH OF NIKOLAY TRIFONOVICH ARAPOV

Николай Трифонович Арапов родился 10 октября 1933 г. в с. Вороново Петуховского сельского совета Томского района Томской области. Свой выбор профессии он объяснял впечатлениями от прочитанной книги «Защита поручена Ульянову», повествующей о работе В.И. Ленина адвокатом-поверенным в г. Самаре, в которой раскрывались важные для профессии принципы совести и справедливости, служению которым он посвятил свою жизнь.

В 1959 г. окончил юридический факультет Томского государственного университета. По направлению Министерства юстиции РСФСР работал в качестве ревизора Томского областного суда по нотариату, народным судьей Туганского районного народного суда Томской области. Несмотря на успешную практическую работу, Николай Трифонович решил посвятить себя юридической науке.

В 1961 г. поступил на очное отделение аспирантуры Саратовского юридического института. В 1965 г. под руководством доктора юридических наук, профессора Н.Б. Зейдера защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Встречный иск в советском гражданском процессе».

В 1964–1968 гг. работал на юридическом факультете Томского государственного университета, в 1967–1968 гг. – в Омской высшей школе милиции МВД СССР в качестве начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин, в период с 1968 по 1991 г. преподавал в Калининградском государственном университете. В 1984 г. в г. Ленинграде вышел его главный научный труд – «Проблемы теории и практики правосудия по гражданским делам».

В 1991 г. Николаю Трифоновичу Арапову присвоено звание профессора по кафедре гражданского права и процесса.

В 1993 г. Николай Трифонович по приглашению ректора С.И. Худяева стал первым деканом юридического факультета Сыктывкарского госуниверситета. Профессор Арапов очень просто объяснял свой выбор. В начале 1990-х гг. во многих академических вузах страны стали открываться юридические факуль-

теты, которые активно приглашали известных в Советском Союзе профессоров на работу, и Николаю Трифоновичу было интересно поучаствовать в становлении новой юридической школы, а Сыктывкар выбрал по соображениям климата, похожего на его родную Сибирь. Основные научные интересы Н.Т. Арапова связаны с проблемами отправления правосудия по гражданским делам, вопросами теории и практики гражданского судопроизводства.

Помимо научной деятельности Н.Т. Арапов занимался и практической деятельностью: принимал участие в работе Конституционного совещания 1993 г., избирался в состав Комитета конституционного надзора Республики Коми, квалификационной коллегии судей Республики Коми, а также комиссии по вопросам помилования Республики Коми.

Кандидат юридических наук, профессор Н.Т. Арапов награжден почетным званием «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Основные научные труды:

Встречный иск в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1965.

Гражданский процесс БССР. Минск: Вышэйшая школа, 1982.

Некоторые вопросы гражданского судопроизводства в свете новейших изменений и дополнений в ГПК РСФСР. 2002.

Некоторые проблемы судебно-правовой реформы в проекте Концепции государственной политики по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти. 2001. (в соавторстве)

Проблемы теории и практики правосудия по гражданским делам. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.

75 ЛЕТ ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ЕВГЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ ТРЕЩЕВОЙ

75 YEARS ANNIVERSARY TO DOCTOR OF LEGAL SCIENCES EVGENIA ALEKSANDROVNA TRESHCHEVA

Е.А. Трещева родилась 26 октября 1948 г. в г. Балаково Саратовской области в семье служащих. В 1966 г. окончила среднюю школу № 68 г. Самары и поступила на электротехнический факультет Куйбышевского политехнического института, где обучалась по 1969 г., однако впоследствии приняла решение связать свою жизнь с юриспруденцией. С 1970 по 1975 г. училась на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета.

С 1976 г. по настоящее время работает на родном юридическом факультете, где прошла путь от старшего лаборанта и ассистента до заведующей кафедрой гражданского права и процесса (с 1989 г.), а затем заведующей кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, профессора этой же кафедры. Аспирантскую подготовку проходила в университете Ростова-на Дону по специальности 12.00.04 (хозяйственное право, арбитражный процесс). Кандидатскую диссертацию подготовила под научным руководством доцента Евгения Ивановича Филиппова на тему «Проблемы представительства в арбитражном процессе», которую успешно защитила в 1983 г. в Институте государства и права Академии наук СССР. Ученое звание доцента присвоено в 1986 г. В 2009 г. состоялась защита докторской диссертации на тему «Субъекты арбитражного процесса» в Институте государства и права РАН. Ученое звание профессора присвоено в 2010 г.

Читает лекционные курсы по гражданскому процессуальному праву и арбитражному процессу. Является руководителем научно-исследовательской работы кафедры по теме «Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности. Судебная защита прав граждан и организаций». Под ее научным руководством подготовили и защитили диссертации более 15 кандидатов юридических наук и 1 доктор юридических наук.

Имеет более 50 опубликованных научных работ, среди них следует отметить следующие: «Компетенция арбитражного суда первой инстанции как обязательного субъекта арбитражных процессуальных отношений» (2006 г.); «Виды

гражданского судопроизводства» (в соавторстве, 2006 г.); «Правовое положение и особенности участия в арбитражном процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора» (2007 г.); «Процессуальные формы защиты публичных прав в Российской Федерации: учебное пособие» (в соавторстве, 2018 г.); «Защита гражданских прав в России: учебное пособие» (в соавторстве, 2018 г.). Монографическое исследование в двух частях «Субъекты арбитражного процесса» вышло в свет в 2006–2007 гг.

Екатерина Александровна является членом экзаменационной комиссии при квалификационной коллегии судей Самарской области. Совместно с сотрудниками кафедры дает множество заключений по запросам правоохранительных органов, органов государственного управления, муниципальной власти. Имеет звание «Почетный работник высшего образования Российской Федерации».

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ СТАТЕЙ

Приглашаем к сотрудничеству авторов из России и зарубежных стран.

К публикации принимаются статьи, посвященные фундаментальным проблемам гражданского и арбитражного процесса, а также исполнительного производства, третейского производства, медиации и нотариата. Содержание статей должно характеризовать авторский и академический подход, развивающий доктрину цивилистического процесса.

Объем статьи: 1–3 печатных листа (40000–120000 знаков, включая пробелы). Основной текст: шрифт Times New Roman 14, интервал 1,5; сноски: шрифт Times New Roman 12, интервал 1,0, сноски оформляются постранично. Формат файла .doc (для Microsoft Word 2003–2007).

К статье прилагаются аннотация (минимальный объем: 150 слов), в которой должна быть раскрыта основная мысль статьи; ключевые слова (минимальное количество: 5).

Название статьи, аннотация и ключевые слова должны быть переведены на английский язык.

Сведения об авторе представляются в виде отдельного файла, указываются фамилия, имя, отчество автора полностью, место работы (учебы), должность, контактный телефон, адрес для почтовых отправлений и e-mail.

Контактный e-mail: **avtor.vgpr@gmail.com**

REQUIREMENTS TO THE AUTHOR'S ARTICLES

We invite for cooperation authors from Russia and foreign countries.

Accepted materials for publication: articles on the fundamental issues of civil and arbitration procedure, as well as enforcement proceedings, commercial procedure, mediation and notary. The content of articles should describe the author's and academic approach and develop doctrine of civil procedure.

The volume of article (wordage): printed pages 1–3 (40000–120000 characters including spaces).

Main text: font Times New Roman 14, spacing 1,5; footnotes: Times New Roman font 12, 1,0 spacing, footnotes are issued by page; file format. doc (for Microsoft Word 2003–2007).

There must be an abstract attached to the article (not less than 150 words), which must be disclosed to the basic idea of the article; key words (not less than 5 words).

Information about the author must be presented in a separate file, contained of surname and name of the author, place of work (study), title, telephone number, postal address and e-mail.

Translation from English to Russian is made by Editor's office and it is free of charge for the authors.

Contact e-mail: **avtor.vgpr@gmail.com**

ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Ознакомиться с условиями публикации авторских материалов
и оформить подписку на журнал вы можете на сайте

www.civpro.org

Стоимость годовой подписки в редакции на 2023 г. – 7200 р.

Стоимость одного номера – 1200 р.

Отдел подписки: тел. **+7(495) 649-18-06**; e-mail: **mvgp@mvgp.org**

Интернет-каталог «Почта России» – П2212
Подписной индекс агентства «Урал-Пресс» – 90988

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 70x100 1/16. Объем 22,6 п. л.
Цена свободная. Заказ №

Наш адрес: 119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
тел.: +7 (495) 649-18-06

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н.

ISSN 2226-0781

9 772226 078200